

РОССИЯ:
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
в середине XIX — начале XX века

Очерки

МОСКВА — 2003

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

**РОССИЯ:
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
в середине XIX – начале XX века**

Очерки

МОСКВА – 2003

Проблема выявления взаимосвязей между разработкой военных и военно-морских программ России, их материальным обеспечением и изменениями в системе ее международных отношений во второй половине XIX — начале XX в. сравнительно слабо отражена в историографии, как отечественной, так и зарубежной. Авторы «Очерков» стремились восполнить этот пробел.

Замысел раскрывается в серии очерков, в каждом из которых объективно значимая проблема внешней политики России рассматривается сквозь призму взглядов, представлений и действий государственных и военных лидеров. Перед читателем — ключевые фигуры: военные министры Д.А.Милютин, А.Н.Куропаткин, В.А.Сухомлинов; морской министр Н.К.Григорович; председатель Совета министров П.А.Столыпин; начальник Главного штаба Н.Н.Обручев; главнокомандующий Юго-Западным фронтом, а затем верховный главнокомандующий А.А.Брусиллов.

Книга адресована специалистам-историкам и всем интересующимся проблемами международных отношений и военной истории.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *И.С.Рыбаченок* (отв. ред.),

доктор исторических наук *Л.Г.Захарова*,

доктор исторических наук *А.В.Игнатьев*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Положение любой державы в системе межгосударственных отношений определяется рядом факторов, среди которых бесспорно значимыми являются: ее экономическая мощь, военно-политический потенциал, умение правящих верхов строить внешнюю политику государства с учетом внутренних условий и международных реалий, уровень профессионализма политических и военных лидеров. Российское великодержавие традиционно зиждилось преимущественно на военно-силовом факторе, хотя в конце XIX — начале XX в. заметно выросло в этом плане значение экономического потенциала.

С последней трети XIX в. обострилась борьба великих держав за гегемонию в Европе и в мире. При этом параллельно протекали два процесса: наращивание военного могущества соперничающих держав и их стремление разрешать возникающие противоречия как соглашениями по конкретным вопросам, так и созданием военно-политических союзов. В борьбу великих держав за решение вопросов мировой политики была включена и Россия. После сравнительно краткого периода соглашений с Германией и Австро-Венгрией Россия нашла устойчивую опору европейской политике в союзе с Францией, который противостоял Тройственному союзу, создавал известное равновесие сил. Русско-французский союз постепенно трансформировался в Тройственное соглашение Англии, Франции и России. В отношениях между союзниками и партнерами наряду с дипломатическими договоренностями важнейшую роль играли военные обязательства.

Россия, принадлежавшая к числу первоклассных великих держав, обладала самой многочисленной армией и сравнительно большим флотом. Однако нерешенные внутрисполитические проблемы, противоречия между ведомствами, причастными к выработке и обеспечению внешнеполитических решений — МИД, Военным и Морским министерствами, хронические финансовые трудности, личные амбиции государственных деятелей существенным образом влияли на состояние вооруженных сил империи. Ее военный потенциал по многим параметрам не соответствовал как великодержавным интересам, которые правящие верхи России отстаивали на международной арене, так и уровню развития вооруженных сил основных соперников.

В коллективной монографии «Российская дипломатия в портретах» (М., Международные отношения, 1992 г.), написанной сотрудниками Центра ИРИ РАН «Россия в международных отношениях»,

важнейшие события внешнеполитической истории Российской империи XVIII – начала XX в. показаны сквозь призму взглядов и деятельности крупных российских дипломатов. Эта работа выявила необходимость осветить этапные события во внешней политике Российской империи с учетом того военного потенциала, на который могла опираться дипломатия при разрешения противоречий и конфликтов на международной арене.

Авторы «Очерков» стремились выявить взаимосвязи между изменениями в системе международных отношений России во второй половине XIX – начале XX в., разработкой ее военных и военно-морских программ и их материальным обеспечением. Эта сторона вопроса сравнительно слабо отражена в историографии, как зарубежной, так и отечественной.

Замысел раскрывается в серии очерков, в каждом из которых объективно значимая проблема внешней политики России рассматривается сквозь призму взглядов, представлений и действий государственных и военных лидеров. При этом выявляется та роль, зачастую весьма значительная, которую играл субъективно-личностный фактор в принятии ответственных военно-политических решений в высших эшелонах власти Российской империи. Подбор героев очерков не случаен. Перед читателем предстают ключевые фигуры: военные министры Д.А.Милютин, А.Н.Куропаткин, В.А.Сухомлинов; морской министр И.К.Григорович; председатель Совета министров П.А.Столыпин; начальник Главного штаба Н.Н.Обручев; главнокомандующий Юго-Западным фронтом, а затем верховный главнокомандующий А.А.Брусилов. Особое место среди них занимает генерал Д.Г.Щербачев, представлявший не Российское государство, как все остальные, а «белые» правительства А.В.Колчака и А.И.Деникина, но именно «белое» движение претендовало на роль преемника царского и Временного правительств.

«Очерки» во многом основаны на впервые вводимом в научный оборот материале из отечественных и зарубежных архивов. Это материалы из личных фондов Д.А.Милютина (ОР РГБ), А.Н.Куропаткина (РГВИА), А.А.Брусилова (ГА РФ), многочисленные записки Н.Н.Обручева (АВПРИ), документы из архива Стэнфордского университета США и другие. Авторами являются сотрудники Института российской истории РАН, ученые из МГУ им. М.В.Ломоносова, Института военной истории Министерства обороны.

Редколлегия выражает искреннюю признательность к.б.н. В.А.Демидову за подготовку компьютерной версии иллюстративно-го ряда.

**«Все наше государственное устройство требует
коренной реформы снизу доверху»**

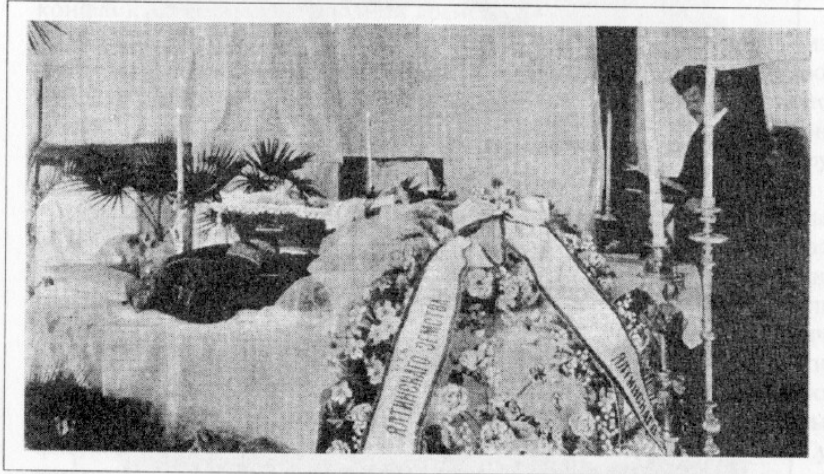
Д.А.МИЛЮТИН: ВОЕННЫЙ МИНИСТР И РЕФОРМАТОР*

И друзья и враги согласны с тем, что в лице графа Д.А.Милютин Россия имела просвещенного военного министра и разностороннего государственного человека выдающегося дарования, опытности, изумительного трудолюбия, редкой чистоты и идеального бескорыстия.

Гр. Джаншиев

Дмитрий Алексеевич Милютин — личность значительная и уникальная. Военный историк, профессор, генерал, военный министр Александра II в течение 20 лет, один из главных деятелей Великих реформ 1860-1870-х гг. в России, Д.А.Милютин оставил в истории неизгладимый след. Прожив долгую и деятельную жизнь (1816-1912), полную неустанных и самоотверженных трудов на государственном, научном, общественном поприще он был свидетелем и участником многих исторических событий и в определенной степени повлиял на них. Решающие победы в Кавказской войне в конце 50-х гг., проведение военных реформ 60-70-х гг., война с Турцией и взятие Плевны, предрешившее ее победоносный исход, внешняя и внутренняя политика самодержавия в последние годы царствования Александра II — во всем проявлялась его личная роль. Не стремление к власти и карьере, а высоко понятое чувство гражданского долга и горячая любовь к родине, желание видеть Россию свободной и могучей руководили его действиями в политике и в жизни. Понимая естественный интерес грядущих поколений к этим событиям переломного в истории России времени, «для ограждения собственной своей нравственной ответственности пред судом истории»¹ он взялся за перо мемуариста и оставил дневники и воспоминания, охватывающие почти весь XIX в., которым нет цены. Это мемуарное наследие, как и богатейший личный фонд Д.А.Милютин, связанного с вы-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 98-01-004а; 01-01-00321а.

Фельдмаршал Д.А.Милютин на смертном одре

дающимися и интересными людьми своего времени, помогают понять и оценить его как государственного деятеля и человека.

* * *

Дмитрий Алексеевич Милютин родился 28 июня 1816 г. в Москве, в небогатой дворянской семье. Не только он сам, но и два его брата были выдающимися людьми — Николай Алексеевич, известный государственный деятель, «кузнец-гражданин» (Некрасов), подготовивший отмену крепостного права и земскую реформу, преобразования в Царстве Польском после восстания 1863 г., и Владимир Алексеевич, талантливый юрист и писатель, профессор Петербургского Университета.

Отец Милютина — Алексей Михайлович, потомственный дворянин унаследовав фабрику и имения вместе с огромными долгами, не смог поправить свое состояние и, окончательно разорившись, пошел на службу секретарем Комиссии по строительству Храма Христа Спасителя. Мать Милютина — Елизавета Дмитриевна, урожденная Киселева, родная сестра известного государственного деятеля графа Павла Дмитриевича Киселева, принадлежала к старинному дворянскому роду и была женщиной просвещенной и образованной. Она оказала большое влияние на воспитание своих детей².

В 11 лет Дмитрий Милютин, вместе со своим братом Николаем, прочел всего Н.М.Карамзина. По окончании Благородного пансиона при Московском Университете (с серебряной медалью) он определился на военную службу и в 1833 г. получил первый офицерский чин — прапорщика. Еще в годы учения он начал писать статьи в различные военные, литературно-общественные, научные издания, и в дальнейшем эта способность к творческому исследовательскому труду ярко проявится в его жизни. В 1835 г. Милютин поступил в Императорскую Военную Академию, которую окончил спустя два года с малой серебряной медалью (с внесением имени его на мраморную доску) и чином штабс-капитана. Академия направила своего выпускника на службу в Генеральный штаб. В 1839-1840 гг. он уже участвовал в боевых

действиях против горцев на Кавказе и за отличие получил чин капитана. Тогда же Милютин за сочинение о системе фортификации, примененной к Кавказскому краю, удостоен «высочайшего благоволения»³.

В 1840-1841 гг. Милютин совершил тринадцатимесячное путешествие за границу для «первого знакомства с Европой», побывал в Германии, Италии, Франции, Англии, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Придунайских странах, о чем интересно и красочно рассказал в своих мемуарах и дневниках.

«С первого шага» путешествия «понял я, насколько наша бедная Россия еще отстала от Западной Европы», — подытожил свои впечатления Милютин. Любопытно что «в числе наиболее интересных предметов» он называет Палаты депутатов и пэров Франции. Посещение Палат поразило его и красноречием депутатов (Ламартина, Гизо, Тьера), и самим содержанием законопроектов: о литературной собственности, о дополнительных кредитах на 1841 год. И это в то время, когда в самодержавной России не могло упоминаться слово «конституция», когда государственный бюджет был тайной для общества, как впрочем и деятельность многочисленных секретных комитетов и комиссий. Из посещения заседаний французских судебных учреждений Милютин «вынес полное убеждение в превосходстве гласного и устного суда над нашим письменным закрытым судопроизводством»⁴. Впечатления о европейском правопорядке, судопроизводстве, о новейших достижениях техники, промышленном и аграрном развитии сыграли свою роль в формировании мировоззрения Милютина, как и многих его сверстников — будущих реформаторов 60-х гг. Вот как об этом писал сам Милютин: «Путешествие открыло мне глаза на действительное состояние России сравнительно с Западною Европою в культурном отношении. Любя искренне свою родину, я глубоко скорбел, видя на каждом шагу насколько мы отстали на пути, указанном Петром Великим... Желал бы, чтобы поездка моя за границу имела результатом не одно лишь разъяснение мне истинного состояния России сравнительно с Европой, но дала бы мне со временем возможность сделаться полезным моему отечеству. Счастлив был бы, если б когда-

нибудь осуществились эти мечты мои. Это самая утешительная цель моей службы и самой жизни»⁵.

В свои 25 лет Милютин уже вполне сформировался как личность, осознал задачи предстоящей деятельности, которым остался верен навсегда. И тогда же определилась его личная судьба. Со своей будущей женой Натальей Михайловной Понсе, с которой прожита будет долгая, счастливая семейная жизнь и даже смерть окажется одновременной, он познакомился в 1840 г. на вершине Везувия, и это было его первое серьезное увлечение. Романтично и так многое объясняет в цельной личности Дмитрия Алексеевича Милютина.

В 1843 г. Милютин уже подполковник, обер-квартирмейстер войск Кавказской линии и Черномории, снова участвует в войне на Кавказе. Но в 1845 г., накануне своего 30-летия, он вернулся в Петербург и начал педагогическую деятельность как профессор Военной Академии. Заняв кафедру военной географии, он многое сделал для развития военной статистики как науки, ввел ее в академический курс, издал книгу «Опыты военной статистики», занялся военной историей. Ежегодно он обновлял свой курс «введением в него новейших данных о современном состоянии военных сил государства», — как писал в своих воспоминаниях⁶. В 1847 г. Милютин получил чин полковника.

Интересно узнать из Воспоминаний Милютина, что профессор обязан был читать три лекции в неделю по 1 1/2 часа, что жалование было маленькое (как и чиновника МВД, где служит брат Николай), что семейному человеку, имеющему даже одного ребенка, «невозможно оставаться на одной профессорской оплате». Эти затруднительные обстоятельства вынудили его принять почти одновременно и другое предложение — генерала Я.И.Ростовцева о работе в Военно-учебных заведениях начальником 3 отделения. Здесь жалование в год составляло 1401 руб., несколько больше, чем профессорское по Военной Академии, так что в сумме доход получался 2700 руб. и он уже «считал себя обеспеченным»⁷.

В эти годы научных занятий и профессорства (1845 — нач. 1850-х гг.) Милютин близко сошелся с образованными и просвещенными людьми петербургского общества, «горячо

желавшим избавления русского народа от позорного рабства». Он регулярно бывал у брата Николая, служившего тогда в Министерстве внутренних дел и уже известного реформаторскими взглядами и планами, у которого собирался «интимный кружок» единомышленников и друзей. Среди них И.П.Арапетов, А.П.Заблоцкий-Десятовский, Н.И.Надеждин, К.Д.Кавелин, К.С.Веселовский, В.И.Даль, И.И.Панаев, А.А.Краевский.

Братья Милютины, как и многие деятели кружка, принимали тогда участие в только что образовавшемся Русском Географическом Обществе, председателем которого стал великий князь Константин Николаевич, второй сын Николая I. Вместе с другими молодыми членами Общества они представляли «русское направление», противостоящее руководству в лице ученых и высших сановников немецкого происхождения. Широкая программа Общества, далеко выходящая за рамки собственно географии, позволяла заниматься изучением социально-экономического быта народа, статистикой (так как официальная не внушала доверия), окраинами империи. Здесь приобретались научные, все, что так понадобится будущим реформаторам, многие из которых прошли школу Русского Географического Общества, сплотились на этом поприще в организованную группу единомышленников, готовых к предстоящим преобразованиям.

В знаменательном европейскими революциями 1848 г. М.А.Корф охарактеризовал Русское Географическое Общество как «зародыш тех политических клубов, которых теперь так много в Западной Европе»⁸. Если это определение и страдает некоторым преувеличением и неточностью, то нельзя отрицать, что РГО действительно было своего рода противовесом тогдашнему режиму, при котором, как вспоминал потом Милютин, «все, что делалось, писалось, говорилось, должно было более или менее носить на себе отпечаток лицемерия и фальши»⁹.

Были и еще центры притяжения прогрессивно мыслящих и просвещенных государственных и общественных деятелей, в кругу которых вращались братья Милютины — салон в. кн. Елены Павловны и Мраморный дворец в. кн. Константина

Николаевича. Оба представителя царствующего дома содействовали и покровительствовали зарождающемуся в правящих сферах и в обществе реформаторскому движению. В дальнейшем из этой среды выйдут главные деятели эпохи Великих реформ.

В 1848 г. по высочайшему повелению Милютину было поручено продолжить едва начатое исследование умершего военного историка, генерал-лейтенанта А.И.Михайловского-Данилевского об Итальянском походе А.В.Суворова. И уже в 1852-1853 гг. увидел свет главный научный труд Д.А.Милютина пятитомное классическое исследование «История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование Павла I». Т.Н.Грановский, рецензировавший этот труд, писал, что он «займет, без сомнения, весьма почетное место в общеевропейской исторической литературе». Интересно мнение историка о научном методе и стиле исследования Милютина. Изложение событий, по мнению Грановского, «отличается необыкновенною ясностью и спокойствием взгляда, не отуманенного предубеждениями, и тою благородною простотою, которая составляет принадлежность всякого значительного исторического творения»¹⁰. Сам Милютин так писал о своем понимании труда историка: «...Я поставил себе за правило писать не иначе, как на точном основании имеющихся документальных данных»¹¹. За свое исследование (при втором его издании) в 1857 г. Милютин был удостоен императорской Академией наук полной Демидовской премии и избран членом-корреспондентом, а в 1866 г. Санкт-Петербургский университет присвоил ему степень доктора русской истории *honoris causa*. «История войны 1799 года» тогда же была переведена на французский и немецкий языки.

Когда вслед за этим успехом военный министр предложил Милютину написать о ближайших по времени войнах Николая I, 1828-1829 и 1830-1831 гг., он без колебаний отказался. «Я твердо решил, — писал Милютин в своих воспоминаниях, — не поддаваться требованию, которое поставило бы меня в крайне неприятное и неудобное положение сочинителя панегириков в прославлении властей придержащих»¹².

Летом 1853 г., видя неизбежность войны с Турцией, военный министр князь В.А.Долгоруков привлек Милютина к работе в Военном министерстве. В сентябре он сопровождал Николая I в путешествии за границу, будучи причислен к Военно-походной канцелярии императора. В 1854 г. Милютин произведен в генерал-майоры, а в 1855 г. назначен в свиту его величества. В октябре 1854 г. он стал производителем дел Особого Комитета о мерах защиты берегов Балтийского моря, учрежденного под председательством цесаревича в. кн. Александра Николаевича, которому как главнокомандующему войсками Гвардейского и Гренадерского корпусов подчинялась тогда переведенная на военное положение Петербургская губерния. Так началось их знакомство и служба Милютина при будущем императоре Александре II, рядом с которым пройдут зрелые и плодотворные годы его жизни и государственной деятельности.

Через полгода после его воцарения и сразу же после падения Севастополя Милютин сопровождал военного министра В.А.Долгорукова во время поездки Александра II в Москву. «Современные прискорбные обстоятельства придавали торжественной встрече царя грустный оттенок», — вспоминал впоследствии Д.Милютин. Судьба Севастополя и страны занимала все умы, все слои общества. Дмитрий Алексеевич находил понимание своим мыслям и переживаниям в «кружке ученых» у Грановского, а душевное равновесие и покой — в созерцании красот первопрестольной: «Из окон моих (в старинной части дворцовых строений — Л.З.) открывался великолепный вид поверх зубцов Кремлевской стены на Александровские сады, на строившийся храм Спасителя и на Замоскворечье»¹³. История повторяется на новых витках своего развития. И в наше время, почти полтора века спустя, можно любоваться возрождающимся храмом Христа Спасителя и нельзя не огорчаться судьбой Севастополя.

Неопределенность служебного положения при военном министре «каким-то личным секретарем», как охарактеризовал свои обязанности в течение этих двух лет сам Милютин, тяготила его. Деятельная натура искала выхода своим знаниям и энергии и отчасти находила его в составлении записок

по самым общим вопросам предстоящего обновления страны — необходимости отмены крепостного права, постепенного ограничения, а в перспективе и отказа от рекрутской повинности, других военных преобразований.

В августе 1855 г. в связи с тяжелыми поражениями русских войск в Крымской войне была создана комиссия «для улучшения по военной части» под председательством Ф.В.Ридигера. В ее состав вошел в феврале 1856 г. Милютин. Уже через месяц он составил и подал обширную записку «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных». 39-летний генерал проявил подлинно государственный подход к задачам комиссии. В отличие от авторов других проектов, ставивших вопрос об отдельных недостатках и отдельных изменениях армейских порядков, он предлагал коренную реорганизацию всей военной системы. Милютин доказывал нецелесообразность существования громоздкой, миллионной армии в мирное время, состоящей из солдат-рекрут, служивших по 20-25 лет, необходимость сокращения ее на 2/3 в мирное время и максимального развертывания в случае войны в 3 раза. Такая перестройка требовала изменения рекрутского набора, неразрывно связанного с крепостным правом, т.е. основой социально-экономического уклада и государственного строя России. Милютин прямо говорил об этой первопричине военной отсталости страны: «Крепостное право не позволяет у нас ни сократить срок службы, ни увеличить числа бессрочноотпускных для уменьшения наличного числа войск»¹⁴. В записке поднимались и другие важные вопросы — реорганизация всего военного управления, интендантских служб, распределения войск по территории империи и т.д. Тогда же родилось предположение об образовании военных округов. Интересно отметить, что сравнительно-исторический подход к изучению военного дела в России и европейских странах специально интересовал Милютина. Среди его лекций, прочитанных в Николаевской Академии Генерального Штаба, сохранилась и такая: «Общий сравнительный взгляд на военные системы Англии, Швеции, Пруссии, Австрии и Франции»¹⁵. И в других его работах часто присутствует сравнительный анализ.

Записка Милютина не получила тогда хода, более того, ее автор вскоре был вынужден покинуть Военное министерство. Сменивший в апреле 1856 г. (сразу после заключения Парижского мира) В.А.Долгорукова на посту министра невежественный, инертный Н.О.Сухозанет не утвердил Милютина в должности директора канцелярии Военного министерства, как это предполагалось, и воспротивился назначению его на какой-либо другой ответственный пост. Милютин подал рапорт об отчислении его от всех должностей, в том числе и из Военной Академии, и решил посвятить себя исключительно научной деятельности. В мае 1856 г. просьба его была удовлетворена. «С полной искренностью могу сказать, — пишет он в Воспоминаниях, — что я был доволен этой перемене в моей жизни и нимало не сожалел о несбывшихся видах на занятие значительного поста в военном управлении. Не честолюбие влекло меня на этот путь, а чистосердечное желание работать с пользой для общего дела... Я с чистой совестью удалился от бюрократической суеты и возвратился к той тихой, скромной деятельности писателя, в которой так счастливо прожил восемь лет перед войной»¹⁶. Тогда же Милютин начал подготовку первых глав задуманного им обширного труда по истории Кавказской войны, который так и остался незавершенным.

Не чужд был Д.А.Милютин и общественных интересов. В пору пробуждающейся в России «оттепели» (термин тех лет), надежд на обновление, в пору небывалого до того распространения бесцензурной рукописной («подземной» как говорили современники) литературы он писал записку о неотложной необходимости отмены крепостного права. Не решив крестьянского вопроса, писал Милютин, «Россия далее жить не может, не может даже быть уверенною в удовлетворении двух первых государственных потребностей — спокойствию государства и защиты от внешних врагов». Опять задача отмены крепостного права («ключ ко всему») тесно переплеталась с военными нуждами. Опираясь на примеры Австрии и Пруссии, Милютин, как и его единомышленники, последовательно отстаивал освобождение крестьян с выкупом земельных наделов в собственность. Записка его, видимо, была известна вел. кн. Константину Николаевичу, в

фонде которого сохранилась¹⁷. За несколько лет до этой записки Милютин, предварительно посоветовавшись с П.Д.Киселевым, решил передать свое маленькое имение «Коробки» Тульской губернии Министерству Государственных Имуществ. «Единственной моей целью было улучшение положения крестьян», — писал он в Воспоминаниях. Сделка состоялась в 1852 г. «Я перестал быть помещиком, душевладельцем, и совесть моя успокоилась», — с удовлетворением оценивал позднее этот эпизод своей жизни Милютин¹⁸.

Характеристика взглядов Милютина на политические проблемы, обострившиеся в результате Крымской войны, была бы неполной без понимания его отношения к имперской политике правительства. 28 февраля 1856 г. ему пришлось давать заключение на три записки (бар. П.Е.Торнау, ген.-м. И.Ф.Бларамберга, ген.-л. С.А.Хрулева)*. В связи с ослаблением позиций России на Черном море, авторы записок доказывали необходимость укрепления флотилии на Каспийском море и продвижения на Восток, через Среднюю Азию к Индии. И хотя завоевать Индию представлялось химерой, но поколебать здесь владычество Англии — возможным. Еще предлагалось отправить русское посольство в Кабул, «чтоб склонить афганцев на нашу сторону». В своем заключении Милютин писал, что хотя в этих записках «много мыслей дельных и полезных», но они «не основаны на определенном расчете времени и средств» (подчеркнуто в тексте. — Л.З.). Однако при этом он не исключал возможность укрепиться с годами на Каспии, создать склады в Баку и тогда только решиться на какие-либо действия против британских владений в Индии. «Но к этому ответственному предприятию необходимо готовиться многие годы, сохраняя притом приготовления в совершенной тайне. В настоящее же время такое предприятие может быть признано совершенно неудобноисполнимым»¹⁹. Спустя несколько лет, став военным министром, Милютин будет отстаивать энергичное продвижение России в Среднюю Азию.

* Была еще 4-я записка академика М.П.Погодина, но она касалась развития торговых отношений со Среда. Азией и Индией и устройства железных дорог от Оренбурга на восток.

Интересная характеристика Милютина той поры оттепели и пробуждения содержится в дневнике академика А.В.Никитенко: «Меня совсем пленил генерал Д.А.Милютин. Это человек с благородным образом мыслей, светлым умом и широким образованием. Он отлично понимает настоящее положение и необходимость лучшего»²⁰.

Отстранение Милютина от службы и научные его занятия длились недолго. По предложению вновь назначенного наместника Кавказа кн. А.И.Барятинского он получил пост начальника Главного Штаба Кавказских войск и уже в октябре 1856 г. отправился вместе с семьей в Тифлис. Для Милютина открывалось новое поприще деятельности, значительное и увлекательное. Четыре года, проведенные на Кавказе в период решающего этапа Кавказской войны и покорения края были яркими, насыщенными и оставили в его жизни неизгладимый след. Кавказ, особенно Закавказье и Тифлис, он называет «обетованной землей» и всегда пишет об этом крае с большим чувством.

На Кавказе Милютину удалось реализовать многие идеи своей записки 1856 г. «О невыгодах военной системы...». Как ближайший помощник Барятинского он провел реорганизацию всего военного управления, создал новую, четкую структуру, представляющую собой своеобразный военный округ. При участии Милютина был разработан план покорения горцев Дагестана и Чечни. В 1858 г. он получил чин генерал-лейтенанта, а в 1859 г. уже в звании генерал-адъютанта присутствовал при штурме укрепленного аула Гуниб и пленении Шамиля 25 августа. Барятинский под впечатлением этой блистательной и долгожданной победы сказал Милютину: «Я вообразил себе, как со временем, лет через 50, через 100, будет представляться то, что произошло сегодня; какой это богатый сюжет для исторического романа, для драмы, даже для оперы»²¹. Наместник Кавказа явно чувствовал себя, вместе со своим начальником Главного штаба — Милютиным, на исторической сцене в героической роли и никак не предвидел трагических событий нашего времени.

Прав оказался А.В.Головнин, который в октябре 1856 г. писал Милютину из Дрездена по поводу его назначения на

Кавказ: «Как ни жаль, что придется оставить ученые труды, но теперь Вам предстоит такое поприще полезной свободной деятельности, что нельзя не порадоваться. Вам следует теперь не описывать подвиги других, а самому подвизаться, предоставляя другим со временем описывать и изучать Ваши деяния»²². А позже, после пленения Шамиля, сдержанный Головнин с восторгом писал в декабре 1859 г. из Петербурга: «Надобно сказать правду, что у Вас исторические события быстро следуют одно за другим и что только Кавказ доставляет государю радостные вести и утешение во многих огорчениях, которые ему приходится терпеть. Вы прежде писали историю, теперь Vous faites de l'histoire (Вы делаете историю. — фр.). Я понимаю, что Вы предпочитаете последнее и понимаю, как я был не прав, когда при отъезде Вашем из Петербурга говорил, что Россия лишается лучшего военного историка своего времени»²³.

Головнин не ошибался, считая, что деятельная служба на Кавказе была желанным для Милютин занятия. И как военный, и как государственный деятель Милютин всегда отстаивал активную имперскую политику власти. Его убеждения в необходимости широких радикальных преобразований во всех сферах жизни сочетались с думами о дальнейшем расширении и укреплении империи. Не удивительно, что в письмах Головнина, несмотря на признание высоких достоинств Милютина, иногда явно слышится упрек в адрес руководителей края. Под впечатлением встречи с Милютиным, приехавшим на короткое время с Кавказа в Петербург, Головнин писал Бярятинскому 10(22) декабря 1857 г.: «Мы имеем причины жаловаться на генерала. Он приехал сюда очарованный Кавказом, как двадцатилетний юноша, увлекающийся своей любовницей и требующий от своей больной матери, центральной России, больной, разоренной, пользующейся несведущими и неспособными врачами, невозможных трат на пожертвования в пользу этой прекрасной незнакомки, которая его (Милютина) околдовала и которая наверное не раз ему изменит»²⁴. Игривость тона вовсе не скрывает серьезной озабоченности Головнина. Тревога, обеспокоенность начавшимся оскудением центра и огромными расходами на имперскую политику почти постоянно присутствует

в письмах Головнина, особенно, когда приводится цифра этих расходов на Кавказ, составившая в конце 1850-х гг. 1/6 часть общего государственного бюджета империи. 20 января 1860 г. Головнин уже без всякой дипломатии и игривости пишет Милютину: «Петербург не может долее смотреть на Кавказ как на бочку Данаид, поглощающую деньги, собираемые со всей России с большим трудом»²⁵.

Отрезанный от столиц и центра Кавказскими горами (Бярятинский умышленно оттягивал проведение телеграфной линии, чтобы сохранить большую независимость), Милютин благодаря дружеским связям и обширной переписке был в курсе основных событий того переломного и стремительно меняющегося времени, которое переживала Россия накануне отмены крепостного права. Среди его корреспондентов К.Д.Кавелин, А.В.Головнин, Н.А.Милютин, И.П.Арапетов и множество других. Они сообщали о подготовке крестьянской реформы, финансовом и банковском кризисе, университетском вопросе и настроении студенчества, международном положении России, расстановке сил в «верхах» и в обществе.

В пору блистательных побед на Кавказе, Милютин получил всеподданнейший указ от 30 августа 1860 г. Александр II повелевал своему генерал-адъютанту быть товарищем военного министра. Не без грусти покидал Милютин полюбившийся ему край. Он уезжал с Кавказа, оставляя искренних друзей, добрую память о себе среди сослуживцев. Сам Бярятинский писал Милютину в декабре 1863 г. по получении его очередного письма: «Трудно выразить удовольствие, доставляемое мне видом вашего почерка, сколько разных воспоминаний возбудила во мне знакомая рука»²⁶. Вспоминая времена наместничества Бярятинского, один из мемуаристов, В.А.Инсарский, писал: «Разумеется, на первом плане в ряду военных деятелей стоял Д.А.Милютин. Его семейство держалось патриархальной простоты, которой оно не изменило и впоследствии, в другом, несравненно высшем положении. Можно без преувеличения сказать, что из всех страстей человеческих Д.А.Милютин имел одну страсть — трудиться»²⁷. Милютину приписывали слова: «Вовсе не надо отдыхать, ничего не делая, нужно только менять работу, и

этого довольно». Один из современников (И. Бартенев) называл Милютина «великим трудолюбом»²⁸. Память о деятельности Милютина на Кавказе была увековечена в названии одной из тифлисских улиц — Милютинская, переименованной уже при советской власти в сер. 1930-х гг. (ул. Клдиашвили).

* * *

После четырехлетней службы на Кавказе Милютин вернулся в Петербург и приступил к работе в Военном министерстве в исторический момент жизни страны. Конец 1860 — начало 1861 гг. — последние месяцы существования крепостного права, время всеобщего ожидания, надежд на обновление, и одновременно отчаянных усилий реакции изменить взятый правительством курс на освобождение крестьян, время напряженной государственной деятельности по подготовке реформ, среди которых крестьянская проходила последние стадии, другие — земская, судебная — начинались. Этот рубеж между старой и новой Россией, этот «перевал», «поворотный пункт» в жизни народа и государства застал Милютина товарищем министра, а через год он возглавил Военное министерство.

Своей предшествовавшей деятельностью, своим мировоззрением, характером и личными качествами Милютин вполне соответствовал и месту, и времени. Ему не надо было готовиться к предназначенной высокой роли, он был к ней готов благодаря обширным знаниям, просвещенному взгляду на необходимость радикальных и всесторонних преобразований в армии, отвечавших потребностям свободной от крепостного ига страны.

Характеризуя своего подчиненного, князь Бярятинский писал 17 сентября 1860 г. Александру II как императору и другу: «Раньше, чем генерал Милютин представится Вашему Величеству, я исполню свое обещание, данное Вам, Государь, ничего не скрывая и вполне откровенно поговорить с вами, насколько я мог узнать в продолжении четырех лет, проведенных им со мною, о наклонностях характера и способностях этого генерала. Вы найдете в нем человека искренно преданного Вашей особе, склонного ко всему добро-

му; это человек честный, неутомимого рвения, усидчивости ни с чем несравнимой, и чрезвычайно чувствительный к доверию и к хорошему обхождению, всегда осторожный, деловитый, благородно-нравственный безо всякого педантизма, далекий от всяких личных видов, совершенно бескорыстный и чуждый всякой зависти.

Высказавшись таким образом о прекрасных качествах, которыми он обладает и за которые я смею поручиться я открою его слабые стороны: его характер недоверчив, он мало знаком с людьми вообще и бесчестные люди всегда сумеют вкрасться в его доверие; он имеет особенную склонность к офицерам Генерального штаба, к литераторам и ко всем окончившим высшие учебные заведения, настолько, что он становится несправедлив к тем, которые не из их числа. Он враждебно относится ко всему аристократическому и в особенности ко всему титулованному, и вот почему я полагаю, что со временем, может быть, полезно будет дать титул ему самому. К несчастью он разделяет почти общий недостаток всех русских — ненавидеть все, что не Великорусского происхождения (подчеркнуто в тексте. — Л.З.), к тому же он со страстью предается своим симпатиям и антипатиям, последняя по отношению к туземцам Кавказа мне часто портила кровь и иногда вредила делам. Его здоровье в общем не хорошо и весьма слабо, больше всего сожалел об нем по поводу придворных и светских обязанностей, предстоящих ему в Петербурге; он их будет выполнять весьма добросовестно и потребуются Ваше формальное вмешательство, чтобы устранить его от этого, насколько Вы найдете возможным, иначе он тотчас же будет сломлен физически и это ему воспрепятствует принести ожидаемую от него пользу. Я заметил, что кабинетная работа его не так утомляет, как беспрестанная суতোлка людей, иногда сопряженная с его должностью: его силы тогда расшатываются, что мгновенно вызывает лихорадку, которую он с некоторого времени носит в своем организме, раза два я уже опасался за его жизнь. Передавая Вам с рук на руки Милютина, я предсказываю, что Вы будете довольны, и позволяю себе просить позволения верить заботам Вашего Величества его здоровью и его состоянию, о котором он сам никогда не подумает»²⁹.

Это письмо А.Л.Зиссерман прислал Милютину 26 января 1889 г. перед изданием своего труда «Фельдмаршал кн. Александр Иванович Барятинский» (т. 1-3, М., 1889-1891), спрашивая его согласие на публикацию. Милютин такого согласия не дал. Этот эпизод рисует Милютину не всегда безупречным в своих поступках и отношениях с людьми, но вместе с тем личность его предстает перед нами не стерильно безжизненной, а более человеческой, противоречивой, сложной.

Обстоятельства назначения Милютина товарищем министра интересны и заслуживают внимания. Н.О.Сухозанет, как уже было сказано, при своем вступлении в должность в 1856 г. выразил нерасположение к Милютину и нежелание видеть его в составе министерства. В 1860 г., назначая Милютина товарищем военного министра, Александр II не спрашивал мнения Сухозанета. Кандидатура Милютина была предложена Александру II кн. Барятинским летом 1859 г. в доверительной беседе о положении дел в Военном министерстве. Называя Милютина, Барятинский имел в виду не только государственные интересы, но преследовал и свои цели. Являясь сторонником прусской военной системы, кн. Барятинский предполагал, что реорганизация русской армии будет проведена по прусскому образцу, когда руководство всей армией формально принадлежит монарху, фактически же начальнику Генерального Штаба, а Военное министерство ведает лишь административно-хозяйственными вопросами. Барятинский рассчитывал получить ключевой пост начальника Генерального Штаба, Милютину же хотел видеть в должности военного министра как помощника. Рекомендацию Барятинского Александр II принял, однако начальником Генерального Штаба князь никогда не стал, а Милютин, будучи министром, проявил полную независимость от бывшего своего начальника. Барятинский оказался в дальнейшем в стане противников реформаторской деятельности Милютина. Но это будет позже, а тогда Барятинский приветствовал назначение Милютина министром из Испании, где находился на лечении: «Несмотря на мое молчание, вы однако, уверены, что день, в который я узнал, что Государь имеет вас своим министром, был для меня торжественным.

Я знаю вашу привязанность к его особе, знаю ваши правила и все то, чем щедро Бог вас наградил, и что вы посвятите свою жизнь на славу его армии и царствования, мог ли я не быть в восторге»³⁰.

Положение Милютина в первые полгода после назначения товарищем военного министра было тягостным, «ненормальным», как он сам считал. Сухозанет не допускал его ни к каким важным делам, обрекая быть «безучастным свидетелем» рутины и застоя, в котором пребывало ведомство. Стремясь выйти из этого неприятного положения, Милютин подал весной 1861 г. рапорт о предоставлении ему длительного отпуска. Однако в мае этого же года Сухозанет был назначен исполняющим обязанности наместника Царства Польского, Милютин вступил в управление Военным министерством, а 9 ноября был утвержден в должности военного министра. С этого момента министерство, стоящее до того в стороне от реформаторской деятельности в «верхах», включилось в нее, пришло в движение, преобразилось. Бездеятельность сменилась энергичной работой, рутина — инициативой и новаторством, медлительность — динамичностью. Сорокапятилетний, подтянутый, стремительный, полный замыслов и идей, новый министр ничем не напоминал предшественника, рано одряхлевшего и неспособного к сколько-нибудь серьезному делу. Отмечая трудолюбие, скромность, напористую энергичность Милютина-министра, один из его сотрудников писал в своих воспоминаниях: «Недаром наш старый швейцар (в Военном министерстве. — Л.З.) оставался совершенно недоволен Милютиным — «Что это за военный министр, — говорил он, — влетит в переднюю как прапорщик, сбросит шинель на руки кому попало, и не успеешь оглянуться, как он очутится уже наверху лестницы»³¹.

Став министром, Милютин без промедления приступил к разработке широкой программы военных преобразований и привлек к этому делу все министерство. Почти ежедневно проходили совещания, работали различные комиссии, каждый желающий мог представить свои замечания и проекты, «во всем министерстве, — по признанию Милютина, — закипела необыкновенная деятельность». В результате большой,

напряженной работы (сам министр спал не более пяти часов в сутки) общая программа преобразования всех частей военного управления и организации армии была готова в предельно сжатый срок, в течение двух месяцев, и уже 15 января 1862 г. представлена Александру II в форме всеподданнейшего доклада. Этот доклад, утвержденный императором в конце января с резолюцией: «Все изложенное в этой записке совершенно согласно с моим давнишним желанием и видами», стал руководством к действию Милютина и министерства в подготовке военных реформ.

Главная задача намеченной программы заключалась в создании массовой армии европейского типа, что означало сокращение непомерно высокой численности войск в мирное время и способность к быстрой мобилизации в случае войны. Общая численность войск всех родов к концу 1861 г. составила 1034603 нижних чинов при 3800 генералов и офицеров, «цифра громадная для мирного времени», как отмечалось в докладе. По штатам военного времени соответственно предусматривалась цифра 1534340 нижних чинов, однако наличный запас был в три раза меньше планового и армия могла увеличиться всего на 25%. Эффективность существовавшей в России рекрутской системы была низкой, несопоставимой с европейскими образцами, гораздо более экономичными и боеспособными. Так, Пруссия могла увеличить свой контингент в военное время в 3,4 раза (от 200 тыс. в мирное время до 695 тыс. при мобилизации), Австрия в 2,2 раза (от 280 тыс. до 625 тыс.), Франция в 2 раза (от 400 тыс. до 800 тыс.)³².

Рекрутская система давала громоздкую, дорогостоящую армию и вместе с тем истощала производительные силы деревни. Усиленные наборы во время Крымской войны «в конце разоряли население и подрывали его жизненные силы на долгое время». Например, в 1853-1855 гг. взяли с западной полосы 51, а с восточной 42 рекрута с 1000 душ. Хотя рекрутская система и предусматривала основательную подготовку индивидуального бойца, естественную при длительном сроке службы, она все же никак не решала проблему его замены, особенно при неизбежных потерях большой войны. Целесообразность реорганизации армии была очевидна, тем

более, что крепостное право уже отменено. В докладе ставился вопрос о привлечении к воинской повинности «большой части населения», об ограничении многочисленных льгот и изъятий для разных классов и групп населения, одновременно планировалось сокращение срока службы рекрут, намечались меры, которые должны были подготовить и облегчить отказ в перспективе от рекрутской системы вообще, на данном же этапе предусматривался пересмотр рекрутского устава. Намеченные в докладе меры комплектования войск, хотя и не могли обеспечить создание массовой армии европейского типа, но все же принесли ощутимые результаты: к 1870 г. запас вырос до 553 тыс. человек вместо 210 тыс. в 1862 г. Программа Милютина исподволь готовила переход к всеобщей воинской повинности, хотя окончательно отход от конскрипционной системы французского образца состоялся только после поражения Второй империи в войне 1870-1871 гг.

Существенной частью программы Милютина была реорганизация системы центрального военного управления и создание местных территориальных округов. «Общая мысль этого преобразования, — писал позже Милютин, — состояла в том, чтобы привести все здание в стройный вид и упростить весь сложный механизм его»³³. В 1864 г. была принята военно-окружная реформа: территория России разделена на 15 военных округов, каждый из них являлся одновременно органом строевого управления войск и военно-административного устройства, представляя собой как бы военное министерство в местном масштабе. Управления округа (артиллерийское, инженерное, интендантское, военно-медицинское) имели двойное подчинение — командующему войсками округа и соответствующим главным управлениям Военного министерства. Местные военные органы фактически создавались заново, ранее их просто не существовало в большинстве регионов, особенно внутри империи. К 1868 г. реформировано и центральное военное управление, упразднены дублирующие структуры, аппарат министерства сокращен почти на тысячу человек, канцелярская переписка уменьшилась на 45%, но главное — усилилась власть военного министра. Он сосредоточивал в своих руках все нити во-

енного управления, однако войска не находились в полном его подчинении, так как начальники военных округов зависели непосредственно от царя, который и возглавлял верховное командование вооруженными силами.

В соответствии с реорганизацией центрального военного управления, введением военно-окружной системы было принято «Положение о полевом управлении войск в военное время» 1868 г., которое уточняло функции главнокомандующего и его штаба, координацию их действий с окружными управлениями. Барятинский мгновенно отреагировал на это Положение крайне критической запиской, поданной Александру II 20 марта 1869 г. Он увидел в этом преобразовании Милютину в отличие от прежнего Устава 1846 г. «унижение боевого начала перед военно-административным, ныне в первый раз основанным у нас на двойственной полуподчиненности и оскорбительном чувстве взаимного недоверия, несвойственных военному духу» (подчеркнуто в тексте. — Л.З.). Он критиковал Милютину за упразднение Главного штаба, опасаясь снижения роли строевого начала, доказывал необходимость разделения строевого и административно-хозяйственного начала в армии. «Боевой дух армии неминуемо исчезнет, если административное начало, только содействующее, сделается преобладающим над началом, составляющим честь и славу военной службы. Во избежание этого в некоторых государствах, где армии проникнуты примерным боевым духом, военный министр избирается из гражданских чинов, чтобы не допустить в нем желания играть роль в командовании. От военного министра нигде не требуется военных качеств; он должен быть хороший администратор... Вождь армии избирается по другому началу: он должен быть уже известен войску и Отечеству своими доблестями и опытностью, дабы в военное время достойно и надежно исполнять должность начальника Главного штаба при своем Государе, или в данном случае заменить высочайшее его присутствие»³⁴.

В этой критике, чрезмерно эмоциональной, не беспристрастной содержалось вполне рациональное зерно. Автор пока что единственного в отечественной историографии фундаментального труда о Военных реформах Милютину

П.А.Зайончковский пришел к выводу, что Положение 1868 г. «содержало в себе серьезные недостатки», что оно было «из всех преобразований в области военного управления наименее удачным»³⁵. Еще более категоричную оценку дает А.А.Керсновский, который считает, что своими реформами «Милютин бюрократизировал русскую армию сверху донизу» и что вообще Милютину «не хватало Румянцева»³⁶.

Программа преобразований Милютину в соответствии с «духом времени» и общим реформаторским процессом той эпохи имела в виду гуманистические идеи, была обращена к личности человека. При содействии вел. кн. Константина Николаевича Милютину удалось добиться отмены наиболее жестких видов телесных наказаний, применявшихся до того в армии, одновременно с принятием гражданского закона об отмене телесных наказаний 17 апреля 1863 г. Военное ведомство немедленно отреагировало на судебную реформу 1864 г., создавшую в России новый суд и приняло в 1867 г. военно-судный устав, основанный на началах гласности, состязательности, независимости судей.

Особенно большое внимание уделял Милютин подготовке офицерских кадров, а также обучению солдат. В середине 60-х гг., когда военно-учебные заведения были подчинены Военному министерству, Милютин проводит реформу всей системы военного образования. Считая раннюю военную специализацию вредной для формирования независимой личности молодого человека, министр упразднил кадетские корпуса и создал военные гимназии с программой, близкой к курсу реальной гимназии. Цель его — повысить общеобразовательный уровень будущих офицеров. Вместе с тем на основе специальных классов бывших кадетских корпусов (за исключением сохранившегося Пажеского корпуса) создавались военные училища, в которые принимались лица, получившие среднее образование. В результате качество преподавания и воспитания в военных гимназиях повысилось, контингент поступающих улучшился. Офицерский корпус стал пополняться более образованными кадрами ежегодно в количестве 600 человек. Однако профессиональное военное обучение и воспитание оказались на втором плане по сравнению с общеобразовательной подготовкой.

Перестройка системы военного образования создала еще один тип военно-учебных заведений — юнкерские училища с двухгодичным сроком обучения. Для поступления в юнкерские училища требовались знания в объеме примерно четырех классов среднеучебного заведения. Юнкерские училища выпускали ежегодно около полутора тысяч офицеров. Одновременно пересматривались и обновлялись в соответствии с научными достижениями программы и учебные планы академий. Была открыта новая Военно-юридическая академия, помимо имевшихся уже трех — Генерального Штаба, Артиллерийской, Инженерной. Милютин часто посещал военно-учебные заведения всех уровней, присутствовал на лекциях и даже музыкальных вечерах, обращая внимание преподавателей на совершенствование не только специальных предметов, но и русского языка и словесности.

Не меньше занимало Милютина и обучение солдат. В докладе 15 января 1862 г. он писал: «Совершенствование армии основано преимущественно на образовании единиц, ее составляющих, на развитии их природных способностей не только физических, но и умственных»³⁷. Изменилось строевое обучение войск, много было сделано для здорового физического воспитания солдат, для распространения грамотности, стали регулярными и были по-новому поставлены специальные издания «Солдатские беседы» и «Чтение для солдат», организованы полковые и ротные библиотеки. Милютин всеми силами стремился отойти от изнуряющей солдат формальной муштры и «придать обучению войск новый характер, более соответствующий истинной пользе и условиям войны». Вместе с тем он старался покончить с практикой использования войск не по их прямому назначению, укоренившейся в некоторых регионах, особенно на строительных работах, когда на солдат смотрели не как на силу боевую, а как на рабочие руки, без которых не было возможности обойтись не только для сооружения казенных построек военного, морского и гражданского ведомств, но и для устройства станиц и селений, для почтовой гоньбы, и вообще для всех разнообразных надобностей администрации.

Многое делал Милютин и для перевооружения русской армии, понимая, что без нового технического оснащения

нельзя создать современные вооруженные силы, боееспособные и достойные для престижа России. Решение этой задачи он связывал с развитием отечественной военной промышленности. Так, например, в 1863 г. признано, что существующая пушечная мастерская Петербургского арсенала недостаточна для нужд армии и она была расширена до завода. Кроме этого в том же году под Петербургом в селе Александровском закладывается Обуховский сталелитейный и пушечный завод, а на реке Каме под Пермью еще два завода — сталепушечный и чугунопушечный³⁸. Это происходит в период польского восстания, грозящего возможным столкновением с европейскими державами.

Таким образом обширная программа военных преобразований, представленная Александру II Милютиным 15 января 1862 г., начала незамедлительно, но постепенно претворяться в жизнь в результате принятых в 60-х гг. законодательных актов. Важные и значительные сами по себе, они вместе с тем подготавливали почву для основной военной реформы — введения всеобщей воинской повинности, которая будет принята позже.

Большое место в заботах и деятельности Милютина занимали вопросы железнодорожного строительства. Он привлек к разработке программы в этой области генерала Н.Н.Обручева, а в 1868 г. поручил ему составить общий свод соображений Военного министерства о сооружении важнейших стратегических линий. Хотя Военному ведомству не удалось тогда отстаивать свою программу, однако изложенная в записке концепция в дальнейшем окажет влияние на осознание в «верхах» стратегических задач государства.

Несмотря на крайнюю занятость, Милютин не ограничивал свою деятельность исключительно военным ведомством и нуждами армии. Человек образованный, европейски просвещенный, обладающий широтой взгляда и государственным умом, чуждый кастовости, он интересовался всеми сферами государственной жизни и оказывал всемерную поддержку либеральным реформам, следовавшим за отменой крепостного права. В сложной расстановке правительственных сил Милютин всегда решительно противостоял реакции и крепостничеству. Он был последователен в отстаивании ос-

новых общих принципов Великих реформ — гласности, несословности, равенства всех перед законом. Он сочувствовал и содействовал министру народного просвещения, своему другу А.В.Головнину в осуществлении либеральных реформ общеобразовательной школы всех ступеней, а когда в 1866 г. этот пост занял консерватор Д.А.Толстой, стал его оппонентом и противником. Свои реформы военного образования Милютин проводил, преодолевая противодействие Толстого. В обществе в то время было распространено мнение, что «истинным Министерством народного просвещения должно считаться не то официальное ведомство, во главе которого стоял гр. Д.А.Толстой, а Военное министерство»³⁹.

Не успев принять конкретное участие в подготовке крестьянского законодательства 1861 г., Милютин поддерживал основные начала земской реформы, разработанные его братом Николаем Алексеевичем накануне отмены крепостного права (до отставки, последовавшей в апреле 1861 г.). Поэтому ему пришлось столкнуться с преемником Н.А.Милютина по Министерству внутренних дел и прямым его антиподом П.А.Валуевым. При первой их встрече Валуев записал в дневнике 15 января 1861 г.: «Был у Милютина, товарища военного министра, с которым долго не был знаком. Приятная личность, но в крестьянском вопросе он, очевидно, под влиянием брата». Совпадение взглядов отмечено верно, но объяснялось оно не «влиянием», а общностью мировоззрения братьев. Через несколько дней Валуев продолжал запись о Д.А.Милютине опять по поводу освобождения крестьян: «Он почти «краснее» или желчнее брата»⁴⁰. При первом обсуждении проекта земской реформы в Особом присутствии Государственного Совета Валуев встретил противодействие Д.Милютина своим стремлениям ограничить права крестьян. В дневнике 1 июля 1862 г. он записал: «Милютин наиболее озабочен демократическою нивелировкой представительства»⁴¹. Вместе с тем Милютин защищал расширение компетенции и самостоятельности земского самоуправления, ограждение его от «усмотрения» администрации. Милютин серьезно столкнулся с Валуевым и при принятии Закона о печати 1865 г., считая крайне вредным для развития гласнос-

ти в обществе сосредоточение власти над печатью в руках министра внутренних дел.

Милютин придавал большое значение печати в жизни обновляющейся после отмены крепостного права России. Именно благодаря его вниманию и усилиям «Русский Инвалид» — орган Военного Министерства — превратился в серьезную газету, имевшую свое лицо, свою позицию, причем не только по вопросам специально-военным, но и по общеполитическим. «Русский Инвалид» последовательно поддерживал проведение земской, судебной реформ, университетского устава. Милютин уделял газете много внимания, лично следил за подготовкой номеров. Один из вполне компетентных мемуаристов, Е.М.Феоктистов, бывший в начале 60-х гг. сотрудником «Русского Инвалида», свидетельствует: «редактор должен был неуклонно каждый день к 9 часам вечера приезжать к нему и представлять на его усмотрение все сколько-нибудь выдающиеся статьи; как бы ни был занят Милютин, у него всегда хватало времени весьма внимательно заняться ими; он дорожил «Русским Инвалидом», как самым удобным средством распространять известного рода идей не только в военном сословии, но и вообще в публике»⁴².

Будучи убежденным сторонником и защитником либеральных преобразований, Милютин, как и большинство реформаторов, продолжал верить в монархию, ее творческие силы, в ее способность возглавлять процесс обновления страны, проявлять и дальше инициативу в начатой ею же масштабной государственной перестройке. Александра II он воспринимал как царя-освободителя, царя-реформатора, был ему абсолютно предан, видел в нем оплот происходящих в стране прогрессивных перемен. Общеполитические взгляды Милютина вполне определенно выражены в сохранившемся собственноручном черновом наброске записки, датированной П.А.Зайончковским серединой 60-х гг. Милютин писал «Реформа у нас может быть произведена только властью. У нас слишком велико еще брожение, слишком разрознены интересы, чтобы ожидать чего-нибудь хорошего и прочного от инициативы представителей этих разрозненных интересов.. (стало бы мысли о конституционных проектах должны быть отложены на многие лета). Затем реформа наша

должна быть общая для всей империи; всякое исключительное применение к той или другой местности вредит единству государства, возрождает сепаратизм и соперничество. Наконец, сохранение сословных привилегий сделало бы невозможным какой-либо прогресс»⁴³. В автографе черновика этой записки критика дворянских привилегий, которые отстаивали консерваторы, выражена более чем определенно: «Кричат, что дворянство голова народа, что должно идти вместе с народом, а бранят земские учреждения за то, что там соединение с народом. Как же дворянину сидеть в одной комнате с мужиком»⁴⁴.

Категорическое отрицание Милютиным возможности конституционных преобразований в России могло отчасти объясняться и политической обстановкой в стране. С середины 60-х гг., особенно после покушения Д. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г., в правительственных верхах стало преобладать влияние консервативных сил, усилилась власть шефа жандармов и главного начальника III Отделения с.е.и.в. Канцелярии П.А. Шувалова. Идея конституции в олигархическом варианте соединялась с планами наступления на либеральные реформы сразу после отмены крепостного права в проектах Валуева, а затем Шувалова. Это не могло не настораживать Милютина. Подытоживая свою политическую позицию, Милютин заключал в той же Записке: «По-нашему есть два условия главные, существенные *Sine quo non* (непрерывное условие. — Л.З.) — без которых всякая политическая теория в применении к России должна считаться несостоятельной. 1-ое — единство и целостность государства, 2-ое — равноправность членов его. Для первого условия нужно: сильная власть и решительное преобладание русских элементов (мы говорим об империи — о Царстве Польском или о Княжестве Финляндском речь особая). Для второго условия необходимо откинуть все устаревшие, отжившие привилегии, проститься навсегда с правами одной касты над другой. Но сильная власть не исключает ни личной свободы граждан, ни самоуправления; но преобладание русского элемента не означает угнетения и истребления других народностей; но устранение старинных привилегий — далеко от нивелизма и социализма. Тот, кто хочет истинного блага Рос-

сии и русского народа, кто думает более о будущности их, чем о настоящих эгоистических интересах, тот должен отвергать решительно все, что может или колебать власть единую и нераздельную, или подогреть и потворствовать сепаратизму некоторых частей, или поддерживать дух властвования одного сословия над другим» (подчеркнуто в тексте. — Л.З.)⁴⁵.

Если в вопросе о необходимости и своевременности центрального представительного учреждения можно говорить об эволюции со временем взглядов Милютина, то признание России единой и неделимой, с преобладанием русского элемента, признание активной имперской политики, дальнейшего расширения границ и наращивания мощи и величия империи наряду с последовательным проведением либеральных реформ постоянно присутствовали в его позиции и деятельности на посту военного министра. Либерализм и просвещенность взглядов Милютина как-то органично уживались с жестокостью и напористостью в реализации имперской политики самодержавия в эпоху Великих реформ. Это особенно очевидно на примере отношения Милютина к Царству Польскому. Милютин был сторонником беспощадного подавления польского восстания 1863-1864 гг., одобрял карательные действия известного в Северо-Западном крае своей жестокостью М.Н. Муравьева. Он не разделял возобладавшую в правительстве в конце 1861 г. установку на компромисс за счет предоставления Польше широкой автономии, настаивая на усилении и распространении православия в этом католическом крае. Для пропаганды и разъяснения принципов энергичной имперской политики в Польше он не только использовал страницы «Русского Инвалида», но даже стал издавать специально для заграницы литографированный листок «Correspondance russe», который выходил еженедельно на французском и немецком языках. С подавлением польского восстания издание прекратилось. Также как и в польском вопросе жесткой линии Милютин придерживался и по отношению к Остзейскому краю и Финляндии.

Для политической позиции Милютина характерно его отношение к дальнейшему продвижению в Среднюю Азию и

завоеванию этого края. Вопреки мнению министра иностранных дел А.М.Горчакова и его ведомства, опасавшихся осложнений в отношениях с Англией, Милютин настаивал на активном продвижении в Средней Азии, которое началось первоначально, в 1864 г., в соединении Оренбургской и Сибирской линий. В 1867 г. по предложению Милютина туркестанским генерал-губернатором был назначен генерал К.П.Кауфман, который и стал претворять в жизнь наступательные планы военного министра⁴⁶.

Однако основные трудности подстерегали Милютина совсем не в этой сфере политики — имперские амбиции и имперские притязания были характерны для абсолютного большинства правительственных лиц. Опасность для Милютина заключалась в другом. С конца 60-х гг. нападки на «царство Милютина» со стороны П.А.Шувалова и группировавшихся вокруг него сил стали носить открытый, угрожающий характер. В 1868 г. Шувалов и министр внутренних дел А.Е.Тимашев устроили яростную кампанию против «Русского Инвалида», которого обвинили «во вредном направлении». Орган Военного министерства, успевший завоевать почетное место в общественном мнении и в журналистике, был закрыт⁴⁷.

В то же время военный писатель Р.А.Фадеев, вдохновляемый кн. Барятинским, своими статьями открыл поход против военных реформ Милютина. Их позиции, Барятинского и Фадеева, и их критика Военного министерства усиливались по мере того, как демонстрировала на полях сражений свои преимущества прусская военная система, сторонниками которой они и были. Казалось, противники Милютина были совсем близки к цели. Но обстоятельства, непредвиденные и неподвластные их воле и влиянию, позволили Милютину продолжить начатые преобразования.

Франко-прусская война 1870 г. и молниеносный разгром Франции произвели сильное впечатление и на Россию также, заставив ее правителей задуматься о состоянии вооруженных сил и их боеспособности. Воспользовавшись этим, Милютин поставил вопрос об увеличении численности войск и о введении всеобщей воинской повинности. Но сделал это не прямо, а прибегнув к помощи П.А.Валуева, с

которым прежде они не раз сталкивались. Находясь летом 1870 г. за границей, Валуев наблюдал стремительный разгром Франции и под впечатлением увиденного пришел к заключению о своевременности перехода России к всеобщей воинской повинности. Это мнение он высказал Милютину по возвращении. «Я отвечал ему, — пишет Милютин, — что без сомнения такое решение вопроса было бы самым рациональным, но что едва ли можно рассчитывать на успех, если инициативу подобного предложения приму я на себя: достаточно моего имени в этом предложении, чтобы оно было признано новой революционной мерой. Я убедил Валуева изложить письменно его мысли и представить их государю от своего имени»⁴⁸.

Валуев незамедлительно отреагировал на предложение Милютина и за несколько дней составил записку «Мысли невоенного о наших военных силах», в которой, ссылаясь на опыт Франко-прусской войны, доказывал необходимость увеличения вооруженных сил России на основе всеобщей воинской повинности. Эта записка, переданная Александру II, была возвращена Милютину с собственноручной одобрительной резолюцией. Перед Милютиним открылась возможность подготовить и осуществить главную из военных реформ, идея которой была обозначена еще в программном докладе 15 января 1862 г. Оппозиция в лице П.А.Шувалова, А.И.Барятинского, Д.А.Толстого, вел. кн. Михаила и Николая Николаевичей и их сторонников предприняла последнюю отчаянную попытку помешать планам Милютина, устранить его лично от управления министерством, отменить уже проведенные в 60-х гг. реформы. На секретных совещаниях под председательством Александра II, проходивших в течение 1873 г., развернулась неприкрытая борьба и жесткая полемика. Чаша весов колебалась. Был момент, когда оппозиция, сумев склонить на свою сторону царя, казалось, брала верх. Милютин проявил непреклонность и готов был уйти в отставку (как и его брат Николай Милютин в 1860 г., когда разработанная концепция крестьянской реформы оказалась под ударом). И все же конфронтация противостоящих сил закончилась победой Милютина и его программы, хотя в некоторых вопросах были приняты компромиссные реше-

ния. Александр II побоялся лишиться испытанного и надежного министра. Разработанный под его руководством Устав о воинской повинности был издан 1 января 1874 г., главная из военных реформ принята вопреки усилиям оппозиции, отстоявавшей привилегии дворянства.

По этому закону воинскую повинность должно было отбывать все мужское население, достигшее 21 года, без различия сословий. Срок действительной службы устанавливался для сухопутных войск 6 лет и 9 лет в запасе, для флота соответственно 7 лет службы и 3 года в запасе. В действительности принцип всеобщности проводился непоследовательно. От воинской повинности освобождались: значительная часть «инородческого» населения Средней Азии, Казахстана, Северного Кавказа, Крайнего Севера, представители некоторых религиозных сект, духовенство. Значительные льготы предоставлялись по образованию, что коснулось главным образом привилегированных сословий. Закон 1874 г. отличался гуманностью. От действительной службы освобождались лица, имевшие льготы по семейному положению: единственный сын у родителей, единственный кормилец в семье при малолетних братьях и сестрах, призывники, у которых в семье старший брат отбывает или отбыл срок действительной службы; около 15-20% призывников освобождалось от службы по физической непригодности. Несмотря на все эти ограничения в реализации принципа всеобщей воинской повинности, закон 1874 г. создал условия для образования обученных резервов и перехода к массовой армии в России.

Победа Милютина, добившегося принятия Устава о воинской повинности, совпала с падением всемогущего Шувалова. С середины 70-х гг. Милютин стал самым влиятельным лицом в правительственных сферах. К его содействию часто обращались в самых важных случаях, его мнения спрашивали при решении всех серьезных государственных вопросов, особенно внешней политики, борьбы с революционным движением, присоединения новых территорий, управления окраинами и др.

Именно в это время, с сер. 70-х годов, в сложном переплетении внутри- и внешнеполитических обстоятельств, когда возник восточный кризис, а в России была принята

последняя из Великих реформ и вполне проявились последствия ранее проведенных, на повестке дня встал вопрос выработки дальнейшей стратегии действий правящих «верхов». В этой ситуации, при отсутствии в России кабинета министров, роль Милютина, выдвинувшегося на первый план среди политической элиты, стала особенно важна.

С уходом Шувалова германофильская группировка в «верхах», которую он возглавлял, ослабла. И все же Милютину, бывшему всегда убежденным противником этого направления, не удалось добиться решительного пересмотра внешнеполитической ориентации. Почтение и любовь Александра II к своему родному дяде (по матери), германскому императору Вильгельму I были серьезным препятствием на этом пути. Милютин с тревогой наблюдал за поисками О.Бисмарка, стремившегося отвлечь Россию от европейских дел.

По-прежнему настаивая на наступательной политике в Средней Азии (вопрос о занятии Кокандского ханства был решен Александром II под влиянием Милютина и его ставленника К.П.Кауфмана), Милютин с напряженным вниманием следил за развитием отношений России с Турцией. Когда в середине 70-х годов национально-освободительное движение на Балканах заявило о себе в полную силу и вылилось в открытое выступление против турецкого господства, Милютин определил свою позицию. Хотя русское правительство заявило сербскому и черногорскому князьям, что «все последствия падут на их ответственность и чтобы они не рассчитывали на помощь России», как отмечает Милютин в своем дневнике, тем не менее в феврале 1876 г. он «спросил государя не полагает ли его Величество нужным приступить к каким-нибудь предварительным приготовлениям по военной части». Император без колебаний ответил, что «не видит в этом никакой надобности, что и без всяких с нашей стороны приготовлений не перестают распускать слухи о том, будто мы вооружаемся»⁴⁹.

Это не остановило Милютина. Именно в первые месяцы года он неоднократно совещался с Н.Н.Обручевым и пришел к мысли о необходимости составить план мобилизации, увязанный с конкретными целями возможной войны. Обраще-

ние Милютина к Обручеву вполне объяснимо. Еще в 1873 г. он был послан в Турцию с целью сбора информации о ее вооруженных силах и представил правительству военно-политический анализ состояния страны. Он доказывал, что влияние и вес России и Турции сокращается, что Европа проникает вглубь державы Османов, что в своей дальнейшей политике русское правительство должно последовательно поддерживать болгар в их противостоянии туркам и конфликте с греками. Обручев считал, что турецкая армия плохо организована и обучена, хотя и хорошо по-европейски вооружена, что она не в состоянии предпринять эффективного наступления, так же как броненосный флот не может представлять серьезной угрозы⁵⁰. В общем к заданию Милютина Обручев был готов и составил соответствующую его намерениям записку незамедлительно и, видимо, не без удовольствия.

Однако она не получила хода. 25 марта 1876 г. Милютин записал в своем дневнике: «Едва я завел об этом речь, полагая предоставить Государю записку Обручева для прочтения, его Величество прервал меня приблизительно такими словами: «Могу тебе сказать, что я признаю войну в близком будущем невозможной и совершенно уверен, что мы избегнем ее»⁵¹. Действительно, как считает исследователь внешней политики Н.С.Киняпина, «Александр II и Горчаков, боясь повторения «крымской ситуации», проводили примирительную тактику, действуя в союзе с Австро-Венгрией и Германией»⁵². По свидетельству близко наблюдавшего Александра II министра финансов М.Х.Рейтерна в нем никогда не изгладились тяжелое впечатление, «как беды Крымской войны сломили твердую натуру его отца», и вообще «ему казалось, что если после продолжительного мирного царствования наступит война, то он ее не доведет до конца и подобно отцу не вынесет бремя»⁵³. Не только Рейтерн, но и Милютин отмечал свойственную Александру II черту — придавать большое значение прецедентам.

Среди высшей бюрократии было немало лиц, крайне отрицательно относившихся к возможности вступления России в войну. Кроме Горчакова, это многие министры: финансов — М.Х.Рейтерн, внутренних дел — А.Е.Тимашев, госу-

дарственных имуществ — П.А.Валуев; государственный контролер — С.А.Грейг, шеф жандармов — А.Л.Потапов; на их сторону склонялся председатель Государственного совета — брат царя вел. кн. Константин Николаевич. Но сторонники активных действий были сильны. Помимо военных, среди них — представители внешнеполитического ведомства: Н.П.Игнатьев и П.Н.Стремоухов (несмотря на миролюбивую позицию канцлера). Эти силы поддерживал наследник престола вел. кн. Александр Александрович, постоянно подогреваемый разговорами и письмами К.П.Победоносцева. Вместе с сыном (но не с супругом) оказалась в своем восприятии и отношении к восточному кризису и славянскому делу императрица Мария Александровна и ее придворное дамское окружение.

Роль и влияние «партии действия» многократно усиливалось общественной атмосферой в стране, деятельностью Славянских комитетов, пропагандой славянофилов. «Братушколюбие» (выражение кн. В.П.Мещерского), воинственное настроение овладело обществом. «Толпы добровольцев всех сословий, в том числе простых солдат, офицеров и даже генералов, покинувших службу, стремились в Сербию и Черногорию, чтобы встать в ряды бойцов за славянское дело и принять участие в освободительном их подвиге», — писал биограф Александра II С.С.Татищев, в те годы дипломат и участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Не случайно «маститый ветеран мысли и слова», кн. П.А.Вяземский, категорически отвергавший целесообразность вступления России в войну, чувствовал себя в обществе одиноко и писал близкому свойственнику: «В том-то и главная погрешность, главное недоразумение наше, что мы считаем себя более славянами, чем русскими (...)»⁵⁴.

Неудачи и потери национально-освободительного движения на Балканах, особенно апрельского восстания в Болгарии, усиливающийся накал общественного настроения в России способствовали укреплению «партии действия» в «верхах» и исподволь стали раскачивать казалось бы незыблемую миролюбивую позицию Александра II и канцлера. Немаловажную роль в этом процессе играла и расстановка сил на международной арене. Это стало известно окружаю-

щим после отклонения Англией Берлинского меморандума, т.е. с лета 1876 г. Сам Горчаков, поддерживавший в Императоре убеждения, что дипломатическим путем будет достигнуто некоторое улучшение положения славян и дано удовлетворение симпатиям России к ним, не мог более настаивать на этом. Как можно судить по собственным признаниям Александра II, после поездки в Берлин у него не было полной уверенности и в своих союзниках (Австро-Венгрии и Германии). Во всяком случае, в беседе со своим военным министром после возвращения из Германии, у Александра II «неволью вырвалось сознание затруднительности настоящей минуты».

Пораженный глубиной переживания и искренностью монарха, Милютин оставил бесценную для понимания ситуации и личности Александра II запись: «Давно уже не случилось слышать от него такого искреннего, откровенного излияния занимающих его мыслей и душевных забот. «Постоянно слышу я упреки, зачем мы остаемся в пассивном положении, зачем не подаем деятельной помощи славянам турецким. Спрашиваю тебя, благоразумно ли было бы нам, открыто вмешавшись в дело, подвергнуть Россию всем бедственным последствиям европейской войны? Я не менее других сочувствую несчастным христианам Турции, но я ставлю выше всего интересы самой России». Тут государь обратился к воспоминаниям Крымской войны; слезы навернулись на его глазах, когда он заговорил о тогдашнем тяжелом положении покойного Императора Николая (...) «Конечно, если нас заставят воевать, — мы будем воевать, но я не должен сам подать ни малейшего повода к войне (...) Не надо забывать, что секретный союз, заключенный мною с Германией и Австрией, есть исключительно союз оборонительный (...), они не сочтут себя обязанными поддерживать нас в случае инициативы с нашей стороны». Этот монолог Государя продолжался с полчаса и были минуты, когда от волнения он «не мог говорить». Он сознался, что «эти именно заботы и беспокойства гложат его и подкапывают здоровье (...). Вот отчего я и хуюею, отчего и лечение мое в Эмсе не пошло впрок»⁵⁵.

То же восприятие настроения и смятения Александра II находим в записках Рейтерна: «После Берлинского свидания Государь остался два месяца за границею и вероятно не знал, что здесь делается. Когда же он возвратился, то общее возбуждение дошло уже до крайних размеров и остановить его было уже весьма трудно. Государь оставался здесь еще около месяца и несколько раз мне повторял о своем намерении кончить дело без войны, — но все его речи показывали внутреннюю борьбу и душевные страдания»⁵⁶.

В этом смятении, неуверенности и колебаниях, однако не отказавшись еще от своей миролюбивой стратегии, в мрачном настроении Александр II отправился в Ливадию, где скрестятся шпаги двух борющихся группировок, где определится новая стратегия, в которой роль Милютина будет очень важна.

По прибытии в конце августа 1876 г. Александра II в сопровождении министров в Ливадию, начались совещания по восточному вопросу (Горчаков, Милютин, А.В.Аллерберг, к которым присоединился Игнатъев). 23 сентября П.А.Валуев в записи дневника сообщает: «Милютин писал Рейтерну (из Ливадии в Петербург. — Д.З.), что если против нас одна Турция, мобилизуют 4 округа: Одесский, Киевский, Харьковский и Кавказский, если же с Турцией европейские державы, то — всю армию»⁵⁷. Тогда же по телеграфу вызваны в Ливадию наследник вел. кн. Александр Александрович, а затем к 1 октября — «стратег Военного министерства», соратник Милютина Н.Н.Обручев и министр финансов М.Х.Рейтерн. В день их прибытия Милютин «успел только обменяться несколькими словами» с министром финансов, а с Обручевым «просидел несколько часов»⁵⁸. «Общая атмосфера в Ливадии была крайне воинственна»⁵⁹, — констатировал сразу же Рейтерн.

Несовместимость противоположных точек зрения особенно наглядно проявилась в записках Обручева и Рейтерна. Обе ярко и определенно формулировали различную стратегию, их противостояние сохранялось вплоть до объявления войны.

Записка Обручева, поданная Милютину, 1 октября, содержит первый план войны против Турции. Решительно оп-

ределается «цель войны»: «вырвать из власти турок» Болгарию; и далее: «надо быть готовыми к следующей, еще более энергичной мере» — «к удару на самый Константинополь». Предвидя осложнения и неизбежные столкновения с Англией, автор записки убеждает не останавливаться перед этим препятствием. Здесь стоит послушать самого Обручева, так как любой пересказ будет бледен. «По всей вероятности, мы встретим здесь англичан (т.е. в Константинополе. — Л.З.) и если они не согласятся исполнить наших требований, а будут упорствовать в поддержке турок, нам придется биться с англичанами (...) Если счастье благоприятствует нам взять Константинополь, тогда раз навсегда отделаемся и от Турции, и от Англии. Было бы большой ошибкой излишне опасаться брать Константинополь и заранее намечать пределы успехов армии. Напротив, благоразумнее и предусмотрительнее, начиная дело с занятия Болгарии, быть вместе с тем готовыми к достижению самых решительных результатов войны. Пожертвования для нее принесутся громадные, они должны окупиться. Надо думать, что если мы, взяв Константинополь, признаем его международным городом, то Европа не только не будет против нас, но будет даже рада (подчеркнуто нами. — Л.З.), что нескончаемый, всех пугающий восточный вопрос наконец решен»⁶⁰. Патриотический порыв, одержимая страсть осуществить вековую мечту — занять Константинополь и овладеть проливами — переплетается с явной иллюзией обрадовать Европу военными успехами России и одновременно победить англичан.

Помимо стратегических целей Обручев излагал конкретный план действий, сроки мобилизации, операционный путь движения армии, меры предосторожности против Австрии и т.д. Обязательным условием успеха этого плана была быстрота его реализации и расчет на то, что в это время турецкая армия еще не была отмобилизована⁶¹. И все же высокий профессионализм Обручева, как военного теоретика, не исключает очевидной склонности к авантюризму.

Записка Рейтерна, написанная по заданию Александра II и поданная ему 3 октября, отличалась уравновешенностью и трезвостью оценок. Не лишенная эмоциональности, она основывалась на фактах, на учете реальных экономических и

финансовых возможностей страны, на расстановке сил в Европе. Отвечая на вопрос Александра II, «какие представляются средства для ведения войны», Рейтерн без колебаний утверждал, что если война с Турцией вызовет столкновение с Англией или с какой-либо европейской державой, то «это повело бы не только к расстройству, но смею выразиться, к погрому наших финансовых и экономических интересов». Что касается конечных результатов возможной войны с Турцией, без согласования с европейскими державами, оценка Рейтерна глубоко пессимистична. «По моему убеждению изолированное действие наше не может вести ни к скорому, ни к хорошему исходу: занятие Болгарии несколько вопроса не решает». Итог записки: «(...) к военным действиям мы можем приступить не иначе, как имея формально обеспеченное содействие одной из держав»⁶².

По прочтении этой записки Александр II собрал у себя 4 октября совещание, в котором кроме наследника цесаревича присутствовали: Горчаков, Адлерберг, Милютин, Рейтерн, Игнатъев. Ни один из министров записки министра финансов не читал, заранее ознакомился с ней только наследник; накануне, 3 октября, Александр II принял Обручева. Так что к совещанию полной информацией о двух различных, даже противоположных, подходах к восточному вопросу владел только Император. «С самого начала Государь напал на Рейтерна за его записку (...) Государь возвратил ему записку, сказав, что он вызвал его не для того, чтобы узнать его мнение, следует ли начать войну или нет, а чтобы изыскать средства к покрытию тех издержек, которые вызовет война», — записал Милютин, подробно зафиксировавший в своем дневнике ход этого совещания⁶³.

Милютин в своем выступлении осветил «собственно военную сторону вопроса», указал сколько времени нужно на мобилизацию, на движение войск в пределы Турции, отметил трудности зимней кампании, не отвергая возможности ее. По записям дневника создается впечатление, что готовность вооруженных сил у него не вызвала сомнений, вопреки критикам и оппонентам проведенных им военных реформ (хотя в его речи нет запальчивости, свойственной запискам Обручева, более того, есть «понимание начинаемой

драмы»). Другое дело политическая сторона вопроса, деятельность ведомства Горчакова, всегда находившегося под пристальным огнем военного министра. Милютин проявил определенную осторожность, опасаясь европейской коалиции против России, в отличие от 78-летнего канцлера, который, поддавшись настроению императора, отмахнулся репликой: «нельзя же все ставить гипотезы неблагоприятные».

Результатом совещания было решение немедленно отправить Игнатьева в Константинополь для выполнения своих посольских функций и приступить к мобилизации (частичной) приблизительно около 1 ноября. «И хотя я, — заканчивает свою запись Милютин, — еще попробовал снова обратить внимание на опасные последствия, которых можно ожидать от перехода нашего через границу, подобно примеру 1853 года, на возможность немедленного против нас вооружения большей части Европы, — однако ж часы уже показывали наступление времени прогулки, и совещание было прекращено». Но эти опасения, противоречащие общей линии Милютина в восточном вопросе, не лишали его уверенности в правоте военных. 7 октября он записал: «Приготовления наши к войне идут деятельно: в Петербурге все подготавливается к мобилизации войск, назначенных для охранения Черноморского побережья и для наступательных действий в Турцию, Европейскую и Азиатскую».

Уверенность в неизбежности войны после совещаний в Ливадии среди части военных была полная. Уже осенью 1876 г. главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич объявил генералу М.А.Газенкампу, что берет его с собой, имея в виду поручить ведение журнала военных действий. «Но, — замечает в своем дневнике Газенкампф, — в высших сферах еще надеялись тогда избежать войны, полагая, что одна мобилизация и сосредоточение четырех корпусов в Бессарабии заставит Порту подчиниться всем нашим требованиям». Поэтому Милютин воспротивился намерениям великого князя, отложив отъезд Газенкампа в главную квартиру до момента, когда неизбежность войны станет очевидной⁶⁴. Проводя мобилизацию, Милютин еще не исключал возможность избежать войну.

Рейтерн совершенно иначе воспринял ситуацию. Он оценил поведение и позицию Александра II как «происшедший переворот» под влиянием «ливадской атмосферы», а решения совещания как «роковые»⁶⁵. Вернувшись из Ливадии в Петербург и посетив Н.К.Гирса, Рейтерн сказал ему: «За исключением Адлерберга они там все сошли с ума»⁶⁶. Роковыми министр финансов считал две меры: 1) решение о мобилизации и готовность перейти границу, что в дипломатическом отношении закрывало возможность компромисса и 2) решение о московской речи Александра II (принятое в Ливадии после совещания), потому что «оно связало Государя как бы вопросом чести». Примечательно, что эти решения, как и все пребывание в Ливадии, сопровождалось мрачным настроением Александра II. Об этом писал не только Рейтерн, но и Милютин, почти в каждой записи дневника.

Александр II произнес свою, ставшую широко известной, речь 29 октября 1876 г. в торжественной обстановке в Кремле, где собрались тысячи представителей различных сословий. «Желаю весьма, — провозгласил монарх, — чтобы мы могли прийти к общему соглашению. Если же оно не состоится и я увижу, что мы не добьемся таких гарантий, которые обеспечивали бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то я имею твердое намерение действовать самостоятельно и уверен, что в таком случае вся Россия отзовется на мой призыв, когда я сочту нужным и честь России того потребует (...) Да поможет нам Бог исполнить наше святое призвание»⁶⁷. Царское слово, слово помазанника Божья, восторженно встреченное, было публично произнесено. Путь назад отрезан. После долгих колебаний под натиском сторонников войны (среди которых не последнюю роль играл Милютин), под влиянием общественного мнения, охваченного идеей освободительной миссии России, вопреки своему устойчивому неприятию панславизма, Александр II встал на путь войны. Он решился на мобилизацию, которую последовательно и настойчиво добивался военный министр. 1 ноября 1876 г. состоялось высочайшее повеление и Милютин приступил к первой в истории русской армии мобилизации

(частичной), спустя неполных три года после принятия Устава о всеобщей воинской повинности.

Параллельно с подготовкой к войне дипломатические усилия воздействовать на Турцию с целью проведения благоприятных для христианского населения реформ продолжались, теплились еще надежды на результативность созванной в Константинополе европейской конференции, и Александр II стал возвращаться к прежней уверенности в миролюбивом исходе восточного кризиса. Более того, Рейтерн подчеркивает, что «отрезвление после ливадского упоения» началось в нем сразу же в Москве: «Государь со своим тонким тактом не мог не заметить, что атмосфера Москвы, несмотря на то, что она центр славянофильской агитации не та, в которой он находился в Ливадии». С окончанием сербской войны, перемирием, вырванным у Порты угрозами России, «увлечение публики быстро падало» и в «трезвой петербургской среде Государь все более и более приходил в прежнее свое мирное расположение». Рейтерн пишет, что в разговорах с ним Александр II в это время «выражал неоднократно свое желание кончить дело миром», а в декабре он публично заявил депутатам от купечества, что «он надеется, что войны не будет».

Аналогичное с министром финансов мнение высказывает и Валуев. 17 ноября он записал в дневнике: «Вчера был в Царском (Селе. — Л.З.) для доклада (...) Государь говорил о восточных делах с горячностью и в совершенно антиславянском направлении. То, что он слышал от Мариновича (сербского делегата), от Карцева (нашего консула в Болгарии) и от ген. Дохтурова (из Сербии вернувшегося), вероятно содействовало тому, что он возвратился к своему личному настроению — доиюльскому»⁶⁸.

Однако, с начала 1877 г., после демарша Турции, когда политическая ситуация крайне обострилась и Милютин жестко, уже без всяких колебаний, признал абсолютную для России неизбежность войны, вопрос о позиции Александра II становился решающим. Чтобы воздействовать на самодержца, колеблющегося между миром и войной, необходимо было сломить доводы противников войны. Усилия Милютина сконцентрировались на этой цели. «5-го февраля, суббо-

та, — читаем запись в его дневнике. — после моего доклада Государь при мне же принял кн. Горчакова. По мнению Государя последние известия неутешительны (...) Наш канцлер со своей стороны, желая мира во чтобы то ни стало, старается отнять у Государя всякие надежды на союзников (...) Кн. Горчаков настаивал, чтобы Государь потребовал письменного изложения мнений министров о настоящем положении дел и предстоящем нам образе действия, особенно же от министров финансов и военного. Он говорил, что в его лета слишком тяжело одному нести ответственность в столь серьезную эпоху (подчеркнуто нами. — Л.З.). Нельзя отказать канцлеру в мудрости: он понимал историческую важность момента и предстоящего решения. Возможно, хотел избежать опыт «ливадских совещаний», когда важные заключения были приняты без ознакомления с текстом записок, наспех, без всестороннего обсуждения. Как показалось Милютину, Александр II не придавал особенного значения заявлению канцлера, но сказал, что «желает в будущий вторник выслушать словесные наши объяснения». Запись в дневнике Милютин заканчивает так: «Постараюсь ко вторнику подготовить две записки: одну в виде справки для наших дипломатов, которые позволяют порочить наши вооруженные силы, не имея о них ни малейшего сведения и не понимая вовсе существа дела, другую — собственно мое мнение о настоящем положении нашем и плане действий. Редактирование этих записок поручил ген.-л. Обручеву и полк. Лобко»⁶⁹.

Оба исполнили свою работу «быстро и отлично». Эти записки оказали решающее влияние на дальнейшие решения правительства, предопределившие объявление войны Турции. Они обсуждались на совещаниях у императора, где присутствовали: наследник, следующий за ним по старшинству сын царя вел. кн. Владимир Александрович, вел. кн. Константин Николаевич; министры — Горчаков, Милютин, Рейтерн, Тимашев, Валуев; а также Игнатьев. Перед заседанием 8 февраля, фиксирует Милютин в дневнике, «великий князь Константин Николаевич начал было меня убеждать в необходимости во что бы то ни стало устранить войну. В начале совещания и кн. Горчаков и сам Государь заговорили в том же смысле». По желанию Александра II Милютин про-

чел записку, в которой сообщалось о «громдных цифрах наших сил». Это произвело большое впечатление на участников совещания. Однако, признавая факт готовности армии, тем не менее Рейтерн вновь утверждал о грозящем России экономическом и финансовом разорении, а канцлер настаивал на демобилизации.

«По выслушании такого чудовищного мнения», как он определил выступления своих оппонентов, Милютин зачитал записку «Наше политическое положение», составленную Обручевым⁷⁰. Записка эта известна, в литературе, не раз цитировалась, но ее содержание и значение раскрыты далеко не полностью. Анализ этой записки, ее влияния, а вместе и влияния Милютина на ход дел заслуживают самого пристального внимания.

Записка начиналась миролюбиво, с признания пагубности войны и ее последствий для России: «Внутреннее и экономическое перерождение России находятся в таком фазисе, что всякая внешняя ему помеха может повести к весьма продолжительному расстройству государственного организма. Ни одно из предпринятых преобразований еще не закончено. Экономические и нравственные силы государства далеко еще не приведены в равновесие с его потребностями. По всем отраслям государственного развития сделаны или еще делаются громадные затраты, от которых плоды ожидаются лишь в будущем. Словом вся жизнь государства поставлена на новые основы, только еще начинающие пускать корни. Война в подобных обстоятельствах была бы поистине великим для нас бедствием. Страшное внутреннее расходование сил усугубилось бы еще внешним напряжением, вся полезная работа парализовалась бы, и непомерные жертвования могли бы быстро привести государство к полному истощению. Задача народного благосостояния, которой с такой заботой и любовью были посвящены все годы нынешнего царствования, опять стала бы на отдаленный план, а вместе с тем могло бы пошатнуться и самое величие России». Отмечались также неблагоприятные для России внешнеполитические условия: «У нас нет ни одного союзника, на помощь которого мы могли бы безусловно рассчитывать». Австрию военный министр уличал «в тройной игре», Германию в по-

творстве всем видам Австрии, Союз трех императоров называл «призраком». И далее: «Даже при благоприятных обстоятельствах Россия может оказаться вполне уединенной; при неблагоприятных же — она может вдруг подвергнуться ударам громадной европейской коалиции. Таким образом, — заключал министр, — как внутреннее наше положение, так и внешняя наша обстановка одинаково указывает, что нам не только нельзя желать войны, а напротив следует всемерно стараться ее избежать».

Эти мысли звучат удивительно в унисон с запиской Рейтерна, отвергнутой в Ливадии, не без содействия Милютина. Как один из видных, главных деятелей Великих реформ, умом и сердцем преданный реформаторскому курсу царствования Александра II, Милютин не мог отрицать разумные, обоснованные, абсолютно очевидные для непредвзятого человека, доводы министра финансов. Он и не опровергал, он признавал их, так безоговорочно и убедительно, что некоторые историки, подпадая под обаяние его пера, доверчиво заканчивали на этом анализ программно-стратегической для Военного ведомства записки, считая ее вполне миролюбивой. Ту же ошибку готовы были совершить и некоторые участники совещания, как например Горчаков, который «вполголоса выражал, что сам готов подписать все слышанное», но тут же был хладнокровно и резко осажен военным министром: «Не спешите, заключение мое будет совсем не в вашем смысле»⁷¹.

Действительно, подлинная стратегия Военного ведомства раскрывается дальше. Пафос этой второй части записки воинственный, нацеленный на решительность действий, на продолжение и развитие традиционной имперской политики в духе решений Кучук-Кайнарджийского, Ясского, Бухарестского, Адрианопольского мирных договоров, т.е. укрепления исключительных прав России на Балканах. Результаты деятельности недавней Константинопольской конференции, руководимой фактически Англией, расцениваются как «фактическое бессилие применения коллективного европейского права» в решении восточного вопроса. «Другие государства могут колебаться и медлить в приискании решений для турецких недоразумений. Нам же колебаться нельзя, — перехо-

дит Милютин к существу дела, — мы связаны и перед Россией, и перед христианами, и перед всей Европой словами Государя Императора, мы выставили на границу мобилизованную, сильную армию, которая в глазах всего мира подняла меч на защиту нашей чести.

Отступить от слов Государя Императора значило бы то же, что отступить от русской истории, поколебать уверенность русского человека в самом себе и в руководящий им принцип. Вера в святость слова Царя не должна ничем помыряться (...) Распустить приготовившуюся к бою армию без почетного, вполне удовлетворяющего мира, значило бы испортить армию. Подобный роспуск армии без всяких достигнутых результатов почти соответствовал бы второй проигранной Крымской кампании», — категорически утверждал Милютин.

Тяжелая словесная артиллерия пущена в ход. Одним ударом достигался двойной эффект: безошибочное, точно и тонко рассчитанное воздействие на Александра II, для которого понятия воинской чести, незыблемости слова помазанника Божия, были святы; одновременно те же понятия выбивали почву у оппозиции, которая апеллировала к логике, здравому смыслу, прагматизму. Упоминание о Крымской кампании еще один сильно действующий аргумент, если учесть умонастроение Александра II и опасения оппозиции. Получалось, что угроза Крымского поражения существовала не столько в случае войны, сколько при отказе от нее.

Центральная идея записки выражена определенно и немногословно: «Напрасно скрывать от себя, что восточный вопрос в том виде, как стоит — преимущественно русский и что формула общей за него европейской ответственности мало к нам приложима».

В записке Милютина выдвигались конкретные требования (ультиматум) к Турции, выполнение которых позволило бы «добиться почетного мира» без объявления войны. В 3-х пунктах речь идет об административном устройстве христианских областей, о безопасности христианского населения, об условиях замирения с Сербией и Черногорией; в 4-ом — об «особом международном акте», который служил бы торжественным обязательством Турции перед Европой в нена-

рушимости реформ. Если же ультиматум будет отвергнут (...) мы в тот же день должны перейти границу и искать мира и восстановления нашего достоинства путем войны».

Следует отметить, что в этой записке в отличие от представленной Обручевым 1 октября 1876 г. в Ливадии речь не идет о занятии Константинополя вообще, тем более ценой войны с Англией, нет упоминания и о проливах, хотя подтверждение необходимости и готовности продолжать традиционную политику прежних царствований в восточном вопросе, фактически подразумевает эти задачи. Обратная сторона этой целевой установки — приоритет имперских задач в политической стратегии над либеральным реформаторским курсом, взятым в середине 50-х годов в связи с поражением в Восточной войне.

Записка министра финансов Рейтерна, представленная Александру II 11 февраля и зачитанная в совещании 12 февраля опровергла именно главные, стратегические установки Милютина — Обручева. Рейтерн отрицал формулировку военными «цели этой войны и ее характера», как исключительно выполнение освободительной миссии России и новое устройство славянских земель. «Первый пушечный выстрел на Дунае превратит вопрос о возможном улучшении положения христиан в вопрос о ликвидации Турецкой империи, т.е. вопрос о том, кому должен принадлежать Константинополь, как устроить христианские провинции, вовсе к тому не приготовленные и не имеющие достаточных собственных средств, что сделать с мусульманским населением и множество других не менее важных и запутанных вопросов. Немыслимо, чтобы Европа предоставила нам все это решить, — с непоколебимой уверенностью заявляет Рейтерн и далее продолжает. — Я убежден, что война с Турцией не страшная сама по себе, если взять только в соображение наши военные силы и турецкие, не может быть окончена легко и скоро потому, что она затрагивает жизненные интересы некоторых держав и возбуждаемые ею вопросы так сложны, что в наше время едва ли могут быть удовлетворительно разрешены: поэтому война будет серьезная и продолжительная и повлечет за собой, даже в случае полного успеха, целый ряд затруднений по устройству и разделу турецких провинций»⁷².

Обращаясь к экономическим и финансовым последствиям войны, Рейтерн с той же уверенностью заявлял: «Я убежден, что не только война, но и продолжительная неизвестность политического положения приведет Россию к крайнему разорению. Органические причины заключаются в том переходном положении, в котором мы находимся. Царствование Государя Императора ознаменовалось целым рядом гражданских и экономических реформ, благополучно проведенных к удивлению всего мира в короткий срок нескольких лет и притом без потрясений... Но именно потому, что эти реформы проведены так скоро, они требуют еще много времени, чтобы окрепнуть... Я глубоко убежден, что война остановит правильное развитие гражданских и экономических начинаний, составляющих славу царствования Его Величества; она причинит России неисправимое разорение и приведет ее в положение финансового и экономического расстройств, представляющее приготовленную почву для революционной и социалистической пропаганды, к которой наш век и без того уже слишком склонен».

Нельзя отказать в прозорливости такого прогноза как в сфере внутри-, так и внешнеполитических отношений, хотя Милютин привычно иронизирует, что в записке Рейтерна «все та же песнь о финансовом и экономическом расстройстве России». Горчаков еще раз пытался настоять на роспуске армии. Александр II не возражал, но прекратил совещание, не дав высказаться Валуеву и Тимашеву, которые «не имели случая произнести ни слова, к крайнему прискорбию их», — с той же иронией продолжает Милютин запись о своих явных оппонентах. Прерванное на полуслове совещание не приняло формально никакого решения, но фактически вопрос о войне был предрешен. Роль Милютина в таком исходе очевидна и более чем значительна. Открывая это совещание 12 февраля, Александр II предварил прения заявлением, что записка военного министра «вполне выражает его собственный взгляд и убеждения»⁷³.

Здесь уместно вспомнить, что до начала совещаний, 8 февраля, Александр II вместе с канцлером предпочитал мирное решение конфликта. Эмоционально сильное, вызвавшее к чести монарха и всей страны, выступление Милю-

тина, подкрепленное запиской (ярким и талантливым пером Обручева), возымело действие. Чувствительный и впечатлительный по натуре, Александр II, как несколько ранее в Ливадии, склонился на сторону «партии действия», отступив от своего твердого первоначального убеждения, одновременно и интуиции, ни в коем случае не начинать войну. Он не смог противостоять давлению, в отличие от первого года своего царствования, когда преодолел сопротивление патриотов — сторонников войны до победного конца и созвучное этим настроениям собственное свое недавнее мнение, решительно пошел на заключение Парижского мира 1856 г. 20 лет спустя, усталый, даже истощенный морально и физически, он не устоял на своей позиции и, не доведя до конца главного дела своего царствования, реформирования России, начал войну, которую и умом и сердцем, своей чуткой интуицией, так хотел избежать. 12 апреля 1877 г. он подписал Манифест об объявлении войны Турции. Отправляясь из Петербурга к своей армии, которой предстояло выполнить его высочайшее решение, Александр II называл себя «братом милосердия». Его сопровождал военный министр (Александр II было 59 лет, Милютину — 60 лет). Шесть лет спустя, уже в отставке, Милютин решительно выскажется против «опасных иллюзий» некоторых советчиков Александра III «ознаменовать свое царствование завоеванием Босфора»⁷⁴. Впрочем, его позиция станет меняться раньше, вскоре после окончания войны.

Война 1877-1878 гг. оказалась проверкой силы и слабости проведенных Милютиным военных реформ. Мобилизация прошла организованно и оправдала действенность нового Устава о воинской повинности. Однако накануне войны новая организация армии, принятая секретным совещанием 1873 года, почти вовсе не была осуществлена, перевооружение пехоты не было закончено. Наконец, введение всеобщей воинской повинности, имевшее огромное значение в деле создания обученного людского запаса, не могло принести еще никаких результатов, так как ни один возраст, призванный на военную службу по новому закону, не выслужил к 1877 году своего срока⁷⁵. Это заключение сделано П.А.Зайон-

чковским на основе фундаментального исследования о военных реформах Милютинана.

Помимо незавершенности и недостатков преобразований, вскрылись и другие причины многих трудностей, неудач, больших человеческих жертв. В войну особенно наглядно проявились бездарность и некомпетентность открыто враждовавшего с Милютиным главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и его окружения. Опасность представляло и постоянное вмешательство в дела Александра II, горевшего желанием «принять участие в бою», как с горечью отмечал Милютин, обреченный на безучастное присутствие при монархе. Сама государственная система самодержавной монархии была грозным препятствием на пути реализации ею же принятых реформ⁷⁶.

И все же в критический момент, после третьего неудачного штурма Плевны, когда командование и Александр II склонялись к отступлению, именно по настоянию военного министра было принято решение об осаде, завершившейся победой, предопределившей окончание войны. Милютин был награжден орденом Св.Георгия 2-й степени, после Берлинского конгресса, рассмотревшего и утвердившего условия мира между Россией и Турцией, он был возведен в графское достоинство.

С этого времени роль Милютина в правительстве стала особенно значительна. Фактически он направлял внешнюю политику после ухода в длительный отпуск постаревшего канцлера А.М.Горчакова. Это вызвало большую тревогу Бисмарка и его соратников, рассматривавших Милютина как принципиального врага проводимой ими на международной арене политики по отношению к России. Настороженность Бисмарка имела основание. Милютин действительно увидел и осознал опасность для России усиленной милитаризации и стремительного возвышения западного соседа.

В эти последние годы своего министерства Милютин не переставал интересоваться восточным вопросом, существенно откорректировав свою прежнюю позицию. Как реальный политик, он учел уроки русско-турецкой войны и Берлинского конгресса. Прогнозы Рейтерна подтвердились. Далекий от военных дел и внешней политики, министр финансов

смог предусмотреть последствия войны гораздо точнее, чем военные и специалисты Министерства иностранных дел по восточному вопросу. Победа оказалась не легкой и не скорой; русская армия, приблизившись к Константинополю, не пыталась занять сам город, т.е. осуществить цель войны, как планировал Обручев; европейские державы пересмотрели условия Сан-Стефанского перемирия на Берлинском конгрессе, доказав еще раз (после Крымской войны), что восточный вопрос перестал быть «русским», как утверждал Милютин накануне войны; война, облегчив судьбу одних славянских народов или освободив другие от турецкого ига, не обеспечила согласия и сплоченности славянского мира и вовсе не исключила ориентации на Запад (вместо России), о чем предупреждал Рейтерн; в самой России политическая ситуация после войны обострилась, конфронтация общества и власти усилилась, деятельность революционного народничества приняла крайние формы – планомерного и систематического террора.

Милютин не мог не видеть и не учесть последствия войны. Не признавая прямо своих просчетов и ошибок, он написал новую записку «Мысли о возможном решении восточного вопроса в случае окончательного распада Османской Империи», датированную 5 октября 1880 г. Он уже не называет восточный вопрос «преимущественно русским», как в записке 7 февраля 1877 года. Напротив, выдвигает идею Балканской конфедерации (в составе 6 государств: Румыния, Сербия, Черногория, Болгария, Албания, Греция) под общим покровительством Европы, т.е. международной комиссии из представителей 6 великих держав – Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, России, Франции. Вопрос о проливах предлагалось решить посредством их нейтрализации⁷⁷.

Не только внешнеполитические вопросы занимали Милютина помимо специальной военной сферы. В последние годы своей государственной деятельности, достигнув наивысших почестей, влияния и успехов в карьере, Милютин с обостренным, пристальным вниманием следит за развитием внутривосточных событий в стране и общим направлением правительственного курса. Размах революционного дви-

жения, увлекшего молодежь на путь терроризма, настораживал и не мог оставить безучастным такого просвещенного и по-государственному мыслящего человека.

29 апреля 1879 г. Милютин подытожил свои впечатления в дневнике: «Действительно, нельзя не признать, что все наше государственное устройство требует коренной реформы снизу доверху. Как устройство сельского самоуправления, земства, местной администрации, уездной и губернской, так и центральных и высших учреждений — все отжило свой век, все должно б получить новые формы, согласованные с Великими реформами, совершенными в 60-х годах. К крайнему прискорбию такая колоссальная работа не по плечам теперешним нашим государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицмейстера или даже городского. Высшее правительство запугано дерзкими проявлениями социалистической пропаганды за последние годы и думает только об охранительных полицейских мерах, вместо того, чтобы действовать против самого корня зла. Появилась зараза — и правительство устраивает карантинное оцепление, не предпринимая ничего для самого лечения болезни. Высказывая эти грустные мысли, невольно задаешь самому себе вопрос: честно ли ты поступаешь, храня про себя эти убеждения, находясь в самом составе высшего правительства? Часто, почти постоянно гнетет меня этот вопрос, но что же делать? — Плетью обуха не перешибешь; я был бы Дон-Кихотом, если бы задумал проводить взгляды, совершенно противоположные существующим в той сфере, среди которой вращаюсь; взгляды эти сделали бы невозможным мое официальное положение и не принесли б ровно никакой пользы делу; я убежден, что теперешние люди не в силах не только разрешить предстоящую задачу, но даже и понять ее. Для успокоения же собственной совести было бы одно средство — удалиться от правительственной деятельности, что и составляет уже давно предмет задушевной моей мечты; но возможно ли было предпринять такой шаг в последние годы и скоро ли можно будет осуществить свою давнишнюю мечту?»⁷⁸ Эта запись сделана за два года до отставки.

Тревожные мысли о судьбах начатых реформ и будущем России не оставляли Милютина в эти последние годы его государственной деятельности. Наиболее полно он высказал свои соображения в составленной осенью 1879 г. в Ливадии обширной записке-проекте «Мысли о необходимых преобразованиях в управлении, в учебной части и в духовенстве», предназначенной для представления Александру II. В развитие своих прежних политических взглядов Милютин утверждает, что «без всякого опасения какого-либо переворота или ослабления власти» можно реформировать Государственный Совет — ввести в его состав выборных от губернских земств в равном числе с членами по назначению, придав ему характер «чисто законодательного собрания». Это явилось бы логическим продолжением земской реформы и одновременно соединением высших структур власти с новыми институтами, возникшими вследствие отмены крепостного права. Другая задача этой общегосударственной реформы касалась центральной исполнительной власти — создание единого правительства во главе с первым министром, Совета Министров, имеющего программу и общее направление, способного к единству действий и несущего коллективную ответственность за проводимую политику. Реформированию подлежало, по мнению Милютина, и местное управление⁷⁹.

Бездеятельность высшего правительства, утрата им инициативы, полицейские меры борьбы с усиливающимся революционным террором подводят Милютина к неутешительным прогнозам, будущее видится в мрачном свете. Ум и интуиция не обманули его. Но прежде чем сойти с политической сцены Милютин заявит о своей позиции и, поставив интересы дела выше карьеры и личного положения, попытается предупредить роковой для страны поворот к реакции. Эти последние дни государственной деятельности Милютина связаны с трагическими событиями 1 марта 1881 г. — убийством Александра II народолюбцами и развернувшейся в «верхах» отчаянной борьбой вокруг проекта «Конституции» М.Т.Лорис-Меликова.

После долгих колебаний, попыток пресечь рост революционного движения исключительно полицейскими мерами Александр II в последний год царствования склонился к

признанию либеральной программы Лорис-Меликова, министра внутренних дел, фактически же главного лица в правительстве. Эта программа, поддержанная Милютиным, означала продолжение начатых в 60-е годы реформ, учитывала опыт учреждения и деятельности Редакционных комиссий по крестьянскому делу 1859-1860 гг. Она предусматривала понижение выкупных платежей за землю бывших помещичьих крестьян, ограничение административного и цензурного произвола, упразднение III Отделения с.е.и.в. Канцелярии, расширение компетенции земского и городского самоуправления и учреждение общего (как говорилось в докладе — «народного») представительства в высших органах власти. Несмотря на ограниченность этого представительства, созыв его мог послужить шагом, хотя и отдаленным, к конституции, к логическому завершению реформ, к обновлению самой государственной системы.

1 марта 1881 г., за два часа до трагических событий, Александр II вернул Лорис-Меликову одобренный проект правительственного сообщения о созыве «Общей Комиссии», с тем, однако, чтоб он был предварительно, до опубликования, заслушан в Совете Министров 4 марта. Как передает Милютин, Александр II сказал при этом своим сыновьям Александру (будущему императору) и Владимиру: «Я не скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции». Сам Милютин, видимо, считал это заключение императора весьма преувеличенным. Комментируя слова Александра II, он записал: «Затрудняюсь объяснить, что именно в предложениях Лорис-Меликова могло показаться царю зародышем конституции»⁸⁰.

Убийство Александра II оказалось роковым рубежом для либеральных реформ, для мирного, начатого отменой крепостного права процесса государственной перестройки. Совет Министров, собравшийся 8 марта 1881 г. под председательством Александра III, похоронил проект Лорис-Меликова, а вместе с ним и перспективу мирного, реформистского пути развития России. На этом историческом заседании среди тех, кто отстаивал проект Лорис-Меликова (вел. кн. Константин Николаевич, Валуев, министр финансов и родственник Милютиных А.А.Абаза и др.), был и Д.А.Милютин. Об-

ращая внимание Александра III на необходимость определить общее направление политики правительства, Милютин сказал: «Покойный государь по вступлении на престол принял целый ряд великих дел. Начатые им преобразования должны были обновить весь строй нашего отечества. К несчастью, выстрел Каракозова остановил исполнение многих благих предначертаний великодушного монарха. Кроме святого дела освобождения крестьян, которому покойный государь был предан душой, все остальные преобразования исполнялись вяло, с недоверием к пользе их, причем нередко принимались даже меры, несогласные с основной мыслью изданных новых законов. Понятно, что при таком образе действий, нельзя было ожидать добрых плодов от наилучших даже предначертаний, в России все затормозилось, почти замерло, повсюду стало развиваться глухое недовольство... В самое последнее только время общество оживило, всем стало легче дышать, действия правительства стали напоминать первые, лучшие годы минувшего царствования. Перед самой кончиной императора Александра Николаевича возникли предположения, рассматриваемые нами теперь. Слух о них проник в общество и все благонамеренные люди им от души сочувствовали. Весть о предполагаемых новых мерах проникла и за границу...». Здесь речь Милютина была прервана резкой репликой недовольного монарха. И хотя Милютин сумел договорить и произнести заключительные слова: «Я позволю себе горячо поддержать предложение графа Лорис-Меликова», но это ничего не решило в исходе заседания⁸¹.

Громовые речи обер-прокурора Св. Синода К.П.Победоносцева и других защитников незыблемости самодержавия укрепили непреклонность Александра III. Путь реформ, создания правового государства был отвергнут. Этот роковой для России выбор отодвинул в прошлое и деятелей Великих реформ 60-70-х гг. Не согласные с новым курсом, они подали в отставку, а некоторые покинули не только государственные посты, но даже и Петербург. «Реакция под маскою народности и православия — это верный путь к гибели для государства», — записал Милютин в мартовские дни 1881 г. в своем Дневнике⁸². К этому пути он и его единомышленники не хотели быть причастными. 22 мая 1881 г. Милютин поки-

нул свой пост, а вскоре в Военном министерстве сменился весь руководящий состав. В память 20-летнего управления Милютина министерством чинами всех военных управлений по добровольной подписке был собран особый капитал для учреждения премии графа Д.А.Милютина, которой награждались отличившиеся в учебе юнкера. Так выразили свою оценку деловых заслуг и человеческих качеств Милютина его многочисленные сотрудники. Так закончилась государственная деятельность Д.А.Милютина, но жизнь и труд продолжались еще полных 30 лет.

* * *

Переселившись с семьей навсегда в Крым, Дмитрий Алексеевич Милютин за редчайшим исключением не покидал больше своего имения «Симеиз», далекий и чуждый суете петербургской жизни. Здесь, в тиши уединения, «крымского скита», как он сам говорил, в кругу дружной семьи, близких и любящих людей, Милютин писал свои воспоминания и дневники, приводил в порядок архив, который он начал собирать с молодых лет. Архив этот пополнялся. В Симеиз приходила многочисленная корреспонденция от друзей и бывших коллег из Петербурга, Москвы, из разных концов России, поступали и официальные документальные материалы текущей политики. Эти сведения о новом направлении политики удручали. В годовщину убийства Александра II, 1 марта 1882 г. он писал: «Только год — и сколько уже перемен с тех пор, сколько тяжелых впечатлений, какое изменение в общем настроении и духе времени. Что может значить в судьбах многих миллионов исчезновение одной личности и появление другой на ее месте»⁸³. А через год, получив известие о желании Александра III видеть его на своей коронации, Милютин зафиксировал в дневнике свое отчаяние: «...с ужасом думаю о том, что придется мне вынести в эту поездку»⁸⁴.

По прибытии в Москву в начале мая 1883 г. он поселился в гостинице «Славянский базар», рядом с Лорис-Меликовым. 7 мая вечером Милютин был у Абазы, к которому зашел Лорис-Меликов и «рассказал много интересных под-

робностей недавнего прошлого». К сожалению, лаконичная запись Милютина в дневнике оставляет неудовлетворенным любопытство читателя и особенно историка о содержании этого исторического рассказа бывшего «диктатора».

Но о других важных беседах, к счастью, он сообщает. Из встреч и обсуждения с министром иностранных дел Н.К.Гирсом, послом в Берлине П.А.Сабуровым, кн. А.Б.Лобановым-Ростовским, бар. Жомини и другими представителями власти и прежними «сотоварищами» Милютин узнал, что «у Государя любимая мечта — ознаменовать свое царствование завладением Босфора и что в этих видах уже производились секретно рекогносцировки нашими офицерами Генерального Штаба; что Нелидов (посланник наш в Константинополе) действует в том же смысле и поддерживает в мыслях Государя опасную мечту». Расчет строился на возможности нейтрализовать Германию и Австрию, что позволило бы не опасаться Англии.

Милютин пытался «предостеречь дипломатов от таких опасных иллюзий, которые неизбежно приведут нас к войне, весьма нежелательной при настоящем военном и политическом положении» (подчеркнуто нами. — Л.З.). Однако, к глубокому сожалению убедился, что среди дипломатов не было ясности по вопросу об интересах России на Балканах в случае продления секретного договора 1881 г. с Германией и Австрией: кто считал, что завладение проливами, кто — слияние Болгарии с Румелией. «Что касается до меня, — запись в дневнике 20 мая 1883 г., — то я заявил, что в настоящее время интересы наши в восточном вопросе имеют характер чисто отрицательный: 1) не допустить ничего чуждого влияния на Балканском полуострове и 2) не впускать ничего военного флота в Черное море». А в целом Милютин считал необходимым установление «на будущее время незыблемого принципа, что никакое изменение в настоящем status quo на Балканском полуострове не может быть допущено без согласия с Россией»⁸⁵.

Эволюция взглядов Милютина на восточный вопрос после войны очевидна так же, как достоверность приведенных им сведений о далеко идущих замыслах и мечтах дипломатов, военных, Александра III. Нелидов действительно вну-

шал императору в своей записке 1882 г. «О занятии проливов» необходимость путем войны или мирным путем решить эту задачу, не останавливаясь перед жертвоприношениями «ввиду величия преследуемых целей». Более того, он доказывал возможность создания «на наших границах, в виде оплота против Запада всех славянских народностей, имеющих стремление и возможность жить своею особою, славянскою жизнью, в тесном, но свободном единении с Россией». Против этих строк помета Александра III: «Это было бы идеал, до которого еще далеко», а в начале записки помета к ее общему содержанию: «Все это весьма дельно и толково. Дай Бог нам дожить до этой отрадной и задушевной для нас минуты /.../ Главное не терять времени и удобного момента. А. (подчеркнуто в подлиннике. — Л.З.)»⁸⁶.

Спустя три года, в связи с событиями в Болгарии, разрывом между российским правительством и кн. Александром Баттенбергским и отзывом офицеров, прикомандированных к болгарской армии, когда Александр III твердо определил свою политику как невмешательство в болгарские дела, он вместе с тем в письме к Обручеву 24(12) сентября 1885 г. еще раз сформулировал свое сгедо в восточном вопросе: «По-моему, у нас должна быть одна и главная цель: это занятие Константинополя, чтобы раз навсегда утвердиться в проливах и знать, что они будут постоянно в наших руках. Это в интересах России и это должно быть наше стремление; все остальное, происходящее на Балканском полуострове, для нас второстепенно. Довольно популярничать в ущерб истинным интересам России. Славяне теперь должны сослужить службу России, а не мы им (подчеркнуто нами. — Л.З.)»⁸⁷. Итак, позиция Александра III в восточном вопросе осталась незыблемой с середины 70-х годов (в отличие от Милютина), стала даже более жесткой после воцарения; только славянофильский антураж «братушколюбия» оказался приглушенным на фоне болгарских событий. Письмо это имело не только официальный, но и вполне директивный характер. Александр III поручил Обручеву прочесть письмо А.Е.Влангали, «чтобы и он руководствовался этим моим взглядом», т.е. самодержец дал определенное направление не только военной, но и внешней политике страны.

Время и история подтвердили трезвую уравновешенность оценок и нового видения восточного вопроса Д.Милютиным в свете уроков войны 1877-1878 гг., к которой он в бытность военным министром решительно шел вопреки доводам своих оппонентов. Но теперь он не имел ни власти, ни влияния, и его новая позиция, новое осмысление восточного вопроса интересны только для характеристики этой выдающейся личности, не утратившей способности к саморазвитию и в преклонные годы, после завершения карьеры государственного деятеля. В своем крымском уединении он более адекватно воспринимал политические реалии, чем наделенные властью петербургские сановники, находящиеся в самом центре политических событий. Соприкоснувшись с прежним миром и прежним кругом лиц после двухлетнего уединения в Крыму, Милютин заключает свое повествование: «Мне теперь ничего не надо, кроме спокойствия и независимости»⁸⁸. Таков итог 40-летнего служения Отечеству и Престолу в рядах высшей бюрократии и военной элиты.

Опыт и знания Милютина не востребовались, однако правительство изредка вспоминало о заслугах Милютина. В 1898 г., в связи с открытием памятника Александру II в Москве, присутствовавший на торжестве и приехавший ради него из Крыма 82-летний Милютин был произведен в генерал-фельдмаршалы. В 1904 г. в день 50-летия состояния Милютина в генеральских чинах ему были пожалованы осыпанные бриллиантами портреты Николай I и царствующего императора. Такие же портреты Александра II и Александра III были пожалованы ему еще в 1881 г. при оставлении министерства. За свою долгую службу Д.А.Милютин получил все русские ордена, включая и бриллиантовые знаки ордена св. Андрея Первозванного, кроме того имел много иностранных орденов.

Совсем на склоне лет, Милютина, своего питомца, а позже профессора, вспомнила Военная Академия. Ее депутация прибыла в Симеиз 30 ноября 1911 г., чтобы приветствовать его, почетного президента Академии, с необычным юбилеем, 75-летием со дня окончания академического курса. Один из членов депутации, ординарный профессор Военной Академии генерал-лейтенант Христиани воссоздает протрет Ми-

лютина того времени: «Не успела депутация войти в большую гостиную, как из двери кабинета бодро, быстрою походкою без палки, немного лишь согнувшись, вышел граф. С замечательно приветливою улыбкою, с редким радушием пожал он руки членам депутации... Депутация была поражена его внешним видом: бодрый, веселый, с быстрыми движениями, с светлым, ясным взглядом своих необыкновенно добрых глаз, он казался стариком лет 70-75, не более, т.е. лет на 20 моложе действительного своего возраста». Членов депутации поразила «ясность ума графа, его правильные взгляды как на давно прошедшее, так и на настоящие события, его интерес положительно ко всем явлениям современной жизни, его необыкновенная память... По всем вопросам Дмитрий Алексеевич составил свое мнение, высказанное им ясно, точно, кратко, справедливо»⁸⁹.

Вскоре после этой знаменательной встречи, 25 января 1912 года Дмитрий Алексеевич Милютин скончался, пережив на три дня свою жену. Похоронен он, как и брат Николай Алексеевич, в Москве, на кладбище Новодевичьего монастыря. Но безутешный итог своей государственной деятельности, своей эпохи Милютин подвел раньше.

Кончая свои многолетние мемуары и дневники перед последним годом XIX в., Милютин сделал несколько уникальных и прозорливых записей. 30 марта 1899 года, получив письмо от Бориса Николаевича Чичерина, он зафиксировал отрывки, которые оказались особенно созвучными его мыслям и настроению. «Куда это мы идем?» — вопрошает Чичерин самого себя, — «и что сулит будущее нашему Отечеству?» Свой ответ он заключает словами: «Тяжело кончать жизнь при таких условиях, после всех великих преобразований, которые, казалось, открывали России новую эру свободы и благоденствия». Милютин от себя продолжает эти грустные размышления: «Да, именно к такому заключению и я пришел уже давно, с первыми же признаками реакции, и с тех пор все более и более убеждаюсь в том, что поступил разумно, сойдя тогда же со сцены, устранившись от всякой официальной деятельности (после манифеста 29 апреля 1881 г. — Л.З.). Некоторые утешительные надежды возродились с переменою царствований, но вот уже пятый год само-

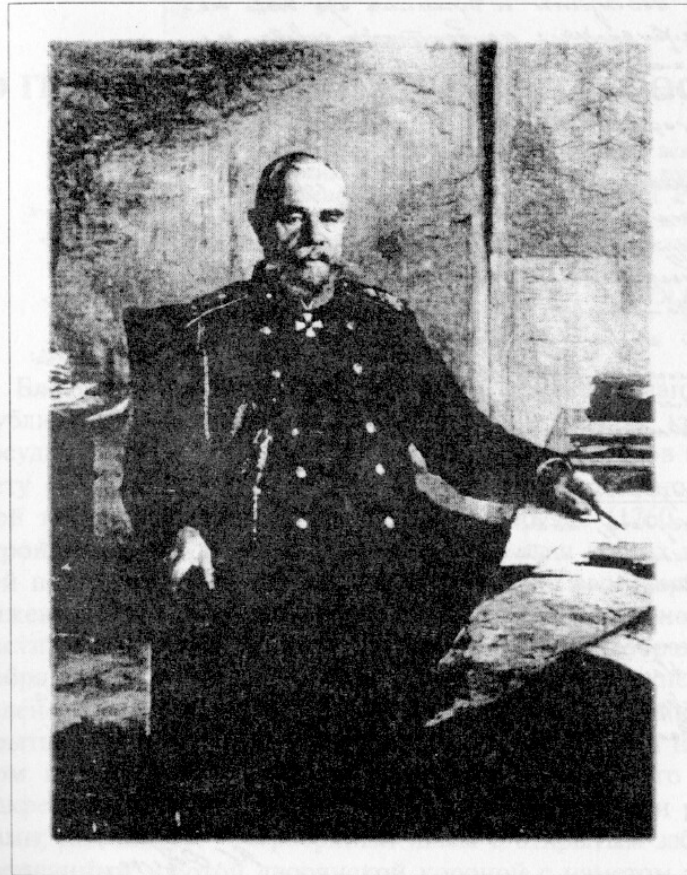
державный скипетр в руках молодого, благодушного, симпатичного царя и никакой перемены не замечено в ходе государственной машины. Стало быть недуг, останавливающий прогресс России, имеет корни глубоко, в самой почве и нечего ждать лучшего в будущем»⁹⁰. Эта запись дополняется другой. 7 октября 1899 г. в связи с известиями о сепаратистских стремлениях Финляндии и студенческих волнениях в Петербурге Милютин высказывает свое общее суждение о причинах постоянных неудач политики самодержавия: «Отсутствие общего плана и недостаток выдержки всегда составляли самую слабую сторону русской политической деятельности и главную причину безуспешности ее. Ближайшие примеры — Польша, Балтийский край, реформы императора Александр II и проч. и проч. Та же слабая сторона в нашей политике внешней. Сегодня одно веяние, завтра другое»⁹¹.

И, наконец, последние слова в мемуарном наследии Д.А.Милютина, охватывающем почти весь XIX в. (1816-1899): «С наступлением 1900-го года прерываю свой дневник... КОНЕЦ»⁹². Выразительно и симптоматично. Он еще проживет в здравии и ежедневной деятельности более 11 лет, но тонкое чутье безошибочно подсказывало, что с началом нового столетия Россия, на благо которой он самоотверженно служил всю свою жизнь, вступает на путь ему неведомый, чуждый, тернистый. «КОНЕЦ» в этой финальной записи звучит как конец делу Великих реформ, планам и целям Реформаторов, к когорте которых принадлежал и Милютин. История подтвердила, что для России в XX в. началась новая эпоха — революций, потрясений, гигантских трагических экспериментов. Эпоха Милютина закончилась, завещав нам уроки, кажется, так и не востребованные новыми реформаторами в конце XX в. Но впереди уже отчетливо видна другая вежа — третье тысячелетие. Ее значительность, масштабность, возможно, послужат толчком для осмысления, осознания, непредвзятого, спокойного, разумного понимания современниками своего прошлого и строительства своего будущего, в котором Человек, Гражданин станет главной непреходящей ценностью всех реформаторских усилий, направленных на создание новой российской государственности, на созидание новой жизни.

- 1 Дневник Д.А.Милютина. Т. 1 / Под ред. проф. П.А.Зайончковского. 1873-1875. М., 1947. С. 77.
- 2 Подробный биографический очерк П.А.Зайончковского о Д.А.Милютине см.: Дневник Д.А.Милютина. Т. 1. С. 3-72.
- 3 Здесь и далее сведения о чинах, должностях и других биографических фактах даны по «Формулярному списку о службе и деятельности военного министра генерал-лейтенанта, генерал-адъютанта Милютина 1862 года». Отдел Рукописей Российской Государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 169 (Д.А.Милютина). Карт. 84. Ед. хр. 30. Л. 1-8.
- 4 Милютин Д.А. Воспоминания. 1816-1843 / Под ред. проф. Л.Г.Захаровой. М., 1997. С. 370.
- 5 Там же. С. 420.
- 6 Милютин Д.А. Воспоминания. 1843-1856. М., 2000. С. 143.
- 7 Там же. С. 115.
- 8 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 728 (Зимнего дворца). Оп. 1. Ед. хр. 1817. Т. 11. Л. 185 об.-186.
- 9 Милютин Д.А. Воспоминания. 1843-1856. С. 132.
- 10 Цит. по: Жерве Ник. Граф Д.А.Милютин. К 90-летию его рождения. СПб., 1906. С. 10.
- 11 Милютин Д.А. Воспоминания. 1843-1856. С. 163.
- 12 Там же. С. 178.
- 13 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 8. Ед. хр. 33. Л. 1 об., 5.
- 14 Там же. Карт. 22. Ед. хр. 29. Л. 7 (Записка от 29 марта 1856 г.).
- 15 Там же. Карт. 17. Ед. хр. 17. Л. 1-57.
- 16 Там же. Карт. 9. Ед. хр. 1. Л. 52-52 об.
- 17 ГАРФ. Ф. 722 (Мраморного дворца). Оп. 1. Д. 316. Л. 1-12.
- 18 Милютин Д.А. Воспоминания. 1843-1856. С. 130.
- 19 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 20. Ед. хр. 35. Л. 1-11.
- 20 Никитенко А.В. Дневник в трех томах. Т. 1. 1826-1857. М., 1955. С. 401.
- 21 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 13. Ед. хр. 3. Л. 201 (Воспоминания Д.А.Милютина. 1856-1860 гг.).
- 22 Родина. 1994. № 3-4. С. 126. (Публикация Л.Г.Захаровой «Бочка Данаид» – письма А.В.Головина Д.А.Милютину 1856-1860 гг.).
- 23 Там же. С. 127.
- 24 Русский архив. 1889. Кн. 1. С. 138.
- 25 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 6. Л. 18 об.
- 26 Русский архив. 1889. Кн. 6. С. 290.
- 27 Русская старина. 1897. Кн. 9. С. 586.
- 28 Бородин М. Граф Д.А.Милютин в отзывах его современников // Военный сборник. 1912. Кн. 5. С. 9-10.
- 29 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 22. Л. 10-11.
- 30 Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. Т. 19. СПб., 1905. С. 205.
- 31 Крыжановский П. Воспоминания о Петре Семеновиче Ванновском // Исторический вестник. 1910. Кн. 5. С. 469.
- 32 Всеподданнейший доклад по Военному Министерству 15 января 1862 г. // Столетие Военного Министерства. 1802-1902. Приложение к историческому очерку развития военного управления в России. I. СПб., 1902. Приложение II. С. 73.
- 33 Милютин Д.А. Военные реформы императора Александра II // Вестник Европы. 1882. Кн. 1. С. 13.
- 34 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 27. Ед. хр. 9. Л. 3.
- 35 Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952. С. 119.
- 36 Керсновский А.А. История русской армии в четырех томах. Т. 2. М., 1993. С. 193.

- 37 Столетие Военного Министерства. Приложение к историческому очерку развития военного управления в России. I. Приложение I. С. 92.
- 38 Маниковский А.А. Боевое снаряжение русской армии. 1914-1918. М., 1922. Ч. 2. С. 96-98.
- 39 Жерве Ник. Указ. соч. С. 31.
- 40 Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел. Т. 1. М., 1961. С. 60-61.
- 41 Там же. С. 233.
- 42 Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848-1896. М., 1991. С. 312-313.
- 43 Зайончковский П.А. Д.А.Милютин. Биографический очерк. С. 31-32.
- 44 ИРЛИ. Д. 9096.Л.16. 104. Л. 1.
- 45 Зайончковский П.А. Д.А.Милютин. Биографический очерк. С. 32.
- 46 См. подробнее: Киняпина Н.С. Генерал Д.А.Милютин и присоединение Средней Азии // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 221-237.
- 47 О борьбе Д.А.Милютина и его единомышленников с фракцией П.А.Шувалова и другими группировками в правительстве см.: Рибер А.Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856-1874 / Под ред. Л.Г.Захаровой, Б.Эклофа, Дж.Бушнелла. М., 1992. С. 44-72.
- 48 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 16. Ед. хр. 3. Л. 94-95 (Воспоминания Д.А.Милютина. 1870 г.).
- 49 Дневник Д.А.Милютина. Т. 2. 1876-1877 гг. М., 1949. С. 18.
- 50 См.: Айранетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830-1904). М., 1998. С. 130-133.
- 51 Дневник Д.А.Милютина. Т. 2. С. 34.
- 52 Восточный вопрос во внешней политике России / Под ред. Н.С.Киняпиной. М., 1978. С. 217.
- 53 Рейтерн М.Х. Биографический очерк. Составлен А.Н.Куломзинным и гр. В.Г.Рейтерн – бар. Нолькен. С приложением из посмертных записок М.Х.Рейтерна (далее – Рейтерн М.Х. Биографический очерк). СПб., 1910. С. 181.
- 54 Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1903. С. 317-319.
- 55 Дневник Д.А.Милютина. Т. 2. С. 58. Плохое состояние Александра II в это лето отмечали все, приписывая его часто излишествам мужских развлечений императора в Эмсе, чему Милютин никогда не верил: Там же. С. 51.
- 56 Рейтерн М.Х. Биографический очерк. С. 183. Записка «Обстоятельства, приведшие к Восточной войне». Октябрь 1877 г.
- 57 Дневник П.А.Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 390.
- 58 Дневник Д.А.Милютина. Т. 2. С. 92.
- 59 Рейтерн М.Х. Биографический очерк. С. 158.
- 60 Газенкамф М. Мой дневник, 1877-1878. СПб., 1908. Приложение I. Записка Н.Н.Обручева от 1 октября 1876 г. С. 1.
- 61 Там же. С. 2-5.
- 62 Рейтерн М.Х. Биографический очерк. С. 161, 167.
- 63 Дневник Д.А.Милютина. Т. 2. С. 87-96.
- 64 Газенкамф М. Указ. соч. С. 3.
- 65 Рейтерн М.Х. Биографический очерк. С. 186-187.
- 66 Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. II. М., 1966. С. 187.
- 67 Особое прибавление к описанию Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове / Под ред. ген.-лейт. Домонтовича. СПб., 1899. Вып. 1. С. 32.

- 68 *Рейтерн М.Х.* Биографический очерк. С. 187; Дневник П.А.Валуева. Т. 2. С. 396-397.
- 69 Дневник Д.А.Милютин. Т. 2. С. 137.
- 70 Эта записка опубликована: *Газеткамф М.* Указ. соч. Приложение № 2. С. 1-6. См. также автограф, в котором есть авторские подчеркивания. ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 38. Ед. хр. 41. Л. 1-7.
- 71 Дневник Д.А.Милютин. Т. 2. С. 139.
- 72 Эта записка опубликована: *Рейтерн М.Х.* Биографический очерк. С. 177-180.
- 73 Дневник Д.А.Милютин. Т. 2. С. 140.
- 74 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 6. Ед. хр. 5. Л. 56 об.-57.
- 75 *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 338.
- 76 См.: *Бушнелл Дж.* Д.Милютин и Балканская война: испытание военной реформы // Великие реформы в России. С. 239-259.
- 77 *Кишяпина Н.С.* Балканская конференция в планах военного министра России Д.А.Милютин // Отечественная история. 1996. № 3. С. 150-154; АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 44/48. Л. 41-49.
- 78 *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 3. М., 1950. С. 139-140.
- 79 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 44. Ед. хр. 12. Л. 1-6.
- 80 *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 4. М., 1950. С. 62.
- 81 *Перетц Е.А.* Дневник (1880-1883). М.-Л., 1927. С. 35.
- 82 *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 4. С. 41.
- 83 Там же. С. 128.
- 84 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 6. Ед. хр. 5. Л. 56 об.
- 85 Там же. Л. 57 об.
- 86 Красный архив. 1931. № 3 (Т. 46). С. 182-187.
- 87 Там же. С. 180-181.
- 88 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 6. Ед. хр. 5. Л. 49 об.-50.
- 89 *Милютин Д.А.* Воспоминания 1816-1843. С. 469-470.
- 90 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 7. Ед. хр. 4. Л. 92-92 об.
- 91 Там же. Л. 99-99 об.
- 92 Там же. Л. 103.

«Первая наша забота – стоять твердо в Европе».

высшей администрации государства; а П.С.Ванновский, считая, Обручева единственным сотрудником, на которого он мог опереться с точки зрения теоретических военных соображений, ходатайствовал о его назначении начальником Главного штаба. По меткому замечанию С.Ю.Витте, Ванновский представлял собой характер, а Обручев — «ум военного министерства»¹.

Основные даты жизни, ступени карьеры и вехи деятельности Н.Н.Обручева (1830-1904) известны². К началу 70-х годов XIX в. он пользовался высоким авторитетом в военных кругах благодаря научным исследованиям по истории военного искусства, статьям, посвященным развитию вооруженных сил, роли стратегических железных дорог, финансовому положению Российской империи. Он был известен преподавательской работой в Николаевской Академии Генерального штаба, где был профессором кафедры военной статистики в 1857-1877 гг. и деятельностью по изданию военно-статистических сборников. Знали генерала Обручева и при дворе: его записка о строительстве железных дорог получила личное одобрение Александра II³; в 1871 г. генерал-майор Обручев был назначен в свиту его императорского величества, а за участие в работе Секретных совещаний по реорганизации армии удостоен монаршего благоволения и произведен в генерал-лейтенанты.

По должности управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба (1863-1875), а затем начальника Главного штаба (1881-1897) Обручев был причастен к выработке важнейших военно-политических решений в высших эшелонах власти Российской империи. Отсутствие дневников, воспоминаний и личного архива Обручева как документального комплекса, не позволяет воссоздать во всех деталях систему его общественно-политических идей, проследив их эволюцию. Однако общее представление о взглядах Обручева на основные задачи внешней политики России в контексте ее международного положения 60-90-х годов XIX в. дают как опубликованные работы, так и записки, составленные на протяжении деятельности⁴.

* * *

Крымская война, обнаружившая слабость военно-экономического потенциала России по сравнению с ведущими государствами Западной Европы, заставила правящие верхи частично модернизировать самодержавно-помещичий строй. И хотя униженные условия Парижского мира задевали национальное достоинство, изолированное положение империи на международной арене вынуждало к сдержанности: в знаменитом циркуляре А.М.Горчакова от 21 августа (2 сентября) 1856 г. констатировалось, что активная внешняя политика будет проводиться лишь тогда, когда «положительные интересы России потребуют этого безоговорочно»⁵. Подчиненность внешней политики делу внутреннего развития оставалась доминантой внешнеполитического курса и десятилетие спустя. Центральной внешнеполитической задачей в послекрымский период стало восстановление права России иметь флот и строить укрепления на Черном море.

Обручев принадлежал к той части русского либерального общества, которая, приветствуя реформы, надеялась, что их реализация укрепит военно-экономический потенциал империи. В публицистических работах и ряде записок конца 50-х — середины 60-х гг. он сформулировал несколько общих положений, которые позже прозвучат и получат развитие в других его работах, о внутри- и внешнеполитических проблемах, стоявших перед государством, и о путях их решения.

Обручев полагал, что со временем народы смогут без насилия разрешать недоразумения между собой, а развитие торговли, улучшение путей сообщения, расширение интеллектуальных связей укрепят международные контакты. Но до тех пор нестабильность отношений в Европе чревата и в XX в. войной, что обязывает каждое государство укреплять свое положение в мире. Однако время, когда политическое достоинство обеспечивалось исключительно военным могуществом, по мнению генерала, миновало. «Сильны лишь те правительства, — писал Обручев, — которые тесно связаны с народом, умеют развивать внутренние его средства, и на них создают величие страны», основы которого — промышленный, торговый, финансовый и интеллектуальный потенциал, а не только и не прежде всего военный. Подчеркивая вред

чрезмерной экспансии, Обручев полагал, что как только территория какого-либо государства достигает границ, обеспечивающих его беспрепятственное внутреннее развитие, дальнейшие территориальные приобретения будут ему в ущерб, поскольку, обременяя собственный народ, не искупят всех принесенных жертв.

В этом контексте Обручев рассматривал специально военные аспекты проблемы, такие как состав и организация армии и флота, обучение, снаряжение и материальное обеспечение войск, их предназначение и соотношение с численностью населения и финансовыми средствами государства. Мощь вооруженных сил, в которых он видел залог обеспечения внутренней и внешней безопасности государства, должна соотноситься с размерами его территории, географическим положением и характером отношений с другими державами; при этом готовность к войне определяется не только количеством, но и качеством подготовки войск. Для того, чтобы военные издержки, занимающие первое место в бюджете государства, соизмерялись с его финансовыми возможностями, он предлагал в мирное время содержать минимум действующих войск, имея ополчение на случай войны, и распределить воинскую повинность равномерно на всех членов общества.

Мысли Обручева о системе специально-военного образования, о воспитании нравственной силы войска, возможном «только если и в самом последнем солдате чтить его человеческое достоинство»⁶, перекликались с теми, что прозвучали в серии его статей «Изнанка Крымской войны», где были затронуты вопросы отношения к армии правительства и общества. Обручев, полагая, что на время войны для каждого правительства и народа именно в армии сосредотачивается «великая часть их общего богатства, их могущества», справедливо упрекал правящие верхи в не информированности русского общества, в отличие от западноевропейского, об истинном положении дел в армии.

Это закономерно вытекало из всего строя дореформенной России, а между тем, по убеждению Обручева, «общество образованное понимает, что в людях заключается главное его богатство и что человек, даже грубый, все-таки представляет

такую единицу, которую стоит считать отдельно и о которой стоит пожалеть, когда она сходит с лица земли»⁷. Он видел главную силу России в «100 миллионах русского народа», свобода, образование и рост благосостояния которого способны превратить его «в силу, ничем неодолимую»⁸.

Задачи укрепления обороноспособности России в контексте наращивания ее общеэкономического потенциала Обручев рассмотрел в серии статей «Сеть русских железных дорог», инспирированных военным министерством. Эта сеть виделась ему такой системой, в которой первостепенные пути, построенные на казенные средства, обеспечивали общеэкономические интересы страны и служили остоном для второстепенных путей, построенных на частные капиталы для удовлетворения местных нужд; при планировании и строительстве сети обязательно должны учитываться интересы государственной обороны.

Географические условия и международно-политическая обстановка в Европе определяли, по мнению Обручева, преимущественное стратегическое значение Черного моря по сравнению с Балтийским и приоритетность в строительстве железнодорожных линий. Он предрекал, что его поколение станет свидетелем еще более масштабного, чем в Крымскую войну, столкновения из-за Восточного вопроса, который «лишь стих, а не решен», и опасался создания политических коалиций, направленных против России, подготовленных загодя и исподволь. Время подтвердило справедливость этого предвидения.

Чтобы подготовиться к борьбе, Обручев предлагал укрепить юго-западный район, обеспечив быстрое передвижение войск от Одессы к Балтийскому морю и от Москвы к Севастополю. Генерал обоснованно утверждал, что «пока Крым не будет соединен железной дорогой с центром России, он останется наилегче уязвимою пятою нашей территории, доставляя неприятелю все удобства атаки, лишая нас всех удобств обороны». Поэтому в строительстве дороги к Севастополю (с основным военным портом там) он видел «первый шаг для возвращения утраченного нами значения на Черном море».

Рассматривая вопрос об источниках финансирования железнодорожного строительства, Обручев предлагал получить капитал отчасти из государственных средств, отчасти посредством распространения через земские учреждения железнодорожных акций. Радикальное средство изменить положение, при котором правительство постоянно ссылается на отсутствие средств, Обручев видел в усилении собственного производства и обмена: «Никакие финансовые операции не в состоянии заменить дорог, не в состоянии дать нам денег, не в состоянии создать действительных ценностей». Противник привлечения в Россию иностранного капитала, он был убежден, что надо «строить дороги без разорительного посредства иностранцев, непременно русскими инженерами», а использование войсковых частей для прокладки важнейших линий, усиливающих оборону государства, он рассматривал как обязанность войск в мирное время.

Общий вывод его гласил: без развитой сети железных дорог Россия утратит свое значение в Европе, уже изрезанной рельсами, по которым она «каждую минуту все более и более обгоняет Россию»⁹. Вся работа очевидно навеяна не только опытом Крымской войны, но и наблюдениями за современными событиями, впечатлениями от командировки во Францию в 1860 г., и от Польского восстания 1863 г. Сотрудник и единомышленник Милютина, Обручев, конечно, разделял его мнение, что при отсутствии Петербургово-Варшавской железной дороги, «восстание не было бы так легко подавлено и повстанцы могли бы разыграть роль воюющей стороны, а враждебные нам западноевропейские государства — поддержать их силою оружия, в надежде на нашу недостаточную мобилизационную готовность»¹⁰. Размышления Обручева важны и в контексте той борьбы в правительственных кругах, обществе и прессе, которая шла вокруг проблем железнодорожного строительства в России¹¹.

Составленный еще в начале 1852 г. первый план строительства широкой сети железных дорог, в том числе линий к Балтийскому и Черному морям и к Варшаве, не был реализован. Сооружение стратегической Петербургово-Варшавской, единственной принятой из предложенных тогда военным министерством дорог, было приостановлено после на-

чала Крымской войны из-за прекращения поставок рельсов и оборудования английской фирмой, с которой был заключен контракт, а в 1855 г. и вовсе прекращено за неимением средств в казне. В итоге русская армия в Крыму оказалась отрезанной: на переброску англо-французских воинских частей с берегов Атлантики требовалось меньше времени, чем на доставку русских по бездорожью от Петербурга к Севастополю. В 1855 г. в России насчитывалось всего 980 верст железных дорог (= 1.045 км. — *И.Р.*), в то время как в Англии 13,5 тыс. км., во Франции — 5,5 тыс. км., в Германии — 8,3 тыс. км.; в США — 29,6 тыс. км., а общемировая длина составляла 67 тыс. км.

Главное общество российских железных дорог, учрежденное в январе 1857 г. для постройки четырех магистральных линий, соединяющих три столицы и порты на Балтийском и Черном морях, через пять лет потерпело финансовый крах. Новый проект создания сети дорог на государственные средства был отклонен в январе 1863 г. из-за недостатка денег. Вскоре выяснилось, что ни казенное строительство, ни косвенная финансовая поддержка отечественного частного капитала, недостаточны для форсированного создания сети железных дорог в стране. Особая комиссия весной 1865 г. решила привлечь иностранные частные капиталы в форме облигационных займов с правительственной гарантией. В 1867 г. казна прекратила финансирование, а железнодорожное строительство в России «приобрело характер спекулятивного грюндерства» — констатирует исследователь проблемы А.М.Соловьева.

Быстрые темпы роста железнодорожной сети в Австрии и Пруссии побудили военное министерство настаивать на создании стратегических линий. В конце 1868 г. Обручев по поручению Милютина составил записку «О железных дорогах, необходимых в военном отношении»¹², в которой подробно развил тезис об изменении в корне военного и политического положения России в связи с появлением железных дорог в Европе: неуязвимая прежде империя теперь могла подвергнуться нападению как с моря, так и с суши. Сложившееся ранее его убеждение в том, что основным плацдармом для сосредоточения русских войск и в будущей вой-

не останется западный край, определило предложение соединить центральные районы России с Крымом и Царством Польским, проведя дорогу вдоль всей западной границы. Существенным добавлением стала мысль о развертывании железнодорожного строительства за Волгой, на востоке и юго-востоке страны, где все экономические и военные цели будут совпадать. Проект Обручева обсуждался в Комитете министров в феврале 1869 г., где вызвал продолжительную дискуссию, но был отклонен. Межведомственные разногласия и неэффективность механизма финансирования железнодорожного строительства, стопорили дело укрепления обороны.

Размышления Обручева о причинах экономического кризиса в России, вписаны в широкий внутри- и внешнеполитический контекст. Финансовый кризис он рассматривал как проявление общего кризиса, исток которого — отсталость — уходил корнями в вековое прошедшее Российского государства и был обусловлен внешними обстоятельствами. Обручев разделял мнение тех, кто считал, что Россия, вступив в общеевропейскую политическую систему «с громадным зародышем внутренних сил», не успевших вполне раскрыться из-за монгольского ига, была вынуждена создать сильную центральную власть и сословия, чтобы устоять против нажима извне. Закрепление народа к земле стало великой жертвой, принесенной на алтарь самостоятельного бытия государства. Поскольку держава богатела недостаточно быстро как по сравнению со своими нуждами, так и по сравнению с Европой, уже покончившей с остатками крепостничества, «Россия не догнала Европу». Признавая, что страна дорого заплатила за свое политическое существование, Обручев однако был убежден, что жертва — не напрасна: без этого «самое слово Россия звучало бы для Европы совершенно тем же значением, как Черемисия, Мордва, много-много древняя Московия; в общем же мировом говоре оно уже ничем бы не звучало».

Победить в борьбе с Европой, по мнению Обручева, Россия могла бы объединив частные интересы с государственными во имя общего дела — укрепления политического могущества. Актуальность задач определили перемены в Евро-

пе: Франция вооружилась; Великобритания покрылась броней; Австрия, выброшенная из Германского союза, пыталась усилиться за счет славян, Турция построила броненосный флот. Чтобы успешно противостоять этому натиску, утверждал он, «не достаточно *не желать* войны, надо, чтобы это желание уважалось другими», и первое условие для этого — «сделаться сильными»¹³.

Опыт Крымской войны, уязвимость южных границ, слабость России в борьбе с коалицией держав, отсутствие флота на Черном море и перемены в международном положении середины 60-х годов — все это побудило Обручева составить записку «Некоторые соображения, касающиеся войны с Турцией» и в сентябре 1866 г. представить ее Милютину. В ней генерал наметил план активных действий России на случай будущей кампании. Для ее успеха он считал нужным, во-первых, создать вблизи проливов на Балканском полуострове дружественные государства, чтобы опираясь на них как на союзников оградить Босфор и Дарданеллы от влияния европейских государств, и, во-вторых, сосредоточив армию в Румынии и прикрывшись со стороны Австрии крупными силами кавалерии, форсировать Дунай в наименее защищенном месте, чтобы стремительно вывести русские войска на Софийско-Константинопольскую дорогу и «идти безостановочно к Царьграду».

Обнаруживший записку военный историк А.П.Барбасов увидел в этих соображениях первоначальный набросок плана войны 1877-1878 гг.¹⁴ Вряд ли правомерно столь расширительно толковать историю обручевских планов войны с Турцией. В записке 1866 г., безусловно, содержалось ядро замысла, нашедшего развитие 10 лет спустя. Однако международная обстановка за это время существенно изменилась: если в 1866 г. Обручев, помятуя о Крымской войне, предполагал, что под стенами Константинополя русская армия «встретится с передовыми войсками англо-французов», то в 1877 г. Франция не представляла военной угрозы для России.

В составленной в те же годы записке «К вопросу об открытии проливов»¹⁵, Обручев раскрывает свое видение их значения для России. В открытии Зундских проливов и от-

мене пошлины, стеснявшей торговлю в Балтийском бассейне, он видел меру прогрессивную, но полагал, что применение аналогичной меры по отношению к Черноморским проливам противоречит интересам России. При незначительности морской торговли и отсутствии военного флота свобода прохода в Средиземное море лишала ее величайшего блага — «быть спокойными у себя дома». Как первоклассной державе, России желательно иметь сильную морскую эскадру, но, пока страна бедна, полагал Обручев, ей «прежде всего важна собственная безопасность». К тому же открытие проливов было бы мерой несправедливой по отношению к России. Действие паритета — одному русскому судну разрешается выход из Черного моря, но зато и одному австрийскому (или иному) разрешается вход в него — не вызывал возражений, но если бы к одному австрийскому кораблю прибавлялись английский, французский, итальянский, и т.д., этот принцип превращался в абсурд или ловушку.

Поэтому Обручев был убежден, что «даже ограниченное открытие проливов мы можем допускать только в смысле ограничения нашего права выходить из Черного моря эскадрами, которые могли бы смущать спокойствие других держав, а никак не в смысле пропуска через проливы ограниченного числа судов всех без исключения наций. Лучше вовсе отказаться от этого права, чем создавать себе излишние заботы и рисковать своею безопасностью». Центральная идея обеих записок — обеспечение безопасности государственных границ империи — четко сформулированная здесь, красной нитью пройдет через все работы Обручева, оставаясь неизменной по сути, но приобретая новые очертания в контексте новых внешних условий.

Франко-прусская война 1870-1871 гг. коренным образом изменила международное положение в Европе. Расчеты Петербурга на ее затяжной характер и умеренность территориальных притязаний Пруссии не оправдались, а недооценка последствий позиции нейтралитета, занятой во время войны, обернулась потенциальной угрозой безопасности западных границ России, рядом с которой возникло единое, сильное Германское государство. Кроме того, эйфория от дипломатического успеха Горчакова, добившегося отмены ограничи-

тельных статей Парижского мира не сразу позволила осознать, что его цена — изменение режима Черноморских проливов и ослабление безопасности юго-западной границы России — была неадекватной.

В военном министерстве это поняли раньше, чем в МИД. Еще осенью 1870 г. Обручев составил подробный обзор состояния вооруженных сил России и основных европейских стран за последние 20 лет¹⁶. В нем подчеркивалось, что новое соотношение сил увеличило военную опасность для России и требовало принять срочные меры для укрепления обороны. Молниеносный разгром Франции сделал очевидным необходимость радикальных изменений в организации русской армии. Для их разработки, в феврале-марте 1873 года под председательством Александра II состоялся ряд секретных совещаний. По поручению военного министерства Обручев на основе обзоров, составленных в штабах пограничных округов, написал обобщающую стратегическую записку «Соображения об обороне России»¹⁷.

В сравнительном плане генерал проанализировал: численность вооруженных сил России; темпы мобилизации армий; зависимость скорости сосредоточения войск от общей их дислокации и состояния подъездных путей; готовность пограничных театров к обороне. Данные о численности армий по штатам военного времени: Россия — 1.006.000, Германия — 1.270.000, Австрия — 1.020.000, Турция — 230.000, Швеция — 168.000 человек, привели к выводу о перевесе сил противников не только в коалиционной войне с Россией, но даже и в ее борьбе один на один с такими державами, как Германия или Австрия.

В то время как в Германии на 9.972 кв. м. пространства было построено до 22.000 верст железнодорожных путей, а в Австрии на 11.306 кв. метров — до 12.000 верст, констатировал Обручев, «у нас на всю площадь европейской России, превосходящую в десять раз каждое из этих государств, оказывается только 14.000 верст железных линий»*. К тому же,

* Общая картина мировой сети железных дорог выглядела в 1870 г. так: весь мир — 210 тыс. км., США — 85,2 тыс. км., Англия — 25,0 тыс. км., Франция — 17,9 тыс. км., Германия — 18,7 тыс. км., Россия — 10,7 тыс. км., Австро-Венгрия — 9,6 тыс. км. (см. Мировые экономические кризисы. Т. 1. М., 1937. Приложение).

для сосредоточения войск к границам России Германия располагала 10-ю железнодорожными линиями, Австрия — 6-ю, Турция — 1-й, в то время как Россия могла использовать только пять линий. При таком соотношении германская армия могла быть сосредоточена на 20-23 день, австрийская — на 30-33, а русской требовалось для сосредоточения у германской границы 54-58 дней и 63-70 дней — у австрийской. Эти сроки могли быть сокращены при изменении дислокации войск и создании сети подъездных путей к театру военных действий.

Основной стратегической задачей Обручев по-прежнему считал укрепление плацдарма на Висле и Немане, чтобы не позволить противнику отрезать Польшу. Из записки ясно, что главную опасность для России военные уже тогда видели в лице Германии и ее потенциальной союзницы Австрии. В целом проект был принят, но его осуществление рекомендовалось сообразовать с финансовыми средствами. Отсутствие их привело к тому, что вплоть до русско-турецкой войны сделано было мало, хотя в военном министерстве внимательно следили за развитием вооружений соседних держав. Обручев с 1874 г. в течение ряда лет руководил комиссией из офицеров Генерального штаба, военных инженеров и артиллеристов по проектированию укреплений Варшавы, Новогоргиевска и Зегржа и несколько раз ездил во главе комиссии для осмотра этих пунктов на месте¹⁸. Командировка в Турцию, Германию и Австрию в мае 1873 г. для сбора новейших военно-статистических сведений об этих государствах и ознакомление с Балканско-Дунайским театром привели Обручева к выводу о скудности и мало пригодности к серьезным действиям вооруженных сил Турции, плачевности состояния ее железных дорог, и слабости флота¹⁹. Вскоре верность этого вывода и результатов военных преобразований в России пришлось проверить на практике.

Отмена нейтрализации Черного моря поставила перед империей новые внешнеполитические задачи: укрепить оборону на юго-западных рубежах, усилить влияние на Балканах, чтобы при подходящих условиях попытаться изменить в своих интересах режим черноморских проливов. Однако система международных отношений оставляла для дипломати-

ческих комбинаций Петербурга довольно узкий коридор: противоречия с Англией и Австрией и несоюзоспособность Франции вынуждали Петербург искать поддержки в Берлине. С его помощью надеялись лишить Лондон союзника на континенте, «связать руки» Вене на Балканах и обезопасить западную границу России. Участников соглашения объединял также страх перед новым изданием Парижской Коммуны; по словам Бисмарка, сохранение монархии в Австрии и России было для Германии «задачей, совпадающей с сохранением государственного порядка у нас самих»²⁰.

Декларированный принцип поддержания европейского мира совместными усилиями скрывал намерения каждого из участников осуществить свои цели. Бисмарк, обещанием услуг на Ближнем Востоке, хотел купить поддержку России против Франции. Но антифранцузское острое сочетание противоречило интересам России, и в дни военной тревоги 1875 г. Петербург отказался поощрять агрессивные планы Берлина. В разгар кризиса на докладе 24 апреля (6 мая) Милютин представил Александру II записку Обручева, полагавшего, что общеевропейская война ближе, чем думают. Военный министр вначале положил записку под сукно, полагая, что Обручев фантазирует, но потом пришел к выводу, что генерал прав, «и дело оказывается серьезнее, чем до сих пор представлялось»²¹. Записка пока не обнаружена, поэтому трудно установить степень того влияния, которое она могла оказать на решение царя не допустить нового разгрома Франции.

Вскоре разразился кризис на Балканах, грозивший широкомасштабной постановкой Восточного вопроса. Незавершенность реформ, финансово-экономические трудности, рост революционных настроений — все это удерживало правящие верхи Российской империи от вмешательства. Но самоустраниться не позволяли ни ее роль покровительницы христиан, ни включенность в борьбу великих держав за преобладающее влияние в Турции и на Балканах. Методы решения вопроса вызвали разногласия: если Горчаков и Александр II надеялись обойтись дипломатическими мерами, то Милютин уже в конце февраля 1876 г. думал, что «надобно рассечь мечом Гордиев узел»²². Он представил царю записку

Обручева о политической подоплеке плана мобилизации на случай войны, которую царь отказался обсуждать, под строгим секретом сообщив обстоятельства, по мнению Милютинна, совершенно менявшие общие взгляды на европейскую политику²³.

Возможно речь шла о подготовке переговоров министров иностранных дел России, Австрии и Германии, завершившихся подписанием меморандума о совместных действиях. Но дипломатическая попытка Петербурга добиться выгодных решений, опираясь на союз трех императоров, провалилась: она привела к соглашению с Австрией, основные преимущества которого были на стороне последней. Ход событий на Балканах и противоречия между великими державами толкали Россию к изолированным действиям²⁴.

Различные их варианты обсуждались в сентябре 1876 г. в Ливадии на совещаниях под председательством царя, а 3(15) октября он принял Обручева, представившего план войны с Турцией. В нем формулировались цель войны, общий характер действий и состав армии, намечались операционный путь, сроки кампании, соотношение сил на европейском и кавказском театрах²⁵. Называя целью войны освобождение Болгарии из-под власти турок, генерал по сути предлагал окончательно решить Восточный вопрос. Оценивая войну с Турцией только как первый шаг, за которым последует война с Англией, он предлагал не страшиться этого, а тщательно подготовиться. Только как тактическое средство — побудить Турцию выполнить требования России — генерал намечал удар по Константинополю и занятие его, чтобы иметь козырь в борьбе с Англией.

Этот замысел определял очень сжатые (3-4 месяца) сроки кампании, диктовавшиеся как военными, так и международными аспектами проблемы. Немедленные и спорые действия России, могли, по его мнению, предотвратить создание европейской коалиции. Кавказскому театру из-за его отдаленности от главной цели действий — Константинополя — Обручев отводил второстепенную роль. Для обеспечения западной границы он предлагал заручиться военной конвенцией с Веней на использование железных дорог для перевозки воинских частей и запасов, но на случай ее измены или от-

ступничества (возможного соглашения с Лондоном) держать близ австрийской границы несколько дивизий. Слабым местом во многом убедительных соображений Обручева было представление о том, что признание Константинополя международным городом после его занятия русскими войсками, Европа встретит с радостью, поскольку это положит конец пугающему всех Восточному вопросу.

Но на этот раз выкладки Обручева убедили царя, в резкой форме отклонившего доводы министра финансов Рейтерна о тяжелых последствиях войны для России²⁶. И хотя в случае провала международной конференции решили готовиться к войне, колебания и разногласия в верхах не были до конца преодолены: послу в Константинополе поручили продолжать бесполезные словопрения на конференции, послу в Вене — вести переговоры о заключении военной конвенции с Австрией, военное министерство начало подготовку к мобилизации без окончательно разработанного плана войны, а царь дал заверения английскому послу, что в случае войны Россия не намерена брать проливы!

Обручева командировали в Вену для помощи в выработке проекта военной конвенции с Австро-Венгрией и с Румынией²⁷. Горчаков предписал послу Новикову принять генерала «просто как соотечественника»; а последнему рекомендовали «ничем не привлекать ни официального, ни частного внимания»²⁸. Переговоры проходили трудно: по свидетельству Новикова «весь нейтралитет Австрии ограничивался обещанием не вступать с нами в войну и не создавать нам препятствий при проходе через Румынию»²⁹. Милютин, которому Обручев сообщал о ходе переговоров, быстро понял, что заключить конвенции с Австрией и с Румынией так, как проектировали в Ливадии, не удастся³⁰. России пришлось отказаться от своих условий³¹.

Генерал, вернувшийся в Петербург 12(24) декабря с проектом конвенции, считал ее удовлетворительной, и на другой день она была одобрена на совещании у царя. В те же дни стало известно о срыве Константинопольской конференции. Правящие верхи России должны были принять адекватное решение, но хотя отмобилизованная русская армия стояла на границе, Горчаков предложил продлить пере-

мирие, а Александр II «изволил уехать на охоту!». Милютин отмечал полное отсутствие плана действий во внешней политике, постоянные сомнения и колебания Александра II, рамолименто Горчакова, поступки которого порой выглядели так, что «канцлер как будто нарочно делает все возможное, чтобы в случае войны поставить нас в невыгоднейшее положение»³².

В этой ситуации Обручев, по замыслу и поручению Милютина, составил записку «Наше политическое положение в настоящее время»³³. Одобренная и подписанная последним, она была их коллективным творчеством, при определяющей роли министра, для которого стала аргументом в полемике и личном конфликте с Горчаковым. Этим и объяснялась структура записки, в риторической части которой констатировались несвоевременность войны для России по экономическим, внутри- и внешнеполитическим причинам, ее изолированность на международной арене в решении Восточного вопроса, ее исторические задачи покровительницы балканских христиан и необходимость поддержания престижа великой державы. Сущностная же часть записки сводилась к утверждению о необходимости добиться почетного мира, что возможно сделать только опираясь на военную силу. Именно эти доводы, по утверждению Милютина, «были развиты Обручевым мастерски»³⁴.

Соглашаясь с военным министром в оценке негативных для чести и престижа государства последствий роспуска отобюрокразированной армии без достижения результата (что приравнивало такой акт ко второй проигранной Крымской кампании), не обремененный столь высокой сановной должностью Обручев был настроен гораздо решительнее. По собственной инициативе он составил новую записку «Соображения на случай войны с Турцией весной 1877 г.» и представил ее 23 марта начальнику Главного штаба графу Ф.Л.Гейдену³⁵.

В первоначальный план генерал внес изменения и дополнения, которые касались главным образом увеличения военных средств: цель, стратегия и характер действий не были пересмотрены, но сформулированы четче и определеннее. Общеполитической целью войны провозглашалось полное и

бесповоротное решение Восточного вопроса — безусловное уничтожение турецкого владычества на Балканском полуострове и господства на Черном море; стратегической целью объявлялось занятие Константинополя и Босфора. Решительность и быстрота действий должны были сломить Турцию и предотвратить военную поддержку со стороны Англии, а устранение вмешательства дипломатии — обеспечить бескомпромиссное решение³⁶. Средство добиться цели Обручев видел в подготовке одновременно двух армии, одна из которых вела действия в Придунайской Болгарии, а другая — двигалась прямо на Константинополь, не отвлекаясь на побочные операции.

Констатируя оригинальность замысла, специалисты по военной истории³⁷ отмечали: удачную идею создания двух армий — вторжения и обеспечения с разными целями; правильный выбор направления главного удара — турецкую столицу; принципиальное соответствие ресурсов России замыслу — стремительным маршем и мощным ударом добиться победы. Но вместе с тем они подчеркивали существенные недостатки этого плана: недоучет силы турецких армий; несоответствие численности русских войск предложенным темпам наступления, что делало явно невозможным достижение стратегической цели; уязвимость политической составляющей плана: переоценку нейтралитета Австрии и ставку на быстроту действий как средство предупредить вмешательство Англии.

Последующие шаги Обручева весьма показательны для его характеристики. Соображения генерала, «крайне смелые», по мнению Гейдена, не встретили его поддержки; тогда Обручев счел себя обязанным представить записку Милютину, который, видимо, также не вполне был с ним согласен³⁸. Хотя некоторые соображения Обручева были использованы в плане штаба главнокомандующего, они не были сведены в систему, а в ходе войны подвергались резким изменениям³⁹.

Дунайская армия насчитывала около 180 тыс. человек, к концу июня боевой состав доходил до 210 тыс., а общая численность до 235 тыс. человек. Кавказская армия состояла из 100 тыс. человек при 276 орудиях⁴⁰. Русские войска вступили

в войну со стрелковым оружием разных систем, без стальных дальнобойных орудий навесного огня в полевой артиллерии и снарядов с сильным фугасным действием. Все планы устройства службы тыла, основанные на использовании румынских железных дорог, оказались ошибочными, а железнодорожная сеть России, хотя и выросшая к этому времени, не отвечала военно-стратегическим планам. Была построена и открыта для военных перевозок в начале ноября 1877 г. только Бендеро-Галацкая дорога⁴¹. Крайне слабым оказался военно-морской флот на Черном море: устаревшие корабли (кроме двух судов береговой обороны) не имели брони, были вооружены плохо. К тому же Черноморский флот не мог получить поддержки Балтийского, так как проливы находились в руках Турции, а русская эскадра в Средиземном море по настоянию Англии была отозвана в Балтику.

В целом, русские планы войны в основной своей части были нереальными и на Балканах и на Кавказе. Это объяснялось тем, что опасаясь Англии и Австрии, царизм не решался ослабить войска, стоявшие на западной границе. Шапкозакидательское отношение к противнику, недооценка вооруженных сил Турции на Балканах и переоценка их на Кавказе привели к неверному распределению русских войск. Между тем турецкая армия насчитывала 494 тыс. человек регулярных войск; в Европе находилось 338 тыс., против Дунайской армии было выставлено 206 тыс. человек. Армия была оснащена современным стрелковым оружием, превосходя русскую по снабжению патронами, закупаемыми в Англии и США. На Черном и Мраморном морях находилась турецкая эскадра из 8 броненосных батарейных фрегатов I и II рангов, 7 батарейных корветов и мониторов III ранга. В основном эти корабли были приобретены в Англии и Франции.

Непродуманная и непоследовательная политика правящих верхов втянула Россию в войну без должной подготовки. Не сформулировав четкого представления о собственных в ней целях, петербургская дипломатия не смогла создать благоприятных внешних условий, чтобы обеспечить успехи русского оружия. Перед началом войны Петербург заявил об отсутствии территориальных притязаний к Турции. Но Лон-

дон потребовал официальных заверений о нераспространении военных действий России на Черноморские проливы, Суэц, Египет и Персидский залив; в случае перехода русской армией Дуная Англия грозила ввести свой флот в Дарданеллы. На совещаниях у царя 16(28) и 18(30) мая 1877 г. обсуждался проект ответа на ноту лорда Дерби, с условиями, при соблюдении которых Англия была готова остаться нейтральной. По сути она предлагала договориться об итогах войны, обеспечив предварительно свои интересы. Совещания у царя выявляли смутное понимание Горчаковым вопросов восточной политики, не проработанность планов МИД, слишком большую уступчивость русских дипломатов⁴².

В этом контексте важна записка Обручева, составленная, видимо, между 7(19) и 16(28) мая, и раскрывающая его взгляд на проблему⁴³. Констатируя глубокое непонимание Европой России и, как следствие этого, недоверие к ней, Обручев полагал, что если Европа увидит непоколебимую твердость России, разумно сформулированные собственные интересы и беспристрастное отношение к общеевропейским, это позволит решить Восточный вопрос. Ошибаясь в общей посылке, он точно обозначил точки столкновения русских и европейских интересов: Константинополь, проливы, судьбы балканских христиан, и сформулировал оптимальные для России варианты.

Как и прежде генерал считал основной задачей России получить гарантию, что Константинополь не будет «занят флотом какой-либо одной державы», а станет вольным городом, что навсегда, будто бы, закроет Восточный вопрос. Вопрос о статусе проливов Обручев надеялся решить после категорического, фактического и искреннего (! — *И.Р.*) объяснения с Англией. Полагая, что основная причина ее опасений в том, что, захватив проливы, Россия безнаказанно доберется до Индии, генерал предлагал договориться так: позволить Англии захватить Суэц, Афганистан и всю Памирскую возвышенность, пообещав, что «10-20-30 лет не сделаем в Азии вперед ни шагу; но зато в проливах должны стоять на возможно благоприятнейшем для себя решении».

Из трех возможных вариантов пересмотра режима проливов: 1) предоставить устье Босфора России, а выход из Дар-

данелл сделать свободным; 2) при сохранении первого условия, вход в Дарданеллы занять иностранным или британским гарнизоном; 3) оставить оба пролива совершенно свободными без укреплений — Обручев считал оптимальным для России первый: «Он делает нас неуязвимыми в обороне и сохраняет в то же время за нами свободу наступления. Владея устьем Босфора (а для этого достаточно иметь хоть небольшой его угол на Европейском берегу), мы будем спокойны за весь Юг России и не будем вынуждены тратить на развитие громадного военного флота, ибо несколько больших пушек на твердой земле, усиливаемые в случае войны торпедными заграждениями, могут противостоять каким угодно флотам. А так как весь север России большую часть года сам собою обеспечен, а со стороны сухопутной к западной границе, располагая 100 миллионным населением, мы всегда можем быть достаточно сильны, то подобное решение вопроса действительно явится величайшим благодеянием для России, отстранит многие войны и на веки упрочит ее судьбы». Здесь сформулировано кредо Обручева по вопросу обеспечения государственной безопасности, которое, как будет видно из дальнейшего изложения, оставалось в целом неизменным.

Второй вариант, по мнению генерала, менее выгоден, но все же очень хорош потому, что лишая Россию свободы наступления, оставлял «неоценимое преимущество обеспеченной обороны». Третью комбинацию он считал «не только не желательной, но положительно вредной», поскольку право свободного прохода обоих проливов имело бы для России цену только в случае развития ее военного флота до масштабов английского или французского. Этот расчет Обручев называет химерой и поэтому как и в записке «К вопросу о свободе проливов» полагал, что «подобное решение втянет Россию только в громадное разорение на развитие ее морских сил, а в случае войны снова повергнет весь Юг в бедствие и волнение». «Пусть лучше проливы остаются за турками, — заключал он. — До них мы можем еще добраться, тогда как против Европы будем совершенно бессильны».

Обручев выдвинул оригинальную идею относительно улучшения положения в проливах: организовать оборону

Босфора силами смешанного русско-турецкого гарнизона, что явилось бы — в более серьезной форме — повторением русско-турецкого договора 1833 г. Заманчивая сама по себе, эта идея носила отпечаток политического романтизма, как и надежда договориться с Англией.

Детально рассмотрен в записке вопрос об участии балканских христиан, поскольку по мнению Обручева, суть его решения заключалась в том, чтобы они обрели независимость при помощи России. Опираясь на соглашение с Австрией, получавшей по его условиям Боснию и Герцеговину, оставляя заботы об Албании — Европе, и выговорив увеличение территории для Сербии и Черногории, самое серьезное внимание, считал Обручев, Россия должна уделить судьбе Болгарии и спорных греческих земель, предварительно определив, кому дать перевес Болгарии или Греции?

Оптимальное решение он видел в создании независимого Болгарского княжества с границами, совпадающими «с историческими, этнографическими, и религиозными пределами обоих соперничающих национальностей», ограничив опасные греческие притязания. При этом Болгария имела бы свободный доступ к Черному и Эгейскому морям, а Греция — Эпир, Фесалию и острова Архипелага, но на Черном море сохранялось преимущественно русское или вообще славянское влияние. Болгарское княжество — со столицей в Филиппополе, со статусом, аналогичным разработанному графом Киселевым для Румынских княжеств, с избираемым князем, единоверным болгарскому народу, — первоначально состояло под протекторатом России, получив все условия для внутреннего самостоятельного развития.

Временное введение в страну русских войск, границы, сроки и условия пребывания которых Обручев подробно оговаривал, должно было обеспечить осуществление нового устройства жизни болгар. Связь с оккупационным корпусом Россия могла бы осуществлять посредством прямых морских подвозов из своих портов к Варне и Бургасу, которые впоследствии желательно было оставить за ней навсегда. «Владея ими, — писал Обручев, — мы могли бы в большинстве случаев предупреждать появление противника в проливах». Чтобы обеспечить безопасность морских перевозок из России, он

предлагал принять часть кораблей турецкого флота в счет контрибуции. Позже таким же образом могли бы быть захвачены Варна и Бургас или хотя бы один из этих портов.

Трудно сказать, в какой степени мнение Обручева было учтено при составлении ответа на английскую ноту. Но в двух инструкциях послу в Лондоне П.А.Шувалову, который вел переговоры, заявлялось об отсутствии у Петербурга интереса к Суэцу и Египту, отрицалось намерение угрожать Индии и захватить или оккупировать на длительный срок Константинополь и проливы. Этот важнейший для России вопрос Горчаков предлагал урегулировать «с общего согласия и на справедливых и действительно гарантированных началах»⁴⁴, дав понять, что Россия готова учитывать британские интересы. Таким образом еще до начала войны петербургская дипломатия заранее ограничивала возможные плоды победы русского оружия.

В июне 1877 г. Обручев был направлен на Кавказский театр, где блестяще проявил себя, а в конце октября, вызванный на Балканский театр, участвовал по приглашению царя в Порадимском совещании по разработке плана военных действий после взятия Плевны и проектированию условий будущего мира. 1(13) декабря 1877 г. на совещании у Александра II Обручев огласил свои соображения по пересмотру режима проливов в будущем мирном договоре с Турцией. Эта записка, по свидетельству Милютина, отличалась «логическим построением аргументации, как все работы Обручева», но, не без сарказма продолжал министр, носила «характер академической диссертации; поэтому предложено передать ее в Министерство иностр[анных] дел для соображений в свое время»⁴⁵. Записка интересна в контексте полемики в обществе и прессе, завязавшейся после начала русско-турецкой войны.

Огромное значение режима проливов и реальная возможность его пересмотра в интересах России в связи с успехами русского оружия вызвали появление ряда предложений по этому вопросу в аппарате министерства иностранных дел: записки Н.В.Чарыкова, А.Е.Смельского, Ф.Ф.Мартенса, Н.К.Гирса, А.И.Нелидова⁴⁶. В этом спектре предложений отчетливо прослеживается несколько общих для всех авторов

положений: стремление получить действенную гарантию безопасности для России на Черном море; добиться права свободного прохода ее военных кораблей через оба пролива и намерение осуществить эти права дипломатическими средствами на основе соглашений или с одной Турцией или с европейскими державами.

Обручев предлагал сохранить принцип закрытия проливов для военных судов всех стран, подтвердив его ссылками на все предшествующие международные договоры, а не только на Парижский трактат, и дополнить его двумя статьями. По условиям одной — прибрежные к Черному морю государства без специального разрешения султана могли в мирное время проводить через проливы отдельные невооруженные суда и одиночные военные, предназначенные для службы посольств, учебных и ученых целей, путешествий высочайших особ. По другой статье — международная торговля в военное время ограждалась от одностороннего применения Портой блокадных правил. Генерал хорошо понимал, что такой способ решения вопроса лишил Россию возможности направить в Средиземное море эскадру кораблей и не давал гарантий против произвола Порты, за которой сохранялось право владения проливами. Эти недостатки могли быть ликвидированы в случае блестящих и неоспоримых успехов русских войск, что позволило бы оказать давление на Порту, несмотря на противодействие европейских держав. Генерал подробно развил высказанную прежде идею о смешанном русско-турецком гарнизоне на Босфоре⁴⁷, связывавшем два государства общим интересом по противодействию Англии. Таким образом намечалась и широкая внешнеполитическая перспектива.

Видимо, была еще одна записка Обручева, которая пока не обнаружена. Цитирование небольшого фрагмента находим у П.А.Сабурова (посла в Берлине в 1880-1884 гг.), видевшего ее и разделявшего изложенную в ней точку зрения. Обручев утверждал, что «Индия составляет главную заботу Англии и Босфор для нее важен лишь как средство в случае надобности беспрепятственно напасть на наши южные побережья»; «наоборот... наша главная забота — в Босфоре; а возможность напасть на Индию важна лишь как средство

склонить Англию к уступкам в жизненном для нас вопросе о проливах»⁴⁸. С большой степенью уверенности можно полагать, что эти мысли были сформулированы Обручевым в том или ином виде уже в 1877 г. или в начале 1878 г. и могли составить таким образом ядро стратегического замысла контратаки против Великобритании в Афганистане — замысла, использованного в мае 1878 г. при сосредоточении войск Туркестанского военного округа у границы и направлении в Кабул миссии генерала Н.Г.Столетова.

Известия о заключении перемирия с Турцией в Адрианополе 19(31) января и о русских предварительных условиях мира, предусматривавших соглашение султана с царем «для охранения прав и интересов России в проливах Босфорском и Дарданелльском» и создание сильного славянского государства на Балканах, были встречены Англией и Австрией в штыки. Их требование — обсудить условия мира с Турцией на международной конференции — было весьма убедительно подкреплено 3(15) февраля, когда в Мраморное море без согласия султана вошла британская Средиземноморская эскадра. В ответ русские войска были придвинуты к Константинополю «с тем, чтобы поставить их относительно Царьграда в те же условия, в которых находилась английская эскадра»⁴⁹. Подписанный в этой обстановке 19 февраля (3 марта) русско-турецкий мирный договор вызвал резкий протест со стороны Лондона и Вены. Угроза разорвать дипломатические отношения была средством психологического давления на Россию, чтобы вынудить ее к уступкам⁵⁰. Петербург отступил, согласившись на пересмотр Сан-Стефанского договора.

Но, приняв угрозу всерьез, Петербург разрабатывал ответные меры⁵¹. Среди документов о возможности и необходимости занятия Босфора есть и записка Обручева, послужившая основанием для телеграммы Александра II в.кн. Главнокомандующему от 18(30) марта 1878 г.⁵² Важное значение приобретала позиция Турции, опасавшейся как Англии, так и России, и желавшей в их схватке остаться в стороне. По справедливому мнению Обручева, «присутствие нейтральных вооруженных сил даже в соседстве с театром войны, составляет вещь фальшивую, — в районе же самых

военных действий оно полностью немыслимо». Поэтому он предлагал: потребовать от Турции заявить протест против пребывания английского флота в ее водах, а в случае колебаний, принудить ее к такому заявлению; если Лондон проигнорирует турецкий протест, поставить проливы и весь Галиполлийский полуостров в 24 часа в такое положение, чтобы оказать англичанам решительное сопротивление. Если Порты откажется от совместных действий с Россией, последняя должна потребовать: сдать ей укрепления как в Босфоре, так и в Дарданеллах; распустить все войска, находящиеся в окрестностях Константинополя; поставить под русское наблюдение оставшиеся турецкие корабли на Черном море. Со своей стороны Россия гарантировала бы Порте неприкосновенность ее столицы до тех пор, пока ей будут угрожать покушения англичан. Если турки примут условия такого нейтралитета, Обручев предлагал быстро и решительно прибегнуть к открытой силе.

Как видим, Обручев последовательно, на протяжении всего Восточного кризиса, стремился добиться действенной гарантии безопасности юга страны получив укрепленные позиции на Босфоре. Его взгляды выражали национально-государственные интересы России в вопросе о проливах. Совпадая по сути с мнениями Нелидова, Игнатьева, Мартенса они отличались по форме, поскольку Обручев предлагал не дипломатическое, но силовое решение вопроса.

Было ли это возможно? По мнению военного историка Гейсмана «армия наша могла занять Константинополь, но не заняла его вследствие отсутствия у нас надлежащей связи политики со стратегией». Ответственность за отсутствие этой связи он возлагал на дипломатию⁵³. Документы свидетельствуют, что на завершающем этапе войны в правящих верхах царила та же сумятица, что и в начале, и в ходе ее. В горчаковской дипломатии, стремившейся все вопросы решать при помощи «европейского концерта» с союзом трех императоров в центре, этот союз превратился из средства политики в цель. Однако ситуация объективно отражала положение царской России — на реализацию национально-государственных задач не было ни сил, ни средств. Война обострила экономические и финансовые трудности но не сбила накала внут-

риполитического напряжения. Подновленный реформами строй, как и в годы Крымской войны не смог эффективно противостоять своим соперникам на международной арене. Русская армия успешно преодолела Балканский хребет и сопротивление турок, а петербургская дипломатия не сумела отстоять политических результатов кампании.

Упомянутая уже записка Обручева 1880 г. представляет интерес и в контексте развернувшейся в обществе и прессы полемики о целях и результатах войны. Записка появилась как ответ на опубликованный в «Nouvelle Revue» И. Ционом обзор русско-турецкой войны, вызвавший в Петербурге крайнее негодование. Мастерски опровергнувшая «все неприличные выходки», записка Обручева, была прочтена и одобрена царем и послужила материалом для ответа, составленного товарищем министра иностранных дел А. Г. Жomini. Статья последнего была опубликована в «Nouvelle Revue», а затем перевод ее помещен в газете «Новое время», зачастую использовавшуюся российским МИД как официоз. Отражающая в целом официальную правительственную линию в трактовке войны, записка кое в чем дополняет картину взглядов Обручева.

Это касается сроков начала войны и затраченных на нее средств. Начатая полугодом позже, когда противник успел подготовиться, война потребовала от России чрезвычайного напряжения сил. «Что могло быть достигнуто 100/т. войска и несколькими сотнями миллионов рублей, потребовало более 700/т. людей и расхода в миллиард», констатировал генерал. В косвенной форме он снимал с себя ответственность за это, подчеркнув, что еще в Ливадии в октябре 1877 г. призывал не оттягивать начало войны до весны. Упрек в недостаточности сил, брошенных против турок, Обручев парировал доводом о необходимости подготовиться к тому, что плоды побед России будут оспорены Европой. Каждая лишняя дивизия, посылаемая в подкрепление к действующим армиям, уменьшала шансы отстоять потом результаты войны, что и подтвердилось на Берлинском конгрессе. Это оправдание задним числом не уменьшает важности общей его оценки итогов Восточного кризиса: срыв англичанами мирных со-

глашений не избавил Европу «от всех гроз, остающегося по их вине неразрешенным, восточного вопроса»⁵⁴.

В результате дипломатического поражения после победоносной войны Россия вновь оказалась в международной изоляции. Фактической хозяйкой проливов стала Англия: ее военно-морская эскадра находилась в Мраморном море до весны 1879 г., а британская дипломатия на Берлинском конгрессе заявила о праве вводить в случае надобности свои корабли в проливы по соглашению с Турцией. Призраком нового англо-австро-турецкого блока и крайнее истощение финансовых средств вынудили Петербург снова искать поддержки Берлина. После длившихся полтора года переговоров в июне 1881 г. был заключен австро-русско-германский договор, одна из статей которого подтверждала взаимобязательный для держав принцип закрытия проливов, отрицая тем самым право Англии вводить туда свой флот.

Пока дипломаты вели переговоры военные действовали своими методами. В 1879 г. по приглашению правительства Французской республики впервые на летние маневры армии прибыла русская военная делегация во главе с Обручевым. Официальный подробный отчет о состоянии французской армии, составленный на основании донесений офицеров-специалистов, он дополнил собственными впечатлениями в личном письме к Милютину⁵⁵. Они сводились к следующему: правительство не думает о реванше, более всего заботиться о улаживании своих отношений с Германией, ориентируясь в этом случае на Англию, к России расположено менее, чем нация в целом, но «по временам оно обращается и в нашу сторону с мыслью: не пригодится ли все в случае опасности!». Поэтому вывод генерала однозначен: «пока правительство не уверено ни в себе, ни в нации, с ним едва ли возможно установление каких-либо прочных связей. Почва слишком зыбка и работать на ней можно лишь с крайней осмотрительностью».

Миссия Обручева обратила на себя внимание Берлина: Бисмарк утверждал, что получил от министра иностранных дел Франции Ваддингтона информацию будто русские предлагали заключить союз, но получили отказ⁵⁶. Сам генерал опроверг эту версию, но даже если у военных и были наме-

рения позондировать почву, результаты наблюдений Обручева не позволяли рассматривать в те годы Францию как потенциального союзника России. Приходилось рассчитывать на собственные силы. В конце 1879 г. Обручев составил записку о распределении русских войск в случае войны с Германией и Австрией.

Это был первый план стратегического развертывания вооруженных сил России на западе⁵⁷. Он учитывал конфигурацию государственной границы: почти на всем протяжении она совпадала с естественными преградами, удобными для обороны, а в центральной части образовывала огромный выступ на запад, который Обручев еще в 60-е годы рассматривал как удобный плацдарм для русской армии. Однако стратегическое значение Привислинского выступа утрачивалось в случае оборонительных действий России, поскольку два входящих клина со стороны Германии (Восточная Пруссия) и Австро-Венгрии (Восточная Галиция) создавали, в свою очередь, плацдарм для неприятельских армий. Учитывая это обстоятельство, а также более медленные темпы мобилизации и сосредоточения русских войск по сравнению с австро-германскими из-за недостаточной густоты сети железных дорог, Обручев предложил оборонительно-наступательный план стратегического развертывания.

Признавая громадное превосходство противника, он призывал не идти на поводу у него, но решиться сохранить за собою хотя бы отчасти инициативу действий и отвечать на неприятельское вторжение тоже вторжением, поскольку выжидательные и медленные способы действий приводят к неуспеху. Поскольку по опыту Европа твердо знает, что «сокрушить Россию можно не одним стремительным ударом, — писал он, — а вернее всего — систематическим отторжением еще не сроднившихся с ней западных окраин и продолжительным истощением финансовых и материальных ее средств», военные, политические и нравственные соображения требовали не уступать без борьбы приграничную территорию⁵⁸. Основа замысла Обручева — наступление против Австрии и оборона против Германии — сохранялась в целом в планах стратегического развертывания на протяжении 25-ти лет.

В военном ведомстве справедливо полагали, что Берлинский конгресс не установил прочного мира, но создал условия для возобновления борьбы, и разрабатывали мероприятия по укреплению обороноспособности. Несмотря на финансовые трудности в 1881 г. были запрошены чрезвычайные кредиты на строительство крепостей, железных и шоссейных дорог на западной границе⁵⁹. Выделенные средства были уже в следующем году сокращены, хотя Ванновский докладывал, что положение России на западных границах становится из года в год опаснее из-за быстрых темпов развития в Германии и Австрии железнодорожной сети, обеспечивающей им решительное преимущество в мобилизации и сосредоточении войск⁶⁰.

В феврале 1883 г. был принят план строительства военно-стратегических железных дорог в Полесье и Привислинском крае. К тому же Генеральный штаб запретил впредь постройку железных дорог к западу от Вислы к Неману, чтобы помешать быстрому наступлению противника. Объединенные усилия военного ведомства и министерства путей сообщения, значительные финансовые ресурсы, использование труда нескольких десятков тысяч солдат железнодорожных батальонов, поступление рельс и подвижного состава из государственных запасов обеспечили быстрое строительство Полесских линий. В результате к началу 90-х годов на западной границе была создана стратегическая сеть железных дорог протяженностью в три тысячи верст⁶¹.

Требовались срочные меры по усилению военно-морского флота и определению приоритетных задач на основных морских театрах, поскольку на Черном море отсутствовали современные боевые корабли, а на Балтике появился германский броненосный флот. Особое совещание 21 августа (2 сентября) 1881 г. наметило строительство 16-ти броненосцев, 13-ти крейсеров, 11-ти канонерских лодок и 10-ти миноносцев для Балтийского флота; 8-ми броненосцев, 2-х крейсеров и 19-ти миноносцев — для Черноморского; 8-ми канонерских лодок и 6-ти миноносцев — для Сибирской флотилии. Оно постановило: «В общеполитических интересах России иметь на первом плане заботу о восстановлении морских сил ее на Черном море, а затем уже о развитии ее

флотов на других морях». Этот флот должен был иметь «безусловное преимущество перед турецким, и транспортный флот (казенный или частный), который был бы в состоянии быстро поднять за один раз и перевезти к Босфору десантный корпус силою до 30 и более тысяч человек»⁶². Таким образом, подготовка десантного отряда рассматривалась как одна из приоритетных задач обороны государственной границы на юге.

Ограниченность финансовых средств не позволяла правящим верхам России в те годы поддерживать обороноспособность страны на том уровне, который соответствовал требованиям времени⁶³. В письме Милютину 24 сентября (6 октября) 1884 г. Обручев с грустью констатировал: «Работаем мы много, но такая уж наша судьба, что двигаемся мы весьма черепашьими шагами. Нет денег. Поэтому везде проволочки... Строим помаленьку крепости... строим стратегические железные дороги. Но что нужно бы сделать в 5-6 лет, то раскладываем на 15-20. А история на носу, не дает она нам и 6-7 лет, будем опять не готовы»⁶⁴. Вскоре события подтвердили его предвидение.

Престиж на Балканах, довольно высокий после русско-турецкой войны, Россия постепенно утрачивала⁶⁵. Болгария, в предвоенных планах Петербурга рассматривавшаяся как опора в будущем, стала подпадать под влияние западных держав. Острые противоречия возникли, в частности, из-за железнодорожного строительства. Петербург был заинтересован в проведении меридиональных линий — кратчайшему пути переброски русских войск за Балканский хребет к проливам на случай новой войны с Турцией. Эти дороги для самой Болгарии были менее выгодны, чем предложенная Австро-Венгрией широтная дорога от Софии к Средиземному морю. Не подкрепленная экономическими аргументами политическая опека России, а также непродуманные действия ее дипломатических и военных агентов в стране вели к отчуждению.

В этих условиях победа 6(18) сентября 1885 г. народного восстания в Восточной Румелии и национальное объединение страны было встречено официальным Петербургом отрицательно. Единая Болгария вместо форпоста русского

влияния на Балканах грозила стать оплотом враждебных сил. Известие о событиях в Болгарии в тот же день сообщили Александру III, который находился в Дании, а на следующий день товарищ министра иностранных дел А.Г.Влангали изложил в телеграмме царю свое мнение, совпадавшее с позицией Обручева — не вмешиваться в болгарские дела и «сохранить за собой полную свободу действий, чтобы принять деятельное участие лишь тогда, когда потребуют прямые интересы России»⁶⁶. Генерал настаивал на отзывании русских офицеров, находившихся на службе в Болгарии. Вероятно, именно в эти дни Обручев составил записку «Основные исторические вопросы России и наша готовность к их решению»⁶⁷, наряду с другими документами направленную царю дипломатической почтой.

То международное положение, в котором оказалась Россия, генерал объяснял политическими увлечениями и недоразумениями, а не зрело обдуманной политикой. В итоге страна истощила силы, но не укрепила собственной безопасности. Ответственность за негативные последствия славных побед Обручев возлагал на дипломатию, которая со времен Екатерины II увлеклась общеевропейской трактатной политикой и даже отвыкла от своего родного языка. Горчаков, по словам генерала, «застыл на европейской системе 1815-56 гг., более всего обдумывал лишь бьющие французские фразы и кончил тем, что на Берлинском конгрессе только путал русское дело». Считая, что с воцарением Александра III в действиях дипломатии «пробивается уже гораздо резче русское сознание», и зная его позицию о желательности воспользоваться случаем «окончательно упразднить трактат 1856 года и открыть свободный проход русским военным судам через проливы»⁶⁸, Обручев надеялся, что его взгляды встретят поддержку монарха. Поскольку «в ограждении внешних интересов государства перо и сила должны идти в полном между собой согласовании», генерал как представитель силовой структуры излагал свое видение решения в интересах России двух основных для нее вопросов — польского и Восточного.

Царство Польское Обручев оценивал как самое удобное в руках Запада орудие против России. Он предлагает четвер-

тый раздел Польши, который уменьшит массу поляков в России, спрямит западную границу, положив предел распространению Австрии на Балканах. Генерал пересмотрел свой прежний взгляд на Восточный вопрос: теперь его ядром он считал геополитические интересы России, а не религиозное или племенное единство со славянством. «Если б это своевременно сознали, то давно его бы и решились, не пролив и половины той крови, которою оросили Балканскую землю», утверждал он. Освобождая румын, греков, сербов и болгар Россия поступала человеколюбиво и сильно расшатала Турецкую империю, которая подпала еще больше под иностранное влияние, а южные пределы России оказались более прежнего беззащитными.

Ошибочная политика в Восточном вопросе не обеспечила безопасности государства, которая «прежде всего зависит от владения проливами», писал Обручев. Как и в записке 1877 г. он по разному оценивал их значение для России: если Босфор — дверь ведущая к нашему дому, то Дарданеллы — дверь в Средиземное море; поэтому занятие Босфора — позиция чисто оборонительная; занятие Дарданелл имеет скорее наступательное значение. Понимая всю выгоду для России быть хозяйкой обоих проливов — политическое ее влияние в этом случае возрастет — он признавал, что это потребует больших жертв, вызовет ожесточенное сопротивление Европы, но не принесет пользы, поскольку в Средиземном море Россия встретит превосходящий неприятельский флот, а океан останется для нее закрыт. Для того, чтобы обеспечить безопасность России, достаточно занять два укрепленных пункта на европейском и азиатском берегах Босфора, чтобы «раз и навсегда преградить неприятелю вторжение в наши черноморские пределы». Обручев по-прежнему считает атаку Константинополя лишь средством «вынудить султана уступить нам Босфор», и развивая мысль, высказанную еще в статье «О вооруженной силе и ее устройстве», утверждает: «Ни лишних городов и столиц, ни лишних земель нам не нужно».

Но генерал пересмотрел (по сравнению с запиской 1866 г.) отношение к балканским народам и Румынии, не считая их теперь потенциальными союзниками России, и

призывал остерегаться Австрии. Изменившаяся в целом обстановка на полуострове (замечу, созданная в значительной мере руками самой России) сделала его, по мнению Обручева, невыгодным театром действий для решения вопроса о проливах. Теперь, полагал он в полном соответствии с решением Особого совещания 1881 г., «нам следует обосновать свои действия против Турции на сильном десанте, который прямо бил бы на Босфор». Трудность и риск операции, по мнению генерала, окупит предварительная и тщательная ее подготовка в военном отношении.

Дипломатическим обеспечением могло бы служить соглашение с Германией и Австрией составленное так, чтобы не препятствовать поступательному движению последней на Балканах: увеличение славянского элемента в ее составе в конце концов приведет к разрушению империи изнутри. Искусство русской дипломатии, по мнению Обручева, должно состоять в том, чтобы «заставить Австрию начать играть в восточных событиях первую роль и выдвинуться ранее нас вперед». Тогда, воспользовавшись удобным случаем, Россия сможет добиться Карпатской Руси, морских портов для Черногории (как стоянки для русских судов), дать отпор Германии, которая при растянутых силах Австрии не рискнет обрушится на Россию, не разделившись прежде с Францией.

Отношения с Турцией Обручев предлагал строить на основе дружбы, внушив ей, что существование Оттоманской империи Россия признает безусловно необходимым и в случае опасности для владений султана готова придти на помощь. Однако русско-турецкие обязательства не могут идти так далеко, как в 1833 г., отмечал Обручев, а главное, они предварительно должны быть гарантированы предоставлением России Босфора или занятием его смешанным русско-турецким гарнизоном.

Основной вывод Обручева краток: «Только за Босфор и Карпатскую Русь безусловно и стоит лить русскую кровь». Но к успешному решению этих задач Россия не готова. Учитывая опыт Крымской и особенно последней русско-турецкой войн, генерал призывал впредь следовать мудрости веков: хочешь жить в мире, будь готов к войне. По расчетам Обручева боеготовность государства возможна лишь к

1887 г., поэтому желательно до этого срока ни во что не вмешиваться, но помнить, «что время для нас дороже денег». Но поскольку на Балканах «уже начался пожар», он предлагал действовать решительно: «волей-неволей нам следует быть безотлагательно готовыми, хоть на ладьях, идти к Босфору и брать его, как достояние России». На усиление боеготовности, по мнению Обручева, требовалось с осени 1886 г. выделить дополнительно 25 млн. руб.; укрепить западную границу империи, закончив к весне 1887 г. строительство стратегических дорог, запланированных в 1882 г. и усилить линию крепостей Варшава — Зегрж — Гродно, на что отпустить из казны еще 10 млн. руб.

Александр III, разделяя взгляды Обручева, писал в ответ, что из-за движения в Болгарии нежелательного в настоящую минуту, вести войну с Турцией, а может быть, и с Европой, «было бы непростительно и даже преступно в отношении к России. По-моему, у нас должна быть одна и главная цель: это — занятие Константинополя, чтобы раз навсегда утвердиться в проливах и знать, что они будут постоянно в наших руках. Это в интересах России и это должно быть наше стремление; все остальное, происходящее на Балканском полуострове, для нас второстепенно. Довольно популярничать в ущерб истинным интересам России. Славяне теперь должны сослужить службу России, а не мы им. Вот мой взгляд на теперешние политические обстоятельства. Прочтите это письмо А.Е.Влангали, чтобы и он руководствовался этим моим взглядом. Что касается собственно проливов, то, конечно, время еще не наступило, но надо нам быть готовыми к этому и приготавливать все средства. Только из-за этого вопроса я соглашусь вести войну на Балканском полуострове, потому что он для России необходим и действительно полезен»⁶⁹.

В международном кризисе, разразившемся вокруг болгарских событий, Петербург пытался добиться низложения князя А.Баттенбергского, используя союз с Германией и Австрией и договоренности с Турцией⁷⁰. Часть правящих верхов, в том числе и Обручев, выступала за примирение с князем для укрепления в Болгарии влияния России. Международное признание Болгарии в апреле 1886 г. не сняло остроты про-

тиворечий на Балканах. В этих условиях Петербург стремился к сохранению мира и невмешательству в дела Болгарии⁷¹. Свержение князя и установление регентства не улучшило русско-болгарских отношений, но выявило разногласия в правящих верхах России в подходах к решению проблемы — некоторые дипломатические агенты предлагали оккупацию Болгарии русскими войсками. На совещании в МИД 11(23) августа 1886 г. все участники его, в том числе Обручев, выступили против оккупации⁷². Но если петербургская дипломатия опасалась этой акцией окончательно подорвать престиж России, то Обручева заботила неготовность России к общеевропейской войне.

За месяц до совещания в секретном письме к Милютину «О ходе военных распоряжений и нашей готовности к войне»⁷³ Обручев писал: «Молча работаем мы дни и ночи, стараемся по возможности ничем не обнаруживать своих планов и намерений и думаем, что дело налаживается». Военные надеялись, что приближается время если не военного перевеса над противниками России, то равенства с ними. Но из признаний самого Обручева ясно, что, несмотря на некоторые достижения, Россия в подготовке будущего театра военных действий существенно отставала, а это диктовало осторожные и выжидательные действия.

Как и в записке 1885 г. Обручев называет приоритетными для империи вопросы Польский (или Галицийский) и Босфорский, решение которых требует подготовки в политическом и военном отношениях, а главное выдержки, чтобы не дать себя преждевременно втянуть в войну. «Мы уже достаточно научены историей, — писал он, — что значит соваться вперед. Выигрывают всегда те, кто долее сберегает свои силы и является на сцену, когда другие ослабели». Поэтому генерал оправдывал осторожные действия дипломатов, хотя сомневался, что они успешно выполняют свою задачу — создать благоприятные политические условия. К их числу Обручев относил заключение надежных союзов и умение заставить других действовать в выгодном для России смысле. Но он также констатировал недостаточную боеготовность империи: «В восточном вопросе нельзя обойтись без флота; наши же первые броненосцы только что спущены на воду и не воо-

ружены. Для успеха в столкновении на западе требуются крепости и паче всего железные дороги. Те и другие деятельно строятся, но будут готовы лишь в 1887-1888 годах». Из признаний Обручева ясно, что несмотря на некоторое сокращение сроков мобилизации, Россия по-прежнему отставала в подготовке будущего театра военных действий.

Итогом кризиса стала не только утрата влияния России в Болгарии, но серьезное поражение внешней политики царизма на Балканах в целом⁷⁴. Крах союза трех императоров поставил Петербург перед дилеммой: добиться поддержки Берлином русской восточной политики или искать противовес в Париже. Объективные предпосылки к сближению с Францией в середине 80-х годов сложились. Но страх перед сильной Германией и недоверие к слабой Франции не позволяли видеть в последней точку опоры для поддержания европейского равновесия. Было решено заключить договор с Германией, чтобы оградить Россию от опасности европейской коалиции и дать время развить военно-морские и финансовые силы империи⁷⁵.

Активизация военных мероприятий в Германии и Австрии в ходе болгарского кризиса, сравнительный анализ направленности и интенсивности работ в приграничной полосе как России так и ее западных соседей показал, что она по-прежнему уступала в темпах сосредоточения своих вооруженных сил из-за недостаточно развитой сети железных дорог. В представленном Обручевым Александру III докладе с обоснованием уточнений к плану стратегического развертывания русской армии предлагалось увеличить численность войск, расквартированных в мирное время в западных округах⁷⁶. Кроме того, впервые намечалась возможность частично наступательных действий против Германии, а оборона передового театра выносилась ближе к государственной границе с Германией с тем, чтобы не уступать без борьбы даже той части территории, которая по предыдущему плану очищалась от русских войск.

Подписанный 6(18) июня 1887 г. на три года, договор не мог устранить тенденции к обострению русско-германских отношений, он лишь отсрочил их разрыв. Вступление на престол в 1888 г. Вильгельма II обнажило антирусскую на-

правленность внешней политики Германии. В составленной в этом году в российском МИД аналитической записке были сформулированы цели России «при новом положении вещей в Европе, на случай военного столкновения». Главными из них признавались вопросы восточный и славянский — те самые, которые Обручев обозначил еще в 1885 г. В МИД полагали, что первый из них после русско-турецкой войны трансформировался в вопрос о проливах, второй — в австрийский. Оптимальным решением первого признавалось, как и предлагал Обручев, занятие проливов силами России, подготовку к которому следовало вести весьма секретно, но настойчиво, заботясь, чтобы «проливы не попали в руки европейских держав, особенно Англии, из всех держав может быть самой непримиримой с нами». Решение австрийского вопроса (в отличие от обручевского варианта) заключалось в противодействии распространению австрийского влияния на Балканском полуострове. При стабильной международной обстановке петербургская дипломатия рассчитывала со временем достичь этих целей. Но поскольку угроза новой франко-германской войны могла вынудить Россию «волею-неволею взяться за оружие», в МИД хотели выиграть время: поддерживая отношения с Германией не упускать из виду Францию, союз с которой рассматривался «только как последнее средство и только накануне действия»⁷⁷.

Военные тем временем стремились усилить обороноспособность государства. Летом 1889 г. Обручев отправил Александру III в Копенгаген записку, в которой критиковал деятельность министра финансов и испрашивал 300 тыс. рублей на вооружение, бездымный порох и строительство стратегических железных дорог⁷⁸. Эти дороги как и в статьях, написанных в 60-е годы, Обручев считал нервом «экономического и финансового развития, несущим с собой и политическую мощь», лучшим средством для сплочения государства, основой «в деле обеспечения государственной обороны». Цифровые данные, приведенные генералом, показывали существенное отставание России в протяженности железных дорог. Так, Германия, Австрия и Румыния имели 70 тыс. км. железных дорог; Франция — 34,5 тыс. км.; Англия — 31,2 тыс. км. (на Британских островах); Американские со-

единенные штаты — 242,2, а Россия — лишь 24 452 верст. Для рассмотрения ассигнований на нужды военного и морского ведомств летом этого года была создана Особая комиссия, одним из членов которой стал и Обручев⁷⁹.

Летом 1890 г. Германия отказалась возобновить договор с Россией и подписала соглашение с Англией по колониальным вопросам, что в Петербурге оценили как шаг последней к Тройственному союзу. Эти события ускорили заключение русско-французского союза⁸⁰. Перемены, произошедшие в Третьей республике также способствовали этому: высшие эшелоны власти возглавили деятельные сторонники союза с Россией. Один из них — заместитель начальника генерального штаба генерал Р.Буадефр впервые был приглашен на осенние маневры русской армии 1890 г. Он установил официальные контакты с русскими военными и зондировал возможность заключения конвенции⁸¹.

Давнее личное знакомство и дружба Обручева с Буадефром, казалось, были хорошей почвой для деловых бесед, но они сразу выявили принципиальную разницу в подходах сторон к задачам двух армий в случае войны с Германией и ее союзниками. Если Буадефр предлагал объединить силы против «души Тройственного союза» — Германии, то Обручев отстаивал интересы России, требовавшие нанесения первого удара ее основному противнику — Австрии. Кроме того, Обручев выразил укоренившуюся в России обеспокоенность внутривосточной нестабильностью республики: «Ваши министры меняются каждые три недели... Вы даже не в состоянии подписать конвенцию!» — заявил он французскому коллеге⁸². В ответ Буадефр предложил сделать это тотчас. Демарш, явно превышавший данные ему полномочия, не имел последствий, но он точно отразил суть французского замысла. В целом впечатления генерала сводились к тому, что нового разгрома Франции Россия не допустит, хотя принимать обязательства в этом смысле не торопится.

Досрочное возобновление Тройственного союза в мае 1891 г. и слухи о присоединении к нему Англии стали последним толчком к заключению русско-французского соглашения. Практически одновременно в июле 1891 г. Н.К.Гирс и А.Лабуле в России и Обручев и Буадефр во Франции нача-

ли обсуждать вопрос о его форме. Буадефр вновь предложил заключить военную конвенцию. Обручев ставил вопрос шире, предлагая рассматривать проблему в контексте интересов России и Франции в различных частях мира и тех случаях, когда эти интересы могут быть затронуты.

По его убеждению, война для России могла начаться из-за Восточного вопроса, и не Германия объявит ее, но Австрия и Турция, за спиной которых она стоит: Обручев был уверен, что если даже Германия прямо не примет участия в борьбе, то «она вмешается на конгрессе, где со своими двумя миллионами штыков будет диктовать условия так, будто она одержала победу». Поэтому он хотел получить положительные заверения от Франции, что та мобилизует свою армию и в случае нападения на Россию одной Австрией.

Генерал четко обозначил те два серьезных интереса России в Европе, осуществления которых она готова добиваться: завоевания Галиции, чтобы положить конец разжигаемой там агитации за воссоздание Польского королевства под скипетром австрийского императора или принца его дома; и получения входа в проливы, чтобы не оказаться заблокированной в Черном море, отдав свои порты на милость английского флота. Как и прежде, Обручев подчеркнул отсутствие намерения захватить Константинополь и присоединить новые территории — «мы и так уже слишком растянуты»⁸³. Для достижения этих целей Обручев считал полезным заключить соглашение между двумя генеральными штабами, если правительства России и Франции придут к политическим договоренностям. В августе 1891 г. Петербург предпочел ограничиться дипломатической антантой, но в декабре Александр III предложил, чтобы представители генеральных штабов обсудили вопрос о военной конвенции⁸⁴.

Ее проект был получен Петербургом в марте 1892 г. Условия обязывали Францию и Россию одновременно мобилизовать свои силы сразу после мобилизации войск Тройственного союза и направить их против Германии: из общего числа мобилизуемых 1,6 млн. человек Россия должна была выставить 700-800 тыс. По оценке А.М.Зайончковского, эти предложения были направлены для обеспечения Франции от единоборства с немецкими войсками и грешили односторон-

тью подхода, «при котором с интересами русской армии считались мало, раздробив ее поровну между двумя противниками и двумя задачами»⁸⁵.

В МИД отнеслись к проекту настороженно, Александр III, напротив, склонялся к заключению конвенции и приказал, чтобы вопрос обсудили специалисты. В мае 1892 г. Обручев составил записку по этому вопросу⁸⁶. Она состояла из двух частей: в первой были сформулированы общие положения о принципах и характере мобилизации в связи с действиями дипломатии; во второй — с этих позиций проанализирован французский проект. Обручев считал, что при современном вооружении и мобилизационной готовности европейских государств, измеряющейся уже не неделями, а днями и часами, успех борьбы зависит от опережения противника в действии. «Приступ к мобилизации, — писал он, — это самый решительный акт войны», поэтому дипломатия должна заранее ясно определить военно-политическую цель.

Основываясь на опыте русско-турецкой войны и Берлинского конгресса, который показал, что русской дипломатии нельзя рассчитывать на изолированное столкновение, генерал был убежден, что послевоенное устройство будет диктовать не столько победитель, «сколько тот, кто, сохранив свои силы, может грозить новою, выгодною для него войною». Поэтому Обручев призывал дипломатов избегать двух иллюзий: переоценивать значение оговорки в условиях Тройственного союза о возможности изолированных действий одного из участников и рассчитывать на возможность локальной войны.

Размышления Обручева показывают его верное предвидение того, что в условиях нового времени война неизбежно приобретет широкомасштабный, мировой характер, и что России в ней придется иметь дело с европейской коалицией. Эти исходные соображения определили три замечания по существу французского проекта, которые касались формы соглашения, условий мобилизации и согласования военных действий.

Одобрив форму — военная конвенция, а не союзный договор, что давало возможность обойтись без утверждения ее парламентом и тем сохранить секретность, Обручев выдвигал

некоторые принципиальные возражения против ряда положений.

Вполне разделяя идею одновременности мобилизации, как основном условии конвенции, он считал нужным уточнить его, учитывая, что Франция намерена заручиться поддержкой России исключительно на случай войны с Германией, а для России невыгодно действовать изолированно. Поскольку Тройственный союз был тесно сплочен в военном отношении, генерал предлагал договориться об одновременной мобилизации армий Франции и России в случае нападения на них не только Германии, но любой державы Тройственного союза. В обязательстве России мобилизоваться в случае столкновения Франции с Италией он видел паритет обязательству Франции мобилизоваться в случае нападения Австрии на Россию. «Только это условие, — писал он, — устраняет всякие экивоки, обеспечивает нас во всех случаях неколебимым союзником и ограничивает сферу возможной против нас коалиции».

Предложение заранее определить число корпусов, которое союзницы будут использовать в борьбе с противником, он расценил как невыгодное для России. Полагая, что война будет самой решительной и надолго уже определит соотношение сил европейских держав, особенно Германии и России, он утверждал, что последняя должна сохранить за собой полную свободу распределять войска так, чтобы направлять главные силы в зависимости от обстоятельств. Поэтому достаточно ограничиться лишь общим обязательством: в случае нападения одной из держав Тройственного союза на Францию тотчас же мобилизовать армию России и начать военные действия против Германии и Австрии, потребовав от французской стороны соответствующего обязательства.

Эта, по определению А.М.Зайончковского, «исчерпывающая, поучительная, пророческая в отношении событий 1908 и 1914 годов записка Обручева, ... ставила франко-русское соглашение на реальную почву равенства и обоюдной помощи»⁸⁷.

Записка была передана Гирсу, который убедил Александра III не торопиться с принятием обязательств в военном отношении. Но прибывший 20 июля (1 августа) 1892 г. на

маневры русской армии Буадефр привез доработанный текст конвенции и военные начали его обсуждать. Poleмика развернулась вокруг основного положения: Франция стремилась заручиться поддержкой на случай войны с Германией, Россия — с любой державой Тройственного союза. После ряда обоюдных уступок и после того, как Обручеву удалось убедить Гирса, что принятие в принципе военной конвенции в форме проекта (при сохранении абсолютной тайны) политически не скомпрометирует Россию, 5(17) августа Обручев и Буадефр подписали текст, который одобрил царь⁸⁸. В нем в достаточной степени были соблюдены интересы России и достигнута равномерность обязательств союзниц⁸⁹. Но ее ратификация затянулась более чем на год.

Французский генеральный штаб, пытаясь ускорить дело, в августе 1893 г. переслал в Петербург записку о значении для Франции и России нового германского военного закона, вынуждавшего их принять меры военной предосторожности⁹⁰. Поскольку дипломаты не торопились с утверждением конвенции, Обручев 24 октября (5 ноября) 1893 г. препроводил Гирсу секретную записку начальника германского генерального штаба генерала Вальдерзее, составленную в 1891 г., о планах военных действий Тройственного союза против Франции и России⁹¹. Передвижения войск Тройственного союза осенью 1893 г. встревожили МИД. На запрос Гирса Обручев сообщил о получении от специальных агентов материалов о передислокации австрийских корпусов в Галиции, которые заставляли военное министерство «усиленно следить за всеми мерами, указывающими на приготовление к войне, дабы не позволить противникам скрыть от нас свою негласную мобилизацию»⁹².

Обручев постоянно подталкивал Александра III и Гирса к окончательному решению: в конце ноября царь выразил готовность поставить последнюю точку⁹³, а в начале декабря Обручев и Гирс сняли последние вопросы⁹⁴. 14(26) декабря проект конвенции был утвержден царем. Заключение русско-французского военно-политического союза консолидировало усилия двух держав в борьбе с Германией и Англией. Став мощным противовесом Тройственному союзу, он по-

зволил обеим державам отстаивать свои интересы в Европе и в мире.

Появление в середине 90-х годов XIX в. нового узла международных противоречий на Дальнем Востоке и активизация там политики России побудили Петербург поддерживать status quo на Ближнем Востоке. Международный кризис в этом регионе, начавшийся в сентябре 1894 г., вскоре обострился настолько, что грозил широкомасштабной постановкой восточного вопроса⁹⁵. Начавшаяся осенью этого же года японо-китайская война поставила вопрос о позиции России: заключить соглашение с Японией против Китая, или вступить с ней в борьбу.

Единства мнений в правящих верхах России как и прежде не было. На Особом совещании в январе 1895 г. Обручев предложил действовать сообща с европейскими державами, преимущественно с Францией, чтобы оказать на Японию давление. Он также возражал против присоединения каких-либо корейских островов и переброски в Тихий океан кораблей из Балтики. На совещании в марте того же года генерал решительно выступил за то, чтобы ни под каким видом не впутываться в войну на Дальнем востоке, на которую ее будут подталкивать европейские державы. Необеспеченность безопасности на Западе и на Кавказе диктовала, по его мнению, не борьбу, но соглашение с Японией, что позволило бы России занять северную Маньчжурию⁹⁶.

Сторонниками соглашения с Японией были так же Гирс, Ламздорф, первоначально А.Б.Лобанов. Коллективное воздействие России, Франции и Германии заставило Японию тогда отказаться от части своих требований. В дальнейшем победа сторонников наступательных действий в Корее во многом способствовала вызреванию русско-японской войны. Известие о ее начале в 1904 г. Обручев встретил мрачным пророчеством: «А не пора ли России развалиться?»

Летом 1895 г. обострилась ситуация в Турции. Угроза военного вмешательства европейских держав побудила правящие верхи России обсудить меры для ограждения ее интересов в Черном море. 23 июня (5 июля) 1895 г. Обручев представил записку «Военная готовность наша на Черном море»⁹⁷. В ней он отстаивал те же положения, что и в записке

1885 г., но теперь они предназначались для сведения нового монарха — Николая II. Как и прежде он связывал с занятием Босфора гарантию спокойствия на юге и возможность располагать лишними силами для противодействия Германии и Австрии. Получение свободного прохода для русских военных судов через Дарданеллы он относил к задачам будущего, которые должны решать скорее дипломаты, чем военные.

После исторического экскурса генерал подробно изложил результаты деятельности специальной Комиссии, созданной в 1885 г., по подготовке десантной операции на Босфоре. Из войск Одесского округа был создан специальный отряд (51 батальон, 4 сотни казаков и 80 полевых орудий — всего до 35 тыс. нижних чинов при 1.816 лошадях и 432 повозках), снабженный всем необходимым для перехода на кораблях, высадки на берег и последующих действий в продолжении двух-трех недель. Однако для успеха операции на совещаниях в феврале и марте 1895 г. было признано необходимым усилить ее материально-техническую сторону постройкой дополнительных транспортных средств, изготовлением и приобретением новых орудий, пулеметов, снарядов и мин.

Обручев считал, что завершение этих мероприятий гарантирует готовность России к решению ее величайшей исторической задачи. «Владея Босфором, — писал он, — мы становимся неуязвимы на Черном море; обуздываем Англию, лишая ее возможности грозить нашим южным берегам, тогда как сами сохраним за собою угрозу Индийских ее владений; сосредоточим все сухопутные наши силы на западной границе и тем твердо и незыблемо обеспечим положение России в Европе; господствуя же над Константинополем, становимся помимо ограждения Кавказа, распорядителями судеб Балканского полуострова и Малой Азии. Целый ряд длинных кровопролитных войн, предпринятых Россией с прошлого века, завершится этим великим делом; для России действительно настанет период успокоения в европейско-азиатских ее владениях, а вместе с тем развяжутся ее руки и для обеспечения государственных интересов на Дальнем тихоокеанском востоке».

Если в 1885 г. Обручев называл политику расширения азиатских владений губительной для России, потому что она

обратила бы «политическое ее тело в громадную Комету, с неокрепшим еще европейским ядром и страшным азиатским хвостом, раскинувшимся от Тифлиса до Владивостока», считал самой ценной частью империи Европейскую Россию — «коренное достояние Русского народа», а Кавказ, Среднюю Азию и Сибирь рассматривал как «придатки, имеющие смысл лишь до тех пор, пока живо и цело собственное народное русское тело», то теперь, видимо, он пересмотрел свои взгляды. Однако вполне возможно, что он учитывал позицию Николая II, зная о его пристрастии к Дальнему Востоку.

Признав скорейшее завершение приготовлений на Черном море безусловно необходимым, Николай II приказал обсудить в Особом совещании финансовую сторону требуемых мероприятий. Серия Особых совещаний, в которых Обручев принимал самое деятельное участие, прошла в феврале, апреле, мае 1896 г.⁹⁸ Летом этого года для осмотра узкой части Босфора и выбора позиций были командированы офицеры морского ведомства. В сентябре 1896 г. Обручев сообщил Ламздорфу выдержки из заключения комиссии штаба Одесского военного округа, в котором констатировалось, что осмотр укреплений Дарданелл, проведенный с разрешения султана, показал их неспособность в настоящем виде задержать прорыв иностранного флота в Мраморное море⁹⁹.

Между тем обострение обстановки в Константинополе в ноябре-декабре 1896 г. и угроза вторжения английского флота в проливы заставили правящие верхи России обсудить адекватные меры. В Особом совещании под председательством Николая II 23 ноября (5 декабря) обсуждалось предложение посла в Константинополе А.И.Нелидова занять верхний Босфор и не допустить вступления иностранных судов в Дарданеллы¹⁰⁰. Обручев активно поддержал это мнение, другие сановники возражали. Интенсивная межведомственная и внутриведомственная переписка в январе-феврале 1897 г. показала и нерешительность, и неокончательную согласованность вопросов, и боязнь ответственности за принятие решения, и недостаточную военно-техническую подготовленность десантной операции.

Показательно в этом отношении письмо Обручева к Милютину 16 января 1897 г., противоречивое по настроению. С одной стороны, он надеялся, что февраль пройдет спокойно и существование Турции продлится, с другой — призывал быть готовыми, «если история призовет нас к экзамену» — к окончательному решению Восточного вопроса. Он с полным основанием предвидел, что взгляды держав при этом разойдутся. Для России, по словам Обручева, твердо установлено только одно: «мы не хотим ни Константинополя, ни Дарданелл, а удовольствуемся лишь гарантией нашего положения в верхнем Босфоре»¹⁰¹.

В середине февраля военное и морское ведомства пришли к заключению, что в случае военных действиях Англии успех экспедиции сомнителен и, вероятно, в таком случае она не будет осуществлена. К тому же переговоры с Парижем показали, что на вооруженную поддержку Франции и применение в этом случае военной конвенции Петербург рассчитывать не может. Обстановка в Константинополе к этому времени стабилизировалась и Петербург отказался от проведения операции.

31 декабря 1897 г. генерал-адъютант Н.Н.Обручев покинул пост начальника Главного штаба. Годом раньше его заслуги были отмечены высшим российским орденом св. Андрея Первозванного. В рескриптах на имя Обручева и по поводу награждения и при отставке Николай II отметил присущие генералу незаурядный ум, широкое образование, отличное знание дела, патриотические убеждения, неизменную преданность государю и отечеству, прямой и откровенный характер.

Взгляды Обручева на цели и задачи внешней политики России складывались в полной противоречий международной обстановке второй половины XIX в. Далеко не всегда к его мнению прислушивались монархи, не все из его суждений разделяли коллеги. В понимании задач России в ее политике на Балканах и Ближнем востоке многое объединяло Обручева с такими дипломатами как Н.П.Игнатьев и А.И.Нелидов, военными деятелями как А.Н.Куропаткин и Д.А.Милютин. Но последний не поддерживал идеи генерала о единоличном и силовом решении Россией в своих интере-

сах вопроса о проливах. Существенно расходились в этом вопросе взгляды Обручева и С.Ю.Витте, который в пылу полемики даже использовал недобросовестные аргументы, приписав генералу навязчивый замысел захватить Босфор, «передвигая туда войска на плотах»¹⁰². Куропаткин, намечая на рубеже веков перспективы осуществления кардинальных внешнеполитических задач империи, хотя и принял основные положения Обручева, иначе оценивал значение для государства активных действий на Дальнем Востоке.

Конечно, кое-что в предложениях генерала было, по меткому замечанию Ламздорфа, подернуто флером политических иллюзий¹⁰³. Но кредо Обручева — обеспечение безопасности государственных границ России прежде всего созданием прочных оборонительных рубежей на западе и юго-западе — несомненно отвечало насущным интересам империи. «Первая наша забота, — вполне обоснованно утверждал он, — стоять твердо в Европе». Именно эту идею на протяжении всей деятельности Обручев отстаивал убежденно, последовательно и неумолимо.

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 304.

² См.: Бильдерлинг А.А. Николай Николаевич Обручев / Военный сборник. СПб., 1911. № 1; Он же. Памяти Николая Николаевича Обручева // Русская старина. СПб., 1914. № 6. Некрологи по случаю кончины Н.Н.Обручева опубликовали: «Правительственный вестник» (1904. № 148), «Русский инвалид» (1904. № 141), «Московские ведомости» (1904. № 181), «Новое время» (1904. № 1017), «С.-Петербургские ведомости» (1904. № 173), «Петербургский листок» (1904. № 175). Столетие Военного Министерства. Т. 2. Кн. 4. СПб., 1914; Обручев А.А. Семья Обручевых на службе России / Военный сборник. № 1. Париж, 1963; Барбасов А.П. Русский военный деятель Н.Н.Обручев / Военно-исторический журнал. М., 1973. № 8; Айрапетов О.Р. Николай Николаевич Обручев / Вопросы истории. 1996. № 7; Он же. Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830-1904). СПб., 1998.

³ См.: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952. С. 121-123.

⁴ См.: Айрапетов О.Р. К судьбе архива Н.Н.Обручева / Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1993. № 2. С. 80. По утверждению автора заметки, бумаги Обручева после его смерти хранились у А.А.Поливанова, который предполагал передать их в архив Военной Академии. Потомок Н.Н.Обручева А.А.Обручев утверждает, что перечень записок, представленных генерал-адъютантом Н.Н.Обручевым с 1868-1896 годы включает 25 докладных записок, из них записки № 20-23 касаются положения русских вооруженных сил на Дальнем Востоке, но и этот перечень не

- полон, так как многие записки Обручева «разбросаны по разным отделам Главного и Генерального штабов»: Указ. соч. С. 24.
- 5 См.: доклад А.М.Горчакова Александру II 3(15) сентября 1865 г. // Красный архив. 1939. № 2(93).
- 6 Обручев Н.Н. О вооруженной силе и ее устройстве / Военный сборник. СПб., 1858. № 1. С. 17, 20, 36, 40, 48.
- 7 Обручев Н.Н. Изнанка Крымской войны / Там же. С. 546.
- 8 Обручев Н.Н. Наше финансовое положение. СПб., 1866. С. 27.
- 9 Обручев Н.Н. Сеть русских железных дорог, участие в них земства и войска. СПб., 1864. С.4, 5, 13, 17, 28, 39, 61. См.: Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 119.
- 10 Цит. по: Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт в России во второй половине XIX века. М., 1975. С. 97.
- 11 Там же. С. 59-80, 89-90, 98-105; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 401, 404-405.
- 12 См.: Зайончковский П.А. Военные реформы... С. 121-123; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 406-407. Копия записки Обручева хранится в личном фонде Д.А.Милютин: ОР РГБ. Картон 37. Д. 14. Л. 1-18.
- 13 Обручев Н.Н. Наше финансовое положение. СПб., 1866. С. 4, 24, 25, 27, 28, 58.
- 14 Барбасов А.П. Новые факты о планировании русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Военно-исторический журнал. 1976. № 2. С. 98-104.
- 15 Обнаруженный мною автограф записки Н.Н. Обручева хранится: АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 36/37/39. Л. 34-35 об. Не датирован. По косвенным данным можно предположить, что записка составлена не ранее 1857 г. (в тексте упоминается открытие зундских проливов), после 1864 г. (эта дата есть в тексте), но не позже 1871 г. (создание Германской империи, т.к. в записке есть упоминания об Австрии, Италии, Франции, Англии, Турции, но нет о Германии). Вероятно записка составлена в 1866 г., тогда же, когда и «Соображения на случай войны с Турцией» и серия статей «Наше финансовое положение».
- 16 См.: Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 258-259, 364.
- 17 Там же. С. 280-288, 304, 360, 364; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 442-443.
- 18 Военный сборник. 1911. № 1; Дневник Д.А.Милютин. 1873-1875. Т. 1. М., 1947. С. 93.
- 19 См.: Айрапетов О.Р. Указ. соч. // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 58.
- 20 Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. II. М., 1940. С. 224.
- 21 Дневник Милютин. Т. 1. С. 194. К сожалению, Милютин не сообщает других подробностей об этой записке.
- 22 Дневник Милютин. 1877-1878. Т. 2. М., 1949. С. 24.
- 23 Там же. С. 34-35. Разработки Обручева были использованы в лекциях полковника Артамонова, которые он прочел в марте 1877 г. для офицеров Петербургского военного округа. Предположительно лекции были инспирированы Милютиным и Обручевым для проверки своих соображений. См.: Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. М., 1956. С. 67-68.
- 24 Хвостов В.М. История дипломатии. Т. II. М., 1963. С. 95-105.
- 25 См.: Газенкамф М. Мой дневник 1877-1878. СПб., 1908. Приложение № 1. Об истории составления плана войны см.: Богданович Л.А. Двадцатипятилетие великой освободительной войны. 1877-1902. М., 1902; Гейсман П.А. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в Европейской Турции. Вып. 1-3. СПб., 1906; Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.-Л., 1928; Беляев Н.И. Указ. соч.; Строчков А.А. История военного искусства. Капиталистическое общество от французской буржуазной революции до периода империализма. М., 1965; Пенков С. Развитие русского военного искусства во время русско-турецкой освободительной войны 1877-1878 гг. // Военноисторический сборник. София, 1967. № 6; Добрев Хр. Русского военно искусство в Освободительная война // Освобожденно на България 1878-1968. София, 1970; Караиванов А. Приносът на генерал Н.Н.Обручев за подготовката и воденето на руското-турската Освободителна война 1877-1878 // Военно-исторически сборник, София, 1972. № 3; Айрапетов О.Р. О планировании освободительной войны 1877-1878 гг. // Россия и реформы. Вып. 3. М., 1995.
- 26 Дневник Милютин. Т. 2. С. 93; Дневник государственного секретаря А.А.Половцова. Т. 2. 1887-1892. М., 1966. С. 187.
- 27 АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1876. Д. 128. Л. 325-325 об.
- 28 Там же. Д. 129. Л. 266.
- 29 Там же. Д. 128. Л. 343-344.
- 30 Дневник Милютин. Т. 2. С. 114, 117.
- 31 АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. 1876. Д. 129. Л. 268.
- 32 Дневник Милютин. Т. 2. С. 121-135. Цит.: С. 152.
- 33 Газенкамф М. Указ. соч. Приложение № 2.
- 34 Дневник Милютин. Т. 2. С. 139.
- 35 Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1901. Вып. IV. С. 27. См.: Беляев Н.И. Указ. соч. С. 71.
- 36 Газенкамф М. Указ. соч. Приложение № 4.
- 37 Гейсман П.А. Введение в историю русско-турецкой войны 1877-1878 гг. СПб., 1906; Беляев Н.И. Указ. соч. С. 73-74; Золотарев В.А. Россия и Турция. Война 1877-1878 гг. (Основные проблемы войны в русском источниковедении и историографии). М., 1983. С. 35.
- 38 Особое прибавление... С. 27-28. Отчасти используя положение Обручева, план кампании разработал помощник начальника штаба Главнокомандующего Дунайской армией генерал-майор Левицкий. См.: Особое прибавление... Вып. IV. С. 11-19; Газенкамф М. Указ. соч. Приложение № 3.
- 39 Беляев Н.И. Указ. соч. С. 73.
- 40 Там же. С. 33, 55-56, 64-65, 73, 75-79, 89, 98.
- 41 Соловьева А.М. Указ. соч. С. 111-112, 118, 154.
- 42 Дневник Милютин. Т. 2. С. 169, 170.
- 43 Обнаруженная мною записка хранится: АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. 1877 г. Д. 36/ 37/39. Л. 44-67. Записка не подписана и не датирована. Установить авторство Н.Н.Обручева с большой степенью уверенности позволяют следующие основания: 1) писал человек хорошо осведомленный – он знает о секретном соглашении с Австрией о Боснии и Герцеговине; о планах послевоенного устройства на Балканах; 2) записка хранится в секретном архиве министра там же, где: копия записки Н.К.Гирса о проливах; анонимная записка, составленная в МИД с вариантами условий мирного договора с Турцией; автограф записки Н.Н.Обручева «К вопросу о свободе проливов»; 3) писал человек военный; 4) сопоставление с другими записками Обручева выявляет тот же круг идей, а текстологический анализ – тот же строй речи; 5) написана по-русски, как и все записки Н.Н.Обручева; 6) написана в первой половине мая, не ранее 7/19, когда стали известны требования Англии, и до перехода русских войск через Дунай. Обручев находился в Петербурге до середины июня, позже был отозван на Кавказ.
- 44 Освобождение Болгарии... Т. 2. Док. 61, 62.
- 45 Дневник Милютин. Т. 2. С. 253.
- 46 См.: Рыбаченок И.С. Проекты решения проблемы Черноморских проливов в последней четверти XIX века // Вопросы истории. 2000. № 4-5.

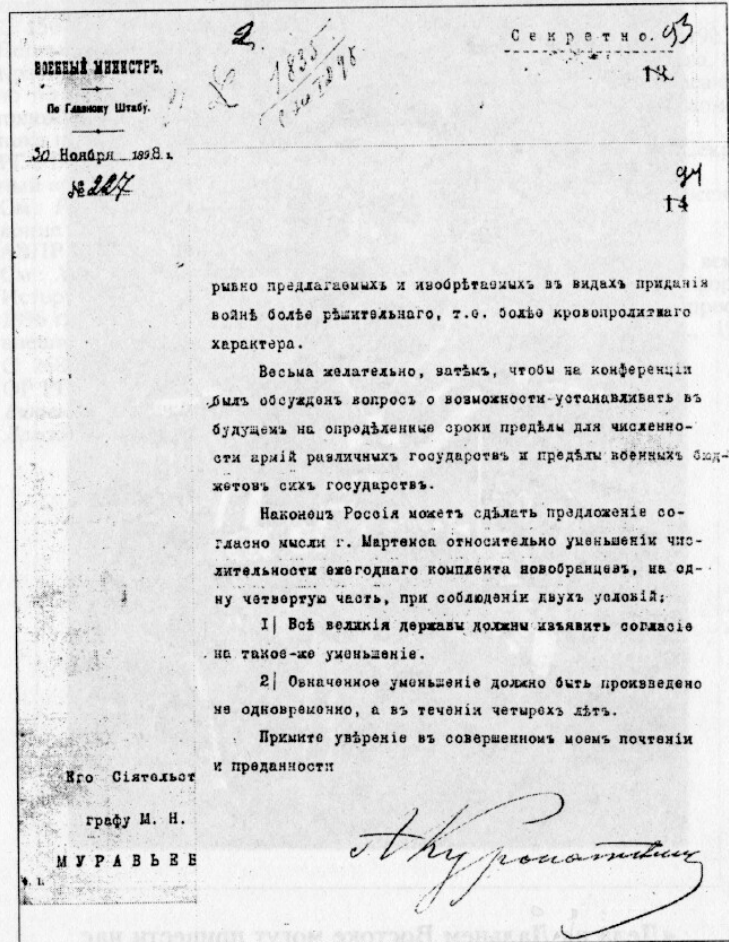
- 47 АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 36/37/39. Л. 36-43 об. Автограф. Написана на 4-х двойных листах, вложенных один в другой по два и пронумерованных таким образом, что архивная нумерация не соответствует последовательности текста. В результате начало его приходится на Л. 42, а окончание — с датой и подписью Обручева — на Л. 41 об. Видимо поэтому, на обложке дела записка значится как анонимная.
- 48 Цит. по: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 147.
- 49 Особое прибавление... Вып. II. С. 66, 26.
- 50 См.: *Беляев Н.И.* Указ. соч. С. 426; *Реутов Г.Н.* Планы Великобритании в Восточном Средиземноморье и подготовка захвата Кипра (1876-1878). С. 69; *Шнаро О.Б.* Захват Кипра Англией. С. 114-149; *Чернов С.Л.* Указ. соч. С. 47.
- 51 Особое прибавление... Вып. II. С. 36, 106-111; Вып. III. С. 63, 67-70, 100-106, 125-129; Освобождение Болгарии... Т. 3. С. 29-31.
- 52 Особое прибавление... Вып. II. С. 103-106.
- 53 Столетие Военного Министерства. Т. IV. Ч. 2. Кн. 2. С. 369; *Гейсман П.А.* Введение в историю русско-турецкой войны 1877-1878 гг. СПб., 1906. С. 69.
- 54 Особое прибавление... Вып. II. С. 2, 81, 79, 73; *Дневник Милютина. Т. 3.* 1878-1880. М., 1950. С. 262-263.
- 55 *Айранетов О.Р.* опубликовал это письмо Н.Н.Обручева Д.А.Милютину (получено 23 сентября 1879 г.) // *Вестник МГУ. Сер. 8. История.* 1996. № 3. С. 85-87.
- 56 См.: *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 2. С. 101; *Дневник Милютина. Т. 3.* С. 234; *Сказкин С.Д.* Указ. соч. С. 127-128.
- 57 *Дневник Милютину. Т. 3.* С. 208, 225.
- 58 См.: *Зайончковский А.М.* Подготовка России к мировой войне. (Планы войны). М., 1926. С. 31-35; *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 61-67 (цит.: С. 65).
- 59 РГВИА. Ф. 278. Оп. 1. Д. 15. Л. 1-18.
- 60 Всеподданнейший доклад по Военному министерству. 1 января 1882 г. СПб., 1882. С. 5.
- 61 *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 57-58; *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 413-414.
- 62 *Петров М.А.* Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926. С. 27; Флот в первой мировой войне. М., 1964. Т. 1. С. 20; *Ламздорф В.Н.* *Дневник.* 1894-1896. М., 1991. С. 321. (Текст заключения Особого совещания).
- 63 *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. М., 1973. С. 83.
- 64 ОР РГБ. Ф. 169. Оп. 1. К. 71. Д. 63.
- 65 См. подробнее: *Зайончковский А.М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926. С. 49; *Сказкин С.Д.* Указ. соч. С. 255-265; *Хвостов В.М.* Внешняя политика России от окончания Берлинского конгресса до заключения франко-русского союза (1878-1893 гг.) // *Проблемы истории внешней политики России и международных отношений.* М., 1977. С. 208-217; *Золотухин М.Ю.* Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885-1888 гг.). М., 1993. С. 86-90, 95-98; *Киняпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века. М., 1994. С. 20-38, 50-57, 64-67.
- 66 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. 1885 г. Д. 2159. Л. 2-2 об.
- 67 Копия записки, обнаруженная и опубликованная мною, хранится: АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1900 г. Д. 54. Л. 89-113; *Источники. Документы русской истории.* 1994. № 4. Записка Обручева

- приложена к экземпляру доклада военного министра генерала А.Н.Куропаткина. Место ее нахождения — папка переписки МИД с Военным министерством — представляет интерес для понимания позиции последнего на рубеже веков. В докладе Куропаткина намечена перспектива решения кардинальных внешнеполитических задач России в XX в. и среди них — отстаивавшиеся Обручевым идеи.
- 68 *Дневник Милютина. Т. 2.* С. 136.
- 69 Текст письма опубликован: Красный архив. 1931 г. Т. 3(46). Рукописная копия письма была передана Обручевым в МИД 16(28) сентября 1885 г. и хранится: АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3048а. Л. 48-49.
- 70 См.: *Золотухин М.Ю.* Указ. соч. С. 95-130.
- 71 См.: *Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879-1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С. 11, 231, 238, 274-277 и др.; *Золотухин М.Ю.* Указ. соч. С. 150-161.
- 72 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. 1886 г. Д. 2171. Л. 10.
- 73 ОР РГБ. Ф. 169. К. 71. Д. 63.
- 74 См.: *Хвостов В.М.* Указ. соч. С. 218; *Золотухин М.Ю.* Указ. соч. С. 233.
- 75 См.: *Внешняя политика России во второй половине XIX века.* М., 1997. С. 260-272.
- 76 См.: *Зайончковский А.М.* Подготовка России к мировой войне. Планы войны. С. 35-37; *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 68-71.
- 77 АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1889 г. Д. 62. Л. 139-155 об.; *Внешняя политика России во второй половине XIX века.* С. 282-283.
- 78 *Дневник Половцова. Т. 2.* С. 231, 494; *Дневник В.Н. Ламздорфа (1886-1890).* М.-Л., 1926. С. 223. Эта записка недавно обнаружена историком В.Л.Степановым: РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 146. Л. 118-139 об.; и готовится им к публикации.
- 79 *Дневник Половцова. Т. 2.* С. 209, 491; *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 215-216.
- 80 См.: *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 297-303; *Хвостов В.М.* Указ. соч. С. 250-262.
- 81 Documents diplomatiques français (далее — DDF). 1-er ser. P., 1929-1959. T. VIII. № 165; *P. de Boisdeffre.* Le general de Boisdeffre et l'alliance franco-russe (1890-1892) / *Hommes et Monde.* 1954. MCMLIV. P. 4-5.
- 82 *P. de Boisdeffre.* Op. cit. P. 7.
- 83 DDF. 1-er ser. T. VIII. № 424. P. 577, 578.
- 84 *Ibidem.* T. IX. № 104.
- 85 *Зайончковский А.М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. С. 68; текст проекта конвенции — С. 341-343; варианты — DDF. T. IX. № 182, 218.
- 86 *Ламздорф В.Н.* *Дневник.* 1891-1892. М., 1934. Л. 336-340. Хранится: РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 478. Л. 40-44; копия: АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 373. Л. 36-41.
- 87 *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 72.
- 88 См.: *Рыбаченок И.С.* Брак по расчету. Н.К.Гирс и заключение русско-французского союза. Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 256-274.
- 89 *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 76.
- 90 АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 133/138. Л. 97-99, 193-198.
- 91 Там же. Д. 129/1336. Л. 13, 14-33.
- 92 Там же. Д. 128/133. Л. 20-21 об.
- 93 Там же. Д. 133/138. Л. 178.
- 94 Там же. Д. 373. Л. 103-104.

- 95 См.: Рыбаченок И.С. Русско-французский союз в Ближневосточном кризисе 1894-1898 годов // Россия и Франция. XVIII-XX века. М., 1995. С. 150-177.
- 96 Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке 1883-1903 // Красный архив. М., 1932. Т. 3(52). По свидетельству А.А.Обручева, было по крайней мере четыре записки Н.Н.Обручева, которые касаются положения русских вооруженных сил на Дальнем Востоке. Эти записки пока не обнаружены.
- 97 РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1468. Л. 26-33. Копия: АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 445/464. Л. 2-9об.
- 98 См.: Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века. М., 1993. С. 118-122.
- 99 АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 446/465. Л. 2-3 об.
- 100 См.: Хвостов В.М. Проблемы захвата Босфора в 90-х годах XIX века / Историк-марксист. М., 1930. № 20; Он же. Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. М., 1932. Т. 4-5 (47-48); Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XIX в. М., 1978. С. 268-273; Рыбаченок И.С. Указ. соч. С. 114-144.
- 101 ОР РГБ. Ф. 169. Оп. 1. К. 71. Д. 64.
- 102 Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 101.
- 103 Ламздорф В.Н. Дневник. 1894-1896 гг. М., 1996. С. 296.

«Дела на Дальнем Востоке могут привести нас к конфликту с Японией».

Письмо А.Н.Куропаткина М.Н.Муравьеву
от 30 ноября 1898 г.

к.и.н. Ю.Ф.Субботин

А.Н.КУРОПАТКИН И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ

«Куропаткин... имел за собою славное боевое прошлое, отлично знал войска, их жизнь и нужды, любил солдат. Всегда спокойный, говоривший свободно и с большим апломбом, он производил на слушателей впечатление знающего свое дело, сильного человека».

А.Ф.Редигер

Накануне нового 1898 г. в руководстве вооруженных сил России произошли существенные изменения, которых ожидали уже несколько лет. На смену престарелому Петру Семеновичу Ванновскому, возглавлявшему военное министерство с 1881 г., пришел 50-летний начальник Закаспийской области генерал-лейтенант Алексей Николаевич Куропаткин. Спешно вызванный в Петербург 24 декабря 1897 г. он представлялся царю Николаю II. Последний сказал генералу: «Вы не пугайтесь, я свой выбор на место военного министра остановил на Вас»¹. 1 января 1898 г. Куропаткин был назначен управляющим военным министерством, а 1 июля того же года — военным министром, заняв один из ключевых постов в российском правительстве.

Сын капитана в отставке Куропаткин, происходивший из дворян Псковской губернии, родился 17 марта 1848 г. Вся его жизнь была связана с армией. Он воспитывался в 1-ом кадетском корпусе; в 1864 г. поступил в 1-е военное Павловское училище, которым в то время руководил его предшественник на посту военного министра. Два года спустя поручик Куропаткин был определен на службу в 1-й Туркестанский стрелковый батальон. В 1866-1868 гг. участвовал в походе против бухарцев, за что получил свои первые награды — ордена св. Станислава и св. Анны 3-й степени. Затем

отличился при штурме Самаркандских высот, в бою на Зерабулакских высотах, взятии Самарканда, а также многих других боях. В 1871 г. штабс-капитан Куропаткин поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую с отличием окончил четыре года спустя и получил научную командировку в Германию, Францию и Алжир. В Алжире за участие в экспедиции французских войск в Большую Сахару получил кавалерский крест ордена Почетного легиона. После возвращения на родину в конце 1875 г. Куропаткин был переведен в Генеральный штаб и продолжил службу в Туркестанском военном округе. Там, отличившись в Кокандском походе, был награжден орденом св. Георгия Победоносца 4-й степени. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в действующей армии на Балканах Куропаткин стал ближайшим боевым сотрудником генерала М.Д.Скобелева, исполняя обязанности начальника штаба 16 пехотной дивизии. Ловча, Плевна и зимний переход через Балканские горы — основные этапы его боевой деятельности. Он по праву заслужил новые награды — золотую саблю с надписью «За храбрость», ордена св. Станислава и св. Анны 2-й степени, св. Владимира 3-й степени и чин полковника.

С августа 1879 г. Куропаткин вновь в Центральной Азии — командует Туркестанской бригадой; активно сотрудничает со М.Д.Скобелевым в Ахал-Текинской экспедиции. За храбрость, проявленную при штурме Геок-Тепе награжден орденом св. Георгия Победоносца 3-й степени, произведен в генерал-майоры и назначен заведующим азиатским делопроизводством Главного штаба.

В 1886 г. Куропаткин был направлен в Османскую империю с разведывательными целями для сбора сведений о турецких укреплениях на Босфоре (поскольку в Главном штабе их было недостаточно) и определения сил, необходимых для взятия Босфора. Все перипетии своей поездки генерал красочно описал в мемуарных записках «Семьдесят лет моей жизни». Порученная миссия «требовала большой тайны, — вспоминал Куропаткин, — поэтому пришлось принять на себя роль секретного агента, или попросту шпиона. Работы надо было производить только переодетым, с фальшивым именем. Поимка такого лица с чертежами турецких укрепле-

ний привела бы в Турции к быстрой расправе — виселице. Заступничества нашего посла в Константинополе не следовало ожидать; он даже не должен был знать о моей командировке». Невзирая на многочисленные трудности, с которыми пришлось столкнуться, Куропаткин успешно справился с заданием².

Последующие годы службы также были связаны с Туркестанским краем. 27 марта 1890 г. Куропаткин был произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником Закаспийской области, командующим расположенными в ней войсками и заведующим Закаспийской военной железной дорогой. На новом посту он проявил себя достаточно умелым администратором, много сделал для развития в Центральной Азии земледелия, торговли и промышленности: его трудами были созданы русские школы, проведена судебная реформа и привлечены многочисленные переселенцы из внутренних губерний.

Алексей Николаевич отличался большим трудолюбием, неплохо владел пером, писал много различных докладов, записок, оставил обширный дневник³, который лишь частично был опубликован М.Н.Покровским в 20-е гг. в журнале «Красный архив»⁴. Основной массив этих документов, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве, наряду с другими материалами лег в основу источниковой базы настоящей статьи⁵.

Назначение Куропаткина военным министром было с одобрением встречено большинством в правящих сферах, по мнению которых Алексей Николаевич обладал всеми качествами, нужными для занятия столь высокого поста. Этот выбор поддержали многие влиятельные в подобных вопросах великие князья, коллеги-министры, в том числе С.Ю.Витте: «Вы сами создали себе имя. Вас знает Россия, — говорил он. — Я не был еще в Петербурге и уже знал Вас»⁶.

Позицию сторонников Куропаткина наиболее полно выразил директор канцелярии военного министерства проф. А.Ф.Редигер, после русско-японской войны ставший военным министром: «Куропаткин очень любил военное дело, прилежно его изучал, он очень много читал и участвовал во всех бывших при нем походах русских войск... он обладал

массой знаний теоретических... он имел за собой славное боевое прошлое, отлично знал войска, их жизнь и нужды, любил солдат... Добрый от природы, он, кроме того желал быть любимым, прославляемым и потому относился к подчиненным снисходительно». Так же положительно отзывался о А.Н.Куропаткине великий князь Константин Константинович, познакомившийся с ним в 1896 г.⁷

Но у нового военного министра были и противники. Витте еще в июне 1897 г. говорил Куропаткину, что его назначение «будет встречено многими с неудовольствием»⁸. Это неудовольствие, вполне понятное среди генералов, которые сами рассчитывали занять этот пост, объяснялось как объективными обстоятельствами, так и личными качествами Алексея Николаевича, отражавшимися на его деятельности военного министра. Дело в том, что Куропаткин был натурой весьма противоречивой. При всем своем уме он проявлял нетерпимость к чужим мнениям, а главное, лишь казался сильным и твердым, а в действительности был человеком весьма и весьма нерешительным.

Так, С.Ю.Витте передает оценку Куропаткина Скобелевым со слов его сестры княгини Белосельской-Белозерской: «он (Скобелев. — Ю.С.) очень любил Куропаткина, но всегда говорил, что он очень хороший исполнитель и чрезвычайно храбрый офицер, но что он... как военачальник является совершенно неспособным во время войны, что он может только исполнять распоряжения, но не имеет способности распоряжаться; у него нет для этого надлежащей военной жилки, военного характера. Он храбр в том смысле, что не боится смерти, но труслив в том смысле, что он никогда не в состоянии будет принять решение и взять на себя ответственность»⁹. Этой характеристике вторит начальник штаба Варшавского военного округа Ф.К.Гершельман: Куропаткин обнаруживал «крайнюю неустойчивость взглядов на дело, способность легко менять решения, изыскивая лучшее, что приводило к нерешительности, отсутствие твердых принципиальных оснований в... решениях и способность отвлекаться частностями вопроса в ущерб главного, чем нередко вовсе искажался смысл дела»¹⁰.

С годами Куропаткин, как военный министр, пользовался в правящих сферах все меньшими симпатиями. А.А.Половцов, встречавшийся с ним на заседаниях Государственного совета, отмечал: «Куропаткин весьма умный, благородный и исключительно по своей военной части образованный человек, не имеет понятия ни о государственном праве, ни о праве международном, ни о политэкономии и потому не только бесполезный, но и опасный при обсуждении дел действительно государственных»¹¹. В том же духе высказался А.А.Абаза — министр финансов при Александре II: «умный генерал, храбрый генерал, но душа у него штабного писаря». Характеристика, пожалуй, слишком жестокая, но основания для подобной оценки были. Впоследствии отношение С.Ю.Витте к военному министру в значительной степени изменилось, особенно в ходе и после подавления восстания ихэтуаней в Китае: «Ему быть корпусным командиром на войне, а не министром... Он меня просто поражает своей государственной или недобросовестностью, или же ограниченностью... Он положительно сорвался с цепи и ежедневно юродствует»¹².

Куропаткин вступил на пост в расцвете сил и способностей, преисполненный больших надежд на будущее. По своему положению он не только держал в своих руках управление военными делами. Наряду с руководителями двух других ведомств — МИД и финансов, Куропаткин принимал непосредственное участие в выработке внешнеполитического курса империи. Но проводимая Куропаткиным, как министром, программа оказалась крайне противоречивой, хотя зачастую и не по его вине. Так же как Д.А.Милютин и П.С.Ванновский (его предшественники на посту военного министра) и Н.Н.Обручев (начальник Главного штаба) Куропаткин был убежден, что жизненные интересы России обязывают ее вести военную подготовку прежде всего на западных границах вследствие угрозы со стороны главных противников — Германии и Австро-Венгрии. Задолго до вступления в должность военного министра он писал, что в результате развития сепаратистских стремлений в Финляндии, Польше и балтийских провинциях опасность обособления окраин с

течением времени «будет увеличиваться, но не уменьшаться», а война с западными соседями может окончиться для России «отторжением всего Западного края и Балтийских провинций до Двины, Дона и побережья Черного моря»¹³.

Взгляды А.Н.Куропаткина на геополитическое положение России и ее военно-политические задачи в XX в. с наибольшей полнотой выражены во всеподданнейшем докладе Николаю II за 1900 г., где генерал попытался подвести итоги внешней политики и деятельности русской армии в XVIII-XIX вв. Доклад дает возможность представить мировоззрение, взгляды и политические рекомендации главы военного ведомства по важнейшим проблемам внешней политики России и развития ее вооруженных сил.

В этом документе достаточно реалистично оценены изменения, произошедшие в международной и военно-стратегической обстановке на границах России, в первую очередь неизмеримо возросшая мощь Германии и Австро-Венгрии, что значительно усиливало опасения, высказанные еще в записке 1885 г.: «При существующем соотношении сил наших и германских и их готовности, вторжение в наши пределы германских войск вероятнее, чем наших в Германию». Сложность положения увеличивали и различное отношение населения приграничных провинций обеих империй к возможному вторжению войск противника. Если население Восточной Пруссии, по мнению Куропаткина, в случае успеха русских войск и отторжения этой территории в пользу России, «всегда останется враждебным нам и по высшей своей культуре и по принадлежности к народности и историческому прошлому остальной части Германии», то «отторжение от нас известной территории и организация их населения против России возможны».

Поэтому он советовал «примириться» с усилением военной мощи Германии, тем более, что к началу XX в. Российская империя «достигла своих естественных границ» и ей «не представляется выгодным вести войну с целью изменения существующей границы (российско-германской. — Ю.С.)»¹⁴. Правда, генерал полагал, что вследствие невозможности для России примириться с потерей своей территории, «пока снова не возвратит ее», Германии также невыгодно начинать

войну с целью завоевания российской территории. К подобному выводу он пришел и относительно российско-австро-венгерской границы: «Ни Австрии, ни России не представляется выгодным вступать в вооруженную борьбу с целью изменения существующей границы между ними»¹⁵.

В отличие от Обручева, который считал, что «вся Карпатская Русь, как Галичская, так и Угорская должна воссоединиться с Москвою»¹⁶, Куропаткин категорически возражал против такого воссоединения и приводил убедительные доказательства в пользу своей позиции: «Не только польское, но даже и русское население Галиции (русины) вовсе не рвется в подданство России. Мы для славян Австрии, не исключая и русинов можем служить только средством, но не целью»¹⁷. Он вообще был настроен скептически в отношении славянской солидарности с Россией: «От пассивного и даже приязненного отношения к нам во время войны до желания войти в состав России после войны весьма далеко. У славян Австрии на случай распада австро-венгерской монархии другие идеалы и мечты... образованные на развалинах Австрии славянского государства»¹⁸. Необходимость поддержания мира на западной границе военный министр неоднократно высказывал и позже. Так во время беседы с царем в Спале 15 сентября 1901 г. он убеждал последнего: «России важно, чтобы жить с Германией в мире. Германия — это страшный сосед»¹⁹.

Несмотря на оптимистичные заявления в докладе 1900 г. о невозможности и невыгодности для Германии и Австро-Венгрии вести войну с Россией для отторжения части ее территории, похоже, что и сам военный министр не очень верил в них. Отсюда постоянное беспокойство за состояние вооруженных сил в Европейской России, их неготовность достойно встретить нападение противника. В октябре 1902 г. Куропаткин писал начальнику Главного штаба В.В.Сахарову: «Выясняется наша неготовность к борьбе с противником на передовом театре, где мы собираем I, II и III армии. Нет достаточной инженерной подготовки, не готовы крепости... На фронте против Австрии, со стороны III армии, мы ничего не сделали, дабы облегчить оборону наших войск против превосходных сил австрийцев... При таких условиях противник,

несомненно, даже располагая в кулаке 4-8 корпусами, мог бы нанести нашей армии тяжкое поражение»²⁰. И это констатировалось в то время, когда опасность войны на западе значительно возросла. Одной из основных причин этого стало то, что Россия, осуществив надежды и мечты Германии, увязла на Дальнем Востоке. «Это отвлечение средств военного министерства на Востоке является в настоящее время большим тормозом в отношении удовлетворения многих насущных нужд нашей армии, — писал Куропаткин, — и принятию мер к дальнейшему усилению нашего военного положения на важнейшем для нас западном фронте». Исправить положение он предлагал, вновь переключив основное внимание и финансовые средства на запад²¹.

Вторым неперенным условием укрепления западной границы Куропаткин называл «необходимость крепче держаться Франции... ее 20 корпусов в случае европейской войны решат и для нас во многом победу или поражение»²². Именно в лице Франции он видел союзника в войне с державами Тройственного союза.

Оценивая обеспеченность южных границ России, Куропаткин полагал, что сухопутная граница с Турцией «может считаться вполне благоприятной... Нам нужен лишь Босфор. Когда и каким путем мы достигнем этой важной для всего будущего России цели предвидеть нельзя».

Ни политические, ни военные условия не вызывали, по его мнению, необходимости перемен на границе с Персией. Тем не менее в число главных задач России генерал включал и выход через Персию к Индийскому океану, не допустив при этом «англичан в соседство с нами». Куропаткин был убежден, что, несмотря на все трудности обороны границы в 17000 верст и значительное развитие вооруженных сил соседей, если бы Россия задавалась только задачами обороны своих границ, «то противники наши не решились бы напасть на нас, поскольку трудности победить Россию на ее территории огромны и очевидны»²³.

Таким образом, противоречия во взглядах Куропаткина очевидны. С одной стороны, в докладе он заявлял, что к началу XX в. Россия получила свои естественные границы и ее задачи должны состоять в охране уже достигнутых «пределов

без дальнейшего расширения таковых»²⁴. С другой, в том же докладе он утверждал, что ограничиться только задачами самообороны нельзя. В начале XX в. русской вооруженной силе необходимо: окончить «тяжелую работу на Черном море нескольких столетий — овладеть Босфором и обеспечить свободный выход через Дарданеллы»; «твердо закрепить наше положение на Великом океане»; и, наконец, получить «выход через Персию к Индийскому океану»²⁵.

На первое место генерал ставил задачу овладения Босфором (без занятия Константинополя и Дарданелл, на чем настаивал Николай II), которое при определенных условиях, по его мнению, не приведет к европейской войне. Тогда Россия «крепко станет относительно всех славянских земель и положит основание конфедеративному союзу славянских государств между собой и с Российской империей». Эта операция также позволит разрушить преследуемую императором Вильгельмом II цель — «включить в союз против нас Турцию», заставить примкнуть к Тройственному союзу Румынию. Появление России на Босфоре, по его мнению, должно ускорить распад Австрии. «Тогда возможно будет немецкие земли отдать Германии, обязав ее, в свою очередь, возвратить Франции Эльзас и Лотарингию». В добровольном согласии Германии на последний вариант он сомневался — вооруженные силы Германии столь велики, что, даже после распада Австрии, атака на нее объединенных сил России, Франции и созданного союза славянских земель может не иметь успеха. Надо ждать благоприятного момента — когда Германия вынуждена будет «ввязаться в войну с Англией или Америкой» за мировые рынки²⁶.

Однако подобное развитие событий сам он считал маловероятным, поскольку выполнение указанных выше задач внешней политики России в XX в. вызовет «дружное противодействие» как со стороны стран (Турция, Персия, Китай), на территорию которых претендовала Россия, так особенно Англии, Австрии, Германии, США и Японии. Угроза одновременной войны с рядом держав постоянно преследовала военного министра, считавшего особенно опасной войну на западе, ибо, по его мнению, «судьба России наиболее зависит от исхода борьбы на Западе. Какие бы победы мы не

одержали на всех второстепенных театрах: Кавказском, Афганском и на Дальнем Востоке, если мы будем побеждены на главном театре — эти победы не принесут нам пользы. Напротив того, одержав победу на главном театре, мы быстро поправим свои дела на второстепенных театрах, какие бы частью неудачи мы не понесли»²⁷. Таким образом, по взглядам Куропаткин был убежденным сторонником системы своих предшественников, ставя на первый план усиление русского военного положения на западной границе. Однако уже Ванновский не мог не считаться с новой обстановкой, сложившейся на Дальнем Востоке после японско-китайской войны.

Внимание Петербурга в конце XIX в. все определеннее переключалось на Тихий океан, и Дальний Восток, который стал регионом значительной активизации русской политики. Из внутренних причин здесь можно назвать строительство Великой Сибирской железнодорожной магистрали, которое способствовало усилению стремления российских капиталистов к экстенсивному развитию в еще не освоенных районах, и заинтересованность правительства в землях, необходимых для переселения крестьян из европейской части страны. В международном плане Россия оказалась вовлеченной в общий процесс империалистической экспансии на Тихом океане. Главные задачи дальневосточной политики России в конце XIX в. могут быть суммированы как стремление связать железной дорогой отдаленную окраину с Центральной Россией и приобрести незамерзающий порт на Тихом океане, создав тем самым предпосылки для проведения более активной политики в регионе.

Весь период деятельности Куропаткина на посту военного министра совпал с этим переключением внимания на Дальний Восток. И хотя генерал по-прежнему считал, что главные интересы России лежат в Европе, но в смысле очередности решения задач на первый план для него выдвигались дальневосточные дела. Деятельность Куропаткина как военного министра в этом контексте определялась тем, что, являясь одной из ключевых фигур, взгляды и позиция которых влияли на характер российской политики на Дальнем Востоке, он нес ответственность за укрепление и усиление воен-

ного положения России в этом регионе²⁸. Между тем его взгляды страдали непоследовательностью.

Так, задолго до получения министерского портфеля, в уже упоминавшейся записке 1885 г. он отмечал, что, покорилив огромную Сибирь, Россия «довольствовалась стремлением создать из нее огромную тюрьму». Крепостное право, подушная подать тормозили колонизацию и в результате за 200 лет население края едва достигло 5 млн., особенно тяжелая обстановка сложилась в Амурском и Приморском краях, где положение с каждым годом становилось опаснее. Куропаткин отмечал: «проснулось 400 млн. китайцев; пустыни Маньчжурии наполнились населением, созданы города, укрепилось правительство, войско германские инструкторы забирают в свои руки». Предвидя возможность войны, особенно если она произойдет одновременно с войной на западе, Куропаткин опасался, что Россия может лишиться Восточной Сибири с бассейном Амура. С другой стороны, он верил, что Россия, Англия, Франция и Германия поделят Азию и намечал объем будущих приращений России: «к нашим настоящим владениям при разделе необходимо занять часть Маньчжурии, Корею и Корейский архипелаг. Все это должно быть или русское, или под русским фактическим протекторатом. Русским нужен незамерзающий хороший порт на востоке, как на западе. Это минимум наших требований. Затем нам выгодно будет поделить весь Китай между собой с европейцами»²⁹.

Этот широкий завоевательный порыв не иссяк у Куропаткина и десятилетие спустя. Будучи начальником Закаспийской области, он прибыл в Петербург для отчета и в беседе с великим князем Александром Михайловичем (19 апреля 1896 г.) отметил, что довольствоваться Владивостоком может быть и правильно «для данной минуты, но мы обязаны принять решение на 50 лет вперед... как мы ни слабы... нам нужно сделать шаг вперед», так как Владивосток находится «внутри Японского моря»³⁰.

Как велик должен быть этот «шаг вперед» генерал уточнил в записке по поводу труда великого князя Александра Михайловича (конец апреля 1896 г.). «Вся Маньчжурия и Корея должны войти в сферу русских интересов. Наша же-

лезная дорога должна перерезать Маньчжурию через Цицикар до Владивостока; прорезать Маньчжурию от Цицикара через Мукден до Порт-Артура; прорезать всю Корею от Мукдена через Сеул к Фузану». Кроме того, он считал, что «Порт-Артур и Фузан должны стать русскими портами, равно и порт против острова Локто». Правда, Куропаткин оговаривался, что для России было бы выгодно, если ход событий позволит ей не спешить с осуществлением «столь грандиозной задачи». Однако, «если на это будущее достояние России будет сделано нападение, мы обязаны будем ускорить решение сих важных вопросов»³¹.

Месяц спустя в беседе с С.Ю.Витте он вновь указал на Маньчжурию и Корею как сферу влияния России, подчеркнув, что «эти страны не должны присоединяться к России». Главную опасность присоединения он видел в многочисленности их населения: «Граждане этих стран не должны получать права русских граждан, иначе они затруднят нам заселение Восточной Сибири и скрепление ее с Россией, ибо хлынут к нам и займут широкую полосу вдоль Амура». Куропаткин указывал также на необходимость занять Порт-Артур и укрепиться там — «удобный пункт, никто нас оттуда не выбьет»³².

В намечаемой Куропаткиным перспективе для российской политики на Дальнем Востоке значительную роль играли гегемонистские и престижные соображения. В «Общих записках по Тяньваньскому вопросу», составленных незадолго до назначения на пост военного министра, он отмечал, что положение Германии и Англии на Тихом океане усилится, «а наше в нравственном отношении даже ослабеет, если мы уйдем из Тяньванья. Увидят, что мы бродим в таких важных делах, не знаем чего хотим. Сунулись в воду, не спросив броду»³³.

Ко времени вступления Куропаткина в должность военного министра в правящих кругах существовал широкий диапазон мнений — от европоцентристов до сторонников восточной направленности внешней политики. Куропаткин относился к числу первых, но вся его деятельность, как уже отмечалось, была в основном сосредоточена на дальневосточном направлении. К 1898 г. Россия уже достаточно глу-

боко втянулась в дела в этом регионе, что выразилось в строительстве Великой Сибирской железной дороги, КВЖД, ЮМЖД, деятельности Русско-китайского банка, попытке приобрести на правах аренды незамерзающие океанские порты.

2 декабря 1897 г. по приказу царя русская военная эскадра вошла в Порт-Артур, чтобы больше не покидать его. 24 февраля 1898 г. собралось Особое совещание под председательством генерал-адмирала в. кн. Алексея Александровича по вопросу об аренде Порт-Артура. Новый военный министр впервые участвовал в подобном совещании. Убеденный сторонник приобретения за счет Китая незамерзающего порта на Тихом океане, он подтвердил свою позицию и на совещании, высказавшись за аренду не только Порт-Артура, но и всей южной части Квантунского полуострова, а также за проведение железной дороги к Порт-Артуру, который намеревались превратить в военно-морскую базу. Большинство участников совещания (за исключением Витте) поддержало Куропаткина, а царь утвердил эти рекомендации.

В новом совместном заседании с Витте и М.Н.Муравьевым (21 марта 1898 г.) Куропаткин усиленно отстаивал правильность принятого им решения — занять Квантунский полуостров 8-ю батальонами, 4-мя сотнями казаков, 3 полевыми батареями, 1 ротой саперов, 150 крепостными орудиями и 6 ротами крепостной артиллерии. С этими силами он надеялся «временно в ограниченной, сильно укрепленной позиции отстояться от всяких попыток англичан и японцев».

Однако высокий пост, сопряженный с возросшей ответственностью часто заставляет более трезво оценивать обстановку, проявлять большую осторожность. Так, 26 февраля 1899 г. на совещании под председательством Николая II, в котором приняли участие Витте, Муравьев и Куропаткин, последний высказал свою озабоченность деятельностью Восточно-Китайского банка: «мы лезем и к среднему и к южному Китаю и как бы не пришлось русской кровью защищать чуждые нам предприятия». Он также выразил убеждение, что в предстоящий период России не надо «ни одного клочка новых приобретений ни в Маньчжурии (что ослабило бы нас в Приморском крае), ни в Средней Азии, ни в Персии, ни в

Турции, ни в Европе. Надо работать внутри страны, а не разбрасывать и не истощать силы России по окраинным и внешним задачам»³⁴. 24 июля того же года он, на докладе у Николая II вновь подчеркнул необходимость «успокоиться, замкнуться и не лезть с разными предприятиями в срединный Китай»³⁵.

Наиболее подробно свою позицию в отношении дальневосточных проблем генерал изложил в докладе по военному министерству за 1900 г. В нем подтверждалась нежелательность изменения границы с Китаем, например, присоединением к России той или иной части Маньчжурии. Такой захват одной из важнейших провинций Китая, по словам Куропаткина, во-первых, нарушил бы «вековые мирные отношения наши к этому соседу»; во-вторых, повел бы к массовому поселению китайцев на российской территории, в том числе в Амурском и Уссурийском краях». Между тем генерал считал важным «охранять каждую десятину в Сибири, ибо в течение XX столетия Сибирь неизбежно должна обратиться в страну с огромным населением». По его оценке к 2000 г. население России может достичь, как минимум, 400 млн. человек, 1/4 из которых будет проживать в Сибири и на Дальнем Востоке.

Исходя из этого, он предлагал, оставив Маньчжурию составной частью Китая, одновременно употребить все возможные средства к возможно полному экономическому подчинению этой провинции. Политика России в отношении Китая в ближайшие годы должна была заключаться в следующем: 1) отказаться от каких бы то ни было приобретений за счет Китая; 2) не допускать увеличения и усовершенствования в Китае, особенно северном, вооруженных сил, не допускать в северной части страны иностранных инструкторов; 3) развивать экономические и торговые отношения с Китаем, в первую очередь с северными провинциями и 4) избегать сколь возможно столкновений в Китае с европейскими державами, для чего ограничиться сферой северного Китая, отказавшись «от железнодорожных предприятий южнее великой стены и в особенности в долине Янцзы»³⁶.

В вопросе же о Порт-Артуре и Ляодунском полуострове он отстаивал свою прежнюю позицию: «занятие Квантуна,

не связанного территориально с Россией, было первым шагом на новом пути, шаг этот был необходим». Присоединять Корею к России, по его мнению, не нужно, но ни в коем случае нельзя допустить утверждения там энергичной Японии или какого-либо другого государства: «Слабая независимая Корея под нашим протекторатом, вот лучшее для нас со временем решение корейского вопроса... В настоящее же время мы совершенно не готовы к сколько-нибудь активной роли в Корее и должны всеми мерами избегать столкновения из-за корейских дел с Японией»³⁶.

Дальнейшее обострение международной обстановки в Тихоокеанском регионе было связано с подавлением национально-освободительного восстания ихэтуаней, и привело к решительному повороту во взглядах военного министра. Царское правительство кроме участия в общем походе держав на Пекин с целью подавления направило войска и в Маньчжурию, фактически оккупировав эту провинцию. Эти события выявили серьезные разногласия между царскими министрами: Витте и новым главой МИД В.Н.Ламздорфом, настаивавшими на проведении более осторожной линии, с одной стороны, и Куропаткиным, с другой. Характеризуя изменение позиции Куропаткина, С.Ю.Витте в письмах к министру внутренних дел Д.С.Сипягину утверждал: «Алексей Николаевич как всегда зарывается — сам начал вести переговоры с дипломатами, мобилизовал до 150 тыс. войск и все хочет лезть вперед. Китай обезоружить, японцев устранить. Пекин взять и даже под шумок влезть в Корею... А.Н.Куропаткин совсем ошалел и всех хотел громить»³⁷.

В начале августа Куропаткин представил царю записку, где рекомендовал потребовать от Китая не только военного вознаграждения и возмещения убытков от разрушений на КВЖД, но и отказа цинского правительства от права иметь в Маньчжурии войска, кроме полицейской стражи, в то время как Россия могла бы разместить регулярные части в важнейших пунктах дороги и контролировать деятельность местной китайской администрации»³⁸.

Стратегия и тактика политики в Китае обсуждалась 12 августа на специальном совещании у царя с участием Куропаткина, Витте и Ламздорфа. Результат обсуждения зна-

меновал успех более осторожной тактики министров финансов и иностранных дел. На совещании было решено следовать провозглашенной ранее программе восстановления законного правительства в Пекине, оказать ему помощь в наведении порядка, сохранить целостность империи. Намечалось незамедлительно вывести русские войска из столицы. Предполагалось также эвакуировать войска из Маньчжурии, когда в ней будет установлен прочный порядок и приняты все необходимые меры к ограждению рельсового пути. 4 октября 1900 г. Витте писал Сипягину, что «А.Н.Куропаткин значительно успокоился, но все-таки по отдельным вопросам мы постоянно с ним в разногласиях»³⁹. Разногласия были весьма значительны и касались эвакуации русских войск из Маньчжурии и дальнейшей судьбы этой провинции Китая.

Разработка проекта соглашения с Китаем была поручена Витте, Куропаткину Ламздорфу. Последний 19 июля 1901 г. обратился к Витте и Куропаткину с письмом относительно дальнейшей политики в Манчжурии. Витте высказался в пользу постепенной полной эвакуации; Куропаткин, отвечая Ламздорфу 30 июля, не соглашался. Обсуждение вновь выявило разногласия в позициях министров и наличие двух тактических линий. Военный министр занял более жесткую позицию в этом вопросе по сравнению со своими коллегами. Куропаткин предлагал «образовать из северной Маньчжурии независимую или весьма условно зависимую от Китая провинцию, управляемую и подчиненную влиянию России примерно на тех же основаниях, на каких существует Бухарское ханство». 8 месяцев спустя его мнение не изменилось; наоборот, в письме Ламздорфу он решительно отстаивал свою позицию о необходимости «оставаться хозяевами в северной Маньчжурии»⁴⁰. Через две недели (26 марта 1902 г.) было подписано соглашение о поэтапной эвакуации русских войск из Маньчжурии. Оно обязывало Россию в течение 18 месяцев, т.е. к 20 сентября 1903 г. вывести свои войска из Маньчжурии.

Но Куропаткин по-прежнему призывал оставить русские войска в Маньчжурии, чтобы не ущемлять жизненных интересов России. Во время совещания в Ялте по поводу заселе-

ния полосы вдоль КВЖД (27 октября 1902 г.), к участию в котором царь пригласил четырех министров (кроме Витте, Ламздорфа и Куропаткина в нем принял участие министр внутренних дел В.К.Плеве) военный министр настаивал на необходимости в интересах охраны железнодорожной линии вообще приостановить заселение Маньчжурии китайцами и для этого присоединить к России северную Маньчжурию. «Южная, — писал он, — нас в военном отношении ослабит, медлить с присоединением не следует, ибо иначе нам в руки достанется совсем не то, что может достаться теперь». Он также считал, что чем дольше будет откладываться радикальное решение маньчжурского вопроса, тем труднее будет его осуществить⁴¹.

Витте возражал, доказывая, что гарантию спокойствия на дороге нужно искать в ее охране, и особенно, в установлении добрых отношений с местным населением. Другие участники совещания были склонны согласиться с позицией военного министра. Его поддержал не только Плеве; даже Ламздорф на этот раз был готов пойти ему на уступки.

Трудности и неудачи дальневосточной политики тех лет повлекли за собой рост влияния крайне авантюристической реакционной клики, близкой к придворным кругам и к самому царю. По фамилии одного из своих лидеров эта клика вошла в историю под названием «безобразовской». Она формировалась в течение ряда лет, но особенно большое влияние приобрела примерно с 1902 г. Рекомендуемый «безобразовцами» решительный метод политики на Дальнем Востоке гораздо больше, чем политика, проводимая министрами, импонировал царю. «Безобразовцы» предлагали, опираясь на военную силу, занять в отношении Японии твердую позицию, игнорировать протесты Цинского правительства по поводу Маньчжурии и принимать все меры к упорочению там русского влияния вплоть до присоединения края к России.

Таким образом, позиция, занимаемая Куропаткиным, оказалась промежуточной: с «безобразовцами» его сближало требование военных гарантий в Манчжурии и фактического присоединения к России северной части этого края, но, как Витте и Ламздорф, он полагал, что главные интересы Рос-

сийской империи лежат все же не в Китае и Корее, а в Европе и на Ближнем Востоке. Генерала все более беспокоил авантюристический курс «безобразовцев», который мог привести к вооруженному столкновению с Японией в ближайшие годы. Военный министр, как никто другой сознавал сомнительность боеготовности России к ведению широкомасштабных действий на Дальнем Востоке.

Тучи на дальневосточном горизонте продолжали сгущаться. Соглашение 1902 г. предусматривало вывод русских войск из Маньчжурии в три этапа.

Первый этап эвакуации из Маньчжурии был завершен русским правительством в точно установленный срок — осенью 1902 г. Второй договорный срок наступал 26 марта 1903 г. К этому времени в правящих кругах России стало складываться мнение, что простое выполнение обязательств повлечет утрату русского влияния. «Безобразовцы» предлагали не выводить войска из Маньчжурии, но напротив, закрепить в ней, в том числе и в южной части. Военное министерство хотело связать эвакуацию с предъявлением Китаю новых требований или «гарантий», обеспечивающих русские интересы в крае. 25 января проект «гарантий» был рассмотрен Особым совещанием под председательством министра иностранных дел. В совещании приняли участие, кроме Витте и Куропаткина, управляющий морским министерством П.П.Тыртов, посланники в дальневосточных странах и некоторые высшие чины МИД. Куропаткин занявший «решительную позицию», настаивал на установлении «непосредственного контроля» над северной Маньчжурией, предлагая затягивать вывод войск и даже после «полной эвакуации» оставить военные посты в полосе отчуждения дороги⁴².

Оппонентом военного министра выступил Витте, возражавший против присоединения Северной Маньчжурии. Это не помешало ему согласиться с замыслом Куропаткина сохранить военные посты. Совещание одобрило проект инструкции поверенному в делах в Пекине, обуславливавшую эвакуацию из Маньчжурии русских войск гарантиями, одна из которых включала осуществление плана Куропаткина: сохранить военные посты вдоль стратегических коммуника-

ций и ограничить заселение китайцами местностей вдоль железнодорожной линии⁴³.

13 апреля 1903 г. состоялось Особое совещание по вопросу об эвакуации из Маньчжурии. По требованию военного министра было принято решение не выводить из северной Маньчжурии 9 батальонов пехоты с соответствующим числом частей других родов оружия, чтобы сохранить под своим военным контролем ряд стратегически важных центров края.

Под влиянием внушений «безобразовцев» Николай II повелел созвать 26 марта 1903 г. Особое совещание по вопросу образования в бассейне реки Ялуцзян частного общества для эксплуатации русских концессий в Маньчжурии и Корее. Предполагалось, что тем самым стратегическое положение России в этом регионе будет укреплено. Кроме Витте, Ламздорфа и Куропаткина царь пригласил на совещание генерал-адмирала в. кн. Алексея Александровича, Плеве и «безобразовца» контр-адмирала А.М.Абазу, записка которого о деятельности инициаторов Восточно-Азиатской компании на Дальнем Востоке и послужила основой для обсуждения.

К точке зрения Абазы присоединились Плеве и Алексей Александрович; она импонировала и самому царю. Главным оппонентом Абазы на заседании выступил Витте, которого поддержали Ламздорф и Куропаткин. Последний опасался несвоевременного столкновения с Японией, признавал лучшим выходом приостановить активную деятельность предприятия на Ялуцзяне и, во всяком случае, не допускать какого-либо участия в нем военных.

Давая оценку записке Безобразова, полученной 18 марта 1903 г., Куропаткин предвидит, что Ялундзянское лесное предприятие, организованное «безобразовцами» может вовлечь Россию в войну с Японией. Напротив, соглашение, с Японией, по условиям которого Корея, особенно ее северная половина, будет гарантирована от появления японских вооруженных сил, превратит ее в буфер между Россией и Японией, как в Центральной Азии буфером между Россией и Англией является Афганистан⁴⁴. В то же время в журналах Порт-Артурских совещаний (18-28 июня 1903 г.), подписанных Куропаткиным, не видно его возражений против рокового Ялундзянского лесного предприятия. Таким образом, в

1903 г. Куропаткин по преимуществу склоняется к тому мнению, что в Корее России не следует зарываться, но при этом ошибочно надеется, что уход России из Кореи гарантирует ее от нападения Японии и войны с ней. «Относительно маньчжурских дел мы можем не опасаться столкновения с Японией, — сообщал он Николаю II из Токио в первых числах июня 1903 г., — оно может случиться из-за Кореи, даже в том случае, если Россия попытается использовать права, зафиксированные в договорах».

Возвращаясь к совещанию 26 марта, следует отметить, что принятые на нем рекомендации не удовлетворили «безобразовцев», которые сочли их половинчатыми, и обвинили с этим «паршивый триумvirат» — Витте, Ламздорфа и Куропаткина. Реванш «безобразовцы» взяли на совещании 7 мая, где они при поддержке царя «продавили» рекомендации, существенно менявшие предыдущие почти по всем пунктам. В этих новых рекомендациях указывалось на желательность включить Маньчжурию в сферу русского политико-экономического влияния, и признавалось излишним стеснять деятельность будущего общества эксплуатацией лишь лесных богатств на Ялуцзяне. Куропаткин в этом совещании не принимал участия, так как в мае-июне 1903 г. он находился на Дальнем Востоке, в Японии и инспектировал русские войска в Маньчжурии. 18-28 июня в Порт-Артуре он принял участие в совещании по вопросу о выводе войск из Маньчжурии. Там он оказался единственным авторитетным представителем ответственных за внешнюю политику ведомств. Большинство участников составляли «безобразовцы». Несмотря на некоторые расхождения, участники совещания, в том числе и военный министр поддержали жесткий курс дальневосточной политики, особенно в отношении Китая: было признано возможным отступить от точного выполнения договора 26 марта 1902 г. и намечалось в решительной форме предъявить Пекину длинный список требований о «гарантиях». В случае, если условия будут приняты, предполагалось эвакуацию из всех трех провинций завершить в течение 1903-1906 гг. Нарушение «гарантий» влекло за собой формальный отказ от прежнего договора и сохранение за Россией свободы действий в Маньчжурии. Участники сове-

щения не решились, правда, рекомендовать правительству в этом случае присоединить Маньчжурию или хотя бы ее часть. Предполагалось лишь продлить оккупацию края еще на три года для завершения мер по усилению обороноспособности России на Дальнем Востоке⁴⁵.

30 июля «Правительственный вестник» сообщил о назначении адмирала Алексеева заместителем на Дальнем Востоке с задачей объединить работу всех ведомств и правом вести дипломатические сношения с Токио, Пекином и Сеулом. Во внешнеполитическом плане этот акт свидетельствовал о намерении укрепиться в Маньчжурии всерьез и надолго.

Однако «триумvirат» министров попытался оказать сопротивление этой авантюристической политике. 1 августа 1903 г. на заседании Особого совещания они единодушно признали «безусловно необходимым воздержаться от всякой активной политики в Корее, могущей привести к опасному столкновению с Японией, война с которой при настоящих условиях была бы большим бедствием для России»⁴⁶.

Результатом этого своеобразного демарша по отношению к царю и «безобразовцам» явилось последовавшая вскоре отставка Витте с поста министра финансов и его отход от практического участия в решении внешнеполитических вопросов. Эта отставка могла стать не единственной. Куропаткин вспоминал: «Указом правительствующему Сенату от 30 июля учреждено было наместничество на Дальнем Востоке. Узнал об этом из газеты, принесенной Витте. При первом же докладе государю после этого странного отношения к закону и к своим ближайшим сотрудникам я настоятельно просил государя уволить меня от должности военного министра. Несколько раз повторил это. Государь склонен был дать согласие. Я выпросил четырехмесячный отпуск, чтобы в это время государь приискал себе другого министра»⁴⁷.

Этого, вероятно, не знал Витте, который еще не потерял надежды на возвращение к реальной власти. Свои надежды он связывал с Куропаткиным, для чего ему пришлось пойти на существенную уступку военному министру. 28 октября 1903 г. последний с радостью заносит в дневник: «Вчера в Государственном совете имел большую радость. Витте, три года со мной не соглашавшийся в необходимости присоеди-

нения к России северной Маньчжурии, наконец сдался»⁴⁸. В отставку Куропаткин не ушел, но и Витте он помочь не мог.

24 ноября военный министр представил царю записку с проектом компромиссного решения Маньчжурского вопроса, которое позволяло бы «восстановить дружественные отношения как к Китаю, так и к Японии» и внесло бы «спокойствие в дела не только России, но и всего света». Проект включал продажу Китаю Квантуна с Порт-Артуром и Дальним и южной ветвью КВЖД (его же собственную территорию) за 250 млн. руб. в обмен на право России распоряжаться в северной Маньчжурии. «Если удержание за нами имеющей наступательный характер позиции на Квантуне не требуется по военно-политическим соображениям, — писал Куропаткин, — то таковая позиция не нужна нам и по экономическим соображениям. Из-за каких же целей тогда может возникнуть у нас война с Японией и Китаем?» Он был искренне убежден, что оставление за Россией северной Маньчжурии ни в коем случае не может служить причиной войны⁴⁹.

Ранее в письме Ламздорфу он утверждал: «мы не можем... уступить требованию возратить Китаю, вернее Японии Порт-Артур, поэтому мы должны быть готовы к борьбе на Дальнем Востоке и занять позицию, которая давала бы нам возможно большие шансы на успех»⁵⁰. Правда, после войны он пытался подправить свою позицию и излагал ее несколько иначе: «Китай никогда не простит России. Китай всегда будет добиваться, чтобы магистраль, проходящая по Маньчжурии, была китайской, но не русской... Заняв Порт-Артур, мы кровно, незаслуженно, оскорбили японцев, насмеялись над ними, ибо, вырвав у них из рук Порт-Артур, доставшийся им путем победы, сами захватили его в свои руки. Война стала неизбежной, но мы этого не сознавали и в должной мере не готовились к ней. Все думали, что вопрос о войне и мире всецело в наших руках»⁵¹.

В ноябрьском проекте 1903 г. подробно разбирая все выгоды и невыгоды подобного обмена, Куропаткин к основным невыгодам относил: 1) утрату Россией престижа на Дальнем Востоке, хотя и считал эту потерю условной; 2) эвакуацию Порт-Артура — важной позицией, с которой

можно быстро влиять на судьбы Пекина; 3) получение японцами возможности эксплуатировать южную Маньчжурию; 4) потерю Россией незамерзающего порта («потеря серьезная, но получение взамен обширной северной Маньчжурии окупит вполне эту потерю»); 5) возможность перехода Порт-Артура под контроль Японии. Выгоды предполагаемого обмена, по мнению Куропаткина, вполне искупят его недостатки. Во-первых, Россия избавится от опасности войны с Японией из-за Кореи и с Китаем из-за Мукдена; во-вторых, с присоединением такого огромного края, как северная Маньчжурия, границы России приобретут «более естественный и безопасный характер»; в-третьих, обмен позволит сократить размер тихоокеанской эскадры, направив часть судов на Балтику, где Россия все больше проигрывает Германии. Главной задачей дальневосточной политики России станет освоение нового края и «превращение его в русский край»⁵².

Куропаткин понимал, что покидая Квантунский полуостров и Порт-Артур Россия предоставляет Корею эксплуатации Японии, но вопреки существовавшим мнениям, не видел в этом большой беды: «Экономические потери России в Корею, насколько они выражаются в товарном обмене, ничтожны, и в будущем Россия даже может предстать перед корейцами в качестве освободителей»⁵³. План Куропаткина вряд ли имел серьезные шансы быть принятым, и не только в Китае и Японии, но и в самой России. Он не соответствовал позиции сторонников нового курса — «безобразовцев» и не отвечал настроениям царя.

Куропаткин высказывал серьезные опасения, что в случае военного конфликта на Дальнем Востоке западная граница и так ослабленная в результате переключения основного внимания на Дальний Восток, останется почти оголенной, чем могут воспользоваться Германия и Австро-Венгрия. Последовательность военно-политических интересов России Куропаткин изобразил в виде пирамиды.

Там схематически, но с большой ясностью указано, где должны быть сосредоточены главные усилия Военного министерства, куда должны быть направлены и впредь главные силы и средства России. Основанием пирамиды, по мнению

Куропаткина, должно быть ограждение целостности России против держав Тройственного союза — «западная граница — это основание безопасности России». Второй важнейшей задачей является ограждение внутреннего спокойствия империи войсками всех округов. На третьем месте — ограждение безопасности России со стороны Турции, Персии, Афганистана, Англии и Китая, которая возлагалась на военные округа: Кавказский, Туркестанский и Сибирский. Далее следовала охрана Приморья против Китая и Японии силами соответствующего военного округа. И лишь на последнем, пятом, месте — интересы России в Корее и Манчжурии. Это главные задачи, перед которыми остальные имели только второстепенное значение, поэтому дела на Дальнем Востоке, временно поставленные в основу деятельности российского правительства, носят непрочный характер. «Чертеж придется перевернуть, поставив на узкую часть, вершину. Такое основание, — предрекал он, — не выдержит, и здание рухнет»⁵⁴.

В феврале 1903 г. Куропаткин делился с Витте своими впечатлениями от бесед с Николаем II относительно дел на Дальнем Востоке. «У нашего государя в голове грандиозные планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает взять под свою державу и Тибет... что мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем Государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем; он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России. Поэтому каждый Безобразов, который поет в унисон, кажется Государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры»⁵⁵. Сам он, как мы видели занимал более сдержанную позицию относительно целей и методов дальневосточной политики, хотя нередко его высказывания носили чрезвычайно экспансионистский характер. Кратко суммируя позицию военного министра по дальневосточным делам, можно сказать, что она была непоследовательной и противоречивой. Конвенция об уступке России Порт-Артура и Даляньваня была заключена 15 марта 1898 г., следовательно Куропаткин имел еще возможность выступить с возражениями, но вместо этого он предложил занять и всю южную часть Ляодунского полуострова. В разное время Куропаткин держался различных взгля-

дов в китайском, маньчжурском вопросе. До восстания ихэтуаней он полагал нужным ограничиться экономическим подчинением Маньчжурии. В ноябрьской записке 1903 г. он уже предлагал продать Китаю и Порт-Артур, и Квантунский полуостров. Впоследствии он, исходя из военных и политических соображений, не соглашался на полную эвакуацию русских войск из Маньчжурии. В корейском вопросе взгляды Куропаткина также не отличались ясностью и определенностью. С одной стороны, он предлагал «не зарываться», с другой (в журналах Порт-Артурских совещаний июнь 1903 г.) не возражал против рокового Ялунцзянского лесного предприятия, осуществлявшегося «безобразовцами».

Став военным министром Куропаткин получил непростое наследие. Со второй половины XIX в. русская армия значительно отставала по боеготовности от армий соседних европейских держав. Переустройство армии, начатое при Д.А.Милютине требовало колоссальных денежных вложений, тем более в условиях, когда одновременно проводились реформы всего государственного строя. Ко времени вступления Куропаткина в должность военного министра по размеру затрат на оборону Россия опережала другие державы, ассигнуя на эти цели немногим менее, чем на все остальные потребности страны. Отпускаемых казной средств было далеко недостаточно для модернизации русской армии. Вступив в управление министерством, Куропаткин нашел много начатых и незаконченных мероприятий; а также новых проектов, не проведенных из-за недостатка финансирования. Этот недостаток пытались отчасти возместить так называемой «хозяйственностью», когда войска были вынуждены содержать себя сами. Полковые хлебопекарни, полковые сапожные мастерские, швальни, шорни, столярные и плотничьи артели стали отнимать все силы войск и все внимание начальников. Система «без расходов от казны» была заведена еще при Ванновском. Куропаткин — сам убежденный «хозяйственник» — развил ее «до геркулесовых столбов».

По собственно военной части имелось много ценных работ, достаточных для составления плана дальнейшей деятельности Военного министерства. С другой стороны, общеполитической программы согласованной с деятельнос-

тью Военного министерства, не существовало; напротив между военным министром и его коллегами, возглавлявшими другие ведомства, имелись существенные разногласия во взглядах на первоочередные задачи военного ведомства. Общности программ Военного и Морского министерств также не было.

Поэтому Куропаткин признал необходимым при постановке задач на будущее опереться на историческое исследование деятельности русских вооруженных сил в XVIII-XIX вв., определив задачи русской армии в XX столетии. Сделанные выводы легли в основу составленного в министерстве плана мероприятий по дальнейшему усилению армии в пятилетие 1899-1903 гг. Ввиду того, что на сверхсметные расходы этого пятилетия было ассигновано всего 160 млн. вместо исчисленных 455 млн., Военное министерство должно было тщательно продумать последовательность и темпы покрытия потребностей армии⁵⁶.

Анализ ежегодных всеподданнейших докладов Куропаткина позволяет констатировать, что военный министр поднимал много важных вопросов, однако далеко не все из них были решены. Более половины всей 160 млн. прибавки к 5-летнему бюджету военного ведомства поглотили меры по улучшению быта офицеров. Из арендованной у Китая части Ляодунского полуострова была образована Квантунская область с управлением, аналогичным военно-окружному. По артиллерийской части было закончено перевооружение ручным огнестрельным оружием и проведено перевооружение полевой артиллерии скорострельными пушками (за счет особого ассигнования); началось испытание пулеметов и были сформированы первые пулеметные роты, продолжались работы по постепенному снабжению новыми образцами крепостной и осадной артиллерии. Обеспечение армии орудиями больших калибров шло медленно, тем более, что Обуховский завод работал исключительно для флота. В ожидании поступления новых орудий вооружение Порт-Артура производилось за счет крепостной артиллерии.

Недостаток средств, отпускаемых на армию усугублялся, по мнению Куропаткина, чрезмерным отвлечением их на нужды флота. Как военный министр он естественно отстаивал

интересы своего ведомства. В докладе по министерству за 1900 г. он признавал, что российский флот на Тихом океане и в Черном море нуждается в усилении, но оно производится в значительной степени за счет тех кредитов, в которых было отказано военно-сухопутному ведомству для укрепления западной границы.

Куропаткин предлагал сделать выбор: или пойти вслед за другими державами в развитии своего флота, временно отказавшись совершенствовать сухопутную армию, или добиваться, чтобы российская сухопутная армия по численному составу и боеготовности по возможности достигла уровня армий своих западных и восточных соседей, но при этом придется отказаться от соперничества с Германией на море. Сам он был глубоко убежден, что «главная сила России всегда была в сухопутной армии, а не во флоте. Флот всегда героически помогал сухопутной силе, но играл второстепенную роль. «Россия — континентальная держава и пока таковой и останется ее главный оплот — военно-сухопутные силы, и защита ее территории должна основываться главным образом на сухопутных войсках⁵⁷. Два года спустя отстаивая увеличение кредитов на армию, он вновь подчеркивал, что «судьба России зависит от успехов на сухом пути⁵⁸.

Будучи убежденным сторонником первоочередного укрепления западной границы империи, в своей практической деятельности Куропаткин основное внимание должен был уделять противоположному участку границы. Японо-китайская война 1894-1895 гг. выявила необходимость для России принять меры по усилению вооруженных сил на Дальнем Востоке в связи с появлением нового конкурента — Японии. Имевшихся к 1894 году 30,5 батальонов и 5 рот пехоты, 33 сотен кавалерии и 74 орудий (всего 30,5 тыс. человек) было явно недостаточно. Спустя пятилетие Куропаткин вновь отмечает, что вооруженные силы России на Дальнем Востоке по сравнению с силами возможных противников «недостаточны, в особенности, если принять во внимание обширность района их деятельности и сложность задач на них возложенных⁵⁹. К 1906 г. военный министр намеревался довести численность сухопутных сил на Дальнем Востоке до 48 стрелковых батальонов, 48 резервных батальонов, 57, эскад-

ронов; число орудий намечалось увеличить до 236. Кроме того, намечалось увеличить состав войск в крепостях до 11-ти пехотных батальонов и 2-х крепостных артиллерийских батальонов. Куропаткин подчеркивал, что доведение численности войск до указанного уровня потребует не менее 6-7 лет. «Это обстоятельство, а также неготовность железной дороги обязывали Россию, по его мнению, соблюдать в ближайшие годы крайнюю осторожность, «дабы не быть вовлеченными в войну при обстановке вполне для нас невыгодной и с силами недостаточными и крайне медленно собираемыми»⁶⁰.

Таковы были намерения. Каковы же были реальные результаты деятельности Военного министерства под руководством Куропаткина по укреплению боеготовности вооруженных сил России на Дальнем Востоке? В июльской записке 1903 г. Куропаткин докладывал о достигнутых успехах прежде всего в отношении железнодорожного строительства. Вместо 20 вагонов в сутки, которые Россия имела на КВЖД в 1901 г., в 1903 г. их стало 75, а с 1 января 1904 г. предполагалось получить для военных перевозок 175 вагонов в каждую сторону. В то же время Сибирская железная дорога укрепилась настолько, что смогла «давать по 7 пар воинских поездов в сутки». Энергично велись работы по укреплению Владивостока и Порт-Артура с суши, а артиллерийское вооружение и гарнизоны этих крепостей увеличены.

Подавление восстания ихэтуаней в 1900 г. потребовало усиления формирования войск в приамурском округе. Там были развернуты 4-я, 5-я и 6-я Сибирские стрелковые бригады, образованы I и II Сибирские армейские корпуса. С 1899 г. по 1904 г. общее усиление войск в Приамурском округе, Маньчжурии и на Квантуне составило свыше 40000 человек; кроме того, на 18000 человек была увеличена охранная стража КВЖД. В начале 1904 г. в Европейской России приступили к формированию дополнительных батальонов для восточносибирских полков, но эти части начали прибывать уже после объявления войны. Всего в 1903 г. в дальневосточных владениях России располагались 128 батальонов, за которыми в Сибирском округе стояло 40 резервных батальонов. В подкрепление им из Европейской России намеча-

лось отправить два полевых и два резервных корпуса. Куропаткин после инспекторской поездки на Дальний Восток в июне 1903 г. докладывал царю в бодрых выражениях: «Мы можем быть вполне спокойны за участь Приамурского края, за судьбу Порт-Артура, и мы вполне надеемся отстоять северную Маньчжурию... Нами на Дальнем Востоке достигнуты огромные результаты»⁶¹. Он, казалось, был доволен результатами личной проверки состояния боеготовности российских войск на Дальнем Востоке: «Ныне можно не тревожиться, если даже большая часть, например, японской армии обрушится на Порт-Артур, даже борясь одни против 5-10 врагов»⁶². Это было за несколько месяцев до начала войны.

Уверенность его в достаточности принятых мер находит подтверждение в плане мероприятий на пятилетие 1904-1909 гг., по которому из 130 млн. руб. отпущенных дополнительно к обычному бюджету на нужды Дальнего Востока предназначалось только 7 млн. руб. По его мнению, готовность вооруженных сил России к борьбе на Дальнем Востоке давала возможность перенести основное внимание на Запад, где за последние 5 лет Россия ослабла и оказалась недостаточно готова к обороне не только против Германии, но даже против Австро-Венгрии. Действительное положение было далеко не столь радужным. Усиление войск на Дальнем Востоке шло толчками под давлением развивавшихся событий, и велось не поступлением организованных соединений, а путем переформирования существующих частей с добавлением комплектований выделенных войсками Европейской России (в числе свыше 30 тыс. чел.). Незадолго до войны 1904-1905 гг. в виду настояний местного начальства на Дальний Восток было направлено по одной бригаде от X и XVII корпусов, но без обоза, т.е. части, не готовые к походу. Склонность к импровизации и нерешительность Куропаткина проглядывали уже в этих мерах. Только в конце 1903 г. Военное министерство решило потребовать на новые формирования сверхсметный кредит, но вместо просимых 30 млн. получило всего 3 млн. руб. С 1899 по 1904 г. общая прибавка численности войск в Приамурском крае Маньчжурии и на Квантуне составила около 40 тыс. чел., кроме того

на 18 тыс. была увеличена охранная стража КВЖД. Войска были разбросаны на больших пространствах; ни их количество (98 тыс. чел. регулярной армии и 24 тыс. охранной стражи)⁶³, ни качество их подготовки не соответствовали времени. Организация войск также была не на высоте.

Создание крепости в Порт-Артуре, рассчитанное на 10 лет в силу неблагоприятных условий шло медленно. Только на составление и утверждение проекта ушло 2 года; кредиты часто урезались, что препятствовало развитию работ в полном объеме. Для вооружения фортификационных сооружений Порт-Артура из требовавшихся 400 орудий и 48 пулеметов имелось лишь 207 и 38 соответственно; при этом только 8 тяжелых орудий были установлены на батареях. Общим недостатком для всех батарей Порт-Артура являлось открытое расположение орудий⁶⁴. В крепости, а она являлась базой флота, отсутствовали доки и ремонтные мастерские, поэтому малейшие повреждения грозили оказаться роковыми для кораблей. На сосредоточение же на Дальневосточном театре военных действий армии большой численности требовалось несколько месяцев. Продолжительность следования эшелона с военным грузом из Петербурга до Мукдена доходила до 50 суток⁶⁵.

Позднее, уже после войны, Куропаткин и сам признавал, что «в 1903 г. ... мы были совершенно не готовы к войне на Дальнем Востоке»⁶⁶. «Если же суждено вести войну с Японией, что вероятно, то лучше вести ее тогда, когда мы будем к ней готовы и сами выберем для сего время», — так он высказывался в марте 1903 г. России, по его словам, необходимы 5–6 лет мира, чтобы окончить строительство железной дороги, Порт-Артурской крепости, усилить количество войск на Дальнем Востоке, полностью обеспечить их современным вооружением, но сомневался, что такой срок ей будет отпущен.

Между тем международная обстановка в регионе явно обострялась. Одним из основных противников здесь генерал считал Англию, против которой Россия бессильна на море. Поэтому Куропаткин полагал, что действовать можно с суши: «Несомненно угроза со стороны Индии — угроза страшная, и это — единственное место, где Россия может угрожать

Англии. Но проанализировав возникающие на этом пути трудности (Афганистан, отсутствие железной дороги от Мерва к Кушке, что делает слишком длительным период сосредоточения достаточных сил), он признавал несвоевременным оказывать давление на Англию из Средней Азии⁶⁷. Непоследовательность во взглядах Куропаткина проявилась и в том, что он признавал «естественным и желательным» установить настолько дружественные отношения с Англией, чтобы в случае волнений в Индии быть на стороне англичан: «XX век должен принести с собой тяжелую борьбу в Азии народностей христианских против нехристиан. Для блага человечества необходимо, чтобы в этой борьбе мы были в союзе с христианской Англией против нехристианских племен Азии, особенно мусульманских»⁶⁸. Но на Дальнем Востоке таких отношений установить нельзя, поскольку Англия явно на стороне Японии и Куропаткин даже не исключал возможности их совместных военных действий.

Одним из возможных противников, особенно после подавления восстания ихэтуаней и оккупации Маньчжурии Куропаткин считал и Китай. Еще в 1899 г. он опасался возникновения японо-китайского союза, подкрепленного Германией и Англией и советовал «не лезть с разными предприятиями в срединный Китай — тогда китайцы с японцами скоро набросятся на европейцев вообще, но не на нас в частности. Может случиться, что нам придется выручать европейцев»⁶⁹. Надежда на совместную с европейскими державами борьбу против «желтолицых» часто проскальзывает в высказываниях Куропаткина. В докладе по Военному министерству за 1900 г. он, обращаясь к этому вопросу, отмечал «ясное стремление Японии стать во главе всей желтой расы и вместе с ней пойти со временем войной на европейские силы, занявшие китайские территории», но надеялся побороть их особенно, если удастся действовать совместно с немцами, англичанами и французами⁷⁰. За полгода до нападения Японии на Россию он отмечал, что Китай стал укреплять свои вооруженные силы. В больших количествах завозится вооружение: с 1901 г. в Китай поступило до 2 млн. ружей. В стране находится много японских инструкторов и «обученные японскими офицерами и под их руководством

многочисленные китайские войска могут явиться в боевом отношении значительно более опасными для нас, чем то было в 1900 г.»⁷¹.

Однако, куда более опасным и реальным противником генерал считал Японию: «Главными противниками нашими на Крайнем Востоке считаются Англия и Япония», — замечал он еще до назначения на пост военного министра⁷². Он уверен, что с Японией придется уже в начале XX века иметь вооруженное столкновение из-за влияния в Корее и Китае⁷³. Единственное, по его мнению, средство предотвратить кровавую борьбу на Дальнем Востоке — это лишить Японию права иметь военный флот. Но так как для России подобная задача явно не по силам, свои надежды он возлагал на Германию и Англию⁷⁴. Мечты весьма наивные для военного министра. По мере обострения обстановки на Дальнем Востоке Куропаткин освобождается от подобных иллюзий⁷⁵.

Военный министр и его ведомство старались по мере возможности следить за состоянием японских вооруженных сил. В 1900 г., по сведениям военного министерства, Япония в военное время может развить свои вооруженные силы до 384 тыс. чел. при 1092 орудиях. Около половины этих сил могут принять участие в десантной операции. Для перевозки этих сил Япония может воспользоваться своим богатым коммерческим флотом⁷⁶. Год спустя Главный штаб уточнил эти сведения. По его данным во время войны с Китаем японская армия насчитывала в своем составе 1 гвардейскую и 6 армейских дивизий, в которых числилось 4353 офицеров и 59728 нижних чинов (в мирное время) и соответственно 4721 и 166671 (в военное время). Сверх того, с объявлением войны будут сформированы запасные части и войска территориальной армии общей численностью около 50 тыс. чел.

По донесениям российских военных агентов в Японии, численность ее армии по штатам военного времени к началу 1904 г. определялась в 10375 офицеров и 348047 нижних чинов. Согласно предложениям составленного в Главном штабе «Плана стратегического развертывания войск Дальнего Востока», после завершения формирования в Японии территориальной армии, последняя «вследствие незаконченности

своей организации едва ли может быть привлечена к главным операциям»⁷⁷.

По сравнению с 1901 г. численность японской армии сильно выросла: тогда она состояла уже из 13 дивизий, в которых в военное время могло состоять 6392 офицера и 191017 нижних чинов⁷⁸. В 1904 г. в Японии были завершены подготовительные мероприятия по формированию территориальных и резервных войск. Уже в первые недели войны за счет этих войск постоянная армия была увеличена почти вдвое и в основном не в тылу — на Японских островах, а на полях сражений. Кроме того, в названном выше плане Главного штаба, одобренном и утвержденном военным министром, не учитывалась возможность наращивания численности японской армии за счет последующих мобилизаций как по стране в целом, так и на театре военных действий. Фактически в ходе войны было призвано 1185000 человек.

Куропаткин справедливо полагал, что наращивание российских вооруженных сил на Дальнем Востоке может дать только кратковременный эффект, ибо японцы не будут сидеть сложа руки и тоже увеличат свои силы. В итоге Россия, как и на западе, может оказаться втянутой в гонку вооружений, что «приведет ее и на Востоке к разорительному вооруженному миру». Только устранение главных поводов к конфликту с Японией могло бы избавить Россию как от войны со своей восточной соседкой, так и от необходимости «нести тяжесть вооруженного мира»⁷⁹.

Между тем, подготовка японской армии к войне с Россией началась сразу после заключения Симоносекского мирного договора. Ее коммерческий флот с 1894 по 1904 г. увеличился более чем в 3 раза. В результате транспортные средства позволяли теперь Японии за 48 часов осуществить перевозку на Азиатский континент 6 мобилизованных дивизий. За эти же годы японская армия увеличилась почти в 2,5 раза. По темпам роста и по численности она значительно превосходила русскую Дальневосточную армию⁸⁰.

Обеспечив создание необходимых морских и армейских сил и наметив пути наступления, Япония перешла к изучению своего противника. Прежде всего она выяснила, в какой стадии находится строительство Сибирской и Маньч-

журской железнодорожных магистралей, какова их пропускная способность, в каком состоянии находится оборудование портов Талиенваня, Порт-Артура и Владивостока и каковы их оборонительные возможности, какими армейскими соединениями могут располагать русские на Дальнем Востоке до прибытия подкрепления из Европейской России.

Руководство Военного министерства также стремилось по возможности точно определить степень и характер угрозы на Дальнем Востоке, используя в этих целях своих военных агентов в Японии и Корее. Вернувшись в Россию из Токио в первой половине 1903 г., полковник Генерального штаба Б.П.Ванновский представил доклад, в котором отмечал, что «японская армия далеко еще не вышла из состояния внутреннего неурядиства, которое неизбежно должна переживать всякая армия, организованная на совершенно чуждых ее народной культуре основаниях... вот почему, если, с одной стороны, японская армия уже давно не азиатская орда, а аккуратно, педантично организованное по европейскому шаблону более или менее хорошо вооруженное войско, то, с другой — это вовсе не настоящая европейская армия, создававшаяся исторически, согласно выработанным собственной культурой принципам. Пройдут десятки, может быть сотни лет, пока японская армия усвоит себе нравственные основания, на которых зиждется устройство всякого европейского войска, и ей станет по плечу тягаться на равных основаниях, хотя бы с одной из самых слабых европейских держав. И это, конечно, в том случае, если страна выдержит тот внутренний разлад, который происходит от слишком быстрого наплыва чуждых ее культуре и исторической жизни идей». Куропаткин на докладе Ванновского написал: «Читал. Увлечений наших бывших военных агентов японской армией уже нет. Взгляд трезвый»⁸¹.

После посещения маневров японской армии в июне 1903 г. Куропаткин отмечал, что страна переживает период подъема национального духа, самоуверенности и самоотверженности, что не могло не сказаться и на высоком моральном духе армии и ее боевых качествах: «Армия Японии вполне боеспособна и представляет собой весьма серьезную силу»⁸². Несмотря на эту вполне адекватную оценку, воен-

ный министр выражал уверенность в русской победе, хотя и нелегкой, связанной со значительными человеческими жертвами и затратой огромных финансовых средств: «Война с Японией обойдется нам при продолжительности в полтора года в 700-800 млн. руб., и мы потеряем 30-50 тыс. убитых и раненых при 300-тысячной армии. Из той войны мы выйдем несомненно победителями, но жертвы будут слишком велики»⁸³.

Но чтобы добиться такой победы русским необходимо проявить «железную твердость характера», чтобы в случае неудачи первой кампании, после первых и тяжких последствий (голода, болезней, застоя в делах) и, главное, огромных цифр убитых и раненых «противостоять советам со всех сторон признать Россию побежденной и заключить мир»⁸⁴. Странником войны «до победного конца», несмотря на потери, другие возникающие трудности, Куропаткин оставался и в разгар боевых действий. Он писал Витте: «Неожиданно начатая война с Японией составляет несчастье России, но не вовремя оконченная война прибавит к несчастью позор»⁸⁵.

Беспокоило Куропаткина и отношение к возможной войне народных масс; он сознавал, что подобная война энтузиазма не вызовет: «Хотя русский народ и русское войско с прежним самоотвержением выполняют волю царя, отдав свою жизнь и добро для достижения полной победы, но сознания важности целей, для которых война ведется, не будет. Не будет поэтому и того подъема духа, того взрыва патриотизма, которым сопровождалась войны с целями самообороны или с целями близкими русскому народу»⁸⁶.

Почти одновременно приступившие к подготовке Россия и Япония к началу столкновения пришли с разными результатами. Япония оказалась лучше вооружена, имела продуманный план действий, раньше провела мобилизацию и поэтому инициатива ведения боевых действий оказалась в руках японского командования. Генеральный штаб русской армии не имел детально разработанного плана войны на Дальнем Востоке. Основная тяжесть планирования действий падала главным образом на штаб Приамурского военного округа и командование Кавантунской области. Первый вариант плана войны с Японией был разработан в 1895 г., когда

возникла угроза нападения японских войск на Южно-Уссурийский край и предусматривал только некоторые мероприятия по защите этого региона. После постройки КВЖД и оккупации Квантунской области с Порт-Артуром сложилась иная стратегическая обстановка, и в конце 1898 г. был разработан новый вариант плана войны с Японией. Он предусматривал оборону Южно-Уссурийского края и Порт-Артура. При этом задача русских войск на Дальнем Востоке состояла лишь в том, чтобы замедлить наступление неприятельской армии до прибытия главных резервов из центра России⁸⁷. Таким образом в обоих планах войскам отводилась пассивно-оборонительная роль и боевые операции сухопутных войск рассматривались отдельно от действий флота.

После оккупации русскими войсками Маньчжурии в 1900 г. и перехода Тихоокеанской эскадры из Владивостока в Порт-Артур в 1901 г. в Главном Штабе совместно с штабами Приамурского военного округа и Квантунской области был разработан еще один вариант плана — «Общие основания для действий против Японии». Он был рассмотрен военным министром, а затем 14 августа 1901 г. утвержден императором. В соответствии с этим планом боевые действия русской армии должны были развиваться в зависимости от действий противника.

Если бы Япония ограничилась захватом Кореи, не переходя в наступление против русских войск, что по мнению создателей общих оснований представлялось наиболее вероятным, следовало на первое время предоставить Японии распорядиться в Корее, не переходя против нее в наступление, если только она не начнет действовать в Маньчжурии. Если японские войска, заняв Корею, перейдут в наступление против русских: а) в Маньчжурии, б) против Порт-Артура, в) в направлении Южно-Уссурийского края (Владивосток), то Россия будет вынуждена вступить в борьбу, «поставив твердой целью закончить ее только тогда, когда сухопутная армия и флот Японии потерпят решительное поражение». Но первый период боевых действий, в виду превосходства сил японцев и их лучшей боевой готовности, должен носить оборонительный характер, а войска по возможности укло-

няться от решительных столкновений во избежание частных поражений.

Составители плана 1901 г. не возлагали больших надежд на русский флот на Тихом океане: «численный перевес японского флота не позволит, вероятно, широко развить активные действия нашему флоту и последнему придется ограничиться сравнительно скромной задачей по возможности замедлить время высадки противника». Оборона собственных владений возлагалась на Южно-Уссурийский и Квантунский отряды, опиравшиеся на крепости Владивосток и Порт-Артур. Все остальные войска должны были сосредоточиться в районе Мукден-Ляоян-Хайчен. При наступлении японцев они, по возможности замедляя их продвижение, должны были отходить к Харбину. Если выявится, что главной целью японского наступления являются русские войска в Маньчжурии, то Южно-Уссурийскому отряду из района Владивостока предстояло передислоцироваться в Маньчжурию. Как и в предыдущем плане, переход в наступление русских войск предусматривался лишь после того, как на Дальнем Востоке будет создано численное превосходство русской армии над японской⁸⁸.

В июльской 1903 г. записке Николаю II Куропаткин отмечал, что за прошедшие два года после утверждения общих оснований произошли значительные перемены в силе, расположении и боевой готовности наших сухопутных войск и флота на Дальнем Востоке в сторону их усиления. Тем не менее, по мнению Главного штаба и его личному, как и два года назад следовало держаться против Японии оборонительного образа действия, так как отстоять Южную Маньчжурию в первый период войны, если туда вторгается вся японская армия, не можем». Как и два года назад предлагалось: готовиться к тому, что Порт-Артур на продолжительное время будет отрезан; и избегая частного поражения, отступать по направлению к Харбину до тех пор, пока не явится возможность, получив подкрепление, перейти в наступление и разгромить японцев». В заключении записки военный министр указал, что принимая для действий против Японии эти основания, Россия может быть спокойна за исход войны, так как «флот наш сильнее японского и подкрепления

будут прибывать быстрее, что даст нам возможность перейти быстрее и в наступление»⁸⁹.

Эти соображения военного министра были положены в основание плана, разработанного Главным штабом совместно с штабами Приамурского военного округа и войск Квантунской области в сентябре-октябре 1903 г. План стратегического развертывания русских войск на Дальнем Востоке в декабре 1903 г. был рассмотрен Куропаткиным, внесшим в него последние дополнения⁹⁰ и лишь 14 января следующего года утвержден царем.

План не учитывал возможности одновременного наступления японцев в двух направлениях. Предполагалось, что их основные силы будут брошены или против Порт-Артура, или против Маньчжурского отряда. На первом этапе войны русские войска, как предусматривалось в предыдущем плане, должны были придерживаться оборонительной тактики. Лишь после прибытия достаточного количества войск из Европейской России намечался переход в наступление с целью вытеснения японских войск из Маньчжурии и Кореи. Война должна была завершиться высадкой десанта в Японию и разгромом ее вооруженных сил на ее территории. Однако конкретные боевые действия русских войск в этом плане планировались лишь на период развертывания русских войск в Маньчжурии.

За день до нападения японцев на русский флот в Порт-Артуре 26 января 1904 г. увидел свет доклад за подписью Куропаткина, в котором достаточно точно излагался замысел японского стратегического плана ведения боевых действий («наиболее решительный»). По мнению военного министра, Япония поставит целью войны занятие Кореи, оттеснение русских войск к северу от Маньчжурии и овладение Порт-Артуром. Достигнуть этих целей она будет стремиться путем морских операций и действий сухопутной армии, союзных действий совместно с Китаем. Они могут применить два варианта действий: «наиболее решительный и менее решительный». В соответствии с первым — они атакуют и разгромят русский флот, затем произведут высадку в Корею, в Цинampo и даже в устье Ялу. После чего быстро собрав 7-8 дивизий, японцы вторгнутся в Южную Маньчжурию, оттеснят

русские войска к северу и будут преследовать их по направлению к Сунгари.

В это же время 3-4 японские дивизии производят высадку на Квантуне и при помощи ускоренной осады овладевают Порт-Артуром. Их боевые действия на Квантунском полуострове будут сопровождаться разрушением во многих местах железной дороги при помощи восставшего китайского населения. После прибытия русских подкреплений из Европейской части страны, японцы, отступая в Корею, будут упорно там обороняться. В случае поражения там они надеются на вмешательство других держав. С их содействием Япония надеется, что даже в случае поражения в Корею, за ней оставят Южную Корею и Порт-Артур. Как видим, прошло всего две недели после утверждения плана стратегического развития русских войск на Дальнем Востоке Николаем II, а позиция военного министра на возможность одновременных ударов японских войск по нескольким направлениям коренным образом меняется.

По второму варианту, разработанному Куропаткиным, японцы не решатся атаковать русский флот, а произведут высадку сухопутных войск в Корею и оккупируют ее территорию до р. Ялу, где будут ждать наступления русских войск. С присоединением к ним американского или английского флота они атакуют русский флот и, если он будет разбит, попытаются овладеть Квантуном с Порт-Артуром. Наконец, по мнению военного министра, может существовать и третий вариант, по которому японцы захотят избежать войны и, как только увидят, что мы им не мешаем утвердиться в Южной Корею постараются «прийти с нами к соглашению»⁹². Таким образом, накануне войны военное министерство имело весьма слабое представление о планах противника, не достаточно учитывало возросшую силу японской армии и сложившуюся на Дальнем Востоке расстановку сил. Доклад Куропаткина, практически прямо указывавший на неизбежность развязывания войны, тем не менее заканчивался оговоркой, что «все это написано мною совершенно предположительно, без каких-либо документов и секретных сведений». Таким образом, он как бы осторожно выразил сомне-

ние в достоверности докладываемой им информации, и такой доклад не требовал принятия немедленных мер.

А.Н.Куропаткину довелось в качестве главнокомандующего Дальневосточной армии попытаться осуществить на деле выработывавшиеся при его участии планы военных действий, проявить «железную твердость характера» для достижения победы, оценить на практике степень подготовки русских вооруженных сил на Дальнем Востоке, за которую как военный министр он нес ответственность. С формальной стороны подобное назначение выглядело естественно и даже почетно. Однако вопрос о замене Куропаткина на посту военного министра был решен задолго до его назначения на Дальний Восток. Он не принадлежал к воинствующему крылу царского генералитета, хотя время от времени милитаристские настроения у него брали верх. Как отмечалось выше, если вначале он был сторонником захватнических планов на Дальнем Востоке и в известной степени поддерживал «безобразовские проекты», то к 1903 г. занял более осторожную позицию, все чаще выступая единым фронтом с более умеренной группировкой в правительстве С.Ю.Витте и В.Н.Ламздорфом. Соответственно менялось отношение к нему придворной камарильи, особенно «безобразовцев». И в этом заключается причина падения Куропаткина как военного министра.

Несомненно, Куропаткин несет свою долю ответственности за проведение политики, приведшей к войне, и за ее позорный исход, поскольку готовность русских войск на Дальнем Востоке оказалась не на высоте.

¹ Дневник А.Н.Куропаткина № 8. Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 165. Оп. 1. Д. 1871. Л. 8.

² См.: *Куропаткин А.Н.* Разведывательная миссия в Турцию // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 66.

³ Дневники А.Н.Куропаткина (около 60 дел) охватывают период с 1870 по 1917 г. В них освещаются все стороны жизни русской армии, вопросы боевой подготовки войск и проведения маневров, перевооружения, состояния комплектования армии, положения в военно-учебных заведениях. Но для автора статьи первостепенное значение имели другие материалы, имеющиеся в дневниках. А.Н.Куропаткин заносил в них подробности содержания своих бесед с Николаем II, другими министрами и представителями военного ведомства: заключения совещаний по военным вопросам дальневосточной политики

России, отчеты о поездках на Дальний Восток и в Японию. Наконец, в дневники занесены «указания и примечания» царя военному министру. Часть записей носит название «секретных».

- ⁴ Дневник за период с конца 1902 г. по конец 1904 г. (но в неполном виде) см.: Красный архив. М.-Пг., 1922. Т. 2; 1924. Т. 5; 1935. Т. 1 (68). В 20-е гг. А.М.Зайончковским были опубликованы материалы под заголовком «Пролог маньчжурской трагедии. Русско-японская война. Из дневников А.Н.Куропаткина и П.Н.Линевича (Л., 1925), представляющие собой обработку Куропаткиным части своих дневников начала 1900-х гг. уже после войны.
- ⁵ Находящийся в РГВИА фонд А.Н.Куропаткина (Ф. 165) содержит большое количество разнообразных документов: всеподданнейшие доклады военного министерства, докладные записки, переписку с другими министрами, отчеты о совещаниях в Порт-Артуре (июнь 1903 г.), поездке в Японию (май-июнь 1903 г.), ведомости, справки о вооружении и боевой готовности русских вооруженных сил на Дальнем Востоке, сведения о составе, численности и боевых качествах японской армии.
- ⁶ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1863. Л. 26. Секретный дневник А.Н.Куропаткина № 7.
- ⁷ *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. 1881-1903. М., 1973. С. 71. Когда Николай II сообщил Куропаткину о своем решении назначить его военным министром, император откровенно говорил о реакции на это назначение великих князей: «Владимир обнял меня, — передает рассказ царя Куропаткин, — Сергей был очень рад, тоже и Михаил Николаевич». РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1871. Л. 9.
- ⁸ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1603. Л. 27. Секретный дневник А.Н.Куропаткина № 7.
- ⁹ *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1963. Т. 2. С. 156.
- ¹⁰ *Гершельман Ф.К.* Воспоминания пережитого. Ч. XIX. С. 86.
- ¹¹ Красный архив. 1931. Т. 3 (46). С. 123. Запись 17 июня 1899 г. Витте также отмечает у Куропаткина отсутствие широкого образования и светского воспитания и пишет об еще одном качестве военного министра — подобострастии перед «сильными мира сего». *Витте С.Ю.* Воспоминания... Т. 2. С. 151-152, 156-157.
- ¹² Письма С.Ю.Витте к Д.С.Сипягину (1900-1901 гг.). Красный архив. 1926. Т. 5 (18). С. 34, 37.
- ¹³ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1837. Л. 33. Программа внутренней и внешней политики России. Результаты ее через 50 лет. Конспект. 20 июля 1885 г.
- ¹⁴ Там же. Д. 602. Л. 20 об. Всеподданнейший доклад военного министерства за 1900 г. 14 марта 1900 г.
- ¹⁵ Там же. Л. 23 об.
- ¹⁶ *Обручев Н.Н.* Основные исторические вопросы и наша готовность к их решению (записка 1885 г.) // Источник. 1994. № 6. (публикация И.С.Рыбаченок).
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 602. Л. 21 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 22.
- ¹⁹ Там же. Д. 1876. Л. 54. Дневник А.Н.Куропаткина № 11. Секретный.
- ²⁰ Там же. Д. 1922^а. Л. 93 об.-94. Копия письма А.Н.Куропаткина В.В.Сахарову. 19 октября 1902 г.
- ²¹ Там же. Д. 815. Л. 4. Всеподданнейший доклад по военному министерству за 1902 г.
- ²² Там же. Д. 1876. Л. 54 об. Дневник А.Н.Куропаткина № 11. Секретный.

- 23 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 602. Л. 35. Всеподданнейший доклад по военному министерству за 1900 г.
- 24 Там же. Л. 36.
- 25 Там же. Л. 34 об. Справедливости ради надо заметить, что А.Н.Куропаткин не считал выполнение этих задач одновременными делами, возможным их осуществление в ближайшие годы.
- 26 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1873. Л. 26-27, 30 об.-31. Дневник А.Н.Куропаткина № 9.
- 27 Там же. Д. 756. Л. 78 об.-79. Всеподданнейшая записка А.Н.Куропаткина. 24 июля 1903 г.
- 28 История дальневосточной политики России в конце XIX – первые годы XX столетия достаточно разработана в отечественной историографии. (См.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892-1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928; Он же. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. М.-Л., 1955; Игнатъев А.В. Витте С.Ю. – дипломат. М., 1989; Рыбаченок И.С. Николай II и К°. Путь к катастрофе // Российская дипломатия в портретах. М., 1992; Она же. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. Названные выше аспекты деятельности А.Н.Куропаткина освещены слабее.
- 29 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1837. Л. 33 об.-34, 38 об.-39. А.Н.Куропаткин. Программа внутренней и внешней политики России...
- 30 Там же. Д. 1859. Л. 5 об. Секретный дневник № 5.
- 31 Там же. Л. 28 об.-29.
- 32 Там же. Д. 1851. Л. 53 об. Дневник А.Н.Куропаткина № 6.
- 33 Там же. Д. 1871. Л. 5 об. Дневник А.Н.Куропаткина № 8.
- 34 Там же. Д. 1873. Л. 42 об.-43. Дневник А.Н.Куропаткина № 11. Секретный.
- 35 Там же. Д. 1872. Л. 8. Дневник А.Н.Куропаткина № 1.
- 36 Там же. Д. 602. Л. 30 об.-31. Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1900 г. Правда в этом же докладе он оговаривается, что захват Маньчжурии и утверждение в Порт-Артуре нашему поколению не нужны и стоят дорого, но без них будущим поколениям обойтись нельзя. Там же. Л. 42.
- 37 Письма С.Ю.Витте к Д.С.Сипягину (1900-1901). Красный архив 1926. Т. 5 (18). С. 33-34, 36. Письма от 14 и 25 июля 1900 г.
- 38 Игнатъев А.В. С.Ю.Витте – дипломат. М., 1989. С. 133-134.
- 39 Красный архив. 1926. Т. 5 (18). С. 42.
- 40 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 756. Л. 1, 2, 40. Черновик письма А.Н.Куропаткина В.Н.Ламздорфу. 11 марта 1902 г.
- 41 Там же. Д. 1922^а. Л. 98 об.-99. Дневник А.Н.Куропаткина № 16.
- 42 История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века... С. 152. Накануне совещания он беседовал с русским посланником в Пекине Лассаром и был откровенен: «Если мы северную Маньчжурию отдадим, то все сделанные затраты будут впустую, и железную дорогу (КВЖД. – Ю.С.) признать стратегической нельзя будет. Но если она будет проходить по зависимой от нас территории, то мы можем придать ей стратегическое значение, а самую страну, не пуская туда китайцев и вообще желтолицых и сохраняя эту территорию для русских, сделать безопасною, а потом и выгодною для России». Красный архив. М.-Пг., 1922. Т. 2. С. 22.
- 43 См.: Красный архив. 1932. Т. 3 (52). С. 110-120.
- 44 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 756. Л. 70-70 об. Оценка записки Безобразова, полученной Куропаткиным 18 марта 1903 г. для обсуждения в Совещании 28 марта 1903 г.
- 45 См.: Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 171-172; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. С. 155-156.
- 46 АВПРИ. Ф. Канцелярия министра. Оп. 470. 1903 г. Д. 58. Л. 76-91.
- 47 Русско-японская война. Из дневников А.Н.Куропаткина и П.Н.Линевича. Л., 1925. С. 34.
- 48 Красный Архив... Т. 2. С. 79.
- 49 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 944. Л. 9-10. Записка А.Н.Куропаткина. 24 ноября 1903 г.
- 50 Черновик письма А.Н.Куропаткина В.Н.Ламздорфу 11 марта 1902 г. РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 756. Л. 8 об.
- 51 Русско-японская война... С. 5.
- 52 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 944. Л. 10 об.-11. Записка по маньчжурскому вопросу 24 ноября 1903 г.
- 53 Там же. Л. 11 об. Записка А.Н.Куропаткина... 24 ноября 1903 г.
- 54 Переписка С.Ю.Витте и А.Н.Куропаткина в 1904-1905 гг. // Красный архив, 1926. Т. 6 (19). С. 81-82.
- 55 Дневник А.Н.Куропаткина... // Красный архив. Т. 2. С. 21-22.
- 56 Первый импульс к такой большой международной акции, как созыв 1-й Гаагской мирной конференции, исходил от Куропаткина и объяснялся тем, что Россия с трудом поспевала в гонке вооружений за более развитыми и богатыми державами.
- 57 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 602. Л. 52. Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1900 г.
- 58 Там же. Д. 832. Л. 1. Заключение А.Н.Куропаткина по отчету о мероприятиях Военного министерства, выполненных за пятилетие с 1898 по 1903 г.
- 59 Там же. Д. 602. Л. 53. Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1900 г.
- 60 Там же. Л. 41.
- 61 Там же. Д. 756. Л. 60. Всеподданнейшая записка А.Н.Куропаткина 24 июля 1903 г.
- 62 Там же. Д. 832. Л. 2. Заключение А.Н.Куропаткина по отчету о мероприятиях Военного министерства за пятилетие с 1898 по 1903 г.
- 63 Русско-японская война 1904-1905 гг. СПб., 1910. Т. 1. С. 360-362.
- 64 Там же. С. 528-529.
- 65 История русско-японской войны. М., 1977. С. 79.
- 66 Русско-японская война. Из дневников А.Н.Куропаткина и П.Н.Линевича... С. 39.
- 67 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1870. Л. 5. Дневник А.Н.Куропаткина № 8.
- 68 Там же. Д. 602. Л. 30в. Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1900 г.
- 69 Там же. Д. 1872. Л. 8-8 об. Запись от 24 июля 1899 г. Дневник А.Н.Куропаткина № 1.
- 70 Там же. Д. 602. Л. 34-34 об. Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1900 г.
- 71 Там же. Д. 756. Л. 60-60 об. Всеподданнейшая записка А.Н.Куропаткина 24 июля 1903 г.
- 72 Там же. Д. 187. Л. 3. Общие соображения по Тяньцзиньскому вопросу.
- 73 Там же. Д. 602. Л. 31 об. Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1900 г.
- 74 Там же. Л. 32.
- 75 Там же. Д. 756. Л. 60 об. Всеподданнейшая записка А.Н.Куропаткина 24 июля 1903 г.

- 76 Там же. Д. 602. Л. 41. Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1900 г.
- 77 Русско-японская война 1904-1905 гг. Материалы по работе Военно-исторической комиссии Генерального штаба. СПб., 1910. Т. 1. С. 105, 157.
- 78 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 698. Л. 2. Записка, составленная в статистическом отделении Главного штаба. 14 мая 1901 г.
- 79 Там же. Д. 756. Л. 78-79. Всеподданнейшая записка А.Н.Куропаткина 24 июля 1903 г.
- 80 Русско-японская война 1904-1905 гг. СПб., 1910. Т. 1. С. 308, 379, 391.
- 81 *Алексеев*. Военная разведка. С. 146, 148.
- 82 Черновик письма А.Н.Куропаткина В.Н.Ламздорфу 11 марта 1902 г.
- 83 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 857. Л. 8. Журнала Особого совещания 26 марта 1903 г.
- 84 Там же. Д. 602. Л. 52 об. Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1900 г.
- 85 Переписка С.Ю.Витте и А.Н.Куропаткина в 1904-1905 гг. — Красный архив. 1926. Т. 6 (19). С. 78.
- 86 Русско-японская война. Из дневников А.Н.Куропаткина и П.Н.Линевича. С. 36.
- 87 Русско-японская война... Т. 1. С. 177, 190.
- 88 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 756. Л. 58-59. Всеподданнейшая записка А.Н.Куропаткина 24 июля 1903 г.
- 89 Там же. Л. 60-61.
- 90 В частности военный министр предложил вместо двух отдельных корпусов образовать Южно-Маньчжурскую армию и указал на необходимость довести пропускную способность Сибирской железной дороги до 7 пар воинских поездов в сутки, а по КВЖД — до 14 пар.
- 91 Там же. С. 263-267.

«Флот — атрибут великой державы».

этом заключается наш упрек Правительству, а в том, что мы не видим, чтобы Правительство решительно встало на этот новый путь, и мы опасаемся, что все желания представителей власти идти новым путем — пойдут прахом: остатки прошлого, воспоминания прошлого, — эти фантомы в один прекрасный день прорвут реальную очертаня и вырвут власть из новых рук. И я полагаю, что раньше всѣх реформ, или, вѣрнее, первым шагом къ этимъ реформамъ, должно послужить повелѣніе о томъ, чтобы было поручено специальной комиссіи или специальному лицу, Высочайшей Вельею уполномоченному, обследовать состояние нашего флота и довести до свѣдѣнія и Верховнаго Велди флота, и до свѣдѣнія народнаго представительства о томъ, что и кто приведетъ къ катастрофѣ наша флотія. *(Восклицанія на сѣвѣ скамьяхъ).*

Предсѣдатель Совѣта Министровъ Столыпинъ. После всего, что было тутъ сказано по вопросу о морской сѣтѣ, вы поймете, господа члены Государственной Думы, то гласное чувство безнадежности отстоять исправимые на постройку броненосцевъ кредиты, съ которыми я приступаю къ тяжелой обязанности защищать почти безнадежное, почти проигранное дѣло. Вы спросите меня: почему Правительство не предостерегаетъ передъ неизбежностью, почему не присоединяется къ большинству Государственной Думы, почему не откажется отъ кредитовъ? Видѣ для всѣхъ очевидно, что отрицательное отношеніе большинства Государственной Думы не дѣлаетъ основаніемъ какой-нибудь противогосударственной побужденія; этимъ отказомъ большинство Думы хотѣло бы дать толчокъ морскому вѣдству, хотѣло бы разъ навсегда положить предѣлы заупотребленіямъ, хотѣло бы установить грань между прошлымъ и настоящимъ. Отказъ Государственной Думы долженъ былъ бы, по мнѣнію большинства Думы, стать поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русскаго флота; это должна, быть, та точка, которую русское народное представительство желало бы вставить ною главой о Цусимѣ, для того, чтобы начать новую главу, страницы которой должны быть страницами честнаго упорнаго труда, страницами воссозданія морской славы Россіи. *(Восклицанія вѣрно; рукоплесканія).* По-
д. 2228.

Из выступления П.А.Столыпина в заседании Государственной думы 24 мая 1908 г.

д.и.н. А.В.Игнатъев

П.А.СТОЛЫПИН И ВОССОЗДАНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА ПОСЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

«В его лице сошел в могилу последний крупный борец за русское великодержавіе»

С.Е.Крыжановский

Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911) — один из немногих крупных государственных деятелей России последнего царствования. Он происходил из старинного дворянского рода, а по имущественному положению принадлежал к крупным помещикам, то есть традиционно-элитарной части российского общества. Отец Столыпина был генерал-адъютантом, известным участником Крымской войны. Сам Петр Аркадьевич по традиционной для фамилии военной или дипломатической линии не пошел, а предпочел закончить физико-математический факультет Петербургского университета. После этого он служил в Министерстве внутренних дел и Министерстве земледелия и государственных имуществ, а затем сделал довольно быструю карьеру в органах местной администрации. Всероссийскую известность он впервые получил на посту губернатора Саратовской губернии (1903-1906 гг.), проявив энергию в подавлении крестьянского движения. За это Столыпин удостоился личной благодарности Николая II, а в конце апреля 1906 г. был назначен министром внутренних дел. После роспуска Первой государственной думы Столыпин становится председателем Совета министров, сохраняя за собой и пост министра внутренних дел. В то время ему было 44 года.

Из событий первой русской революции, Столыпин вынес убеждение, что страну нужно не только «успокоить», но и реформировать. Впрочем, задуманные им реформы, включая центральную из них — аграрную, носили весьма умеренный характер, были рассчитаны на сохранение лишь подновлен-

ного самодержавия и доминирующей роли дворянско-помещичьего сословия. Осуществлялись они бюрократически-полицейскими мерами. Имея в виду преклонение Столыпина перед царской властью и административные методы преобразователя, кадеты довольно метко окрестили его «все-российским губернатором». По своим взглядам он был убежденным националистом, сторонником сильной государственной власти и великодержавия России на международной арене. Столыпин обладал несомненным административным талантом, высокой работоспособностью, личной смелостью. Университетская подготовка и самообразование позволяли ему хорошо разбираться в различных областях государственной жизни, но больше всего в вопросах экономики и права. Он являлся прекрасным оратором, что было немаловажно для общения правительства с законодательными палатами.

Внешний облик Столыпина и его умение говорить хорошо передает в воспоминаниях депутат Государственной думы В.В.Шульгин: «Столыпин взошел на кафедру. Он был высок ростом, на полголовы выше меня, и было нечто величественное в его осанке... Был ли он красив? Пожалуй. Я бы сказал, что Столыпин был именно таков, каким должен быть премьер-министр: внушителен, одет безукоризненно, но без всякого щегольства. Голос его не был колокольным басом Родзянко, но говорил он достаточно громко, без напряжения. Особенность его манеры говорить состояла в следующем. Его речь плыла как-то поверх слушателей. Казалось, что она, проникая через стены, звучит где-то на большом просторе. Он говорил для России. Это подходило к человеку, который, если не «сел на царский трон», то при известных обстоятельствах был бы достоин его занять. Словом в его манере и в облике сквозил всероссийский диктатор»¹. Те общественные круги России, которые мечтали, с одной стороны, об отпоре революции, а с другой — о дальнейшем эволюционном развитии страны, получили в лице Столыпина своего вождя.

Задача возрождения флота попала в поле зрения Столыпина после того, как последний возглавил Совет министров. Она тесно переплеталась с общими проблемами обороны страны и внешней политикой России.

Как известно, российское великодержавие утвердилось в XVIII в. огромными трудами и жертвами, не последнее место среди которых заняло создание сильного флота и прорыв к морям. С тех пор установилось высказанное самим Петром I убеждение, что государство, имеющее только армию, подобно однорукому бойцу, а в полноценного воина превращает наличие военно-морской силы. Судьбы русского флота складывались не просто: он знал периоды подъема и упадка, славных успехов и драматических неудач. Один из наиболее трудных моментов в его истории наступил в результате поражения в русско-японской войне, когда активная ударная сила флота была уничтожена, исключая, правда, черноморскую эскадру, запертую условиями соглашений о проливах и английской угрозой в Средиземноморье.

Поражение и революция серьезно потрясли также сухопутную военную мощь России. В результате правительство П.А.Столыпина оказалось в области военного строительства перед двойной задачей: реорганизации армии и возрождения флота. При расстроенных войной и революцией финансах естественно вставал вопрос о приоритетах и в связи с ним — о характере будущего флота. Столыпин внес свою заметную лепту в решение этой головоломной задачи. Между тем, в уже довольно обширной литературе о председателе Совета министров еще нет сколько-нибудь развернутой характеристики его деятельности по воссозданию русского флота. Этот, казалось бы, частный вопрос способен пролить свет на общий курс столыпинской политики, особенно ее международный аспект.

Столыпин, как и его близкий предшественник С.Ю.Витте, стремился прежде всего усмирить и преобразовать страну. Известна его фраза — «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!». Более развернуто изложил Столыпин свою позицию в одном из последних писем к А.П.Извольскому (1911 г.): «Вы знаете мой взгляд — нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет губельна для России и династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точки зрения, но и с финансовой и экономической. Но кроме того и главное, это то, что Россия с каждым годом зреет: у нас складывается и

самосознание и общественное мнение. Нельзя осмеивать наши представительные учреждения. Как они не плохи, но под влиянием их Россия в пять лет изменилась в корень и, когда придет час, встретит врага сознательно»².

В период вынужденной передышки Россия должна была, по мнению Столыпина, проводить осторожную, осмотрительную иностранную политику, не отказываясь, однако, от поддержания престижа и достоинства империи. В этом вопросе Столыпин был менее последователен, чем Витте, допуская временный отказ от великодержавных претензий. В будущем же — тут Столыпин и Витте сходились — предстоял возврат к активной имперской политике, и к нему следовало готовиться как на путях реформирования страны, так и усилиями по воссозданию ее военной мощи.

Столыпин вполне разделял намеченный при новом министре иностранных дел А.П.Извольском курс, получивший в историографии название политики соглашений и балансирования. При его поддержке, а то и участии были в 1907 г. заключены соглашения с Японией, Англией и Германией. Взглядам Столыпина вполне отвечало также стремление отстоять самостоятельную роль России в соперничестве держав, уклонившись от участия в назревавшем англо-германском столкновении. Такую роль, по его мнению, достаточно обеспечивал союз с Францией.

Столыпин оказался даже более последовательным в проведении политики соглашений и балансирования, чем сам Извольский. Министр иностранных дел вынес из своей европейской поездки 1907 г. впечатление, будто международное положение России настолько улучшилось, что позволяет активизировать политику на Ближнем Востоке во взаимодействии с Англией. Столыпин не разделял этого оптимизма и не поддержал идею Извольского, тем более что опасался проанглийского крена политики.

Для понимания Столыпиным внешнеполитических задач России показательным правительственным совещанием января 1908 г. о положении в Малоазиатской Турции и на Балканском полуострове. Там на предложение министра иностранных дел и начальника Генерального штаба перейти к активным действиям в расчете на взаимодействие с Англией Столыпин резко заявил, что «иная политика, кроме строго обо-

ронительной, была бы в настоящее время бредом ненормального правительства», но тут же добавил, что «через несколько лет, когда мы достигнем полного успокоения, Россия снова заговорит прежним языком»³. Позднее, в ходе Боснийского кризиса 1908-1909 гг., он осудил попытку Извольского сговориться с Австро-Венгрией за счет балканских государств и Турции и преждевременно выдвинуть вопрос о статусе Черноморских проливов.

В отличие от Витте, отдававшего предпочтение развитию армии, Столыпин склонялся к точке зрения о необходимости комплексного развития вооруженных сил с равным вниманием к армии и флоту. Он, как и министр иностранных дел Извольский и сам царь, видел в сильном современном флоте залог великодержавного положения страны: «Всякая мировая держава не может не участвовать в мировой политике, не может не участвовать в политических комбинациях и отказаться от права голоса в разрешении мировых событий. Флот есть рычаг для осуществления этого права, это атрибут великой державы...»⁴. Достаточно сравнить это с высказыванием Извольского о значении морской силы для всякого государства, желающего стоять в ряду великих держав, чтобы убедиться в идентичности взглядов двух государственных деятелей.

Следует заметить, что в рассматриваемое время военно-морские силы являлись, пожалуй, единственным эффективным средством оказывать воздействие в различных регионах земного шара. Железные дороги предоставляли уже более ограниченные возможности. Не случайно на путь гонки морских вооружений вставала одна великая держава за другой. Было и еще одно обстоятельство, стимулировавшее состязание на море: качественный скачок в развитии морских вооружений, открытый строительством дредноутов (линкоров) и позволявший всем претендентам начинать как бы с одного старта. С другой стороны не приходится отрицать, что Россия являлась более континентальной, нежели морской державой и что ее интересы ограничивались главным образом Европой и Азией, к которым она выходила широким фронтом своих сухопутных границ. В таких условиях необходимость флота для страны не отрицал никто, но спорным представлялся вопрос, какой флот нужен России.

Точнее, достаточны ли для нее оборонительные силы или она нуждается в активной эскадре (эскадрах), которая могла бы по мере надобности перебрасываться с одного морского театра на другой? Столыпин, как увидим далее, оказался на стороне приверженцев активного флота.

Напомним, что согласно Основным государственным законам Российской империи верховное руководство вооруженными силами являлось исключительной прерогативой императора. Дела, касавшиеся государственной обороны, могли вноситься в Совет министров лишь в особых случаях: по указанию царя, по инициативе военного и морского министров или «когда упомянутые дела касаются других ведомств» (Ст. 16 Учреждения Совета Министров). Совет министров рассматривал военные вопросы главным образом под углом зрения бюджетных ассигнований. Но и это открывало достаточно широкий простор, чтобы входить в существо дела. Николай II, ревниво оберегавший свои прерогативы, не противился Совету министров, доверяя Столыпину как своему единомышленнику.

Объединенное правительство занялось вопросами воссоздания флота, если и не сразу, то все же достаточно быстро. Некоторая задержка объяснялась не только наличием других, более насущных вопросов, но и главным образом расстройством финансов, не позволявшим вплотную приступить к делу.

Все же уже 5/18 декабря 1906 г. Совет министров под председательством Столыпина рассмотрел представление морского ведомства об отпуске средств на строительство Амурской флотилии. Последняя создавалась по инициативе Совета Государственной Обороны (СГО) в целях защиты границы с Маньчжурией на случай возможного возобновления наступления Японии. Министры согласились ассигновать в сверхсметном порядке просимые 8 млн. руб., потребные на ближайший год⁵. В 1907 г. отношения с Японией удалось стабилизировать, и вопрос утратил прежнюю остроту.

В том же году Совету министров пришлось заняться финансовым аспектом воссоздания большого флота, предназначенного не для Дальнего Востока, а для Европы. Борьба по этому вопросу внутри морского ведомства, а затем и в СГО началась еще раньше. Морской министр А.А.Бирилев представил в последний сразу две противоречивших друг

другу судостроительных программы, разработанных Морским Генеральным штабом (МГШ) и Главным Морским штабом и исходивших в первом случае из идеи активного, а во втором — оборонительного флота. Одновременно Бирилев просил Совет министров ассигновать средства на строительство двух современных броненосцев (дредноутов). СГО, в котором имелись сторонники как оборонительных, так и активных морских сил, признал оба варианта программы неудовлетворительными, а Бирилеву пришлось уйти в отставку.

В январе 1907 г. Столыпин запросил нового морского министра И.М.Дикова, поддерживает ли он ходатайство своего предшественника о необходимости спешной закладки двух броненосцев. Диков отвечал, что его ведомство в ближайшее время заканчивает разработку новой судостроительной программы⁶. В марте он действительно представил царю целых четыре варианта программы, объединенных общей идеей воссоздания активного флота и строительства его целыми эскадрами (ядро из 8 линейных кораблей с соответствующим количеством крейсеров и эсминцев). Николай II утвердил минимальную, т.н. «малую программу», предусматривавшую строительство одной полной эскадры.

В апреле Диков заручился согласием царя срочно провести через Совет министров предложение о приступе к военно-морскому строительству и ассигновании на эти цели в предстоящие 4 года постоянного кредита в размере 31 млн. руб. в год. В мае вопрос рассматривался объединенным правительством. Министры, включая Столыпина, полностью присоединились к доводам главы морского ведомства, исходя из интересов возрождения русского флота и оказания поддержки отечественным судостроительным заводам. Дикову было разрешено использовать для начала оставшийся от 1907 г. кредит в 2,7 млн. руб. Что касается дальнейших сумм, то, поддерживая ходатайство в принципе, Совет министров указал на необходимость проведения их «в установленном сметном порядке, через законодательные учреждения»⁷. Вопрос, таким образом, переносился в Государственную думу и Государственный совет, что соответствовало новым порядкам, но сулило определенные затруднения вследствие недоверчивого отношения законодательных палат к «цусимскому ведом-

ству». Но еще ранее, чем он поступил в Думу, обострилась внутриправительственная борьба вокруг проекта.

Николай II перед лицом финансовых трудностей и под давлением сторонников преимущественного развития сухопутных сил, к которым принадлежал и председатель СГО вел. кн. Николай Николаевич, пошел было на попятный. Он утвердил программу, в соответствии с которой предполагалось строить только 2 линкора, но много миноносцев и подводных лодок, т.е. фактически брался курс на строительство «оборонительного» флота. Тогда МГШ, со своей стороны, предложил иной вариант «малой программы», включавший строительство в рамках тех же ассигнований полуэскадры (4-х линкоров с небольшим количеством других судов, то есть все же возвращение к идее «активного флота»). Царь, сочувствовавший «активистам», созвал особое морское совещание под своим личным председательством для выяснения главных оснований судостроительной программы, а затем утвердил последнее предложение МГШ.

Вел. кн. Николай Николаевич настаивал на необходимости согласовать планы возрождения флота и реорганизации армии и распределить ассигнования в зависимости от значения того или другого вида вооруженных сил для обороны государства. 25 декабря 1907 г. он обратился к Столыпину, министру финансов В.Н.Коковцову, Дикову и военному министру А.Ф.Редигеру с письмом, в котором, обрисовав тяжелое состояние армии, предлагал «решить, в какой доле для России, по ее положению, успех обороны зависит от армии сухопутной и от флота», в зависимости от чего и решать вопрос о судостроительной программе⁸. Такому подходу в принципе нельзя было отказать в разумности, хотя за ним и просматривались симпатии великого князя.

В декабре же 1907 г. смету Морского министерства начала рассматривать думская комиссия по обороне под председательством А.И.Гучкова. Скоро выяснилось, что члены комиссии ставят под сомнение как саму целесообразность, так и своевременность строительства линейного флота. Они считали наиболее уязвимым местом морской обороны России не Финский залив, а побережье Тихого океана. Думские деятели требовали реорганизации морского ведомства и настаивали на

необходимости единого, согласованного между Военным и Морским министерствами плана обороны государства.

В такой сложной ситуации Совету министров предстояло определить свою позицию. 1 февраля 1908 г. вопрос о рассмотрении в законодательных учреждениях военных расходов на текущий год специально обсуждался объединенным правительством. Столыпин во вступительном слове обратил внимание присутствующим на «признаки назревающих осложнений на почве замечаемого среди членов Государственной думы крайне отрицательного отношения к смете Морского министерства и в особенности к его судостроительной на ближайшие годы программе». Эти трудности еще усугублялись заявкой Военного министерства на чрезвычайной сверхсметный кредит с целью восстановления использованных в минувшую войну неприкосновенных запасов армии и усиления ее боеготовности. Столыпин просил представителей обоих ведомств обосновать свои заявки, а также взвесить выдвигаемые ими предложения с точки зрения финансовых возможностей государства.

Товарищ военного министра А.А.Поливанов в своем выступлении доказывал, что просимые 315 млн. руб. представляют крайний минимум, который можно лишь разложить на ближайшие годы. Диков, в свою очередь уверял, что отказ в ассигнованиях на «малую программу» привел бы к закрытию судостроительных заводов и невозможности возрождения русского военного флота вообще, что низвело бы Россию на уровень второклассной державы. Он соглашался в крайнем случае на небольшое сокращение средств на судостроительную программу в 1908 г. (с 31 до 29 млн. руб.).

В ходе последовавшего обсуждения мнения участников заседания разделились. Коковцов доказывал непосильность заявленных требований для Государственного казначейства. Он, в частности, высказал суждение о возможности для России ограничиться одной береговой обороной, для чего строительства дорогого линейного флота, казалось бы, не требуется. Присутствовавший вел. кн. Николай Николаевич подчеркнул, что именно состояние армии «внушает самые серьезные опасения». «Обновить ее вооружение и запасы — неотложная задача современной России, от успешного разрешения которой зависит самое бытие русского государства как

великой державы». В противоположность этому Извольский указал на необходимость для России, если она намерена сохранить свое место в ряду великих держав, «приложить все старания к воссозданию ее военно-морских сил».

Столыпин прямо не поддержал ни той, ни другой точки зрения. В конечном счете Совет министров высказался за образование специального особого совещания «для полного выяснения вопроса о размере средств, потребных для доведения армии до состояния должной боеспособности...». Морское министерство, в свою очередь, получило упрек, что его предложения по судостроению и морской обороне не были представлены на рассмотрение в СГО, результатом чего явилось отсутствие должной связи с мерами по военно-сухопутной части⁹.

Но уже вскоре после этого заседания Совета министров Столыпин превращается в ревностного защитника активного флота. Думается, что здесь сыграло роль несколько обстоятельств. Более отчетливо выявились симпатии царя, который не одобрил линии СГО. Могло сказаться влияние Извольского — с ним Столыпин в то время был близок. Председатель Совета министров, вероятно, познакомился также с мнением энтузиастов воссоздания активного флота — морских офицеров кружка М.М.Римского-Корсакова и МГШ. Правда, в печатном виде эти соображения (брошюра А.В.Колчака «Какой нужен России флот» и П.И.Беловенца «Нужен ли нам флот и значение его в истории России») появились немного позже, но Столыпин мог познакомиться с устным или рукописным вариантом соответствующих докладов. Во всяком случае поражает сходство его аргументации с доводами морских офицеров¹⁰. Приведем для сравнения резолюцию участников кружка Римского-Корсакова от 8 февраля 1908 г.: «I. Для защиты своих морских границ и обеспечения самостоятельной политики, Россия нуждается в активном флоте; географические и физические условия не представляют препятствий для его создания. II. Таким флотом признается линейный флот в тесном единении с судами специального назначения, обслуживаемый базами, вспомогательными судами и средствами. III. Подводные лодки являются одним из типов судов специального назначения; только действуя в тесном единении с нашим линейным флотом они

могут создать сильнейшую угрозу неприятельскому флоту. IV. Подводные лодки не могут заменить собой в настоящее время ни один из типов судов надводного флота и являются типом самостоятельным, обладающим особыми тактическими свойствами. V. Идея создания специального оборонительного флота кружком не разделяется и признается вредной и опасной». Наконец, и это, пожалуй, главное, такая линия шла в русле общих великодержавно-националистических взглядов Столыпина.

3 марта 1908 г. он выступил на заседании комиссии по обороне Государственной думы. Сначала председатель правительства подверг критике тех, кто считал, что Россия как сухопутная держава может защищаться вообще без флота. Столыпин возразил им, что «если не будет флота, то придется отойти вглубь страны», то есть не только активная, но и вообще сколько-нибудь эффективная оборона страны окажется под вопросом.

Далее он перешел к критике другой точки зрения: России нужен свободный линейный флот, но следует подождать до реорганизации морского ведомства и появления строго выработанной судостроительной программы. Столыпин утверждал, что реформа Морского министерства при поддержке царя не только задумана, но и близка к осуществлению, а призыв подождать отнюдь не стимулирует завершения работы. Что касается судостроительной программы, то он от лица правительства соглашался ждать благоприятного времени для осуществления более крупных замыслов. Но ждать надо так, говорил он, «чтобы не убить жизнеспособности флота, не лишать флот возможности осуществить скромную задачу защиты наших берегов и сохранить то ядро, из которого может развиваться будущий флот». «Как обучить личный состав, не имея ни одной цельной эскадры, не имея судов нового типа, которые строит весь мир?». Как спасти от остановки кораблестроительные заводы? — спрашивал Столыпин. Ведь если им «работы не дадите, то вы уничтожите не только флот настоящий, но и будущий русский флот». Последний едва ли не самый сильный аргумент касался великодержавия России. Столыпин утверждал, что в случае отказа в деньгах на флот «Россия выйдет в международном положении преуменьшенной». «При теперешнем мировом состоянии наро-

дов такая остановка гибельна. Страны, которым наносились сильные удары, показывали живучесть только тогда, когда брались с большой энергией и охотой за дело своего обновления». Закончил он свое выступление словами Петра I: «Промедление времени — смерти безвозвратной подобно»¹¹.

24 мая 1908 г. Столыпин продолжил борьбу за морской бюджет на заседании Государственной думы, защищая, по его собственным словам, «почти безнадежное, почти проигранное дело». Оратор задался целью ответить на вопросы — нужен ли России флот, какой флот ей нужен и можно ли с этим медлить? Он развивал в общем те же аргументы, что и в комиссии по обороне. Более подробно остановился председатель правительства на вопросе о характере потребного стране флота. Он заявил, что России «нужен флот деятельный», то есть такой, «который в каждую данную минуту мог сразиться с флотом, стоящим на уровне новейших научных требований». «России нужен флот, который был бы не менее быстроходен и не хуже вооружен, не с более слабой броней, чем флот предполагаемого неприятеля. России нужен могучий линейный флот, который опирался бы на флот миноносный и на флот подводный, так как отбиваться от тех плавающих крепостей, которые называются броненосцами, нельзя одними минными судами». Он более подробно остановился также на реформе Морского министерства. Снова звучали аргументы, что беспомощность на море не соответствовала бы «мировому положению России». Столыпин закончил утверждением, что «всякая заминка в деле флота будет для него гибельной... в деле воссоздания нашего морского могущества, нашей морской мощи может быть только один лозунг, один пароль, и этот пароль — «вперед»¹².

Ни аргументы, ни ораторское искусство Столыпина не смогли преодолеть отрицательного отношения к морскому бюджету большинства Думы. Тогда председатель правительства, по указанию царя, перенес вопрос в Государственный совет. 13 июня 1908 г. он защищал просимые морские кредиты на заседании верхней палаты. Столыпин начал со ссылки на царский рескрипт 1905 г., поставивший перед будущим флотом задачу сначала обеспечить морскую оборону берегов, а затем перейти к воссозданию боевых эскадр. Он подчеркнул значение свободного линейного флота для обес-

печения торговли и в еще большей мере — великодержавных интересов страны. «Великие мировые державы имеют и мировые интересы, — говорил оратор. — Великие мировые державы должны участвовать и в международных комбинациях, они не могут отказываться от права голоса в разрешении мировых событий. Флот — это тот рычаг, который дает возможность осуществить это право, это необходимая принадлежность всякой великой державы, обладающей морем». Столыпин прямо сослался на мнение морских авторитетов, что нельзя обеспечить береговую оборону только маленькими судами, что нет и не может быть наступательного и оборонительного флота, что только линейный флот может служить орудием победы. Он кратко изложил историю выработки предлагаемой судостроительной программы, рассчитанной на ближайшие 4 года. В заключение Столыпин указал на опасность самому режиму, если обе законодательных палаты станут на путь блокирования бюджетных запросов правительства, и призвал Государственный совет поправить решение нижней палаты¹³.

Апелляция правительства к более консервативному учреждению имела успех, средства были отпущены «в порядке верховного управления страной», а Дума санкционировала это решение задним числом летом 1911 г.¹⁴

Борьба вокруг воссоздания флота на этом не закончилась. Напротив, перед правительством с еще большей настоятельностью стал вопрос о согласовании усилий военного и морского ведомств в деле обороны и распределения средств между армией и флотом на более длительный период. Еще 2 марта 1908 г. царь приказал Совету министров свести едино запросы всех ведомств по обороне страны. Официально это объяснялось тем, что Морское министерство и СГО ставят перед собой особые боевые задачи, но не согласовывают их друг с другом¹⁵. В действительности речь шла о явном выражении Николаем II недоверия СГО за его определенно проармейскую позицию.

В течение зимы 1908-1909 гг. у Столыпина происходили совещания с участием представителей Морского министерства, где намечались основы будущей 10-летней судостроительной программы. В феврале 1909 г. новый морской министр С.А.Воеводский и начальник МГШ А.Эбергард обра-

тились к царю с докладом, в котором просили разрешения внести новую 10-летнюю морскую программу не в СГО, а прямо в Совет министров. Царь одобрил доклад, но повелел обсудить программу не в Совете министров, а в особом совещании под председательством Столыпина с участием министров финансов, иностранных дел, военного и морского и обоих начальников генштабов. А 19 марта того же года царь приказал вообще упразднить СГО¹⁶, созданный в свое время именно для согласования усилий ведомств в деле военного строительства. Вопрос передавался в руки Столыпина, в настрое которого царь был уверен.

О доверии царя председателю правительства свидетельствует следующий факт. В апреле 1909 г. Николай II, недовольный законопроектом Думы и Государственного совета о штатах МГШ, поручил Совету министров выработать правила, более строго разграничивающие компетенцию императора и законодательных палат в военной области. Объединенное правительство быстро выполнило эту задачу, еще более ограничив права законодательных палат в делах военного строительства¹⁷.

Работа особого совещания по рассмотрению программы развития морских вооруженных сил России началась 3 августа 1909 г. и завершилась 2 января 1910 г.¹⁸ оно имело более широкое значение, чем обсуждение только программы Морского министерства. С самого начала речь пошла о согласовании этой программы с видами на тот же период Военного министерства.

На заседании 3 августа Столыпин сформулировал свою позицию в виде двух положений: 1) «для России боевой активный флот совершенно необходим»; 2) поскольку страна не преследует в настоящее время наступательных политических целей, она «должна создавать свою армию, равно как и флот, для решения оборонительной задачи». Подобная постановка вопроса, в лучшем случае уравнивая положение армии и флота, представляется нам все же не вполне корректной. Ведь если морские силы России не имели в то время никаких международных обязательств, то армия, по конвенции с Францией, обязана была стремиться к проведению наступательных операций по крайней мере против Германии.

Неудивительно, что проект дальнейшего развития линейного флота вызвал возражения министра В.А.Сухомлинова, считавшего достаточным для флота ограничиться укреплением Кронштадта с наращиванием легких морских сил. Начальник Генерального штаба А.З.Мышлаевский поставил под вопрос и без того высокую цифру ассигнований на флот, выдвинутую морским ведомством, отметив, что на практике она легко может вырасти до 1,5 млрд. руб. и более. Оба представителя Военного министерства указали также на отсутствие согласования в работе двух генштабов и в вырабатываемых ими планах. Позиция военных лидеров получила весомую поддержку со стороны министра финансов В.Н.Коковцова, который утверждал, что все требования новой судостроительной программы «являются малообоснованными и спорными», а запрашиваемая сумма непосильна для народного хозяйства. Столыпин в заключительном слове признал необходимым, чтобы два начальника генштабов в непродолжительное время договорились между собой. Он повторил, что России нужен активный флот и сформулировал его задачи: «1. На Балтийском море — задержка неприятельского десанта и защита столицы. 2. На Черном море флот должен быть во всякое данное время сильнее турецкого флота. 3. На Дальневосточном театре задача флота должна быть аналогичной с задачей флота в Балтийском море, но в сравнительно меньшем масштабе». Столыпин выдвинул также компромиссный вариант, чтобы строить не 8 дредноутов сразу, а только 4 в дополнение к 4 уже заложенным ранее¹⁹.

Следующее заседание особого совещания состоялось 21 августа 1909 г., после переговоров сухопутного и морского генштабов, приведших к согласованию между ними основных вопросов обороны государства. Теперь центр внимания должен был переместиться на финансовую сторону дела. Совещание просило военного министра исчислить ассигнования, нужные для строительства оборонительных сооружений в связи с предполагаемым перенесением линии обороны вперед — от Кронштадта к Ревелю и Поркалауд. Морское же министерство, в свою очередь, обязалось составить подробный перечень всех возможных сокращений в своих финансовых запросах²⁰.

На третьем заседании совещания 14 декабря 1909 г. Столыпин предложил обсудить судостроительную программу с точки зрения финансовых возможностей страны и необходимости сокращения во что бы то ни стало предполагаемых расходов. Морской министр и начальник МГШ доложили, что в соответствии с положениями совещания они сочли возможным сократить запросы на 340 млн. руб., доведя их до 780 млн. руб. Военное министерство запросило 210 млн. руб. на приморские крепости и 610 млн. руб. на другие нужды. Всего таким образом получалось 1,6 млрд. руб., что Столыпин признал едва ли посильным для казначейства. Министр финансов Коковцов счел требование морского ведомства «необоснованным и непонятным» и с цифрами в руках доказал неподъемность 150 млн. руб. ежегодных чрезвычайных расходов для народного хозяйства страны. Тогда Столыпин вновь попробовал выдвинуть компромиссный вариант — ограничить воссоздание флота Балтийского моря одной смешанной эскадрой из 4 новых и 4 старых броненосцев с базой в Кронштадте и с ограничением задачи одной обороной. Начальник МГШ отверг эту идею и в сердцах заявил, что «в таком случае правильнее вообще отказаться от мысли строить флот». В дискуссию вмешался министр иностранных дел Извольский, который горячо поддержал моряков, исходя из соображений внешней политики. Морской министр просил указать, на какую сумму все-таки может рассчитывать его ведомство. Столыпин, суммируя, указал, что до 1914 г. Военное министерство может получать по 50 млн. руб., а Морское — 40 млн. руб. чрезвычайных кредитов. После 1914 г. сумма чрезвычайных расходов обоих ведомств (90 млн. руб. в год) может быть перераспределена по соглашению между ними. Таким образом, на ближайшее пятилетие Военное министерство получало хотя и не радикальный, но все же достаточно внушительный перевес в ассигнованиях, что было логично, учитывая характер военной мощи страны и ее международные обязательства²¹.

Заключительное заседание особого совещания состоялось 2 января 1910 г. и представляло последнюю попытку согласовать запросы двух ведомств. Столыпин и Коковцов, получившие указания от царя, заметно изменили свою позицию. Столыпин не предлагал более сократить программу строи-

тельства броненосцев вдвое и поставил вопрос о распределении между двумя оборонными ведомствами 90 млн. руб. ежегодных сверхсметных расходов. Морской министр заявил о сокращении запросов на судостроение до 698 млн. руб., подчеркнув, что это крайний минимум, ниже которого спускаться нельзя. Правда, из них 15 млн. руб. ежегодно входили в обычный бюджет. Начальник Генерального штаба сообщил о сокращении запроса на оборудование крепостей. Общая сумма чрезвычайных расходов по Военному министерству на десятилетие снижалась до 736 млн. руб. Получалось 73 млн. руб. в год на военное ведомство и 55 — на морское, то есть 128 млн. вместо 90 млн. имевшихся. Кроме того, Столыпин напомнил о предстоявших расходах на окончание Амурской дороги и второй колеи Сибирской, т.е. еще о 400 млн. руб. или 40 млн. в год. Тогда Коковцов предложил следующий выход: признать все расходы на оборону обычными* и покрыть их за счет увеличения налогового пресса на 80-90 млн. руб. в год. Эта идея фактически не встретила возражений. В конечном счете было решено, что Военное и Морское министерства внесут в Совет министров краткие записки о сущности их оборонных программ, а Министерство финансов — о возможности финансового обеспечения этих программ. Расплачиваться предстояло налогоплательщикам.

24 февраля 1910 г. Совет министров рассмотрел вопрос о мерах к усовершенствованию государственной обороны и о порядке покрытия вызываемых этими мерами расходов. В соответствии с рекомендацией особого совещания министры представили записки-обоснования. При этом Военное министерство просило на 10 лет 715 млн. руб. дополнительных ассигнований, а Морское — 550 млн. В записке Коковцова рекомендовалось в качестве выхода поднять цену на вино и ввести ряд новых налогов, что в совокупности могло бы дать 100 млн. руб. в год. Из них 70 млн. пришлось бы, по его собственному признанию, «на беднейшие классы населения, преимущественно потребляющие вино». Путь заключения новых займов Коковцов отвергал, так как он привел бы к «неминуемому финансовому расстройству». Столыпин под-

* Он не включил сюда расходы на окончание Амурской дороги и второй колеи Сибирской магистрали.

держал главу казначейства. Министры, за исключением С.И.Тимашева — сторонника новых займов, согласились направить развитие доходов по пути роста налоговых, преимущественно водочных поступлений (будущий «пьяный бюджет»). «Многообещающее» предложение Коковцова позволило не только удовлетворить минимальные заявки военного и морского ведомств, но даже повысить их, что и было сделано, правда, только в части флота. Если Военное министерство получило просимые 715 млн. руб., то Морское — 698 млн. Таким образом, чрезвычайные расходы на реорганизацию армии и воссоздание флота на десятилетие вперед примерно уравнивались. Николай II с удовлетворением утвердил журнал Совета министров, подчеркнув необходимость выполнить программу в указанный срок²². 25 марта 1910 г. Совет министров вошел в Государственную думу с представлением «О единовременных расходах в течение ближайшего десятилетия на нужды государственной обороны и об источниках для покрытия сих расходов».

Принятая правительством программа, по мнению современного исследователя, «закрепляла победу Морского министерства над Военным...»²³. Можно было бы сказать, что она закрепила успех тех, кто видел залог великодержавия России не только в сильной армии, но и в активном флоте. Между тем, в условиях отставания русской армии от главных потенциальных противников в артиллерийском, пулеметном и инженерном отношениях уделять столь значительное место развитию флота представляется едва ли позволительной роскошью. Это понимали и более трезво мыслящие современники. Достаточно сослаться на специальную записку А.Н.Куропаткина Николаю II, Столыпину, Коковцову, Сухомянову и Воеводскому от 16 сентября 1910 г., в которой он доказывал ошибочность стремления наращивать флот за счет боеготовности армии, «составляющей главную опору России» и настаивал, чтобы для флота было отпущено максимум 1/3 ассигнований на оборону²⁴. Здесь, однако, следует иметь в виду, что в «десятилетней программе» речь шла о дополнительных, сверхместных расходах. Обыкновенные же расходы на многочисленную сухопутную армию значительно превышали средства на содержание флота. Так что в общих

ассигнованиях на оборону расходы на флот и в 1913 г. не достигли одной трети²⁵.

Заботы Столыпина о военно-морской мощи России с разработкой «десятилетней программы» дополнительных ассигнований отнюдь не закончились. Во-первых, возникла реальная угроза утраты превосходства флота на Черном море, и это потребовало принятия срочных ответных мер. Во-вторых, Морское министерство, одушевленное успехом в конкуренции с Военным, выступило с идеей пересмотра «десятилетней программы» в сторону дальнейшего увеличения, получив в этом поддержку Николая II. Но освещение этих последних хлопот Столыпина в нашу задачу не входит, тем более, что решать возникшие вопросы досталось уже его преемникам.

* * *

В борьбе, развернувшейся в правящих кругах России после русско-японской войны вокруг возрождения военно-морских сил, Столыпин довольно быстро занял место в лагере сторонников активного линейного флота. Его мнение совпадало со взглядами прогрессивных морских деятелей и шло в русле петровских традиций, хотя более близкими побудительными мотивами служили, видимо, великодержавно-националистические установки председателя правительства.

Сознавая необходимость мирной передышки, Столыпин в то же время не склонен был поступаться великодержавным статусом России. Поэтому он стоял во внешнеполитических делах за оборонительный курс, но в то же время делал все зависящее для быстрого восстановления военного потенциала страны.

В противоборстве сторонников преимущественного внимания к сухопутным или морским силам Столыпин стремился занять взвешенную позицию, но не сумел в должной мере противостоять давлению «флотской» партии во главе с самим царем. Он способствовал принятию «десятилетней программы», по которой сверхместные ассигнования на армию и флот почти уравнивались, что, правда, не означало уравнивания общих расходов. Ради восстановления военной мощи России Столыпин, как и большинство правительства,

считал приемлемым пойти на ухудшение благосостояния малоимущих групп населения.

Деятельность Столыпина на посту главы объединенного правительства подготовила почву для принятия и осуществления военно-морских программ России 1911-1914 гг. Сам он не дожил до этого времени.

Мировая война 1914-1918 гг. показала, что увлечение строительством океанского флота и как следствие недостаток внимания к развитию армии отрицательно сказались на боевых возможностях России и стали одной из причин ее поражения со всеми тяжелыми последствиями.

- ¹ Шульгин В. Годы. Воспоминания бывшего члена Государственной думы. М., 1979. С. 53-54.
- ² АВПРИ. Ф. Личный архив А.П.Извольского. Д. 43. Л. 26 об.
- ³ Россия и анксионный кризис 1908-1909 / Сост. Б.Павичевич. Титоград, 1984. С. 78.
- ⁴ Шацлло К.Ф. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906-1914 гг.). М., 1968. С. 24.
- ⁵ Особые журналы Совета Министров царской России. 1906 г. Ч. IV. М., 1982. С. 821-826.
- ⁶ Шацлло К.Ф. Указ. соч. С. 57.
- ⁷ Особые журналы Совета министров царской России. 1907 г. Ч. IV. М., 1984. С. 784-786.
- ⁸ Шацлло К.Ф. Указ. соч. С. 63-64.
- ⁹ Особые журналы Совета министров царской России. 1908 г. Ч. III. М., 1988. С. 80-107.
- ¹⁰ Морской сборник. 1908. № 2. С. 1-2. Извлечено из забвения А.В.Шмелевым — автором кандидатской диссертации «Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918-1919 гг.)». (М., 1995).
- ¹¹ Столыпин П.А. Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете 1906-1911. Нам нужна великая Россия... М., 1991. С. 112-116.
- ¹² Там же. С. 150-159.
- ¹³ Там же. С. 168-175.
- ¹⁴ Шацлло К.Ф. Указ. соч. С. 185-186.
- ¹⁵ Столыпин П.А. Указ. соч. С. 170.
- ¹⁶ Шацлло К.Ф. Указ. соч. С. 65-66.
- ¹⁷ Звярянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992. С. 158.
- ¹⁸ Журналы этого совещания и некоторые подготовительные материалы опубликованы в приложении к работе К.Ф.Шацлло «Русский империализм и развитие флота», на которую мы и будем ссылаться.
- ¹⁹ Шацлло К.Ф. Указ. соч. Приложения. С. 322-331.
- ²⁰ Там же. С. 342-347.
- ²¹ Там же. С. 347-351.
- ²² Сидоров А.Л. Из истории подготовки царизма к первой мировой войне // Исторический архив. 1962. № 2. С. 120-155.
- ²³ Шацлло К.Ф. Указ. соч. С. 69.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). М., 1960. С. 47.

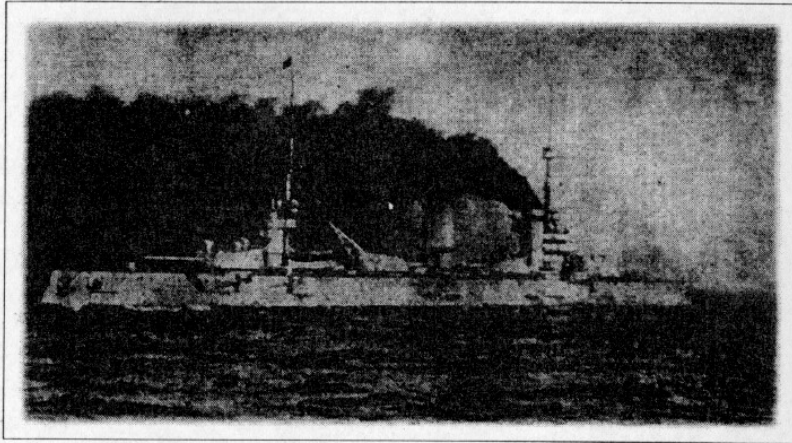

«Лишь бы все для флота было хорошо и быстро сделано».

И.К.ГРИГОРОВИЧ И БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ ПРОГРАММА

«Всегда любимая, всегда дорогая, о Россия, иногда вспоминай о нем, кто так много думал о тебе».

Эпитафия на могиле И.К.Григоровича

Первый российский линкор-дредноут «Петропавловск».

Последний морской министр императорской России Иван Константинович Григорович родился в Петербурге 26 января 1853 г. В 1871 г. его определили в Морское училище (Морской корпус), в 1874 г. он окончил его гардема-рином, а в 1875 г. произведен в мичманы. В 1877 г. дополни-тельно прошел курс артиллерийского дела в Кронштадте. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. участвовал на крейсере «Забияка» в демонстративной Цимбрийской экспе-диции на торговые пути англичан к берегам Америки. В 1880-1881 гг. Григорович продолжал заграничные плавания. В свободное от службы время он нередко писал маслом мор-ские пейзажи. Талант к живописи был у Григоровичей на-следственным — его дядя Василий Иванович Григорович был профессиональным живописцем.

В 1883 г. Григоровича произвели в лейтенанты и он впер-вые получил под свое командование корабль — портовое суд-но «Колдунчик», а затем судно «Рыбка» (1884-1886). Молодой офицер быстро и последовательно продвигался по службе: в 1888-1889 гг. он флаг-офицер штаба начальника эскадры Ти-хого океана, затем командир парохода «Петербург», старший офицер фрегата (крейсера 1 ранга) «Герцог Эдинбургский», корвета (крейсера 2 ранга) «Витязь», крейсера «Адмирал Кор-нилов» (1890-1893), командир клипера (крейсера 2 ранга) «Разбойник» (1894-1895), монитора «Броненосец» (1895-1896), минного крейсера «Воевода» (1896)*.

* По другим сведениям, Григорович командовал минным крейсером «Всад-ник» — см.: Отечественная история. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 634.

Честный, исполнительный Григорович обратил на себя внимание начальства и в 1896 г. в чине капитана 2 ранга был направлен морским агентом в Англию, где прослужил до 1898 г.¹ В 1898 г. ему доверили наблюдать за постройкой в Тулоне эскадренного броненосца «Цесаревич», который строился для России по новейшему проекту французской фирмой «Форж э Шантье». В 1899 г. Григоровича назначили командиром «Цесаревича». «Наблюдать за постройкой» судов, т.е. следить за соблюдением технологии, сроков и стоимости строительства, особенно за границей, назначали опытных строевых офицеров, которым помогали командированные корабельные инженеры.

К началу 1898 г. Россия находилась на третьем месте в Европе по числу военных кораблей. Она имела 107 боевых судов против 77 у Германии, 204 у Франции и 355 у Великобритании. В конце XIX в. Россия вела активную внешнюю политику и в Европе, и, особенно, на Дальнем Востоке, для чего требовался сильный военный флот. Поэтому Россия не только строила целыми сериями крейсера, миноносцы и канонерские лодки, но и впервые перешла к серийной постройке броненосцев. Судостроительные заводы работали с полной нагрузкой, однако отечественных производственных мощностей не хватало и часть кораблей Россия заказывала за границей: в скандинавских странах, Германии, США, Англии, Франции. В такой практике не было ничего необычного — к иностранным заказам прибегали и прежде, когда хотели получить наилучшие образцы иностранного судостроения.

Заключение франко-русского союза в 1891 г. и военной конвенции в 1892 г., взаимные визиты военных эскадр в 1891-1893 гг. способствовали укреплению сотрудничества двух держав и в области судостроения — французы не только продолжали строить для России корабли, но и производили в Тулоне необходимый ремонт на судах российской Средиземноморской эскадры. Однако французы строили корабли медленно и, впервые столкнувшись с этим, Григорович в своих докладах возмущался происходившей на верфи «частой непонятной медлительностью, небрежностью и недостатком рабочей силы». Дополнительные трудности возникли также от того, что французские заводы только начи-

нали осваивать производство новой тогда цементированной брони Круппа. И Григорович, и Морское министерство России теряли терпение и торопили французов — корабль ждали на Дальнем Востоке, там намечалось военное противостояние с Японией.

В 1903 г. на корабль из России уже прислали экипаж и вдруг на пробных стрельбах из 305-мм пушек главного калибра оказалось, что система подачи боеприпасов сделана плохо, а при малейшей качке она вообще выходит из строя. Несмотря на этот вопиющий недостаток, 27 августа 1903 г. «Цесаревич» вышел из Тулона в Порт-Артур в составе отряда кораблей контр-адмирала Андрея Андреевича Вирениуса (р. 1850). Новую систему подачи фирма обещала прислать в Порт-Артур. В пути на броненосце сломалась левая машина и тем не менее, отделившись вместе с крейсером «Баян» от отряда Вирениуса, Григорович успел привести свой корабль в Порт-Артур до начала войны — 19 ноября 1903 г. Вместе с другими командирами Тихоокеанской эскадры капитан 1 ранга Григорович энергично готовил «Цесаревич» к бою. Благодаря работе российской разведки командование эскадры знало о возможном нападении японцев и подготовилось к нему: в ночь на 27 января 1904 г. все отпуска были отменены, комендоры дежурили у орудий, на кораблях действовало боевое освещение и т.д. И все же японским миноносцам удалось торпедировать несколько русских кораблей и в том числе «Цесаревич». Распорядительность Григоровича и умелые действия трюмного механика П.А.Федорова предотвратили нарастание опасного крена и спасли броненосец. Корабль чинился до 24 мая 1904 г.²

В апреле 1904 г. Григоровича произвели в контр-адмиралы и назначили командиром Порт-Артурского порта. На новом посту впервые проявился его административный талант — корабли до конца обороны обеспечивались бесперебойно, активно действовали партии траления и полностью заблокировать крепость с моря японцам не удалось.

После падения Порт-Артура Григорович вернулся в Петербург и был прикомандирован к Главному морскому штабу, а осенью 1905 г. назначен начальником штаба Черноморского флота и портов Черного моря. С 28 декабря 1906 г. по

1 октября 1908 г. он являлся командиром строившегося порта императора Александра III в Либаве, после чего временно исполнял должность командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта³. Управляя Кронштадтом, Григорович установил дружеские отношения с командующим Морскими силами Балтийского моря, героем русско-японской войны, адмиралом Николаем Оттовичем фон Эссеном. Их дружба и сотрудничество, основанные на любви к флоту, продолжались до самой смерти Эссена.

Накануне русско-японской войны Россия сохраняла третье место в мире по числу боевых кораблей. В Англии было тогда 460 боевых судов, во Франции — 391, в России — 229, в Германии — 203, в Японии — 113. Но, потеряв в войне 15 броненосцев, 12 крейсеров, 22 миноносца и много других кораблей, Россия перешла с третьего места на четвертое, оказавшись после Японии. Особенно большие потери понес Балтийский флот, и его после Цусимы пришлось создавать заново. Гибель флота, повлекшая за собой поражение России в войне, ускорила и усилила подъем революционного движения, в котором флот принял самое активное участие.

Морские неудачи поставили Россию перед необходимостью коренных преобразований всех сторон жизни флота, начиная с руководства — Морского министерства, которое получило в народе прозвище «Цусимское ведомство». Первой реформой явилось образование 24 апреля 1906 г. по указу Николая II Морского генерального штаба («Генмор», МГШ). Идею его создания предложил в докладной записке управляющему Морским министерством лейтенант Александр Николаевич Щеглов 10 декабря 1905 г. В задачи МГШ, которому предписывалось действовать в тесном контакте с армейским Генштабом, входило составление планов войны на море и боевая подготовка флота. Одной из функций МГШ являлась разработка судостроительных программ — впервые в России это было поручено специальному органу. До создания МГШ его оперативные функции выполнял Ученый отдел Главного морского штаба (ГМШ). После создания Генмора Главный морской штаб продолжал функционировать, но рамки его компетенции сузились, ему оставили контроль за подготовкой, прохождением службы и награждением лич-

ного состава флота. Второй важной морской реформой стала отмена цензовой системы прохождения службы, т.к. она мешала способным офицерам продвигаться по служебной лестнице, а кроме того, кораблей после Цусимы осталось мало для существования такой системы. Расширились также полномочия командующих флотами, увеличилось время нахождения кораблей «в кампании», матросы с окончанием кампании оставались теперь на кораблях.

В том, что флот предстояло создать заново, заключалась и положительная сторона — можно было полностью создать его из новых типов кораблей всех классов. Такого мнения и придерживался МГШ, где собрался небольшой коллектив талантливых и энергичных офицеров: Лев Алексеевич Брусилов (первый начальник МГШ), Александр Васильевич Колчак, Александр Иванович Русин и др.

В декабре 1906 г. в английском флоте вступил в строй линкор «Дредноут». От своих предшественников этот броненосец отличался многобашенностью и однокалиберностью главной артиллерии — на нем стояло 5 башен с десятью 305-мм пушками, вместо традиционных двух башен с четырьмя пушками главного калибра. Такое мощное вооружение было достигнуто за счет отказа от промежуточной артиллерии 152-203-мм калибра, малую ценность которой в бою показала Цусима. Противоминная артиллерия на «Дредноуте» сохранилась, но от мелких пушек отказались совсем. Идею однокалиберности броненосцев выдвинул в 1903 г. начальник инженерной службы итальянского флота полковник Витторио Куниберти. Кроме увеличения числа больших орудий, на «Дредноуте» усилили водонепроницаемые переборки и продлили броневой пояс на всю ватерлинию. В результате водоизмещение выросло вдвое — до 17,9 тыс. т. Вместо поршневых машин поставили 4 турбины, мощность машин достигла 28000 л.с., скорость хода — 21 узла, на три узла больше самых быстроходных броненосцев.

С появлением «Дредноута» все прежние броненосцы сразу устарели, он был сильнее любого из них. Все морские державы тут же начали строить «Дредноуты», и это название стало нарицательным для нового типа линкоров. Дредноуты быстро увеличивались в размерах и в артиллерийской мощи.

К 1914 г. их водоизмещение достигло 28000 т, калибр главной артиллерии — 381 мм, число орудий главного калибра — 12, такие корабли стали называть «сверхдредноуты». Вслед за линкорами-дредноутами появились крейсера-дредноуты, их назвали «линейные крейсера». Это были корабли с числом и калибром орудий как у линкора, но с гораздо меньшей поясной броней, что позволяло им развивать высокую скорость — до 28-30 узлов. Их появление вызвала Цусима — маневр японского адмирала Х.Того по охвату головы русской колонны потребовал таких быстроходных сильных кораблей. Другим их назначением являлась разведка и завязка боя — слабейшего врага они легко уничтожали, а от сильнейшего могли уйти, пользуясь превосходством в ходе. Только развитие морской авиации сделало ненужными эти функции линейных крейсеров и данный класс кораблей исчез вместе с линкорами в начале 1950-х гг.

Накануне появления дредноутов во всех флотах возникла тенденция к увеличению калибра средней артиллерии, приближению его к калибру главной артиллерии. Появились так называемые «преддредноуты». В России четыре таких корабля заложили еще в 1904 г.: «Император Павел I» и «Андрей Первозванный» на Балтике, «Евстафий» и «Иоанн Златоуст» на Черном море. Революционные потрясения, многочисленные переделки и усовершенствования с учетом опыта войны затянули их постройку до 1911 г. Это были сильные корабли, водоизмещением более 18000 т, с ходом 18-16 узлов, с четырьмя 305-мм, четырнадцатью 203-мм пушками на балтийских и четырьмя 203-мм и двенадцатью 152-мм на черноморских кораблях. Но, несмотря на силу, состязаться с «Дредноутом» даже они не могли.

Восстанавливая флот, Россия построила в 1905-1911 гг. крейсера «Адмирал Макаров», «Паллада», «Баян» и «Рюрик» — неплохие корабли, но к началу Первой мировой войны появились проекты более быстроходных крейсеров. Кроме казенного судостроения, выпуском миноносцев для Балтики занимался добровольный «Комитет по усилению военного флота». Однако все перечисленные корабли строились вне какой-либо судостроительной программы; их строили на основе ежегодных особых ассигнований, чтобы не прекрати-

лась деятельность казенных судостроительных заводов. Николай II еще 29 октября 1902 г. заявил, что «судостроение не может останавливаться без самых вредных для государства последствий». Перед разработкой новой судостроительной программы после русско-японской войны следовало сперва определить, какие корабли и каких типов следует строить с учетом опыта войны и происшедших перемен в мировом судостроении.

Для этого в апреле 1906 г. морской министр адмирал Алексей Алексеевич Бирилев образовал в министерстве Особое совещание, которое работало около года. В его заседаниях участвовало более 20 видных адмиралов, офицеров и кораблестроителей, которые констатировали, что после цусимской катастрофы Россия в связи с появлением дредноутов получила уникальную возможность обновить свой флот, сделав его одним из сильнейших, и поэтому необходимо немедленно приступить к их постройке.

Для рассмотрения проектов российских дредноутов образовали комиссию во главе с главным инспектором кораблестроения генерал-лейтенантом Саверием Ксаверьевичем Ратником. Стапельный период постройки «Андрея Первозванного» и «Императора Павла I» заканчивался, на их месте можно было заложить дредноуты и 27 июля 1906 г. Бирилев обратился с письмом к министру финансов гр. В.Н.Кокцову, предложив отпустить из казны в течение 3-4 лет 42 млн. руб. для постройки двух дредноутов на казенных заводах. Кокцов ответил, что без судостроительной программы деньги не могут быть выделены. Тогда Бирилев обратился непосредственно к императору, который созвал межведомственное совещание. Собравшимся представили проект линкора в 21000 т., и под угрозой закрытия заводов совещание высказалось за отпуск требуемых сумм. Бирилев запросил в Совете Министров позволения заложить два линкора. Но Совмин обратился в Совет Государственной обороны (СГО), а тот предложил представить сначала подробно разработанную программу, и круг, таким образом, замкнулся. Бирилев приказал разработать две программы: первой занимался Генмор, второй — Главный морской штаб. Оба варианта были представлены в СГО, но программы противоречили друг

другу и это подорвало авторитет Бирилева как министра. Масла в огонь подлил его отказ от предложенных реформ Морского ведомства, уменьшавших власть министра. 11 января 1907 г. император заменил Бирилева 74-летним адмиралом Иваном Михайловичем Диковым. Диков оказался не намного лучше Бирилева — Григорович характеризовал его как человека «мягкого, нерешительного».

2 октября 1907 г. начальник МГШ Брусилев представил Николаю II доклад о ближайших задачах флота. Предлагалось за 4-5 лет создать на Балтийском и Черном морях небольшой оборонительный флот, в основном из эсминцев, способный противостоять немцам и туркам. Одновременно свои соображения доложил императору министр иностранных дел А.П.Извольский, который полагал, что России необходим сильный линейный флот. Для войны на Балтике такой флот не нужен (поскольку море слишком мелководно), но наличие флота из дредноутов повысит роль России на мировой арене, сделает ее выгодным союзником и опасным врагом, позволит успешно лавировать между Германией и Англией. Это напоминало английскую идею «флот в существовании» (fleet in being), когда сам флот рассматривался как важная политическая сила, и вполне соответствовало модным тогда теориям Мэхена и Колумба о влиянии морской силы на историю. Эту идею сильного линейного флота поддерживали и многие члены МГШ. Щеглов, например, говорил, что сильный флот необыкновенно укрепит внешнеполитические позиции России и принесет громадные выгоды: «Тогда в руках России будет многое... И истратить несколько сот миллионов рублей для того, чтобы создать себе в ближайшем будущем такое положение стоит; они окупятся очень быстро многими и многими политическими и экономическими последствиями». В МГШ имелись и противники сильного флота, но они оказались в меньшинстве⁴.

В апреле 1907 г. МГШ представил министру 4 варианта программы и Диков доложил их Николаю II. Император выбрал так называемую Малую судостроительную программу. Отныне по опыту Германии предлагалось строить флот сразу готовыми эскадрами, каждая из них должна была со-

стоять из двух бригад линкоров по четыре корабля в бригаде, одной бригады линейных крейсеров из четырех единиц, двух бригад легких крейсеров по четыре крейсера в бригаде, четырех-девяти дивизионов эсминцев по четыре эсминца в дивизионе и нескольких подводных лодок. Малая программа предусматривала создание как раз такой эскадры и стоила 870 млн. руб. На другие варианты программы (до четырех эскадр) средств у казны не было. Первую бригаду линкоров для Балтики намечалось сформировать из двух строившихся преддредноутов и двух старых броненосцев «Слава» и «Цесаревич»; дивизионы миноносцев формировались из кораблей, строившихся на добровольные пожертвования, две бригады крейсеров создавались из старых кораблей и четырех строившихся. Таким образом, в 1908-1912 гг. на Балтике предстояло построить только бригаду линкоров, т.к. бригаду линейных крейсеров из Малой программы исключили. Оборонительные задачи на Балтике возлагались на миноносцы, а боевая эскадра становилась по словам министра Извольского «свободной морской силой», которую можно было направить куда угодно. Итак, Малая программа предусматривала построить для Балтики 4 дредноута и 3 подводных лодки, для Черного моря: 14 эсминцев и 3 подлодки. Перед Черноморским флотом ставили задачу в случае войны блокировать Босфор.

Но сначала программу должна была утвердить Государственная Дума. В начале 1908 г. Дума приступила к рассмотрению программы, на которую Морское министерство испрашивало по 30 млн. руб. ежегодно. Извольский и премьер-министр П.А.Столыпин поддержали моряков, но большинство членов комиссий по государственной обороне и бюджетной предпочитало направить деньги на более неотложные нужды. 3 марта Дума вернулась к обсуждению программы. Правая часть Думы, напуганная революционным движением на флоте, прямо заявляла, что увеличивать число кораблей, значит увеличивать число бунтовщиков. При этом обе комиссии Думы в принципе признавали необходимость сильной балтийской эскадры, но строить новые корабли в условиях экономических и политических нестроений в государстве считали преждевременным. Отказались думцы дать

деньги и на черноморские миноносцы. Столыпину пришлось в обход Думы получить одобрение программы в Государственном Совете. В сложных политических условиях того времени императору требовались министры, способные находить общий язык с Государственной Думой, а Диков таким себя не показал и был смещен. Пост занял 8 января 1909 г. его заместитель, контр-адмирал Степан Аркадьевич Воеводский⁵.

Новый министр был не лучше прежнего: чопорный, не блиставший талантами, не имевший способностей государственного деятеля и боевого опыта, но обладавший способностью к карьере. Председатель Морского технического комитета, создатель Опытного бассейна, выдающийся кораблестроитель, профессор Морской академии генерал Алексей Николаевич Крылов отзывался о Воеводском так: «Технику морского дела он знал мало, схватить и оценить сущность дела не мог, легко поддавался наветам, верил городским слухам и сплетням, не умел заслужить доверие Государственной Думы, ни дать ей надлежащий отпор, когда следовало. Ясно, что с этими качествами, несмотря на истинное джентльменство и корректность, он мало подходил к деловой должности Морского министра, в особенности в то время, когда надо было спешно воссоздать флот. Вместе с тем лично он был честнейший человек, и никогда, даже при петербургском злословии, его имя не связывалось с корыстными побуждениями»⁶.

Мнение Крылова о Воеводском вполне согласуется с характеристикой, которую дал ему С.Ю.Витте: «Сам по себе он представлял скорее кавалергардского офицера, нежели моряка. Человек он почтенный, но в смысле деловом и в смысле таланта ничего собой не представляющий. Одним словом, он обладает всеми такими хорошими качествами, которые, тем не менее, нисколько не делают человека государственным деятелем и морским министром. Для всякого, кто столкнулся с Воеводским хотя раз в жизни и говорил с ним полчаса, было ясно, что это назначение несерьезное»⁷.

Ясно, что такой министр как Воеводский мог выполнять свои обязанности только при хорошем, толковом заместителе — «товарище министра». 9 февраля 1909 г. Николай II назначил на эту должность Григоровича, который на всех пре-

жних постах показал честность, ум и высокие деловые качества. Назначение явилось уступкой либеральной бюрократии, сознававшей острую необходимость обновления флота.

В непосредственном подчинении у товарища морского министра находилось огромное хозяйство: Морской технический комитет (МТК), где разрабатывались проекты кораблей, Главное управление кораблестроения и сооружений (ГУКИС), где эти проекты осуществлялись, а также строились необходимые береговые объекты, и, наконец, товарищ министра ведал казенными заводами Морского ведомства: Адмиралтейским, Балтийским, Ижорским, Обуховским и Николаевским Адмиралтейством. Кроме того, он вел переговоры с частными предприятиями. Такой чрезмерно широкий круг обязанностей товарища министра в то время уже являлся пережитком прошлого, когда еще не было парового и броненосного судостроения. К этим обязанностям прибавились еще и выступления в Государственной Думе. Министр Воеводский предпочитал посылать в Думу своего заместителя, а если выступал сам, то нередко давал заведомо невыполнимые обещания и даже сообщал ложные сведения, в результате чего начинал сам себе противоречить. При таких условиях его взаимопонимание с Думой полностью исключалось⁸. Перед депутатами приходилось выступать Григоровичу. Он умел разъяснить депутатам значение для России военного флота и получить необходимые для постройки кораблей ассигнования, постоянно выручая тем самым своего шефа.

Первые два месяца Григорович входил в курс дел и вот какой вывод он сделал: «...Я увидел, что старая рутина осталась и с этим придется бороться. Из учреждений, мне подчиненных, работают добросовестно Морской технический комитет и Главное гидрографическое управление. Остальные отбывают положенные часы занятий. Доминирующее значение имеет Морской генеральный штаб, но это важное учреждение не в фаворе у С.А.Воеводского, несмотря на то, что начальником оно состоит его друг А.А.Эбергард. Правда, преследования нет, как это было при предыдущих министрах, но нужной поддержки не видно, что необходимо, дабы другие учреждения Министерства это почувствовали и сознали необходимость его существования. Наибольшей ру-

тиной отличался Главный морской штаб»⁹. Новое назначение, таким образом, не привело Григоровича в восторг. «Правда, — писал он, что должность товарища совершенно самостоятельная, но это мне и не нравится — все дурное будет сваливаться на меня — а, по-моему, товарищ министра должен быть только помощником министра, а этот последний есть единственное ответственное лицо в министерстве»¹⁰.

Надо было менять старые министерские порядки. С 1908 г. специальная комиссия готовила новое положение об управлении Морским министерством. Не дожидаясь ее решений, Григорович начал с того, что установил расписание занятий и докладов, чтобы выкроить время для осмотра подчиненных ему заводов и портов. Свеаборгский и Ревельский порты Григорович «нашел в весьма печальном состоянии», Кронштадт и Либава, Николаев, Керчь и Севастополь произвели на него «тяжелое впечатление». О Черноморском флоте Григорович с горечью писал: «Все сводилось больше к рейдовой службе и стоянке в Севастополе, — на кораблях учебная жизнь прекращалась очень рано, офицерство только и мечтало о берегу, и даже командиры позволяли себе ночевать на берегу — все это в противоположность боевой кипучей деятельности в Балтийском флоте, руководимом боевым энергичным адмиралом Н.О.Эссенем»¹¹.

И все-таки, несмотря на позицию Думы после утверждения судостроительной программы Государственным советом, Советом министров и императором можно было приступить к ее осуществлению. Потенциал военного судостроения России в начале XX в. значительно вырос по сравнению с XIX в. Причина быстрого роста заключалась не только в расширении производственной базы казенных заводов, но и в развитии частного судостроения. Казенные заводы, при всей их очевидной нерентабельности, по-прежнему оставались ведущими в судостроении, поскольку имели преимущества в получении казенных заказов. Такое положение объяснялось убежденностью царского правительства в том, что основой отечественной экономики может быть только казенное производство, подчиненное государю императору и переданное им в управление чиновникам. Внешне это выглядело разумно и патриотично, а на деле давало возмож-

ность чиновникам не только кормиться, но еще и красть народное добро. Благая мысль о том, что казенные заводы смогут повлиять на цены частных предприятий, так никогда и нигде не осуществилась.

Крупнейшими казенными предприятиями, работавшими на флот, оставались Адмиралтейский, Балтийский, Ижорский и Обуховский заводы и Николаевское Адмиралтейство, которые могли строить корабли всех классов. Эти огромные заводы содержались целиком на средства казны, но не приносили никакой прибыли. Только на их содержание и обновление в 1910-1912 гг. испрашивалось 8 млн. 940 тыс. руб. В то же время Гельсингфорская частная верфь за постройку эсминца типа «Сибирский стрелок» в 615 т брала 722 тыс. руб., рижский завод Ланге за эсминец типа «Донской казак» в 500 т — 744 тыс. руб. Так что на деньги, отпущенные для обновления казенных заводов, можно было построить 10-12 эсминцев.

Затраты казенных заводов на постройку судов возрастали непрерывно. Например, тонна броненосца «Победа» (1903 г.) стоила 690 руб., а тонна «Андрея Первозванного» (1912 г.) — 1360 руб. За границей не было такой разницы, хотя трудоемкость работ заводов России и Франции являлась примерно одинаковой: при постройке броненосца — 1678 тыс. человеко-дней, броненосного крейсера — 1562 тыс., эсминца — 81 тыс. Одной из причин завышения стоимости судов была порочная традиция Морского ведомства выдавать заказы казенным и частным заводам только через агентов и посредников, получавших от заводов комиссионные в 4% от цены заказа, и поэтому весьма заинтересованных в наибольшей его стоимости. Например, на поставке броневых плит с Ижорского завода можно было заработать 55 тыс. руб., а с Мариупольского — свыше 85 тыс. Только с появлением монополий и приходом к руководству российским флотом Григоровича Морское ведомство стало отказываться от посредников и иметь дело прямо с исполнителями.

Казенные заводы строили не только дорого, но еще и долго. Причина крылась в многочисленных переделках проекта уже на стадии исполнения и в неэффективности использования средств производства. Декан судостроительного

отделения Политехнического института профессор Константин Петрович Боклевский 25 августа 1907 г. направил Столыпину «План исполнения новой судостроительной программы на русских заводах». «Казенные заводы, — отмечал он, — не могут правильно и экономно вести хозяйство, и не имеют того опыта, который накопили иностранные заводы...». Боклевский писал со знанием дела: помимо профессорской деятельности, он состоял еще и директором Правления Николаевских судостроительных заводов и членом Особого совещания по судостроению, которое распределяло заказы судостроительным заводам. Он предлагал создать русско-иностранную судостроительную компанию и передать ей в управление казенные судостроительные заводы. Предполагалось, что иностранцы составят половину администрации и рабочих компании.

План этот, естественно, был отклонен из патриотических соображений¹². Чтобы повысить эффективность производства, с 1 января 1908 г. в деятельность заводов внесли элемент рыночных отношений: за выполнение заказа по постройке кораблей казенные заводы получали плату от Морского министерства. Использовать полученные деньги заводы могли по своему усмотрению. Введение хозрасчета благоприятно сказалось на деятельности заводов.

В 1908 г. две казенные верфи на Галерном острове и в Новом Адмиралтействе объединили в Адмиралтейский судостроительный завод. Начальником предприятия назначили генерал-майора инженера Петра Евдокимовича Черниговского, главным инженером — известного судостроителя Дмитрия Васильевича Скворцова. В 1908-1912 гг. по проекту инженеров Н.И. Дмитриева и В.В. Колпычева верфь Галерного островка модернизировали и расширили. Сметная стоимость главных работ составила 1 млн. 17 тыс. руб. Принимал работу Григорович. Механизмы и котлы для судов Адмиралтейского завода традиционно поставляло частное «Общество франко-русских заводов (бывш. Берда)».

Другой казенный завод — Балтийский судостроительный и механический в отличие от Адмиралтейского, имел свое механическое отделение и строил не только корпуса судов, но и котлы, и механизмы. В 1905-1914 гг. завод возглавил

старший судостроитель генерал-майор Петр Филиппович Вешкурцев, помощниками его являлись выдающийся конструктор российских кораблей главный корабельный инженер Николай Елисеевич Титов и главный инженер по механической части генерал-лейтенант Федор Яковлевич Поречкин. С 1908 г. в постройке дредноутов Балтийский завод начал осваивать производство турбин, для чего расширил механические мастерские.

Главные объемы брони для кораблей давали Ижорский и Обуховский сталелитейные заводы. Ижорский — 2000 т, Обуховский — 1900 т в год. Потребность брони для четырех дредноутов превышала это количество и составляла 10000 т. Поэтому 4 февраля 1910 г. Морское министерство запросило у Думы средства для создания на Адмиралтейских Ижорских заводах нового броневое производство с необходимыми вспомогательными службами. Но здесь Григорович потерпел неудачу. Дума не согласилась, мотивируя отказ тем, что срок готовности линкоров — весна 1914 г. и строить новый завод ценою 1150860 руб. из-за трех лет работы нецелесообразно.

Вместо этого комитет Думы ассигновал 150 тыс. руб., чтобы закончить возведение мастерской по изготовлению медных труб для котлов; на это необходимейшее производство казна еще в 1908 г. отпустила 400 тыс. руб., еще 260 тыс. руб. пошло из запасного капитала завода. Переустройство производства брони и цельнотянутых медных труб на Ижорском заводе стоило казне более 5 млн. 538 тыс. руб., отпущенных в 1910-1912 гг. Зато Ижорский завод получил самый мощный в России пресс в 10 тыс. т, второй в Европе после Крупновского. Когда он работал, сейсмостанция в Риге фиксировала землетрясение в Петербурге в 1-2 балла по шкале Рихтера. Сама бронеемелочная мастерская занимала площадь 24 кв. км, а станки были 12 м в длину. Валовая продукция завода увеличилась в 1911 г. на 8,5 млн. руб., а в 1913 г. — на 16,5 млн. руб., производство брони с 2 тыс. до 10 тыс. тонн в год.

Обуховский завод, основанный в 1863 г., в начале XX в. оказался в трудном финансовом положении: быстрое развитие корабельной артиллерии заставляло непрерывно совершенствовать производство и прибегать для этого к займам.

На 1 января 1909 г. для завершения заказов и уплаты долгов заводу требовалось 6 млн. 463 тыс. руб. 4 и 22 февраля Григорович просил Государственную Думу ассигновать заводу для пополнения оборотного капитала 4 млн. руб. и предоставить дополнительные средства для изготовления к новым линкорам 305-мм орудий и башенных установок для них. Кроме пушек, Обуховский завод начал выпускать еще и броню, и оптику для полевой артиллерии, а специальных денег на это не отпускалось, что и явилось одной из причин финансовых затруднений. Последнее обращение Григоровича к Думе заканчивалось неподдельной тревогой: «Если заводу немедленно не будет оказана финансовая помощь, то он вынужден будет закрыться. Трудно предвидеть к каким последствиям привело бы закрытие единственного завода в России по производству орудий крупного калибра».

Депутаты в свою очередь упрекали Морское министерство в том, что оно, зная о миллионных долгах завода и выплате огромных процентов по этим долгам, не приняло никаких мер к упорядочению его деятельности. Упрек был справедлив, но к Григоровичу он не относился — ведь в 1909 г. он только пришел в министерство. Дума оказалась вынуждена принять закон о помощи заводу. Только на расширение производства в 1910-1914 гг. 305-мм пушек депутаты ассигновали почти 1 млн. 755 тыс. руб. Около 268 тыс. руб. Дума отпустила на переоборудование снарядной мастерской для расширения производства, т.к. снаряды частных заводов не отличались высоким качеством. Всего Обуховскому заводу отпустили 2 млн. 22 тыс. руб., из них на 1910 г. — 1 млн. 675 тыс. и на 1912 г. — 365 тыс. Но броневой отдел со всем оборудованием решили у Обуховского завода изъять и передать Адмиралтейским Ижорским заводам, которым это было больше по профилю¹³. Обуховский сталелитейный завод и без броневого отдела оставался крупнейшим предприятием. В 1914 г. на нем работало 6 тыс. чел., а в 1917 г. — 12 тыс. чел.¹⁴ До реконструкции 1911-1912 гг. завод мог выпускать 12 305-мм орудий в год, а после реконструкции — 36 (в 1912 г. было изготовлено 40 таких пушек)¹⁵.

В Кронштадте в 1914 г. в присутствии Николая II открылся аварийный (ремонтный) док «Имени цесаревича

Алексея». При длине 228 м он мог принимать дредноуты всех типов. Григорович официально заложил его 31 июля 1911 г.

Среди частных судостроительных предприятий Петербурга самой крупной была верфь «Акционерного общества Путиловских заводов». Получив в 1910 г. заказы на 2 крейсера и 8 эсминцев, Общество скупил соседние с заводом земли и с помощью немецкой фирмы «Блом унд Фосс» построило огромную верфь площадью около 30 га с самым современным оборудованием. Только разбивочный плаз занимал площадь 25x140 кв. м. 16 мая 1913 г. акционеры Общества решили выделить верфь в «независимое от Путиловского дела Общество», а 16 ноября на Путиловской судостроительной верфи заложили крейсера и эсминцы. С 1914 по 1917 гг. число рабочих на верфи увеличилось с 2400 до 4500 чел. Полностью завершить оборудование верфи помешала Мировая война.

Серьезной реконструкции после получения заказа на эсминцы подверглось еще одно частное предприятие — Металлический завод. В 1910 г. там работало 2 тыс. чел. С помощью германской фирмы «Вулкан» завод наладил у себя производство судовых турбин, а для постройки судов оборудовал в 1910-1913 гг. корабельную верфь. В ее проектировании и строительстве участвовал А.Н.Крылов. На верфи трудилось около 1100 рабочих, а общее число мастеровых на заводе возросло с 5 тыс. в 1914 г. до 6 тыс. в 1917 г.

Частный Невский завод, строивший миноносцы накануне русско-японской войны, в период промышленного кризиса 1904-1908 гг. оказался в тяжелом положении. Убытки по судостроительной части достигли 2 млн. руб. Спасая предприятие, Госбанк скупил большинство его акций и в 1910 г. завод из частных стал по сути казенным, что усугубило его трудности, т.к. новая администрация не была заинтересована бороться за заказы. Поэтому в 1914-1917 гг. он выпускал только вспомогательные суда, особенно плавбазы для подводных лодок, хотя из-за военных заказов число рабочих на нем с 1914 по 1917 гг. увеличилось с 5,5 тыс. до 12 тыс. чел.

Неуклонно наращивал производство Петербургский машиностроительный завод братьев Нобель, основанный в

1846 г. На заводе работало 1600 мастеровых. Завод «Людвиг Нобель» успешно производил дизели для подводных лодок и иных судов.

Принятие в 1912 г. «Программы спешного усиления Балтийского флота» вызвало появление новых частных предприятий, с тенденцией превращения в монополии. Но появились они не в Петербурге, а в Прибалтике — там больше было свободной квалифицированной рабочей силы, имелись традиционные связи с иностранными, особенно немецкими фирмами. Эти фирмы стремились инвестировать капитал в российскую промышленность, которая находилась на подъеме и давала высокую прибыль. Среди новых частных предприятий крупнейшим являлось акционерное общество «Русско-Балтийский судостроительный завод» в Ревеле.

В 1910 г. французская фирма «Шнейдер-Крезе» через подставных лиц купила в Петербурге частный снарядный завод «Парвайнен». На базе завода возникло акционерное «Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов». Общество выполняло заказы Военного ведомства. В феврале 1911 г. Общество заключило со «Шнейдер-Крезе» договор о сотрудничестве. В этом же году «Шнейдер-Крезе» приобрел в окрестностях Ревеля участок земли для строительства судостроительного завода, а в 1912 г. «Русское общество» и «Шнейдер-Крезе» начали строить завод и верфи.

Одновременно 10 марта 1912 г. «Русское общество» предложило Морскому министерству построить 2 линкора, 12 эсминцев и 8 подлодок. Техническим директором завода стал корабельный инженер полковник Иван Александрович Гаврилов, автор проектов подводных лодок. 13 мая 1913 г. в Париже в «Юнион Паризьен банке» дирекция фирмы «Шнейдер-Крезе», «Паризьен банка» и директор Русско-Азиатского банка Алексей Иванович Путилов решили преобразовать «Русское общество» в «Русско-Балтийский завод» с основным капиталом 10 млн. руб. «Русское общество» в возмещение расходов на постройку ревельского взвода получило из той суммы 4,4 млн. руб., а «Шнейдер-Крезе» — 1 млн. руб. в компенсацию за покупку участка и еще 1 млн. за содействие в строительстве верфи.

Первое собрание акционеров «Руссо-Балта» состоялось в Петербурге 18 июня 1913 г. 72 тыс. из 100 тыс. выпущенных акций поделили поровну Русско-Азиатский, Русский торгово-промышленный и Петербургский частный коммерческий банки. Генеральным директором завода стал генерал в отставке А.П.Меллер, бывший начальник Обуховского завода, представитель фирмы «Шнейдер-Крезе» в России. Член правления общества инженер-технолог К.М.Соколовский возглавил строительство верфи. В конце 1912 г. завод соединили веткой с Балтийской железной дорогой, а в 1913 г. соорудили 6 бетонных стапелей и механический цех по выпуску турбин. Для набранных 1144 рабочих построили общежития. Достроечный бассейн завода вмещал одновременно два линкора по 30000 т и 20 эсминцев. Мол оборудовали рельсовыми путями и подъемными кранами. Завод непрерывно строился и расширялся, к июлю 1914 г. на нем трудилось уже 2 тыс. мастеровых, а в 1916 г. — 7,5 тыс. «Руссо-Балт» стал первой большой монополией в балтийском судостроении России.

Вторым крупнейшим судостроительным предприятием в Прибалтике являлось «Акционерное общество Либавских металлургических, механических и судостроительных заводов». Его история началась в 1869 г., когда техник-конструктор немец Ланге и якорный мастер латыш Скуя создали в Риге судоремонтную верфь, которая затем приступила к постройке купеческих судов. Но своего машиностроения фирма, получившая известность как «Ланге и сын», не имела, судовые механизмы покупались за границей. Рост стоимости современных машин привел к тому, что фирма стала терпеть убытки.

Предприятие спасла помощь Главного управления торгового мореплавания, по ходатайству которого завод приобрел за 420 тыс. руб. Морское ведомство; Ланге остался директором. А убытки продолжали расти и к 1906 г. достигли 1 млн. 113 тыс. руб. Казна возместила эти убытки, а на покрытие новых в 1907 г. выделила еще 710 тыс. руб.

Отчаявшись наладить дело, завод в 1912 г. продали частным владельцам. Его купила фирма «А.Норман», которая еще в 1911 г. через Петербургский частный коммерческий

банк приобрела участок земли южнее Русско-Балтийского завода. Затем фирма «А.Норман» приобрела контрольный пакет акций «Либавского железоделательного завода (бывш. «Беккер и К^о») и Ревельского металлургического завода, строившего мелкие суда. Либавский и Ревельский заводы и завод Ланге фирма объединила в «Акционерное общество Либавский металлургических, механических и судостроительных заводов», правление которого находилось в Петербурге.

Главным в объединении являлся Либавский завод. Он возник в 1883 г. из проволочно-гвоздильной фабрики «Беккер и К^о». В 1910 г. Либавский завод вошел в синдикат «Продамета», был модернизирован и расширен. К 1913 г. он превратился в крупное предприятие, выпускавшее корабельную сталь, якоря, цепи и т.п. На нем работало около 2 тыс. чел., имелся прокатный стан с тремя автоматическими линиями, продукции выпускалось в год почти на 4 млн. руб. К августу 1913 г. на прибрежном участке земли «А/О Либавских заводов» с помощью фирм «А.Норман», «Форж э Шантье» и «Браун-Бовери» построило верфь со стапелями и мастерскими — Ревельский завод. Его строило более 3 тыс. чел. Дно в бухте углубили до 9 м. Новое предприятие становилось вторым в Прибалтике после «Руссо-Балта».

В 1912 г. все работы едва не пошли прахом — 21 сентября, когда Ревельский завод еще не был готов, совещание по судостроению решило исключить завод «Ланге и сын» из числа исполнителей заказов, поскольку он маломощен, да и расположен у самой границы. Здесь скорее всего не обошлось без конкурентов. Но «А/О Либавских заводов» нашло в Морском министерстве нужных людей, которые за вознаграждение добились от Григоровича положительной резолюции и заказа на пять «Новиков». Неизвестно, какие доводы приводили чины министерства, убеждая Григоровича, однако можно думать, что аргументами явились большой размах проводимых Обществом работ, его хорошая финансовая база и, следовательно, возможность быстро получить для флота сильнейшие в мире эсминцы. Главной финансовой пружиной «А/О Либавские заводы» являлась франко-немецкая финансовая монополия «Норман-Шихау». Перед войною к этой монополии подключились российские Азово-Донской,

Петербургский торговый и Петербургский частный коммерческий банки. Что же касается близости завода к границе, то в случае необходимости недостроенные корабли небольшого водоизмещения предлагалось перевести для достройки в Петербург (кстати, во время Первой мировой войны такие случаи имели место).

Возможность пополнить флот необходимыми кораблями была для Григоровича важнее всего и он согласился. Жалеть об этом ему не пришлось: к июлю 1914 г. на строительство Ревельского завода было затрачено уже 14 млн. руб. вместо намеченных 11 млн. руб., готовность цехов составляла 40-90%, постройка полностью завершалась в конце 1914 г. В октябре 1913 г. Григорович, посетив завод, отметил, что «впечатление великолепное». Уже 27 октября 1913 г. на Ревельском заводе заложили 4 первых эсминца, а 23 ноября — пятый. Это были «Громомосец» (с 14.06.1915 г. — «Изяслав»), «Автроил», «Прямислав», «Брячислав» и «Федор Стратилат». Из них 2 первых сдали флоту в начале 1917 г., 3 других для достройки отбуксировали в Петроград.

Единственный раз попытка образовать в судостроении монопольное предприятие потерпела неудачу. С 1912 г. компании «Руссуд» и «Общество франко-русских заводов» соперничали за право получить в аренду Адмиралтейский завод. «Руссуд» поддерживал его учредитель — Петербургский Международный коммерческий банк. Но Морское ведомство в лице Григоровича само собиралось или модернизировать завод, или соглашалось уступить его только российскому обществу, но не французским компаниям. Тогда Международный банк учредил «Акционерное общество франко-русских верфей», часть акций которого передавалась в уплату за техническое содействие «Обществу франко-русских заводов». За аренду Адмиралтейского завода Морское министерство получало 20 тыс. руб. в год. 11 февраля 1913 г. министерство одобрило проект устава «А/О франко-русских верфей». 13 июля 1914 г. устав утвердил Николай II, но началась война и завод остался во владении казны.

Известие о торгах на 36 эсминцев типа «Новик» для Балтики стало причиной появления в Риге Мюльграбенской верфи. Фирма «Ф.Шихау» стремилась получить заказ на 9

кораблей, однако одним из условий торгов была постройка кораблей в России — традиционное правило всех отечественных морских программ. Тогда в начале 1912 г. хозяин фирмы Карл Цизе обратился в Морское министерство за разрешением о строительстве верфи в Риге. Но министерство предложило учредить верфь подальше от границы, в Нарве, и еще предупредило, что администрация и мастерские верфи должны быть подданными России. Причину первого условия Цизе, скорее всего, не знал. Она заключалась в том, что в русский план войны на Балтике оборона Либавы не входила и последняя в начале войны подлежала эвакуации. Строительство в Нарве требовало больших затрат. Второе условие фирму тоже не устраивало. Но выход нашелся. В качестве учредителя фирмы выступил другой немец — российский подданный контр-адмирал в отставке, бывший командующий Владивостокским отрядом крейсеров Карл Петрович Иессен. 23 марта 1913 г. он заключил контракт с министерством и получил аванс в 3 млн. 375 тыс. руб.¹⁶ По словам Григоровича, он уступил заведению Иессена потому, что «фирма взяла самую низкую цену и тем сбила цены наших заводов, потребовавших неимоверно дорого»¹⁷. Иессен купил 1,7 кв. км земли в Риге у Мюльграбенского протока Западной Двины и получил разрешение на постройку там верфи.

Мюльграбенская верфь мыслилась немцами как дочернее предприятие фирмы, предназначенное только для сборки кораблей, создавать полный цикл производства они не собирались. Инженеров и мастеровых пригласили на новую верфь с фирмы «Ф.Шихау» в Эльбинге. Тут же заказали в Германии и машины для первых эсминцев, а вскоре Иессен подписал контракты еще с 14-ю русскими и немецкими фирмами на получение оборудования для всех 9 эсминцев. Главные поставки шли из Германии. В 1914 г. верфь получила от Морского министерства новые авансы, но построить ничего не успела — началась мировая война. В июне 1915 г. Морское министерство реквизирировало верфь. Завезенные немцами станки передали Обуховскому заводу, листовую сталь, краны и прочее — Ревельскому заводу «А/О Либавских заводов». Недостроенные эсминцы типа «Гогланд» — «Гогланд», «Гренгамн», «Кульм», «Патрас», «Рымник», «Смо-

ленск», «Стирсуден», «Тенедос» и «Хиос» вновь заложили на Усть-Ижорской верфи Металлического завода в Петрограде, но так и не окончили.

Накануне 1914 г. иностранный капитал весьма активно проникал в судостроительную промышленность России, но главная роль в учреждении новых предприятий принадлежала все же российскому капиталу. В 1911 г. директор завода «П.А.Лесснер» и один из руководителей Учетно-ссудного банка, инженер-технолог Михаил Сергеевич Плотников, узнав о намеченной постройке большого числа подводных лодок, решил объединить свое предприятие, выпускавшее минное оружие, с петербургским заводом «Людвиг Нобель», производившим судовые дизели. Оборудование нового завода-монополии потребовало бы всего 5-6 млн. руб. и директор завода «Людвиг Нобель» Эммануэль Людвигович Нобель согласился. Учетно-ссудный банк тоже вошел в дело. Новое общество получило название «Ноблесснер».

7 сентября 1912 г. «Ноблесснер» получил первый заказ на лодки и вскоре купил большой участок в Ревеле между Купеческой и Минной гаванью. Участок граничил с Электротехническим заводом «Вольта», созданным по инициативе офицера Минного отдела Морского технического комитета А.А.Ковальского. Завод выпускал электрооборудование и судовые электродвигатели и вскоре присоединился к «Ноблесснеру». Верфь «Ноблесснера» начала действовать с 1913 г., а в конце 1914 г. ее завершили постройкой. 31 мая 1916 г. акционеры общества назвали верфь Петровской.

Оборудование верфи на 1 января 1916 г. оценивалось в 4,8 млн. руб. В 1917 г. на ней работало 600 мастеровых. Но квалифицированных кадров не хватало, получение всех необходимых материалов в военное время задерживалось, поэтому верфь начала опаздывать со сдачей лодок и в 1914-1917 гг. из 12 сдала только 8 типа «Барс»: «Тигр», «Львица», «Пантера», «Рысь», «Кугуар», «Леопард», «Тур» и «Ягуар». Остальные — «Угорь», «Ерш» и «Форель» передали достраивать Балтийскому заводу, а «Язь» закончить не успели. Зимой 1915-1916 гг. Петровская верфь занималась также переделкой и усовершенствованием лодок Балтийского завода «Барс», «Гепард» и «Вепрь».

Завод «П.А.Лесснер» не забыл о собственном производстве и значительно расширил его: если в 1900-1910 гг. там работало 600 мастеровых, то в 1914-1917 гг. — 2500. У завода появились филиалы: перед войной дал в Петербурге первую продукцию завод «Новый Лесснер», а около Феодосии, по соседству с пристрелочной станцией торпед, начали строить при содействии английской фирмы «Виккерс» торпедный завод «Русский Уайтхед».

В Финляндии, в Гельсингфорсе, на военный флот работали три предприятия. Во-первых, основанная в 1842 г. известная фирма «Крейтон и Ко», производившая судовые корпуса и механизмы, а перед войной и в 1914-1917 гг. занимавшаяся ремонтом легких кораблей. На востоке Гельсингфорса, в Брухгольмене действовал основанный в 1840 г. завод Мосто-, машино- и судостроительного общества с капиталом 800 тыс. руб. Завод имел крытый и открытый стапели и Мортонев эллинг. В 1914-1917 гг. на заводе работало 1600 мастеровых, которые строили малые корабли. На западе Гельсингфорса находился Сандвикский судостроительный завод с сухим доком длиной 106,7 м и двумя небольшими Мортоневыми эллингами. В 1915 г. на заводе и в доке трудилась 1 тыс. рабочих, строивших суда до 2000 т. (не выше эсминца), паровые котлы и механизмы.

На Черном море казенное Лазаревское Адмиралтейство в Севастополе в строительстве кораблей по предвоенным и военным программам участвовало мало, хотя количество мастеровых там достигало 5 тыс. чел. В отличие от Балтики военное судостроение на Черном море сосредоточилось в частных руках. С 1895 г. в Николаеве действовало бельгийское анонимное акционерное общество с капиталом 7 млн. руб. К 1900 г. оно построило на 46 га огромное предприятие — «Общество судостроительных, механических и литейных заводов» («Наваль»). Только судостроительная мастерская занимала 10992 кв. м, плаз — 93 м, имелись три 5-тонных крана, самые новые и мощные станки, листоагрегаторные печи работали на нефти. Семь стапелей растянулись по берегу на 400 м, крытый эллинг достигал 135 м в длину. Завод мог выпускать корабли любых классов, а поскольку доставка металла и топлива в Николаев обходилась

дешевле, чем в Петербург (в столице не могли проложить подъездные железнодорожные пути прямо на завод), то специалисты «Наваля» считали, что их производство должно быть на 15-20% дешевле петербургского.

Но осуществить свои преимущества полностью «Наваль» так и не смог — в 1911 г. общество стало собственностью созданного французами «Общества Николаевских заводов и верфей». В связи с требованием Морского министерства строить корабли только на российских предприятиях, Петербургский международный коммерческий банк купил значительную часть акций «Наваля» и теперь «Общество Николаевских заводов и верфей» из французского предприятия стало российским. В 1913 г. «Наваль» провел техническую реконструкцию предприятия. Председателем правления стал бывший командующий Черноморским флотом вице-адмирал в отставке Иван Федорович Бострем.

Рядом с «Навалем» в Николаеве в 1911 г. при содействии руководства Морского министерства, Совещания по судостроению и казенных заводов образовалось «Русское судостроительное общество» («Руссуд»). Летом 1911 г. в Николаеве прошли торги на постройку трех линкоров-дредноутов. На торгах «Наваль» получил заказ на один линкор в 19,5 млн. руб., а «Руссуд», еще не имевший верфи — на два линкора. И это при том, что если бы все заказы получил «Наваль», цена линкоров снизилась бы на 1 млн. руб. Причиной такого оборота дела стало то, что контракты заключало не Морское министерство, а Совещание по судостроению. Хотя адмирал Григорович участвовал в его работе, не все зависело от его мнения.

По инициативе Григоровича для пользы дела и ускорения постройки дредноутов казенное Николаевское Адмиралтейство решили передать в частные руки, сдав «Руссуду» в бесплатную аренду на 25 лет. Получив от казны 39 млн. руб. и аванс, «Руссуд» построил в старом предприятии новый эллинг. Но механизмы ему приходилось заказывать у соседа — в «Навале». Поэтому в 1914 г. с помощью Морского министерства технические отделы обоих заводов объединили, а в 1915 г. финансировавший оба завода Петербургский Международный коммерческий банк объединил их в трест

«Наваль-Руссуд». Так в южном судостроении появилась крупнейшая в России монополия. Ее производственные мощности быстро росли. Число рабочих «Наваля» в 1914-1917 гг. увеличилось с 5700 до 13500 чел., в «Руссуде» в 1917 г. было 4000 рабочих.

Другие черноморские судостроительные предприятия выполняли отдельные заказы флота. Это одесские заводы «Беллино-Фендерих» с 500 рабочих и Адмиралтейство РОПит с 900 рабочих. Сталь и броню южным заводам поставляли, кроме Ижорского, Екатеринославский железодельательный завод (8200 рабочих), Юрьевское и Никополь-Мариупольское горные металлургические общества, которые контролировались синдикатом «Продамета». Электротехнику, кроме отмеченных выше прибалтийских заводов, поставляли российскому флоту еще около 30 предприятий с долей русского капитала около 27%. Во время войны почти все они были национализированы. Дизели, кроме уже указанных заводов, давали флоту Коломенский (10 тыс. рабочих), Сормовский (20 тыс. рабочих) и Харьковский машиностроительные заводы¹⁸. В целом, судостроительные мощности России развивались перед войной и, особенно, во время войны, чрезвычайно быстро, и, несмотря на отдельные срывы и несовпадения коммерческих интересов с интересами государства, могли вполне обеспечить выполнение принятых судостроительных программ. Быстрые темпы монополизации судостроительных предприятий подтверждают их высокий технический уровень и большие производственные возможности. Значительную роль в судостроении играли иностранные инвестиции, находившиеся под контролем государства.

Однако общественности такой контроль представлялся далеко не достаточным. Так, газета «Ревельские известия» отмечала 22 ноября 1914 г. в редакционной статье: «Иностранцы мало-помалу овладевают всеми русскими предприятиями и как будто бы никому у нас нет дела до этого странного явления: Путиловский, Шлиссельбургский, Пермский, Николаевский, Царицынские, Рижские, Ревельские — все заводы в руках немцев, с тою только разницей, что одни заводы целиком в их руках, а другие частично, т.е. хотя в

правлениях заводов сидят русские подданные, зато на самих заводах действуют немцы, англичане или французы».

Так или иначе, к 1914 г. Россия обладала развитой системой судостроительных предприятий, которая дополнялась достаточно высоким общим уровнем развития российской промышленности. К моменту составления Малой судостроительной программы — к 1907-1908 гг. — основное ядро судостроительного потенциала существовало. Но приступить немедленно к выполнению программы заводы и верфи не могли — они достраивали преддредноуты, к тому же, проект дредноута еще не был утвержден. По заданиям на проект, разработанный в 1907 г. комиссией С.К.Ратника, на конкурс поступили заявки от английской фирмы «Виккерс» и группы российских инженеров. В главной части проекты совпадали, но англичане предлагали построить корабли за 20 месяцев, русские — за 3 года.

Особое совещание предпочло русский проект и 17 декабря 1907 г. МТК окончательно утвердил его технические условия. 22 декабря 6-ти русским и 21-й иностранной фирме послали приглашения на новый конкурс вместе с условиями его проведения и техническими заданиями. На конкурс поступил 51 проект. Лучшими признали проекты итальянского конструктора В.Куниберти, немецкой фирмы «Блом унд Фосс», Адмиралтейского завода, французской фирмы «Форж э Шантье» Николаевского завода «Наваль» и Балтийского завода. Проект Куниберти не приняли из-за превышения водоизмещения на 150 т. МТК предпочел проект Балтийского завода и предложил усовершенствовать его, разнеся четыре башни главного калибра по длине корабля.

А дальше произошло недоразумение. 9 августа 1909 г. министр Воеводский заявил, что проект Куниберти отклонен и единственным одобренным по конкурсу является проект фирмы «Блом унд Фосс». Воеводский отметил также предпочтительность для изготовления проекта Балтийского завода, но иностранцы обратили внимание только на его первые слова, посчитав, что лучшее место на конкурсе автоматически означает осуществление проекта. Так обычно было в Европе, но так никогда не было в России. Здесь победа проекта на конкурсе мало что значила, главным являлось мнение

не конкурсной комиссии, а Морского министерства. Иностранцы забыли об этом обстоятельстве и кайзер Вильгельм поздравил «Блом унд Фосс» специальной телеграммой.

Узнав о победе немцев, французы выразили протест. Газеты писали, что Франция не для того давала России займы, чтобы та заказывала на них в Германии 4 линкора. Возник международный скандал. Морскому министерству пришлось выкупить у немцев их проект за 250 тыс. руб. и отказаться от сотрудничества с фирмой.

Разработку проекта на Балтийском заводе возглавил заведующий Опытным бассейном известный инженер и конструктор Иван Григорьевич Бубнов при участии А.Н.Крылова. В проектировании, постройке и испытании паровых турбин и котлов содействие оказывала английская фирма «Джон Браун». 9 апреля 1909 г. завод завершил подготовку проекта¹⁹. Орудия заказали Обуховскому заводу, башни — Металлическому, Обуховскому и Путиловскому, броню — Ижорскому, судостроительную сталь — Кулебакскому заводу и синдикату «Продамета», электрооборудование — «Дюфлон и Константинович», «Сименс и Шукерт», «Вольта».

Не дожидаясь специального ассигнования Думы на дредноуты, Григорович решил использовать средства, ежегодно отпускавшиеся Морскому министерству Государственным казначейством, и на эти деньги по своей инициативе сделал официальную закладку линкоров, приказав начать их постройку. 3 мая 1909 г. два завода одновременно начали строить четыре дредноута: Балтийский завод — «Севастополь» и «Петропавловск», Адмиралтейский завод — «Гангут» и «Полтава». Их отличало линейное расположение четырех трехорудийных башен 305-мм артиллерии, размещенных для повышения живучести по всей длине корабля. Трехорудийные башни главного калибра были изготовлены в России впервые в мире. Для противоминной обороны линкоры получили шестнадцать 120-мм пушек. Главный броневой пояс имел толщину 225 мм, башни — 203 мм, боевые рубки — 254 мм. Водоизмещение кораблей составляло 23288 т, мощность машин «Севастополя», «Петропавловска» и «Гангута» 42000 л.с., «Полтавы» — 52000 л.с., скорость хода у трех первых 23 узла, у «Полтавы» — 24,1 узла. Корабли вступили в строй в

1914 г., в войне участвовали мало, поскольку их берегли, в бой их можно было послать только по личному приказу императора. «Полтава» сгорела в 1919 г., остальные линкоры служили до 1956 г.²⁰

Малая программа 1908-1912 гг. ограничивалась дредноутами и строительства линейных крейсеров не предусматривалась. Но морской министр Воеводский 15 мая 1910 г. приказал МТК разработать проекты таких кораблей²¹. Это было весьма дальновидное решение. Григорович не отстал от своего шефа и приказал начальнику Обуховского завода полковнику А.П.Меллеру немедленно, до ассигнований Думы, начать производство 356-мм орудий по готовым чертежам МТК. Пушки эти предназначались для будущих линейных крейсеров. Конечно, Григорович сильно рисковал — ведь, не были еще утверждены ни проекты кораблей, ни их постройка. Но поскольку мировая тенденция к увеличению размеров дредноутов и калибра их главной артиллерии с 305 до 356 мм ясно обозначилась, отставания России в данной области Григорович допустить не мог. Таким же патриотом был и полковник Меллер, обещавший Григоровичу, что приступит к работе немедленно.

Однако начальник ГУКиС генерал-майор С.П.Дюшен отказался выписать официальный наряд, ссылаясь на незаконность мероприятия. Григорович неосторожно возразил Дюшену: «Не говорите глупостей, раз ваш начальник отдает Вам приказание, то он за него отвечает». Разговор в такой форме Дюшен счел оскорблением. Он пожаловался министру Воеводскому, прося его заставить Григоровича извиниться. Тот не стал этого делать, заявив, что скорее покинет должность. Скандал постепенно затих, но в лице Дюшена Григорович нажил врага, а отношения с Воеводским испортились еще более. В Думе в 1910 г. последний появлялся все меньше и меньше и там его заменял Григорович. Авторитет Воеводского в Думе падал, а позиции Григоровича неизменно крепки. Но Дума, несмотря на лично к нему хорошее отношение, продолжала урезать ежегодные ассигнования, особенно по судостроительной части ввиду отсутствия новой судостроительной программы.

Зато Григорович добился одобрения Думой подготовленной Морским министерством летом 1910 г. судостроительной программы для Черноморского флота: 3 линкора, 9 эсминцев и 6 подводных лодок. Необходимость срочного усиления Черноморского флота диктовалась военно-морской политикой Турции. В январе 1910 г. в ответ на постройку русских преддредноутов «Евстафий» и «Иоанн Златоуст» Турция купила в Германии старые броненосцы постройки 1891 г. «Хайреддин-Барбаросса» и «Торгут-Рейс», а также четыре новых миноносца постройки 1909 г. «Гайрет», «Муавенет», «Нумуне» и «Ядигар», а во Франции приобрела еще четыре миноносца 1909 г. постройки «Басра», «Самсун», «Ташос» и «Ярхиссар»²². 20 января 1910 г. морской агент в Лондоне капитан 1 ранга И.П.Рейн сообщил, что турки заказывают «Армстронгу» и «Виккерсу» дредноуты «Решад V» и «Султан Осман». Шли переговоры о заказе третьего дредноута — «Фатих», двух крейсеров и четырех эсминцев. Затем И.П.Рейн узнал, что 16 февраля директоры фирмы «Виккерс» провели производственное совещание о подготовке «Виккерса» и «Армстронга» к выполнению турецких заказов: 2 линкора, 6 эсминцев и 10 подводных лодок, а в марте Рейн написал, что турки заказывают 2 линкора, 9 эсминцев и 4 подводные лодки. Донесения Рейна подтверждал из Стамбула морской агент в Турции капитан 2 ранга А.Н.Щеглов.

О планах турок по усилению своего флота сообщал Воеводскому и министр иностранных дел России С.Д.Сазонов, высказывал беспокойство Столыпин и многие высшие чиновники, рост турецкого флота встревожил Николая II. И только Воеводский отреагировал на усиление турок неадекватно, ответив С.Д.Сазонову: «Ввиду отсутствия должных судостроительных средств на юге России не представляется возможным уравновесить проектируемые силы оттоманского флота путем усиления нашего Черноморского флота современными судами к сроку готовности сил противника». В качестве средства противодействия туркам Воеводский предлагал дипломатам «изыскать меры, хотя бы временного характера, для задержания выполнения Турцией судостроительной программы». Министерство иностранных дел и без этих советов

предприняло демарш, предупредив турецкое правительство о бесполезности соперничества с Россией, но обновить одряхлевший Черноморский флот дипломаты не могли²³.

А между тем, главной задачей России на Черном море, по мнению многих моряков, оставалось не только достижение подавляющего превосходства над турецким флотом, но и захват Босфора — ключа ко всему Черному морю. Именно для этого строились все черноморские броненосцы, особенно трехбашенные корабли 1880-х гг. типа «Чесма» («Чесма», «Екатерина II», «Синоп», «Георгий Победоносец», в дальнейшем они были положены английским конструктором Э.Ридом в основу проекта «Дердноута»). С 1906 г. в России вновь начали разрабатывать планы овладения Босфором посредством десантной операции при поддержке мощной артиллерии линейных кораблей. Внезапное усиление турецкого флота грозило сорвать все планы России.

Следить за состоянием и строительством флота являлось главной обязанностью Воеводского, но на протяжении 1907-1908 гг. при обсуждении в высших инстанциях проблем российского флота Воеводскому постоянно указывали на отсутствие средств для одновременного обновления обоих флотов — Балтийского и Черноморского и о приоритетности воссоздания Балтийского флота. Однако теперь позиция императора изменилась и 26 июля 1910 г. он одобрил Черноморскую программу. Получив необходимые указания, Воеводский 23 сентября 1910 г. предоставил в Совет министров доклад «Об ассигновании средств на усиление Черноморского флота». В отличие от Столыпина, Морское министерство допускало строительство кораблей частными заводами. Срок строительства определялся в 3,5 года, общие расходы — в 135 млн. 744 тыс. 838 руб., из них 13 млн. 348 тыс. 600 руб. — на переоборудование заводов Морского ведомства. Совет министров не возражал, но предложил согласовать все вопросы с Министерством финансов.

2 декабря 1910 г. Воеводскому разрешили обратиться в Государственную Думу с просьбой отпустить на Черноморский флот 150 млн. 800 тыс. руб. 17 января 1911 г. Морское ведомство, внося в Думу проект программы, получило ее одобрение, а 19 мая 1911 г. программу утвердил Нико-

лай II²⁴. Черноморская программа стала первой судостроительной программой, утвержденной новым органом в политической системе России.

При доработке программы в Морском ведомстве серьезные разногласия вызвал выбор типа подводных лодок для Черного моря. Генмор выступал за срочный заказ 6 судов известному американскому конструктору и предпринимателю Джону Холланду, одна из лодок которого была принята на вооружение флота США в 1910 г. Лодки Холланда в России называли «Голланд» или «Американский Голланд» («АГ»). Григорович и МТК, в противовес ГМШ, поддерживали новейший тип отечественной подлодки «Акула» конструкции И.Г.Бубнова²⁵. Американские лодки превосходили российские скоростью погружения, их дизели благодаря особому устройству могли работать в полупогруженном (позиционном) положении судна. Кроме того, в отличие от бубновских, лодки Холланда делились на отсеки, что повышало их живучесть. Воеводский принял компромиссное решение. Он приказал строить в Николаеве: три лодки типа «АГ» («Нарвал», «Кит», «Кашалот») и три лодки улучшенного типа «Акула» («Нерпа», «Морж» и «Тюлень»). Они были заложены 11 октября 1911 г. и вошли в строй зимой-весной 1915 г.²⁶

В начале 1911 г. Дума провела финансовую ревизию деятельности министерства, по ее требованию 18 марта 1911 г. Николай II отправил Воеводского в отставку. 19 марта царь объявил о назначении Григоровича морским министром.

Заняв пост, Григорович 21 марта 1911 г. обратился ко всем чинам Морского ведомства с приказом № 126/84, в котором успех своей деятельности обусловил общей помощью всех чинов ведомства. Приказом от 28 марта № 138/90 он категорически потребовал от всех чинов точного исполнения своих приказов, честного отношения к службе и бережного расходования народных денег. «Требования эти, — писал впоследствии Григорович, — вызваны той халатностью и безхозяйственностью, которыми я всегда возмущался и с которыми боролся в разных своих должностях и, в особенности, будучи товарищем министра». 19 октября 1911 г. министр ввел в действие новое «Положение об управлении Морским ведомством» с четким изложением обязанностей сотрудников.

Он произвел также давно задуманные кадровые перестановки. Так, товарищем министра стал контр-адмирал Михаил Владимирович Бубнов, известный Григоровичу по Порт-Артуру как хозяйственный человек, но оказавшийся биржевым игроком и взяточником, из-за чего впоследствии был заменен. Начальником МГШ вместо А.А.Эбергарда был назначен адмирал А.А.Ливен; начальником ГМШ вместо Николая Матвеевича Яковлева стал Михаил Валерианович Князев. Дюшена перевели в Главный Морской суд, а вместо него ГУКиС возглавил генерал Александр Порфирьевич Зеленый. Перестановки, коснувшиеся многих адмиралов, высших офицеров, имели в целом положительное значение, но некоторые газеты не замедлили вылить на Григоровича ушат грязи. Перемены в кадровом составе осуществлялись Григоровичем с одобрения императора, Совета министров и Государственной Думы. Николай II любил флот и надеялся, что энергичный Григорович восстановит морской престиж России. Витте отмечал: «Григорович пользуется большим расположением государя. Пока же носятся слухи, что он человек толковый, знающий, впрочем, достаточно переговорить несколько слов с Воеводским и с Григоровичем, чтобы видеть разницу между тем и другим: второй человек серьезный, а первого серьезным человеком считать трудно».

Сам Григорович радовался новым возможностям послужить российскому флоту, считая его воссоздание своей первой и главной заботой: «Меня поддерживают в этом отношении, — писал он, — во-первых масса приветствий, которые я получил со всех сторон, и, во-вторых, та свобода действий, которая мне теперь предоставлена на любимом мной поприще. Хватило бы здоровья!»²⁷. Авторитет, которым Григорович пользовался в Государственной Думе, позволил ему в мае 1911 г. сравнительно просто утвердить смету на 1912 г. и, самое главное — получить до утверждения новой судостроительной программы предварительные ассигнования на постройку четырех балтийских дредноутов. «Как рад я, — писал Григорович, — что своевременно заложил корабли и заказал для них механизмы, иначе, только теперь, спустя два года, можно было бы начинать постройку. Теперь же я уверен, что корабли будут готовы и вступят в строй в 1914 году,

конечно, и этот срок велик, но надо заметить, что, не имея ассигнований в достаточном размере, многое не могло быть заказано, да и сами эллинги для них требовали капитальных переделок, равных постройке новых, а все это отнимало время»²⁸.

19 мая 1911 г. принятый Думой закон о постройке балтийских линкоров утвердил Николай II. Из общей стоимости постройки в 119,56 млн. руб. в 1911 г. Дума санкционировала отпуск 28 млн. руб. Достигнутая благодаря Григоровичу слаженная деятельность Морского министерства и Государственной Думы ускорила ввод в строй линкоров. На Черном море средства, отпущенные Малой программой на 14 миноносцев и 3 подлодки израсходовали на достройку «Евстафия» и «Иоанна Златоуста», а на остаток денег заложили в Николаеве первый в мире подводный минный заградитель «Краб» конструкции Михаила Петровича Налетова²⁹.

Свой первый подводный заградитель техник путей сообщения Налетов построил с одобрения и при поддержке Григоровича в осажденном Порт-Артуре, но тогда, в условиях осады, командир Порт-Артурского порта контр-адмирал Григорович не мог оказать изобретателю большой помощи. Теперь же, став министром, он поддержал Налетова своей властью. Однако постройку лодки Григорович собирался сначала хранить в тайне и в разгар строительства в сентябре 1911 г. приказал этому заградителю названия не давать и в списки судов не зачислять. Сохранить необычное судно в секрете все же не удалось и 9 августа приказом по Морскому ведомству № 226 подлодку под названием «Краб» зачислили в списки российского флота³⁰.

Незадолго до одобрения Черноморской программы, 4 апреля 1911 г. Григорович во время личного доклада представил императору проект «Закона о Российском императорском флоте» в сопровождении «Объяснительной записки» и «Программу усиленного судостроения Балтийского флота на 1911-1915 гг.». «Закон о флоте» являлся 20-летней программой судостроения. К 1931 г. планировалось создать на Балтике три полноценных эскадры, из коих одна к концу срока становилась по возрасту резервной. В три эскадры входили 24 линкора, 12 линейных крейсеров, 32-37 легких крейсеров,

108 эсминцев и 36 больших подводных лодок. Одну эскадру предполагалось иметь на Черном море. Впервые в России устанавливались официальные сроки службы кораблей: линкоры и линейные крейсера — 22 года (4 — в постройке, 12 — в действующем флоте, 6 — в резерве), крейсера — 18 лет, эсминцы — 17 лет, подлодки — 14 лет. «Закон» предусматривал оборудование баз для этих судов, обеспечение ремонта и сроков ежегодных плаваний.

В «Объяснительной записке» усиленное судостроение мотивировалось морской политикой ведущих держав и их политическими комбинациями. Суммы на выполнение 20-летней программы требовались запредельные. Только на судостроение испрашивалось 2110500 тыс. золотых рублей. Поэтому на первое время предлагалась «Программа усиленного судостроения Балтийского флота», предусматривавшая постройку 4 линейных и 4 легких крейсеров, 36 эсминцев и 12 подлодок. В конце 1914 г. закладывались еще 4 линкора и 5 легких крейсеров. Выполнение программы позволило бы создать к 1919 г. на Балтике полную эскадру; устаревшие линкоры-броненосцы в том числе и преддредноуты, выводились в резерв.

Николаю II, очень любившему флот, программа Григоровича пришлась по душе. В беседе с новым начальником МГШ вице-адмиралом Александром Александровичем Ливенным император так отозвался о ней и ее составителях из МГШ: «Отлично исполненная работа, видно, что стоят на твердой почве; расхвалите их от меня». 25 апреля 1911 г. он одобрил программу, приказав согласовать ее с министром финансов и внести в Государственный Совет. «Программа усиленного судостроения Балтийского флота на 1911-1915 гг.» получила название «Программа спешного усиления Балтийского флота на 1912-1916 гг.», а «Закон о флоте» — «Большая судостроительная программа». После всех согласований программа на 1912-1916 гг. приобрела следующий окончательный вид. Для Балтики: 4 линейных крейсера типа «Измаил», 4 легких крейсера типа «Светлана», 36 эсминцев типа «Новик» и 12 подлодок типа «Барс». Для Черного моря: 2 легких крейсера типа «Адмирал Нахимов». Для Сибирской флотилии: 2 легких крейсера типа «Адмирал Невельской».

Общая стоимость программы определялась в 502 млн. 744 тыс. руб. Бюджетная комиссия Государственной Думы и Совет Государственной обороны (СГО) одобрили ее³¹.

Между тем, 16 июня 1911 г. сошел на воду первый отечественный дредноут «Севастополь», 27 июля второй — «Полтава», а 27 августа третий — «Петропавловск». При спуске «Полтавы» Николай II рассказал министру, что своевольный заказ Морским министерством турбин для этих линкоров вызвал в свое время многочисленные жалобы на Григоровича, которым царь не дал хода. Император был очень доволен появлением в России своих дредноутов и 27 сентября 1911 г. произвел Григоровича в полные адмиралы³².

После одобрения программы бюджетной комиссией и СГО оставалось утвердить кредиты в общем заседании Думы. Доклад для выступления в Думе Григорович поручил составить Крылову, в то время — генералу для особых поручений при морском министре. От успеха выступления во многом зависела судьба морской мощи России и Григорович просил Крылова, как математика, составить доклад «кратко, ясно и доказательно».

24 марта 1912 г. Крылов написал доклад, сделав упор на экономическом, политическом и военном значении Петербурга и необходимости его защиты, т.к. потеря столицы завершит войну и вызовет уплату контрибуции гораздо большей, чем сумма, которая испрашивается на флот. А флот, чтобы побеждать, должен иметь суда всех классов и опираться на развитую сеть портов и баз. «Эти числа, — заканчивал Крылов, — вас могут поразить своею громадностью, но если их сопоставить с важностью флота для обороны государства и если примите в расчет, что все будет исполняться в России, что при судостроении около 80% составляет плата за рабочую силу, что ассигнованием этих средств вы полагаете фундамент под самые насущные нужды государственной обороны и что при этом вы дадите заработок сотням тысяч рабочих и приложение их трудоспособности во всех отраслях промышленности, — то вы не откажете в том полумиллиарде, который нужен России на возобновление ее флота».

Крылов старался не напрасно. После выступления Григоровича перед думцами 6 июня 1912 г., «к общему изумле-

нию, — вспоминал Крылов, — оказалось 288 голосов «за» и 124 «против». Правда, требуемую сумму Дума сократила до 430 млн. руб., но все равно это был большой успех Морского министерства. 23 июня программу утвердил император Николай II. Он назвал 23 июня 1912 г. «днем великих надежд» и заявил, что «флот должен быть воссоздан в могуществе и силе, отвечающих достоинству и славе России». Он также пожаловал Григоровича генерал-адъютантом, а Крылова 6 декабря 1912 г. произвел в генерал-лейтенанты, хотя в предыдущем чине тот пробыл всего три года³³.

29 июня 1912 г. Николай II заложил в Ревеле для будущей эскадры дредноутов военный порт императора Петра Великого. Городская Дума в тот же день избрала Григоровича, присутствовавшего при этом событии, почетным гражданином Ревеля, а Николай II утвердил решение думы³⁴.

3 января 1913 г. Совет министров России постановил внести «Закон о флоте» в Государственную Думу в конце 1914 г., когда будет частично выполнена программа 1912-1916 гг. К лету 1914 г. Морское министерство согласовало с Министерством финансов новую программу для Балтики в рамках будущей Большой программы. Намечалось построить еще 4 дредноута и 4 легких крейсера, чтобы иметь на театре всего 8 дредноутов и 8 легких крейсеров.

Обострение политической обстановки в Турции и опасный рост турецкого флота заставили обратить внимание на Черноморский флот. 17 марта 1914 г. Морское министерство вошло в Думу с докладом «Об отпуске средств на спешное усиление Черноморского флота в период 1914-1917 гг.». В докладе говорилось о технической устарелости Черноморского флота и необходимости дополнить строящиеся корабли еще одним линкором, двумя крейсерами и восемью миноносцами, т.е. по программам 1911-1914 гг. для Черного моря всего строилось 3 дредноута стоимостью 131,4 млн. руб., 4 легких крейсера и 17 эсминцев. 24 июня 1914 г. Дума приняла по докладу закон, ассигновав на Черноморский флот и постройку дока для подводных лодок на Балтике 105,6 млн. руб. при стоимости линкора 42,4 млн.³⁵ В отличие от Малой программы 1911 г., программа 1914 г. получила название

Большой. Принять же рассчитанный на 20 лет «Закон о флоте» помешало начало войны.

Вторую бригаду дредноутов для Балтики по программе 1914 г. тоже построить не успели. Но по Большой программе начали строить в 1913 г. линейные крейсера: «Измаил» и «Кинбурн» на Балтийском заводе, «Бородино», «Наварин» — на Адмиралтейском. Эти корабли проектным водоизмещением 32000 т должны были в своем классе стать сильнейшими в мире. При мощности машин 66000 л.с. и скорости 27-28 узлов они несли двенадцать 356-мм пушек в четырех башнях с броней в 300 мм, двадцать четыре 130-мм пушки в бортовых казематах с броней 75-100-75 мм и четыре 63,5 мм зенитки. Главный броневой пояс из цементированной стали имел толщину 125-237,5-125 мм. Боевые рубки защищались 300-400 мм броней.

К началу войны корпуса крейсеров достигли готовности 20-60%, механизмы — 4-8%. Война задержала постройку и все же в июне-октябре 1915 г. три крейсера спустили на воду. «Наварин» спустили позже, 27 октября 1916 г. К 15 апреля 1917 г. крейсера имели готовность от 50% до 65%. 11 октября 1917 г. Временное правительство из-за недостатка металла распорядилось приостановить работы на «Бородино» и «Кинбурне». Верховная морская коллегия 1 декабря 1917 г. прекратила достройку остальных кораблей.

Из четырех легких крейсеров по программе 1912 г. «Адмирал Бутаков» и «Адмирал Спиридов» заложили 16 ноября 1913 г. на Путиловской верфи, «Светлану» и «Адмирала Грейга» — 24 ноября 1913 г. на Русско-Балтийском заводе. Крейсера получали по пятнадцать 130-мм пушек, могли брать 100 мин заграждения и два гидросамолета. К ноябрю 1916 г. их готовность достигала от 45% до 81%. Но 11 октября 1917 г. постановлением Временного правительства работы на крейсерах прекратили. В 1928 г. «Светлану» достроили как крейсер «Профинтерн» (с 1929 г. «Красный Крым»); «Грейг» и «Спиридов» перестроили в танкеры.

Крейсера для Сибирской флотилии «Муравьев Амурский» и «Адмирал Невельской» заложили в Германии на верфи «Ф.Шихау» в Данциге 10 октября 1913 г. Но немцы постройку затягивали, а когда осенью 1913 г. в Данциг приехал

Григорович, все местное начальство заранее покинуло город. В 1914 году корабли спустили на воду, но когда началась война, немцы их реквизировали и быстро достроили для своего флота под названиями «Пиллау» и «Эльбинг».

Успешнее шла постройка для Балтики эскадренных миноносцев. В 1913-1917 гг. в постройке на российских верфях находился 31 эсминец. Из них до октября 1917 г. достроили 17 кораблей, еще 3 были достроены при советской власти. Балтийские заводы в 1913-1917 гг. сдали флоту 20 подводных лодок, из них 2 подводных минных заградителя и 3 сверхмалых лодки. Одна лодка осталась недостроенной³⁶.

Черноморские дредноуты строили в Николаеве заводы «Руссуд» и «Наваль». Договор с «Руссудом» Морское министерство заключило 31 марта 1912 г. Он обязался построить дредноут за 27 млн. 695 тыс. руб. («Наваль» в 1911 г. брался построить линкор за 19,5 млн., но за счет изменений проекта произошло удорожание). При проектировании за основу взяли балтийские дредноуты, но впервые в мире каждая башня главного калибра получила свой дальномер, было увеличено бронирование, число и калибр противоминных пушек (вместо 16-ти 120-мм — 20-ть 130-мм), корпус стал шире и короче, за счет чего скорость упала с 23 до 21 узла. Появление этих кораблей сразу дало России перевес в силах на Черноморском театре. Первый линкор «Императрица Мария» вступил в строй 23 июня 1915 г., а 7 октября 1916 г. корабль погиб от взрыва в результате, скорее всего, диверсии. 31 мая 1919 г. линкор подняли и ввели в док, однако в июне 1925 г. вместо ремонта отправили на слом. Второй линкор «Екатерина II» (с 14 июня 1915 г. «Императрица Екатерина Великая», с 16 апреля 1917 г. «Свободная Россия») передала флоту 5 октября 1915 г. 18 июня 1918 г. корабль затопили в Новороссийске, чтобы не отдать немцам.

15 мая 1917 г. комиссия приняла третий линкор «Император Александр III» (с 16 апреля 1917 г. «Воля», с октября 1919 г. «Генерал Алексеев»). Линкор был уведен 14 января 1920 г. П.Н.Врангелем в Бизерту, где в 1936 г. правительство СССР продало его на слом. Четвертый линкор «Николай I» был самым большим, с улучшенным бронированием и новой системой крепления броневых плит — «ласточкин хвост», что

усиливало монолитность бортового бронирования; была идея вооружить его 356-мм пушками. 5 октября 1916 г. корабль спустили на воду. 16 апреля 1917 г. он получил новое название — «Демократия». В 1927 г. вместо того, чтобы достроить один из сильнейших в мире кораблей, он был демонтирован в Севастополе.

По программе 1912-1916 гг. для Черноморского флота в 1913 г. «Руссуд» начал строить два крейсера типа «Светлана»: «Адмирал Нахимов» и «Адмирал Лазарев», а в 1915 г. еще два: «Адмирал Истомирин» и «Адмирал Корнилов». Два последних, имевших в 1917 г. готовность 39,6%, не достроили и в 1932 г. разобрали. «Нахимов» 26 декабря 1922 г. переименовали в «Червону Украину», «Лазарев» 14 декабря 1926 г. — в «Красный Кавказ». Их достроили по разным проектам в 1927 и 1932 гг.

По программе 1911 г. «Наваль» построил для Черноморского флота в 1912-1914 гг. четыре эсминца типа «Новик». В 1913-1915 гг. «Общество Николаевских заводов и верфей» сдало флоту еще 5 эсминцев, в 1915-1917 гг. «Наваль» построил 5 таких кораблей, еще два остались недостроены. По программе 1910-1920 гг. «Отделение Балтийского завода в Николаеве» и «Отделение Невского судомеханического завода в Николаеве» в 1911-1915 г. построили 5 подводных лодок. В 1915 г. «Навалю» и «Отделению Балтийского завода» заказали по программе срочного усиления Черноморского флота 6 подлодок, 2 из которых достроить не успели. В 1916 г. в Николаеве собрали из готовых секций 6 подводных лодок Холланда, купленных в Канаде³⁷.

Кроме перечисленных кораблей основных классов, в 1910-1917 гг. Россия построила значительное число вспомогательных и специальных военных кораблей. Вместе они составили сильный флот, руководство строительством которого принадлежало Григоровичу. Благодаря ему на важнейшем стратегическом направлении — Балтийском театре — Россия успела создать боевое ядро флота — новейшие дредноуты, эсминцы и подводные лодки. На втором театре — Черноморском — такое же ядро было создано в 1915 г., причем сначала морские силы России и Турции сравнивались, а затем рус-

ские добились подавляющего перевеса, даже несмотря на гибель «Императрицы Марии».

Новым Балтийскому и Черноморскому флотам требовалось много пушек больших калибров. В связи с этим в 1912 г. Обуховский завод получил от казны 3 млн. 175 тыс. кредитных рублей для расширения производства и изготовления 36-ти новых 305-мм орудий в год для флота и 12-ти таких же с укороченным стволом для армии. В июле 1913 г. заводу дополнительно ассигновали на эти цели 750 тыс. руб. В 1910-1911 гг. Горное ведомство неоднократно обращалось в Совет министров с предложениями: переоборудовать подчиненный ему Пермский артиллерийский завод для выпуска тяжелой корабельной артиллерии до 356 мм включительно. Предложение было одобрено и 23 июня 1913 г. Государственная Дума по докладу Григоровича отпустила Пермскому заводу 4 млн. 831 тыс. руб. на новое оборудование для выпуска 12 крупнейших орудий в год и еще 4 млн. 397 тыс. руб. на переоборудование полигона и иные нужды.

В 1913 г. в Царицыне возникло «Русское акционерное общество артиллерийских заводов». Общество договорилось с фирмой «Виккерс», которая стала одним из акционеров общества³⁸, о техническом содействии в оборудовании огромного завода по производству морских орудий крупного калибра. Идея построить завод именно в Царицыне принадлежала Григоровичу. Кое-кто из высоких сфер предлагал Григоровичу построить новый орудийный гигант в Петербурге, но тот ответил: «на границе империи, хотя и морской, строить такой важный для обороны завод, да еще отдаленный от металлургических районов России на тысячу с лишком верст, никак нельзя. Такой завод должен быть построен восточнее меридиана Москвы и на водном пути». Григорович отмечал также, что ряд влиятельных лиц выступали за участие других иностранных фирм, но «Виккерс» имел у моряков особенно хорошую репутацию, а кроме того, Григоровича поддерживали Коковцов и Николай II. «Я буду всеми силами поддерживать комбинацию строительства завода фирмой Виккерса и на какую-либо другую фирму не пойду. Знаю наперед, что наживу много врагов, но к этому я привык, мне важно одно — “лишь бы все для флота было хоро-

шо и быстро сделано". Это мой девиз перед Родиной и монархом»³⁹.

Врагов у Григоровича хватало. Его недруги из всех сил старались представить принципиального и строптивного, знающего себе цену министра как коррупционера и взяточника. Известный историк К.Ф.Шацилло в книге «Русский империализм и развитие флота» привел целый ряд таких обвинений, сделанных современниками Григоровича. Но, будучи добросовестным исследователем, Корнелий Федорович отметил: «Нам не удалось найти документов, подтверждающих какие-либо заявления о взяточничестве И.К.Григоровича». Не нашла каких-либо доказательств коррупции морского министра и Чрезвычайная следственная комиссия, созданная Временным правительством для расследования деятельности крупных царских сановников⁴⁰. Григорович, конечно, не был ангелом, но его предпочтения в заказах той или иной фирме объяснялись не его личной заинтересованностью, а пониманием необходимости скорейшего воссоздания флота.

Накануне мировой войны Григорович продолжал внимательно следить за тенденциями развития судовой артиллерии. Непрерывный рост калибра главных пушек линейных кораблей заставил министра в начале июня 1912 г. поручить Обуховскому заводу разработать 406-мм орудие. Нарезных пушек такого калибра еще не было в мире: американцы выдвинули идею создания 406-мм пушки в 1911 г., но только 8 августа 1916 г. конгресс США принял постановление о проектировании такой пушки для флота.

Первый эскизный проект новой пушки техническое бюро Обуховского завода подготовило к 26 июня 1912 г., тогда же началась разработка станка для орудия. В 1913 г. 406-мм пушка уже официально рассматривалась как орудие главного калибра в морской программе России. Наряд на отливку новой пушки завод получил 28 февраля 1914 г., а для соответствующего дооборудования цехов завода выделили 6 млн. 623 тыс. руб. Но вскоре начало первой мировой войны заставило обуховцев сосредоточить усилия на производстве тяжелых гаубиц для армии и к 1917 г. были изготовлены только отдельные части 406-мм пушки, а полностью изготовить

и собрать ее не успели. Одновременно с подготовкой пушки в России, Григорович решил заказать второй опытный образец английской фирме «Виккерс». 16 апреля 1914 г. он обратился в Совет министров и 24 апреля получил согласие. За изготовление, испытание (русским порохом) и доставку пушки в Россию англичане запросили 295 тыс. руб. Однако и в Англии сроки выполнения заказа отодвинула начавшаяся война — пушку испытали на полигоне в Эскмилде лишь 9(22) августа 1917 г. Испытания прошли в целом удачно, но в Россию пушку в связи с Октябрьским переворотом отправлять не стали. Союзники попытались переделать пушку для стрельбы на суше, но не смогли.

Царицынский завод до конца войны не успел вступить в строй, т.к. поставки оборудования из Англии сначала замедлились, а после Февральской революции 1917 г. практически прекратились. Завод начал действовать уже при советской власти и здесь в 1939-1940 гг. изготовили 1 опытное и 12 серийных 406-мм орудий для линкоров типа «Советский Союз».

Заключение больших, весьма выгодных контрактов с британскими фирмами «Виккерс» (Царицынский завод) и «Армстронг» (помощь Пермскому заводу) возмутило французов, которые потребовали своей доли участия в обновлении русской морской артиллерии. Негодование французов подогревалось не только их постоянной конкуренцией с англичанами, но и наличием франко-русской морской конвенции от августа 1912 г., предусматривавшей совместные действия русского и французского флотов в случае войны. Пришлось в начале 1914 г. пообещать французской фирме «Шнейдер» участие в переоборудовании Пермского завода, но станками английского типа для того, чтобы пушки можно было производить с затворами системы «Виккерс»⁴¹.

Для новых 406-мм пушек Путиловская верфь в феврале 1914 г. и Ревельский судостроительный завод Руссо-Балта в июне 1914 г. по своей инициативе развернули проектирование сильнейших в мире линкоров с двенадцатью 406-мм пушками в четырех башнях В 1915 г. Григорович предложил к постройке разработанную ГУК в апреле 1914 г. серию из восьми подобных линкоров, причем существовали их проекты не с трех-, а четырехорудийными башнями (3 башни с 12

пушками)⁴². Такие башни впервые в мире сконструировали в 1913-1914 гг. на «Адмиралтейском судостроительном и башенном заводе». Их не имел еще ни один флот⁴³. Только в 1935 г. на линкоре «Дюнкерк» французы первыми установили четырехорудийные башни с 343-мм пушками.

В конце 1916-1917 гг. главный корабельный инженер завода «Наваль» в Николаеве, назначенный туда по решению Григоровича и рекомендации Крылова, Владимир Полиевктович Костенко составил 4 варианта быстроходного, прекрасно защищенного трехбашенного линкора с девятью 406-мм орудиями. В советское время Костенко продолжал плодотворно трудиться. В 1936 г. он усовершенствовал проект, проектировал линейные корабли типа «Советский Союз», занимался кроме научно-практической, еще и педагогической деятельностью⁴⁴.

Если бы проекты 1913-1917 гг., за разработку которых боролся Григорович, удалось осуществить, российский флот к середине 1920-х гг. не имел бы себе равных. Добавим еще, что, учитывая постоянный рост калибра пушек линкоров, Обуховский завод по своей инициативе и с одобрения Григоровича приступил в начале 1914 г. к проектированию мощной 457-мм нарезной пушки⁴⁵. Впервые аналогичные пушки применили японцы 23 года спустя на линкоре «Ямато».

В том, что к началу войны Россия не успела в полной мере восстановить флот, не было вины Григоровича, который как раз сделал все возможное, но времени не хватило. Он понимал, что можно не успеть, и поэтому призывал строить флот возможно скорее, но ни в коем случае не афишировать этого и не объявлять о готовности к войне на море, чтобы не вызвать преждевременного нападения вероятного противника. Вместе с тем, Григорович не препятствовал пропаганде в России морской идеи и старался поднять значение флота в глазах общества.

Во время Первой Мировой войны в функции Григоровича входило обеспечение флота всем необходимым, подготовка кадров, ремонт поврежденных и строительство новых кораблей. Российский флот в войну 1914-1917 гг. ни в чем не

испытывал острой необходимости и заслуга Григоровича здесь несомненна.

Велика была роль министра и в организации строительства новых кораблей, причем, здесь его деятельность переплетается с отношением к рабочему вопросу. Григорович признавал, что «вообще рабочий вопрос у нас обставлен очень неважно, это касается и частных и казенных предприятий... Владельцы заводов мало заботятся об улучшении быта мастеровых и думают лишь о набивании своих карманов..., между тем, улучшив быт мастеровых, мы имели бы рабочих более высокого качества, чем иностранные, так как наши намного смысленнее и работоспособнее». Русский квалифицированный рабочий получал перед войной около 100 руб. в месяц, а корова стоила тогда 5-7 руб. На первое место выдвигалась уже не заработная плата, а просвещение рабочих и улучшение их жилищно-бытовых условий, но Григорович, конечно, понимал, что сразу это не делается. Вместе с тем, каких-либо забастовок в военное время он не допускал. Показателен следующий пример. 11 января 1916 г. завод «Наваль» оказался парализован забастовкой: рабочие требовали повышения зарплаты в связи с инфляцией. Завод строил тогда линкор, 2 крейсера, 8 эсминцев, 4 подлодки и 14 специальных десантных судов, предназначенных для операции по захвату Босфора. Узнав о забастовке, Григорович телеграфировал в Николаев: «Немедленно произвести расчет рабочих. Всех наиболее виновных из военнообязанных передать воинскому начальнику для отправки в армию. Никаких более переговоров не вести».

Но администрация не рискнула остановить завод и стала выжидать, прибегнув к помощи полиции для ареста зачинщиков. К середине февраля 1916 г. 565 чел. получили расчет, 73 зачинщика отдали под гражданский суд, 83 военнообязанных — под военный, 288 военнообязанных отправили в армию. Однако забастовщиков это не сломило. 23 февраля Григорович сам приехал на завод, приказал с 24 февраля предприятие закрыть и всех рабочих рассчитать; около 6 тыс. военнообязанных было отправлено в армию. 7 марта начали новый набор рабочих, а 23 марта Григорович обратился в Совет министров с просьбой распорядиться о возвращении

военнообязанных на завод, оставив «их на военной службе, подобно тому, как это было сделано на Тульских патронном и меднопрокатном заводах». 31 марта мобилизационный отдел Генштаба распорядился вернуть «на этих основаниях рабочих на «Наваль»⁴⁶. Григорович прибег к единственно правильному в военных условиях решению. У читателя, впрочем, может быть иное мнение.

Что же касается участия в революции военных моряков, то Григорович, как и большинство морских офицеров, отрицательно относился к революционным выступлениям на флоте. Он правильно определял причины таких выступлений: отсутствие «отеческой заботы о нижних чинах» со стороны офицеров и злонамеренная деятельность агитаторов на берегу, когда в увольнении матросы предоставлены сами себе. Григорович понимал, что исправить положение можно только одновременно используя два средства: соответствующее воспитание офицеров и общее улучшение жизни народа, но «на это, — отмечал Григорович, — нет средств и можно еще прослыть либералом». Сам Григорович старался смягчать участь осужденных «за политику» матросов: в 1912 г. он отказался утвердить смертные приговоры морякам-черноморцам за попытку восстания. В 1915 г., когда на линкоре Балтфлота «Гангут» вспыхнул бунт против офицеров немецкого происхождения и двух зачинщиков приговорили к расстрелу, Григорович заменил им расстрел каторгой⁴⁷.

В 1912 г. у Григоровича возник план устройства в Ялте санатория для больных туберкулезом моряков. Первоначальный капитал для строительства составил 25 тыс. руб., пожертвованных одним из херсонских помещиков. Санаторий задумывал Григорович как систему коттеджей, включавшую один дом для офицеров, два дома для матросов, дом для врача, дом для obsługi, аптеку, кухню и хозяйственные постройки. С просьбой о выделении под санаторий казенной земли Григорович обратился к императорской чете. Императрица особенно заинтересовалась идеей и помогла выбрать участок под строительство в северной части Ливадии, примыкающий к Массандре. План застройки и внутреннего убранства составил сам Григорович вместе с женой. Объявили сбор дополнительных пожертвований. Строительством руко-

водила комиссия под председательством медицинского инспектора Севастопольского порта тайного советника Эдуарда Эмильевича Кибера. В том же году Григорович заложил первое здание — корпус для нижних чинов. В 1913 г. этот корпус торжественно освятили и открыли в присутствии императорской семьи. Григорович на торжестве не присутствовал, но царская семья послала ему благодарственную телеграмму⁴⁸.

Одной из самых больших забот Григоровича как товарища министра, а затем и министра являлось обеспечение растущего флота личным составом, обеспечение нормальных условий службы и быта моряков. Русский флот после японской войны быстро возрождался, но испытывал большой недостаток офицерских кадров: многие погибли, другие покинули флот, потому что сразу после войны кораблей оставалось слишком мало. Для увеличения офицерских кадров Григорович, едва заняв пост министра, предложил, во-первых, увеличить прием кадетов в Морской корпус, причем устранить существовавшие при приеме сословно-дворянские предпочтения.

Во-вторых, чтобы не только расширить прием, но и значительно повысить качество обучения, Григорович предложил разделить Морской корпус на две части: три старших класса оставить в Петербурге и преобразовать в Морское училище, а четыре младших класса разместить в Севастополе, открыв там новый Морской корпус. В этом случае начальное военно-морское образование будущие офицеры флота получали бы на юге, как писал Григорович, «в постоянном общении с морем». Затем, после экзаменов и практического плавания, окончившие корпус переводились в Морское училище в младший гардемаринский класс. В училище они завершали бы теоретический курс и ходили в практические плавания на военных судах всех классов. Такую же реорганизацию Григорович задумал провести и для Морского инженерного училища — он предложил перевести его младшие классы в Николаев, центр российского судостроения на юге⁴⁹.

Осуществить свои проекты Григоровичу удалось только в отношении Морского корпуса: в 1915 г. в Севастополе для него построили специальное здание. 18 января 1916 г. дирек-

тором корпуса назначили капитана 1 ранга Сергея Николаевича Ворожейкина, которого 30 июня 1916 г. в связи с открытием корпуса произвели в контр-адмиралы. Корпус не успел сделать ни одного выпуска — в декабре 1917 г. он был закрыт большевиками, в октябре 1919 г. восстановлен белыми, а в ноябре 1920 г. весь его состав эвакуировался в Бизерту, где в пригороде Святе ему отвели место во французских казармах. На чужбине корпус сделал 5 выпусков полного курса для французского флота, многие выпускники работали в Бельгии и Чехословакии⁵⁰. Наряду с отмеченными реформами корпуса, Григорович предложил также расширить прием молодежи с высшим гражданским образованием в юнкера флота, что соответствовало званию корабельного гардемарина. После соответствующей подготовки и сдачи экзаменов юнкеров флота производили в офицеры⁵¹.

Во время Мировой войны рост числа вспомогательных судов, развитие береговой обороны и недостаток для них офицерских кадров заставили Григоровича по примеру армии обратиться, как и в дни японской войны, к учреждению чина «прапорщик флота». Курсы для подготовки прапорщиков флота министр открыл в конце 1916 г. в Ораниенбауме. Кроме того, в 1915 г. там же, в Ораниенбауме, на Красном пруде, он устроил школу по подготовке для флота инструкторов по обучению плаванию⁵².

Большой значение Григорович придавал воспитанию уже действующих офицеров флота и контролю за их моральным обликом со стороны старших офицеров⁵³. Отдавая всего себя флоту, Григорович требовал того же от других. Он добивался, чтобы моряки занимались только своим прямым флотским делом, не отвлекаясь на береговые караулы и прочие сухопутные службы. «Мне кажется, — говорил Григорович, — что единственно, кто должен был оставлен для береговой службы, это инструкторы для обучения молодых матросов береговому Уставу для боевых целей, ответственные по секретным делам писари штабов и ординарцы высшего начальства, — все остальные должны быть для судов боевого флота. На судах же не боевого значения — только вольнонаемные, но с хорошим содержанием, тогда многие из уходящих в запас пойдут на эту службу»⁵⁴.

Одним из «узких мест» российского флота являлась постоянная нехватка хорошо подготовленных кадров специалистов-сверхсрочников (кондукторов). Для привлечения их на флот Григорович полагал полезным увеличить содержание данной категории военных моряков, «так как при малейшей заботе о них многие остались бы с удовольствием». Сверхсрочники первого года службы не имели, как правило, своей квартиры и жили с матросами-срочниками в одной казарме. В пример должного отношения к сверхсрочникам Григорович приводил свой приказ о благоустройстве двух казарм для 200 сверхсрочников минной дивизии, после чего люди пошли на флот⁵⁵.

Последним крупным делом Григоровича в должности министра явилась докладная записка, которую он составил с помощью МГШ в конце 1916 г. В ней обосновывалась необходимость заранее подготовить для будущего мирного времени программу коммерческого судостроения. Записку Григорович представил императору с просьбой учредить для рассмотрения вопроса Особый комитет. Но Николаю II скоро стало не до флота, а Министерство торговли и промышленности, которому подчинялся коммерческий флот, сочло это вмешательством в его компетенцию и Особое совещание по обороне государства провалило проект⁵⁶.

Деятельность Григоровича как министра прервала Февральская революция. Он не был арестован подобно другим министрам, но в его кабинете, находившемся там же, в здании Главного Адмиралтейства, произвели обыск и изъяли документы и личные бумаги. 22 марта 1917 г. новый военный и морской министр Временного правительства, главный оппонент Григоровича по выступлениям в Думе А.И.Гучков прислал Григоровичу письмо с предложением подать в отставку. А 31 марта последовал приказ № 4 Гучкова по армии и флоту: «Увольняется от службы член Государственного совета адмирал И.К.Григорович по расстроенному здоровью с мундиром и пенсией». В марте 1917 г. «делом Григоровича» занялась «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц». Однако следователь Е.П.Воронов не нашел в по-

ступках Григоровича ничего предосудительного и все попытки обвинить Григоровича в коррупции и присвоить ему кличку «Вор Ворович» благополучно провалились.

25 сентября 1918 г. приказом № 642 по флоту и Морскому ведомству была образована «Морская историческая комиссия» по изучению опыта мировой войны на море. 22 ноября комиссию как самостоятельное учреждение упразднили и создали заново при Морской Академии. В число 42 сотрудников Комиссии вошел и Григорович. Работа в Комиссии позволила ему как советскому служащему получать паек. Но хлеба все равно не хватало. Зимой Григорович упал на улице в голодный обморок, повредил ногу и, возможно, тогда же ушиб голову, потому что вскоре у него начались головные боли. Впрочем, на нездоровье он жаловался и прежде, еще в 1913 г.

Холодной зимой 1920 г. из-за отсутствия дров Григорович с дочерью перебрался жить к академику Крылову, своему старому другу. Пайка не хватало и Григорович подрабатывал рисованием вывесок для кондитерской «Ла Гурмэ» на углу Невского и Литейного проспекта. Он начал писать мемуары, работу над которыми завершил в 1922 г. С 21 мая 1920 г. Григорович служил старшим архивариусом в Морском архиве и использовал архивные документы для создания своих мемуаров. Рукопись охватывает период 1853-1917 гг. и состоит из двух частей. В настоящее время опубликована вторая часть — за 1909-1917 гг., она и была использована автором.

Состояние здоровья Григоровича ухудшалось: головные боли усиливались. Петроградский профессор-невропатолог М.И. Аставатацуров определил опухоль мозга. Требовалась операция, но нужных специалистов в голодном Петрограде не было. Оставалось одно — ехать за границу. С конца 1923 по осень 1924 г. Григорович добывал необходимые для отъезда документы, поручительства, деньги (требовалось 280,1 млн. руб., один заграничный паспорт стоил 250 млн. руб.). Слава Богу, помог начальник штаба Морских Сил РСФСР, бывший капитан 1 ранга и командир дредноута «Полтава» Алексей Владимирович Домбровский, который хорошо знал и уважал Григоровича. После операции Григорович жил на юге Франции в городке Ментона (департамент

Приморских Альп), близ Монте-Карло и Сан-Ремо, в частном пансионе. Чувствовал он себя неважно, а на жизнь зарабатывал писанием морских пейзажей. Умер он в пансионе 3 марта 1930 г., а 6 марта его отпели в православной церкви Ментоны, кремировали и похоронили на кладбище в нише-склепе. На могиле Григоровича плита с мемориальной надписью на французском языке и эпитафией на английском.

При жизни Григорович был награжден 7 российскими и 13 иностранными орденами. Построенные при его содействии корабли защищали Родину не только в Первой мировой войне, но и в Великой Отечественной, когда они составляли все 100% наших линкоров, 40% крейсеров и 30% эсминцев⁵⁷.

¹ Цветков И.Ф. Последний морской министр Российского императорского флота // Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра / Сост. И.Ф. Цветков. СПб., 1993. С. 7-8, 21, 25, 216-218; Березовский Н.Ю., Доценко В.Д., Тюрин Б.П. Российский императорский флот: 1696-1917. Военно-исторический справочник. М., 1993. С. 92; Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 634.

² История отечественного судостроения. В 5-ти томах. Т. 2. СПб., 1996. С. 333.

³ Цветков И.Ф. Указ. соч. С. 8-9.

⁴ История отечественного судостроения. Т. 3. СПб., 1995. С. 17-23, 529.

⁵ Там же. С. 23-27; Григорович И.К. Указ. соч. С. 29; Шацлло К.Ф. Русский империализм и развитие флота. М., 1968. С. 58-62.

⁶ Крылов А.Н. Воспоминания и очерки. М., 1956. С. 162, 176-177.

⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х томах. Т. 3. М., 1960. С. 312-313.

⁸ Крылов А.Н. Указ. соч. С. 177.

⁹ Григорович И.К. Указ. соч. С. 29-31.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ Там же. С. 32, 35.

¹² Яковлев И.И. Корабли и верфи. Изд. 2-е. Л., 1973. С. 143, 205, 244-246; История отечественного судостроения. Т. 3. С. 175-177.

¹³ История отечественного судостроения. Т. 3. С. 176-185; Бурим Л.Д. 275 лет «Ижорским заводам» // Цитадель. 1997. № 2 (5). С. 27.

¹⁴ Мельников Р.М. «Рюрик» был первым. Л., 1889. С. 221.

¹⁵ Виноградов С.Е. Последние исполины Российского императорского флота: Линейные корабли с 16" артиллерией в программах развития флота 1914-1917 гг. СПб., 1999. С. 102.

¹⁶ Яковлев И.И. Указ. соч. С. 137-144, 151, 181, 204-208; Мельников Р.М. Указ. соч. С. 221-222; Шацлло К.Ф. Указ. соч. С. 215-224, 237-246, 252-254, 275-282; История отечественного судостроения. Т. 3. С. 175-201; Григорович И.К. Указ. соч. С. 118; Апальков Ю.В. Боевые корабли русского флота 8.1914-10.1917 гг. Справочник / Под ред. В.А. Корнюшко. СПб., 1996. С. 48-49.

¹⁷ Григорович И.К. Указ. соч. С. 92. См. также: С. 118.

¹⁸ Там же. С. 40, 61-62, 84, 105; Апальков Ю.В. Указ. соч. С. 92-93; Яковлев И.И. Указ. соч. С. 145-150, 209-211; Мельников Р.М. Указ. соч.

- С. 221-223; *Шаццло К.Ф.* Указ. соч. С. 254-282; История отечественного судостроения. Т. 3. С. 202-215.
- 19 История отечественного судостроения. Т. 3. С. 131-144.
- 20 Там же. С. 215-241; *Григорович И.К.* Указ. соч. С. 40-41.
- 21 История отечественного судостроения. Т. 3. С. 304.
- 22 *Григорович И.К.* Указ. соч. С. 39, 47, 57, 59.
- 23 Там же. С. 39, 40, 52; *Шаццло К.Ф.* Указ. соч. С. 126-129.
- 24 *Шаццло К.Ф.* Указ. соч. С. 130-134.
- 25 *Григорович И.К.* Указ. соч. С. 40, 42.
- 26 *Апальков Ю.В.* Указ. соч. С. 93, 154, 156-157.
- 27 *Григорович И.К.* Указ. соч. С. 61.
- 28 Там же. С. 64.
- 29 История отечественного судостроения. Т. 3. С. 165, 168.
- 30 *Залесский Н.А.* «Краб» – первый в мире подводный заградитель. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1988. С. 6-7, 43.
- 31 История отечественного судостроения. Т. 3. С. 169-172.
- 32 *Григорович И.К.* Указ. соч. С. 65, 68.
- 33 *Крылов А.Н.* Указ. соч. С. 188-193, 813-814; *Виноградов С.Е.* Указ. соч. С. 35.
- 34 *Григорович И.К.* Указ. соч. С. 89.
- 35 История отечественного судостроения. Т. 3. С. 173-175.
- 36 *Апальков Ю.В.* Указ. соч. С. 20-22, 39-54, 92-95; *Григорович И.К.* Указ. соч. С. 116.
- 37 *Апальков Ю.В.* Указ. соч. С. 116-120, 127-128, 132-139, 153-158.
- 38 *Виноградов С.Е.* Указ. соч. С. 102, 106.
- 39 *Григорович И.К.* Указ. соч. С. 94-95.
- 40 *Шаццло К.Ф.* Указ. соч. С. 301-302.
- 41 *Виноградов С.Е.* Указ. соч. С. 106-108, 158, 163-166.
- 42 Там же. С. 315-325.
- 43 Там же. С. 176-187.
- 44 Там же. С. 207-241.
- 45 Там же. С. 176-187.
- 46 *Шаццло К.Ф.* Забастовка рабочих Николаевского судостроительного завода «Наваль» в январе-феврале 1916 г. Материалы к сессии. М., 1959. С. 11-16.
- 47 *Григорович И.К.* Указ. соч. С. 91, 201.
- 48 Там же. С. 93, 109, 119.
- 49 Там же. С. 59, 76, 102-103.
- 50 Там же. С. 128; *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения). М., 1997. С. 67-68.
- 51 *Григорович И.К.* Указ. соч. С. 65-66, 78.
- 52 Там же. С. 182, 165.
- 53 Там же. С. 65.
- 54 Там же. С. 49-50.
- 55 Там же. С. 49.
- 56 Там же. С. 193-194.
- 57 Там же. С. 5, 14-18, 20-24, 112, 123, 213-216, 218; *Шаццло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота. С. 18-19, 302; Морская историческая комиссия. Т. 1. СПб., 1998. С. 3-4.

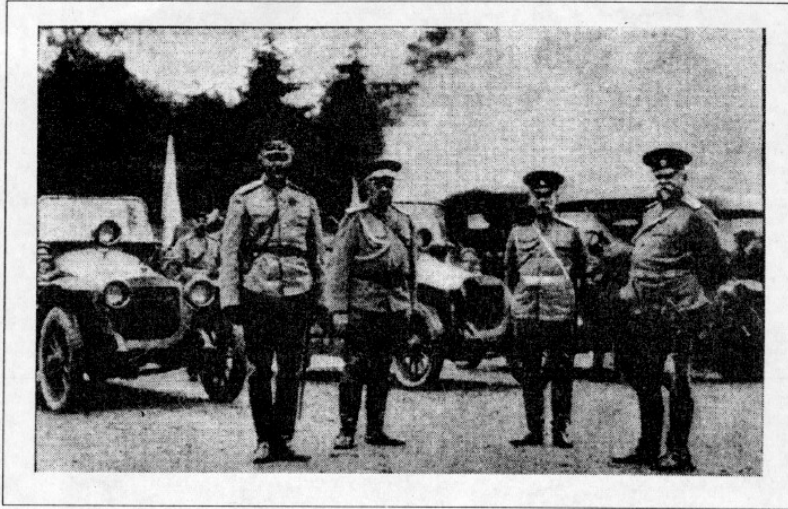
«Добиться создания русской армии,
равносильной германской»

В.А.СУХОМЛИНОВ И ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ 1905-1912 ГОДОВ

«Новый военный министр оказал русской армии огромную услугу, выведя ее из той анархии и маразма, в котором она пребывала. До прихода Сухомлинова было дезорганизованное вооруженное бессилие, с приходом Сухомлинова стала организованная вооруженная сила»

А.А.Керсновский

В отечественной историографии новейшего времени менее всего повезло военному министру России генералу В.А.Сухомлинову. Трудно отыскать исследователя и особенно мемуариста, которые бы не «вытерли ноги» об него. Одним из наиболее популярных было словосочетание «генерал от поражений». Между тем военный министр Сухомлинов был не хуже и не лучше других царских министров, в отличие от своих оппонентов, не проиграл ни одного сражения, а русскую мобилизацию 1914 года провел образцово, за что удостоился ордена в IV Государственной Думе. Редким исключением среди историографов является Керсновский, чья оценка места Сухомлинова в истории русской армии вынесена в эпитафию. Кроме А.А.Керсновского и другие авторы оценивают деятельность военного министра довольно высоко. Так, известный советский генерал М.Д.Бонч-Бруевич, служивший с Сухомлиновым в Киевском военном округе, в 1931 году писал: «Мое близкое общение с [генералом] Сухомлиновым за время с 1900 по 1914 год позволяет мне и даже обязывает меня выразить, что генерал Сухомлинов, несмотря на все его недостатки, был большой государственный человек, широко одаренный природой и обогатившийся обширным опытом в военном деле»¹. Эта оценка так сказать из «красного» лагеря. А вот, что писал в своих неопубликованных мемуарах сподвижник А.И.Деникина, бывший накануне мировой войны начальником мобилизационного отдела Главного Управления Генерального штаба, генерал А.С.Лукомский: «...и на посту военного министра

В.А.Сухомлинов (первый справа) и Я.Г.Жилинский
среди участников автопробега 1912 г.

он оставался тем же умным человеком, быстро схватывающим суть дела, чарующим собеседником и чрезвычайно приятным знакомым»².

Столь противоречивые оценки позволяют предположить, что истина находится где-то посередине. В ее поисках целесообразно проследить жизненный путь будущего военного министра России.

Владимир Александрович Сухомлинов родился 4(16) августа 1848 г. в местечке Тельшах Ковенской губернии. В 1867 г. он окончил Николаевское кавалерийское училище в Петербурге и был выпущен корнетом в Лейб-гвардии Уланский полк, находившийся в Варшаве. Через несколько лет службы корнет Сухомлинов поступил в Академию Генерального штаба, которую успешно окончил в 1874 г. и был прикомандирован к штабу войск гвардии Петербургского военного округа. Это в конечном итоге предопределило его будущий взлет на пост военного министра. В русско-турецкую войну 1877-1878 гг. капитан Сухомлинов был офицером для поручений при ставке Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (старшего). По окончании войны он возвратился в Петербург, где генерал М.И. Драгомиров предложил молодому офицеру место правителя дел Николаевской Академии Генерального Штаба. Новая должность давала возможность сделать в дальнейшем ему блестящую карьеру: командир полка, начальник офицерской кавалеристской школы в Петербурге, затем 10-й кавалерийской дивизии в Харькове и, наконец, с 1900 г. — начальник штаба Киевского военного округа у Драгомирова — вот ее ступени, предшествующие занятию генералом В.А. Сухомлиновым высших военных должностей империи.

В ту пору Россия переживала непростое время, отмеченное воцарением Николая II, поражением в русско-японской войне 1904-1905 гг. и первой русской революцией. Именно к этому периоду относится начало военно-реформаторской деятельности Сухомлинова. Следует отметить, что военные реформы 1905-1912 гг. и предшествовавшие им милютинские разделяло всего несколько десятилетий. Однако, в этот исторически короткий срок Россия участвовала в двух войнах, ко-

торых оказалось достаточно, чтобы убедиться в относительной эффективности осуществленных реформаторских мер.

Уже русско-турецкая война 1877-1878 гг., хотя и закончившаяся успешно, показала ограниченность военных реформ 60-70-х гг., проведенных Д.А. Милютиним. Сохранение такого пережитка крепостничества как самодержавие, не выпустившего из своих рук прерогативу назначения на высшие командные посты в армии, предопределяло в конечном итоге и качество генералитета. Основным критерием при кадровых назначениях была не профессиональная компетентность, а протекция высших сфер и самого царя. Общество влиять на эти назначения не могло. Отсюда слабость, если не сказать более, командного состава русской армии, да и всей военной системы. По справедливому замечанию американского историка Джона Бушнела «сохранение принципов и практики самодержавия определило границы, выйти за которые военная реформа уже не могла»³. Следующая война, которую пришлось вести России с Японией, это подтвердила вполне.

Русско-японская война выявила серьезные недостатки как в техническом оснащении армии, так и в ее организации, комплектовании и боевой подготовке. Не хватало пулеметов, отсутствовала полевая тяжелая артиллерия, снаряжение оказалось несовершенным, требовала реорганизации обозная часть. В соотношении между родами войск существовала серьезная диспропорция. Многие корпуса не полностью были укомплектованы артиллерией, а некоторые совсем не имели инженерных частей. Но, пожалуй, хуже всего обстояло с командным составом, особенно высшим. Главнокомандующий русской армией в Маньчжурии генерал А.Н. Куропаткин в своем прощальном приказе войскам в 1905 г. с горечью писал: «Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, во многих случаях в России не только не выдвигались вперед, а преследовались: в мирное время такие люди для многих начальников казались беспокойными, казались людьми с тяжелым характером и таковыми и аттестовывались. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди без характера, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем соглашаться с мнением своих на-

чальников, выдвигались вперед»⁴. Эти слова в полной мере можно отнести и к их автору.

Высшее военное управление — Главный штаб не обеспечил стратегического планирования и подготовки войск к войне с Японией. Хотя в военных действиях в Маньчжурии приняла участие едва ли треть русской сухопутной армии, материальные ресурсы ее были крайне истощены. По свидетельству служившего в то время в Главном штабе в должности начальника оперативного отделения, тогда еще полковника Ю.Н.Данилова, в течение всей войны личный состав и материальные средства пополнялись «из частей войск и военных запасов, оставшихся в Европейской России... Опрометчиво выхватывались из этих частей войск офицеры, нижние чины младших сроков службы, разного рода специалисты, более усовершенствованная материальная часть, а из складов — не только базисных и крепостных, но даже войсковых — всякого рода предметы и материалы артиллерийского, интендантского, инженерного и санитарного снабжения»⁵.

Подобные необдуманные, поспешные действия, по сути дела, дезорганизовали части западных округов. «Я отправлял, как в бездонную бочку, одну сотню за другой, штабы офицеров и даже весь контингент солдат призыва 1905 года, — вспоминал бывший командующий Киевским военным округом генерал Сухомлинов. — Это привело к тому, что личный состав у меня совсем расстроился, и я вынужден был шестнадцатиротные пехотные полки превратить в восьмиротные. В полках оказывалось всего по 10-12 офицеров вместо 60»⁶. В результате такой политики некогда крепко сколоченные части и соединения становились небоеспособными. А поскольку неприкосновенные запасы военной техники, боеприпасов, обмундирования и снаряжения, без которых невозможно перевести армию на военное положение, были в значительной степени израсходованы во время военных действий на Дальнем Востоке, то западная граница России оказалась фактически открытой.

Таким образом, после русско-японской войны России необходимо было воссоздать свою военную мощь практически заново, приводя организацию армии, вооружение, боевую подготовку войск в соответствие с требованиями развития

военного искусства начала XX века. На очереди дня было реформирование всей военной системы государства.

Генерал В.А.Сухомлинов принадлежал к тем русским военным деятелям, которые глубоко осознавали это. «В таком положении мы должны были лицедреть, как вооружение наших соседей росло и количество боевого материала увеличивалось. Опасность возникновения Европейской войны казалась нам поэтому для государства особенно чреватой последствиями. Настоятельным долгом нашим было поэтому принять все меры к восстановлению боеспособности наших вооруженных сил». Так он определял свое отношение к предстоящим реформам, но представление о том, как они должны были осуществляться у него и других военных деятелей, а тем более демократической общественности было разное⁷.

Поражение гигантской страны от маленького островного государства вызвало глубокое возмущение русской общественности. Причины военных неудач в Маньчжурии широко обсуждались на страницах печати всех политических оттенков, на заседаниях Государственной думы, в Зимнем дворце, великосветских салонах, в офицерских собраниях и казармах. Главным виновником этого национального позора значительная часть людей считала самодержавие. Еще шла война, а русская печать уже поставила вопрос о реформировании в армии. Так, газета А.А.Суворина «Русь» сразу после Мукденского разгрома писала: «Коренные реформы необходимы сверху донизу и, именно, начиная с высших инстанций, в неустойстве которых, главным образом, и кроется корень всех наших бед и неудач»⁸. Особенно резкий тон газетные статьи приобрели с окончанием войны и нарастанием первой русской революции.

Возмущение русского общества было столь велико, что наиболее одиозные фигуры из генералитета не смогли избежать ответственности. По всей России прогремел судебный процесс над главными виновниками предательской сдачи Порт-Артура генералами А.М.Стесселем, А.В.Фоком и К.Н.Смирновым. Главную роль в этом сыграли русские газеты и журналы. Это событие было крупной победой прогрессивной общественности над самодержавием, которое было

вынуждено отдать под суд выше названных лиц. Генерал Стессель был приговорен решением военного суда к смертной казни, замененной 10-летним заключением. В апреле 1909 г. он был помилован царем.

Критике в печати подвергалось многое в устройстве армии и флота, но в первую очередь досталось высшему командному составу, бюрократам военного министерства, генеральному штабу. В этом сходились газеты почти всех политических направлений. Известный правый журналист М.Меньшиков из «Нового времени» предлагал свой способ спасения армии: «Мне кажется есть верное средство погасить военное брожение. Это средство — решительная реформа высшей администрации. Пока армия и флот видят, что решительно ничего не изменилось ни в министерстве, ни в штабах, ни в канцеляриях, ни в воинских частях, пока армия видит, что во главе дела те же люди, что подготовили эту войну, или очень похожие на них, пока армию преследуют те же порядки и те же беспорядки, — разве может быть армия удовлетворенной, уверенной в завтрашнем дне? Униженная и оскорбленная, армия нуждается, чтобы найдены были виновные и хоть часть позора была снята с героев... Спасти армию — и вместе с нею Россию — могла бы коренная, беспощадная перемена военного управления, решительная замена старых людей новыми»⁹.

М.Меньшиков подчеркивал, что «кроме рати, прошедшей трехлетний солдатский курс и представляющий несколько подученное ополчение, нужна категория войск постоянных»¹⁰.

Призывы печати находили живой отклик в армейской и флотской среде. Особенно волновались патриотически настроенные и либерально мыслящие офицеры. По словам Деникина, который сам был участником войны: «...маньчжурская неудача послужила для большинства моральным толчком к пробуждению, в особенности среди молодежи. Никогда еще, вероятно, военная мысль не работала так интенсивно, как в годы после японской войны. О необходимости реорганизации армии говорили, писали, кричали»¹¹. В начале 1906 г. группой молодых офицеров во главе с подполковником В.А.Апухтиным, полковниками В.Ф.Новиц-

ким, А.В.Шварцем и капитаном Н.К.Шнеуром была основана частная военно-общественная газета «Военный голос». На ее страницах систематически печатались статьи, в которых в острой форме ставился вопрос о военных реформах и предлагалась конкретная программа их проведения. При этом редакция в отличие от «Нового времени», особенно подчеркивала, что «военные силы России должны составлять не милиция.., а постоянная армия и флот, верховным вождем которых является монарх; единство военных сил империи ни в коем случае не должно быть нарушено, все части военных сил, военнослужащие должны быть уравнены в бытовом и служебно-правовом отношениях и воспитаны в сознании военно-гражданских обязанностей, и, наконец, армия и флот должны стоять вне политики»¹². Идеи, пропагандируемые «Военным голосом» находили живой отклик в военной среде. Однако, смелая критика существующей в России военной организации и армейских порядков, а также смелая пропаганда реформ вызвали недовольство в консервативных военных кругах. Газета была объявлена вредной и с 9 сентября 1906 г. закрыта.

Как же представляли себе военные реформы демократически настроенные офицеры и что могло напугать генералитет. Вероятно наиболее четко их точку зрения выразил ген. Д.Парский, статьи которого печатались «Военным голосом». Он следующим образом сформулировал перечень важнейших реформ: «1) Нравственное возрождение армии; стремление к возможной справедливости и к уничтожению произвола; меры к поднятию воинского духа. 2) Более прочная постановка воспитания офицера и солдата. 3) Поднятие образовательного их уровня. 4) Утверждение в армии дисциплины, чувства долга и патриотизма в лучшем значении этих слов. 5) Установлении однообразного офицерского состава. 6) Поднятие личности и ограждение прав всех военнослужащих вообще, с предоставлением каждому из них необходимой самостоятельности, регулируемой законом и начальствующими лицами. 7) Введение более справедливых и надежных способов оценки службы и назначений на должности вообще. 8) Изменение уклада армии и направления служебных требований, как в смысле соответствия их с поднятием личности и с

ограждением прав каждого чина, так и в отношении приурочения их к боевым целям. 9) Исключение из войскового обихода всего того, что не соответствует духу военной службы и тормозит успех боевой подготовки. 10) Улучшения в постановке и прохождении строевой службы; поднятие строя вообще. 11) Соответствующая реорганизация центральных и местных военных управлений; децентрализация высшего управления армией и установление связи в работе всех ведомств и органов по подготовке к войне. 12) Реформирование службы Генерального штаба путем привлечения его к делу подготовки к войне и, в частности, к боевой подготовке войск: правильная постановка штабной службы. 13) Необходимые изменения в системе мобилизации армии и в способе выбора людей для службы в ней. И, наконец, 14) Улучшение материального положения офицера и солдата на службе и по окончании ее»¹³.

Нетрудно заметить, что программа реформ, предлагавшаяся Парским не затрагивала главного источника бед русской армии — самодержавия. Хотя он и усматривал связь вооруженной организации страны с ее общественным строем. Но и такие предложения правящими кругами воспринимались как крамольные.

В 1908 г. в недрах самого военного министерства образовался неофициальный кружок из весьма ответственных лиц под председательством генерала В.И.Гурко, в то время председателя Военно-исторической комиссии по написанию официальной истории русско-японской войны. В нем совместно с некоторыми представителями Комиссии по государственной обороне обсуждались вопросы военного строительства перед их официальным рассмотрением в Государственной Думе¹⁴. Однако, вскоре он был разогнан военным министром Сухомлиновым¹⁵. Этим актом совершенно четко было указано, кто должен проводить реформы.

Какова же была позиция представителей «высших сфер»? В своей первой речи в Государственной Думе новый председатель совета министров П.А.Столыпин недвусмысленно дал понять, что царизм не отказывается от великодержавной политики: «...если мы хотим сохранить наше военное могущество, ограждая вместе с тем самым достоинство нашей роди-

ны, и не согласны на утрату принадлежащего нам по праву места среди великих держав, то нам не придется отступить перед необходимостью затрат, к которым нас обязывает все великое прошлое России»¹⁶.

Началом серьезных перемен в вооруженных силах послужили изменения в высшем военном руководстве. В феврале 1905 г., когда война еще шла, в Петербурге был учрежден Совет государственной обороны (СГО) — коллегиальный орган, в состав которого вошли военный и морской министры, вышедшие из подчинения председателю Совета министров, начальник Морского Генерального штаба, начальники Главного и Главного морского штабов, а также генерал-инспекторы всех родов войск. С согласия императора на правах членов могли приглашаться другие министры и высшие начальствующие чины армии и флота. Сухомлинов, характеризуя новый орган, заметил, что «это было именитое общество безработных великих князей, внедолжностных сенаторов, новых государственных деятелей и других лиц, туда попадавших»¹⁷. Председатель СГО имел право личного доклада императору. Возглавил СГО двоюродный дядя Николая II в. кн. Николай Николаевич (младший). Из всей семьи Романовых это был, пожалуй, наиболее подготовленный в военном отношении человек: он окончил с серебряной медалью Николаевскую академию Генерального штаба, долго служил в армии на строевых должностях. «Не было равного ему в искусстве поддерживать строевую дисциплину, обучать солдат и готовить военные смотры», — так говорил о нем его двоюродный брат, в. кн. Александр Михайлович¹⁸.

Новый орган предназначался для объединения управления армией и флотом и согласования деятельности всех ведомств, связанных с работой на нужды обороны. За время своей деятельности он разработал программу военного строительства, сыграв важную роль в деле восстановления боеспособности вооруженных сил после русско-японской войны.

В своей работе новый орган должен был учитывать общественное мнение страны, поэтому одним из важнейших мероприятий, проведенных СГО стало обновление старшего командного состава армии. В этих целях 6 апреля 1906 г. при СГО создается высшая аттестационная комиссия, на кото-

рую «возложено всестороннее рассмотрение аттестаций на генеральских чинов, выяснение степени пригодности этих чинов к службе и предоставление достойных к зачислению в кандидаты на высшие командные должности до начальников отдельных бригад включительно»¹⁹. Только в 1906-1908 гг. комиссией из армии было уволено 4307 человек из лиц командного состава по возрасту и несоответствию занимаемой должности²⁰. Всего же из армии уволили 7000 офицеров и генералов. Однако следует заметить, что из армии изгонялись и те из начальствующих лиц, кто не проявил должного усердия в расправах с участниками революционного движения, и, наоборот, активных душителей революции оставляли на службе и даже продвигали²¹. Деникин в «Очерках русской смуты» констатировал, что «бездарности все же оставались на своих местах, губили и войска и операции»²². Этому способствовала также и система протекционизма, остававшаяся неотъемлемой частью русского государства того времени.

Пристальное внимание СГО обратил на улучшение быта солдат. В его постановлении 30 ноября 1905 г. говорилось: «...для предотвращения возможности появления брожения в войсках необходимо теперь же устранить всякий скольконибудь основательный повод для справедливых жалоб со стороны нижних чинов: нужно, чтобы солдат был сыт, одет и обут без всякой помощи со стороны»²³. 6 декабря был издан соответствующий приказ по военному ведомству об улучшении быта и довольствия солдат²⁴. Им было увеличено жалованье, в рацион питания введены чай, сахар. Солдат, наконец-то, получил от казны мыло, одеяло, постельное белье, вместо материала — готовое нижнее белье.

По приказу царя было улучшено положение строевых сверхсрочнослужащих унтер-офицеров. Им было увеличено жалованье, предоставлена возможность получать чин подпрапорщика после прохождении соответствующего курса и сдачи экзамена. Этими мерами надеялись снять напряжение в войсках, способствовать сохранению и упрочению кадров младшего командного состава. Введение чина подпрапорщиков давало возможность образовывать и накапливать запас для замещения младших офицерских должностей во время войны.

Во время русско-японской войны в результате девяти частичных мобилизаций были призваны запасные нижние чины из всех военных округов. Это вызвало серьезную тревогу в Генеральном штабе, так как при общей мобилизации полностью укомплектовать армию военно-обученным запасом не удалось бы. 20 марта 1906 года был опубликован царский указ о сокращении сроков действительной службы с 5 лет до 4, на флоте — с 7 до 5 лет. Служба в запасе была разделена на два разряда. По первому проходили службу лица младшего возраста, которые пополняли полевые войска, по второму — более старшие возраста, которыми укомплектовывались резервные войска и тыловые учреждения. Введение сокращенных сроков службы позволило уже к 1908 г. восстановить численность армии до довоенного уровня.

Вслед за созданием СГО встал вопрос о реформировании самого Военного министерства. Структура Главного штаба, принятая еще в эпоху милютинских реформ, уже к концу XIX века перестала отвечать уровню развития вооруженных сил России и военного дела в целом. В 1894 г. начальник Главного штаба генерал-адъютант Н.Н.Обручев выступил с предложением о его реорганизации с целью сделать этот орган управления способным выполнять работы «высшего стратегического порядка». Однако, вопрос сразу решен не был. Только в 1900 г. при военном министре А.Н.Куропаткине возобновилась подготовка реорганизации Главного штаба. 11 апреля 1903 г. был объявлен новый штат Главного штаба и положение о нем²⁵. Оперативно-стратегическими вопросами, или службой Генерального штаба, занималось только одно управление 2-го генерал-квартирмейстера. Русско-японская война показала, что оно совершенно не справлялось со своими задачами. Поэтому еще в ходе войны вновь встал вопрос о перестройке службы Генерального штаба²⁶.

Разработку новой организации высшего военного управления возглавил ближайший сотрудник в. кн. Николая Николаевича — инспектор кавалерии генерал-лейтенант Ф.Ф.Палицын, высокообразованный офицер, хорошо знакомый с методами работы германского Генерального штаба, но чрезвычайно медлительный и осторожный²⁷. Он разработал проект создания самостоятельного органа управления, неза-

висимо от военного министра, наподобие германского Большого Генерального штаба.

Сразу же после Цусимы, 21 мая (3 июня) 1905 г. в Царском Селе собралось совещание под председательством Николая II. На нем, в частности было решено немедленно учредить должность начальника Генерального штаба, который специально бы занимался вопросами стратегического планирования. 21 июня (4 июля) 1905 г. приказом по военному ведомству было объявлено Положение о начальнике Генерального штаба. Им стал Палицин. В его обязанности входило: объединять действия окружных штабов по разработке планов войны, руководить службой и военно-научными работами Генерального штаба; следить за развитием и усовершенствованием всех отраслей военного дела, способствуя распространению военных знаний в армии²⁸. Начальник Генштаба подчинялся непосредственно царю, «имея по делам к кругу ведения его относящихся личный доклад императору». У него в подчинении находились Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), Николаевская академия Генерального штаба, все офицеры, занимающие штатные должности по Генеральному штабу, офицеры корпуса военных топографов, «железнодорожные и технические для связи войска»²⁹.

25 июня 1905 г. из состава Главного штаба было выделено управление 2-го генерал-квартирмейстера, управление военных сообщений, военно-топографическое управление и образовано Главное управление Генерального штаба. В него вошли также мобилизационный отдел и отделение по службе Генерального штаба. Военное ведомство оказалось расчлененным на две части: собственно Военное министерство во главе с министром и ГУГШ во главе с самостоятельным начальником Генерального штаба. Первое занималось административно-хозяйственными вопросами и заведовало личным составом, в ведении второго находились вопросы подготовки к войне в стратегическом отношении. Вскоре, по словам Ю.Н.Данилова, выяснилось, что начальник Генерального штаба «оказался не только совершенно оторванным от жизни и практической работы, но и вполне бессильным в проведении тех мер, кои казались необходимыми и неотложны-

ми. Его личная самостоятельность и независимость превратились весьма скоро в источник не силы, а его слабости. Настоящим хозяином дела оставался военный министр. Начальнику же Генерального штаба в лучшем случае выпадала роль почетного консультанта или ходатая по военным делам. Всякая мера, требовавшая изменения существующего положения или нового денежного расхода, должна была неизбежно проходить через органы Военного министерства, где, конечно, могла обрабатываться в соответствии со взглядами и предположениями главы этого министерства»³⁰. Случалось, что военный министр и начальник Генерального штаба направляли в военные округа взаимоисключающие друг друга приказы. К тому же дело усугублялось личной неприязнью военного министра А.Ф.Редигера и Ф.Ф.Палицина. Последний, по словам А.С.Лукомского, «будучи крайне трудоспособным и образованным, был безвольный и боялся с кем-либо ссориться (стремился все устраивать по хорошему, не сердить сильных мира сего или лиц властных и занимающих крупные посты)»³¹.

В.А.Сухомлинов, в то время командующий Киевским военным округом, был ознакомлен по желанию императора с проектом реорганизации армии. Он ему активно не понравился: «Проект великого князя, — указывал Сухомлинов, — способствовал не устранению господствовавшего беспорядка в армии, но прямым путем вел к анархии сверху — к неизбежному результату столь многоголового управления и отсутствия у Государя одного ответственного лица, каким был военный министр». Свое мнение он доложил лично Николаю II. Однако, мнение великого князя восторжествовало.

В середине 1905 г. были введены должности генерал-инспектора родов войск (пехоты, кавалерии, артиллерии, инженерных войск и военно-учебных заведений), подведомственные Совету государственной обороны, а фактически царю. В их обязанности входили: совершенствование уставов, наставлений и инструкций; совершенствование войсковой подготовки и др. Генерал-инспектора, как правило, не считались с командующими войсками, вмешиваясь в их распоряжения.

В результате реформ центрального военного управления создалось многовластие, еще более дезорганизовавшее и без того расстроенную войной армию. По свидетельству Сухоминова, «с 1905 года, таким образом, армия имела две головы, долженствовавшие вскоре превратиться в полюсы, между которыми неминуемо должны были возникнуть на петербургской почве интриги политического и личного характера»³². У него самого вспыхнул конфликт с великим князем Николаем Николаевичем именно на этой почве.

В Военном министерстве по указаниям председателя Совета министров П.А.Столыпина и великого князя Николая Николаевича шла разработка программы военного строительства, направленной на улучшение боевой подготовки армии и ее материально-технического обеспечения. В декабре 1906 г. военный министр Редигер предоставил в СГО специальный доклад по этому вопросу. В нем предусматривалось некоторое сокращение численности армии, проведение ряда мероприятий по улучшению боевой подготовки войск и снабжения запасами всякого рода. Для претворения этой программы в жизнь требовалось 2133 млн. рублей одновременно и в дальнейшем по 145 млн. рублей ежегодно³³. Таких денег в казне не было. В виду неосуществимости финансирования в таком объеме Редигер приказал разработать программу-минимум, но и она оказалась весьма дорогостоящей — 425 млн. руб. одновременно и по 75 млн. руб. ежегодно сверх обыкновенного бюджета военного министерства³⁴. Но на этом дело заглохло. Николай II не разрешил обращаться в Думу по вопросу об ассигновании средств на нужды военного министерства. Все его помыслы в то время были заняты военно-морской программой.

Оставался только один выход: сократить армию и на сэкономленные деньги провести ее модернизацию, но это означало, что царизму необходимо отказаться от великодержавной внешней политики. На это, как указывалось выше, он пойти не мог. Поэтому по решению великого князя Николая Николаевича при СГО создали особую комиссию под председательством генерала от инфантерии М.А.Газенкампа, которая должна была в пределах минимальных средств разработать план реорганизации армии³⁵. Однако, она оказалась не

склонной проводить широкие военные преобразования. Ее члены считали: «В общем организация нашей армии не страдает коренными недостатками; существуют лишь некоторые частности, устранив которые мы обеспечим нашей армии благоприятные условия боевой подготовки в мирное время и боевой деятельности в военное время»³⁶. Практических результатов работа комиссии не дала.

К тому же так и не был решен вопрос о разделении скудных государственных средств между армией и флотом³⁷. Все запросы сухопутного ведомства о выделении кредитов для нужд армии оставались втуне. Только Боснийский кризис начала 1908 г. стимулировал казну выделить средства на нужды военного министерства. В мае в Государственный Совет и Думу было внесено представление, испрашивающее 299 млн. рублей на пополнение запасов, снабжение армии пулеметами, на формирование гаубичных батарей. Речь шла, как видим, о самых неотложных мерах по укреплению армии, восстановлению ее боевой мощи.

18 июня (1 июля) 1908 г. Государственная Дума выделила Военному министерству 293 млн. рублей необходимых для проведения в жизнь минимальных мер по поддержанию боеспособности армии. Выступая через три года в Думе, помощник военного министра генерал А.А.Поливанов заявил: «Армия была лишена тогда многого для нее необходимого, причем эта необеспеченность ее проистекала не только от расхода, неизбежного на каждой войне, но и от того, что она находилась в состоянии *отсталости* по снабжению ее средствами, созданными военной техникой. Тогда, в 1908 г., не хватало госпитальных запасов; совсем почти не было некоторых средств борьбы, на необходимость которых указывал как опыт войны, так и пример соседних государств: не было гаубиц, пулеметов, горной артиллерии, полевой тяжелой артиллерии, искровых телеграфов, автомобилей, т.е. таких средств, которые в настоящее время признаются необходимым элементом сильной армии; скажу коротко: в 1908 г. наша армия была не боеспособна»³⁸.

Наряду с «выбиванием» военным министерством кредитов, перетасовкой в высшем военном управлении, в Совете Государственной обороны продолжалась разработка различ-

ных вариантов реформирования армии. В конце 1907 — начала 1908 гг. появилось два новых проекта: «Программа развития и реформ сухопутных вооруженных сил России», разработанная начальником Генерального штаба Палицыным и обер-квартирмейстером ГУГШ Алексеевым, и доклад «О преобразовании нашей армии» начальника Главного штаба А.Е.Эверта. В обоих документах организация русской армии признавалась неудовлетворительной. Обсуждение этих документов на расширенном заседании Совета Государственной обороны в марте-апреле с участием Столыпина ничего не дало. Его участники констатировали, что средств для коренной реорганизации армии у государства нет. Предлагалось ограничиться незначительными мерами, не требующими крупных расходов от казны.

В январе — феврале 1908 г. вопрос о реформах обсуждался в Совете министров. Возникла идея разработать специальную концепцию реформ. Николай II наложил на журнале Совета министров от 1(14) февраля 1908 г. следующую резолюцию: «Общий план обороны государства должен быть короткий и ясный — на одно или два десятилетия». По утверждению монарха он должен быть «неуклонно приводим в исполнение»³⁹. Выполняя приказ императора Столыпин поручил Палицыну разработать такой план. Быстро подготовленный начальником Генерального штаба «Общий план обороны государства» представлял собой, по словам автора, «первый опыт объединения в одно целое и в известной системе разнообразных потребностей вооруженной силы»⁴⁰. 7(20) мая план был доложен Столыпину и одновременно разослан во все управления военного министерства с указанием подготовить расчеты, связанные с исполнением намечаемых мер.

В плане обороны четко и определенно формулировались цели и содержание всеобъемлющей реформы вооруженных сил. В личной записке военному министру Редигеру Палицын пояснял, что целью реформ является воссоздание «военной мощи России, обеспечивающей безопасность и поддержание ее политического и мирового положения»⁴¹. Палицын считал, что первоочередными мерами по восстановлению военной мощи России должны быть снабжение

армии и крепостей всем необходимым согласно расчетам, установленным до русско-японской войны, усиление снабжения войск, исходя из опыта войны. Он считал необходимым также создать запасы на Дальнем Востоке, принять меры по улучшению организации и мобилизации армии. Все это, по мнению Палицына, и должно составлять общий план реформ.

В процессе разработки планов реорганизации армии между ГУГШ и Главным штабом выявились и некоторые разногласия. Начальник Генерального штаба считал, что при существующей численности армии в случае войны на западе России грозит «встретиться с численно превосходными силами противниками»⁴². Он полагал, что этот недостаток может быть преодолен путем преобразования «мирной смешанной резервно-полевой организации армии в чисто-полевую организацию войск в мирное время, с обеспечением возможности реформирования резервных и войск вспомогательного назначения с объявлением мобилизации»⁴³. Иной точки зрения придерживался Совет Государственной обороны. Большинство его членов считали, что «существующая организация полевых и резервных войск должна быть сохранена»⁴⁴.

Вскоре, однако, Палицын приступил к работе над новым, более обширным документом, именуемым в служебной переписке «Общий план обороны государства». Он получил название «Доклада о мероприятиях по обороне государства, подлежащих осуществлению в ближайшее 10-летие»⁴⁵. В этом фундаментальном исследовании анализировалось состояние вооруженных сил России и предлагалась концепция проведения радикальной реформы сухопутной армии.

Палицын полагал, что проводимая военная реформа должна соответствовать политическому положению России — ее статусу великой державы. Основной целью развития русской армии провозглашалась «готовность к борьбе с коалицией вероятных наших противников». Для ее достижения предлагалось провести ряд мероприятий, связанных единым замыслом, которые «не требуя чрезмерных затрат и не вызывая резкой ломки, могут быть осуществлены в ближайшее время и вместе с тем явятся первым шагом выполнения всей программы развития наших вооруженных сил». Исходя из того,

что по численности населения Россия превосходит потенциальных противников, Палицын, считал, что армию мирного времени следует увеличить до 1% от его численности. В этом случае, «сравнявшись с ними и поддерживая это напряжение впредь, будем всегда превосходить вероятные коалиции как по силе армии, так и по числу обученных людей»⁴⁶. В то же время он указывал на необходимость избежать войны на два фронта — в Европе и на Дальнем Востоке — и сосредоточить свои главные силы против Германии и Австро-Венгрии.

Дислокация армии должна отвечать требованию сосредоточения сил против любого из вероятных противников, будь то в Европе или Азии. Предлагалось, чтобы сухопутная армия в мирное время состояла исключительно из полевых войск, резервные же формирования создавались только в военное время. Ставилась также задача введения единой организационно-штатной структуры частей и соединений. От новой организации войск требовалось «обеспечивать правильную боевую подготовку в мирное время и правильную работу ее в военное». Это, по мнению начальника Генерального штаба, могло быть достигнуто усовершенствованием тактической организации войск, сохранением организационной структуры в военное время, обеспечением войск в достаточной степени техническими средствами Палицын считал, что «правильный ход мобилизации и своевременное ее окончание» возможно осуществить за счет применения территориальной системы комплектования войск.

Разумеется, Палицын не строил иллюзий относительно быстроты проведения реформ. Как опытный генштабист, он считал, что осуществить их можно только долговременной упорной работой «по твердо установленной программе»⁴⁷. И действительно, для проведения столь широкомасштабной военной реформы необходимы были крупные средства, которых в данный момент в распоряжении государства не было. Это обстоятельство отнюдь не обескураживало начальника Генерального штаба. Он предупреждал: «...Настоящие реформы никогда не вытекают из предварительных расчетов о количестве имеющихся свободных средств на их проведение: они должны быть продиктованы естественным стремлением совершенствования по пути наибольшей пользы государства»⁴⁸.

Учитывая вынужденность по финансовым соображениям проводить военные реформы постепенно, Палицын наметил группу конкретных мер. Очередность их реализации выглядела следующим образом: в первую включались: обеспечение войск артиллерийскими (в том числе новой техникой и пулеметами), инженерными, продовольственными, вещевыми, обозными и санитарными запасами, необходимыми для ведения войны; улучшение инженерной подготовки пограничных районов.

Ко второй группе мер относилось: установление законом процентного отношения численности армии от численности населения, что давало возможность полнее использовать людские ресурсы России для комплектования вооруженных сил. По мнению Палицына, наличие под ружьем в мирное время 1-го процента населения давало возможность при трехлетнем сроке службы иметь достаточный запас военнообязанных для ведения интенсивной и продолжительной войны. Предлагаемая реорганизация армии включала также усиление полевых войск за счет ликвидации резервных, увеличение численности кадров мирного времени, соблюдение пропорциональности между родами войск.

В третью группу входили меры, которые могли быть осуществлены лишь в масштабе всего государства. Это воссоздание боевого флота; реформы военно-учебных заведений; введение территориальной системы комплектования; работа среди населения по распространению военных знаний, а также воспитание его в духе дисциплины и национального самосознания.

В завершение своего доклада Палицын подчеркнул, что предлагаемая программа деятельности военного министерства не претендует «на перечисление всех решительно мероприятий»; цель ее — «установление определенного пути» на основе оценки существующего положения дел в военной подготовке страны и ликвидация ее недостатков⁴⁹. Разработкой этой программы собственно и закончился первый период реформ. В принципе концептуальная часть программы реформ была готова. Оставалась на ее основе выработать план конкретных действий и начать претворять его в жизнь.

К этому побуждала и международная обстановка в Европе, которая после русско-японской войны значительно осложнилась для России. Обострились англо-германские противоречия. Сложились две враждебные коалиции: Германия, Австро-Венгрия и Италия, с одной стороны, Англия и Франция, — с другой. Центр внешнеполитических усилий царского правительства в 1906-1910 гг. вновь переместился с Дальнего востока на Балканы и Ближний Восток, где к этому времени значительно укрепили свои позиции Австро-Венгрия и Германия.

Центральные державы захватили также преобладающие позиции и на Ближнем Востоке, все больше подчиняя своему влиянию Турцию. В этих условиях в конце января 1908 г. на совещании министров обсуждалось предложение Ф.Ф.Палицына прибегнуть к силовому давлению на Порту. Министр иностранных дел Извольский, констатировав тревожные для России симптомы на персидском и балканском театрах, предложил в случае кризиса искать сближения с Англией, скоординировав с ней совместные военные мероприятия. Однако помощник военного министра А.А.Поливанов напомнил о военной неподготовленности России, заявив, что приведение армии в порядок «потребует громадных средств и долгого ещё времени». А морской министр И.М.Диков указал на неготовность Черноморского флота к военным действиям.

Попытка Извольского добиться одобрения политической линии, проводимой с твердостью, подобающей великой державе, провалилась. Столыпин, председательствовавший на совещании, категорически заявил о невозможности для России проводить решительную политику до тех пор, пока она не укрепится и «снова не займет принадлежащий ей ранг великой державы». Спустя несколько дней Совет государственной обороны подтвердил специальным постановлением, что вследствие крайнего расстройств материальной части армии и неблагоприятного внутреннего положения необходимо избегать действий, могущих вызвать политические осложнения*.

Во время Боснийского кризиса 1908-1909 гг., вызванного аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, Россия пыталась помешать этому, однако, перед угрозой войны с Германией вынуждена была отступить. Царское правительство понимало, что только мощь вооруженных сил позволит России оставаться в ряду великих держав. В 1907 г., когда расстановка сил в Европе в достаточной степени определилась, Россия примкнула к Антанте. Это обстоятельство определило дальнейшее направление военных реформ, характеризовавшихся наращиванием русской военной мощи.

Второй период военных реформ начался с ликвидации существовавшего в армии многовластия. В июле 1908 г. острые разногласия в высших кругах по вопросу о путях военного строительства привели к отстранению от должности главы Совета государственной обороны в. кн. Николая Николаевича. С отставкой дяди царя СГО фактически прекратил свое существование, заседания этого органа более не проводились, а 12(25) августа 1909 г. он был формально упразднен. Вслед за этим в верхах военного ведомства произошли значительные кадровые изменения. Отставка великого князя вызвала увольнение близких к нему людей. 13(26) ноября 1908 г. Палицын был заменен генералом Сухомлиновым.

Новый начальник Генерального штаба был опытным генералом, хорошо знавшим и строевую, и штабную службу. Вместе с тем на этом поприще он проявил недюжинные таланты царедворца: сразу же отказался от отдельного доклада царю, добровольно поставив себя в подчинение военного министра. Сухомлинову это было тем легче сделать потому, что он сам лично был противником создавшегося в военном ведомстве многовластия. По его словам к осени 1908 г. «командной власти грозила опасность полнейшего расстройств»⁵⁰.

Картину своего вступления в новую должность начальник Генерального штаба описывает так: «Прием и сдача столь крупного управления (Главного управления генерального штаба — А.В.) с деловой и формальной стороны происходили весьма просто: Палицын передал мне ключ от своего порожнего письменного стола и, когда я попросил его дать мне программу работ по обороне, — он трагически указал паль-

* История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. М., 1997. С. 226-227.

цем на свой лоб!»⁵¹. Это конечно не означало, что ничего не было сделано. Как мы видели выше концепцию военных реформ Палицын и его помощники разработали, но конкретных планов реорганизации действительно еще не было. Это как раз и предстояло осуществить Сухомлинову, свою задачу в должности начальника Генерального штаба понимавшего «с точки зрения необходимости воспользоваться уроками японской кампании и успехами в области современной техники — для развития и усовершенствования нашей армии»⁵².

На посту начальника Генерального штаба Сухомлинов оставался недолго. Николай II, недовольный позицией военного министра А.Ф.Редигера по отношению к Государственной Думе, 11 (24) марта расстался с ним. Поводом послужила критика Редигером высшего командного состава, который он с думской трибуны обвинил в бездарности⁵³. Военным министром был назначен Сухомлинов. Через несколько дней последовало назначение нового начальника Генерального штаба, которым стал генерал А.З.Мышлаевский.

После упразднения Совета государственной обороны власть военного министра значительно усилилась. Он возглавил высшую аттестационную комиссию, генерал-инспектора родов войск перешли в его непосредственное подчинение. 11(24) ноября 1908 г. Главное управление Генерального штаба снова вошло в состав Военного министерства, а начальник Генерального штаба оказался подчинен военному министру. Осенью 1910 г. была принята новая структура ГУГШ, которое и по новым штатам продолжало оставаться ведущей частью Военного министерства. В его функции входили разработка планов войны, составление мобилизационных расписаний, планов дислокации войск, организации разведки. В результате этих мероприятий единство центрального военного управления было восстановлено.

Новый руководитель военного ведомства, исходя из установок «Общего плана», в декабре 1909 г. представил царю «Записку о мероприятиях по государственной обороне». Это была конкретная программа реорганизации сухопутной армии. Министр предлагал: «1) реорганизовать армию, устранив все выяснившиеся недочеты, но отнюдь не сокращая

численность войск, и без того недостаточных для борьбы с нашими главными соседями; 2) улучшить условия комплектования и мобилизации армии, приняв особые меры к увеличению офицерского состава; 4) пересмотреть вопрос о числе и соответственном устройстве наших крепостей и инженерной подготовке пограничных районов вообще и 5) обеспечить возможность дальнейшего правильного развития нашей армии, поставив вопрос о бюджете военного ведомства в условиях, соответствующие жизни»⁵⁴.

Идеи Сухомлинова в основном совпадали с идеями Палицына и Алексеева. Новой была мысль об осуществлении реорганизации армии без увеличения тягот населения по выполнению воинской повинности «и, для сего, не увеличивать временно численности армии в мирное время». Военный министр предлагал «не отягощать государственный бюджет новыми постоянными расходами», провести некоторые организационные изменения в составе армии, а освободившийся личный состав и сэкономленные при этом денежные средства использовать для усовершенствования структуры войск⁵⁵.

В пехоте намечалось упразднить резервные и крепостные войска и за их счет усилить полевую пехоту; установить новую организацию резервных частей, включив некоторый запас в кадры полевых войск; упрочить кадры полевых частей, для чего увеличить штат пехотного полка. В артиллерии предлагалось ликвидировать резервные и вылазочные батареи и за их счет образовать скрытые кадры, что при мобилизации обеспечивало бы каждую резервную дивизию своей резервной артиллерийской бригадой; усилить полевую артиллерию, сформировать полевые мортирные (гаубичные) и полевые тяжелые батареи, а также создать тяжелую армейскую артиллерию. Кроме того проектировалось увеличение численности технических войск (инженерных и воздухоплавательных), а также улучшение организации высших соединений.

В отличие от Совета государственной обороны и Главного штаба, Сухомлинов категорически возражал против численного сокращения армии. Он писал: «По поводу предложения сократить армию и ее боевые приготовления, дабы этим путем приискать необходимые ресурсы на усовершенствование

средств обороны, могу сказать, что противники наши несомненно поставили бы памятник тому министру, который на это согласился бы. Удостоиться такой чести я лично не имею никакого желания»⁵⁶. Военный министр признавал, что его проект реорганизации «по необходимости составлен при условии обойтись без увеличения бюджета военного министерства». Особые средства требовались на модернизацию материальной части и усиление технического оснащения войск. Эти потребности исчислялись в 715 млн. рублей. Из них на пополнение материальной части, обеспечение армии гаубицами, пулеметами, автомобилями — 132 млн. рублей, на крепости — 388 млн. рублей, на тяжелую артиллерию — 84 млн. рублей, на строительство стратегических дорог — 144 млн. рублей. При этом не исключалось, что приведенные цифры ввиду непрерывного развития артиллерии у потенциальных противников, «не исчерпывают будущих расходов»⁵⁷. С запрашиваемой суммой средств и ее аргументацией военный министр персонально ознакомил членов совета министров А.П.Извольского, А.В.Кривошеина, П.А.Харитонову, А.И.Шварца, С.В.Рухлова, С.М.Тимашева и др. Таким способом Сухомлинов хотел убедить правительство в настоятельной необходимости ассигнования именно этой суммы.

Между тем в Мобилизационном комитете Главного штаба под председательством его начальника генерала А.З.Мышлаевского еще с 1908 г. шла разработка проекта преобразования армии. При этом комитету еще тогда была поставлена задача: «1) Все преобразования должны быть осуществлены в пределах существующей численности армии, а если возможно то и с сокращением ее. 2) Преобразования армии не должны вызвать новых постоянных расходов от казны»⁵⁹. Предложения Сухомлинова стали для него как и для других Главных управлений военного министерства основной директивой при проведении реорганизации сухопутной армии. Все доклады Мобилизационного комитета о преобразовании пехоты, артиллерии, инженерных и железнодорожных войск были утверждены Николаем II. Император повелел расформировать все резервные и крепостные части пехоты с их управлениями и утвердил порядок формирования новых полевых дивизий и развертывания стрелковых бригад⁶⁰.

Основное внимание при осуществлении реорганизации армии было уделено усилению полевых войск. По мнению руководства военного ведомства, ввиду предполагавшегося скоротечного характера будущей войны именно на них должна лечь вся тяжесть первого этапа вооруженной борьбы. Ликвидировались слабые в боевом отношении резервные и крепостные войска. Это высвободило 12,3 тыс. офицеров, 1,2 тыс. классовых чинов, 334,5 тыс. солдат и унтер-офицеров. Из них было сформировано семь новых полевых дивизий и стрелковая бригада. В целом полевая пехота увеличилась на 13 процентов и составила 70 дивизий и 17 стрелковых бригад.

В результате такой реорганизации пехоты вся сухопутная армия стала иметь однородный состав. Различались части двух типов: 4-батальонный пехотный или стрелковый полк и 2-батальонный стрелковый полк. Все полевые войска были сведены в 37 корпусов. Вместо резервных частей при полевых частях создаются «скрытые кадры» (19 офицеров, 1 классовый чин, 262 солдата и унтер-офицера на резервный полк). Это позволяло при мобилизации формировать из военнообязанных запаса 35 второочередных дивизий. Численность пехотной дивизии военного времени была определена в 14 тыс. человек.

Каждый пехотной дивизии была придана артиллерийская бригада (48 трехдюймовых орудий), а стрелковой бригаде — артиллерийский дивизион (24 трехдюймовых орудия). Заново создавались корпусная и полевая тяжелая артиллерия. Корпуса обеспечивались мортирными (гаубичными) дивизионами, а за счет упразднения осадной артиллерии сформированы 8 тяжелых артиллерийских дивизионов (в каждом по 3 четырехорудийные батареи). В состав корпуса были включены также саперные бригады. Ввиду подчинения артиллерийских и инженерных частей высшим строевым начальникам, для руководства их специальной подготовкой в округах вводилась должность окружного инспектора полевых инженерных войск, а в корпусах — инспектора артиллерии. Все организационные мероприятия были осуществлены довольно быстро. Уже к 1(14) сентября 1910 г. армия перешла на новую организацию. Важным итогом принятых мер стала достигнутая экономия средств в размере 3067 тыс. рублей в год.

Удалось упростить организацию пехоты, добиться большего однообразия ее состава, улучшить организацию высших соединений.

И все же устранить все недостатки не удалось. Учитывая это, Мобилизационный комитет констатировал: «на будущее время для военного ведомства предстоит целый ряд крупных работ различного организационного характера для проведения организации преобразуемых ныне родов войск до необходимой степени совершенства»⁶¹. В частности, из-за нехватки средств не удалось перейти от громоздкого 8-ми орудийного к 6-ти орудийному составу батарей, прежним осталось количество артиллерии в пехотных дивизиях⁶².

Реорганизация сухопутных сил была важным, но не последним звеном в цепи последующих военных реформ. Новым этапом в их проведении стало изменение системы комплектования и дислокации армии. К началу 1910 г. значительная часть русских войск была сосредоточена в западных военных округах — Виленском, Вршавском и Киевском: здесь размещалось 16 корпусов из 31 имевшегося у России в то время. Такое положение объяснялось стремлением сократить сроки стратегического развертывания, заранее придвинуть войска к западной границе. Однако это создавало трудности в комплектовании армии в мирное время и при мобилизации ввиду необходимости значительных перевозок запасных из округа в округ. Только в один Варшавский военный округ, например, ввозилось более 80 тыс. человек. Кроме того, и это пожалуй самое главное, такая дислокация уже не отвечала общей стратегической и внутривойсковой обстановке. На востоке появился новый грозный потенциальный противник — Япония. Власти, встревоженные первой русской революцией, увидели «необходимость значительного увеличения количества войск во внутренних районах России для обеспечения порядка внутри государства»⁶³. В 1910 г. Военным министерством было принято решение об уменьшении количества войск в западных округах и увеличении их в центральных. Из Варшавского и Виленского округов, например, в Московский и Казанский было переброшено семь пехотных и две кавалерийские дивизии с двумя управлениями корпусов.

Была еще одна причина изменения дислокации русской армии. Сухомлинов объясняет ее так: «одновременным наступлением неприятеля из Восточной Пруссии и Галиции, в тыл нашей оборонительной линии на Висле, всем вооруженным силам нашим на этом выдающемся плацдарме грозила неминуемая катастрофа...»⁶⁴. Именно после того как Сухомлинов убрал русские войска из стратегического мешка, немцы полностью склонились к осуществлению «плана Шлиффена» — нанесение главного удара по Франции.

В этот период укрепляются контакты между русским и французским Генеральными штабами. Совещания начальников штабов, предусмотренные условиями русско-французской военной конвенции, с момента её подписания в 1892 г. Н.Н.Обручевым и Р.Буадефром до лета 1900 г. не проводились. С 1908 г. совещания становятся регулярными, а с 1911 г. мероприятия по военной подготовке союзниц тесно координируются. На совещаниях 1911-1913 гг. постоянно подтверждалось положение о том, что поражение германских сил является «первой и основной целью союзных армий».

Изменение дислокации армии благотворно повлияло и на ее комплектование. По уставу о Воинской повинности 1874 г. вся территория Европейской России была разделена на три группы участков комплектования, территориально однако не связанных между собой. Это вызывало крупные перевозки новобранцев. Реформа Сухомлинова в этой области позволяла приблизиться к территориальной системе комплектования войск, по которой каждый полк и артиллерийская бригада имели свой определенный участок пополнения. Это мероприятие значительно облегчило мобилизацию: сроки прибытия запасных в часть были минимальные, так как военнообязанные призывались из ближайших мест.

Радикальному пересмотру подверглись принципы стратегического развертывания русских армий. Учитывая более быстрые сроки мобилизации в Германии и Австро-Венгрии (развертывание завершалось на 13-15-й день мобилизации, в то время как Россия могла быть полностью готова только к 28-му дню), Генеральный штаб принял решение отнести рубеж стратегического развертывания с Передового театра (Варшавский военный округ) на линию Вильно, Белосток,

Брест. Эта мера была вызвана опасениями возможного упреждающего удара вероятных противников по еще не закончившим свою мобилизацию и сосредоточение русским войскам. Выполнению решения Генерального штаба благоприятствовало открытие железнодорожной линии Бологое — Седлец, позволявшей ускорить сосредоточение войск на новом рубеже.

Изменение в организации армии и ее дислокации повлекло за собой необходимость перейти к новой форме мобилизации. Мобилизационное расписание, введенное с 1 сентября 1910 г., качественно отличалось от предыдущих. Им вводилась в Европейской части России и на Кавказе территориальная система комплектования армии. Были установлены корпусные, дивизионные и полковые районы пополнения. В войска, дислоцировавшиеся в местностях с преобладающим русским населением направлялось до 50 процентов местных уроженцев. Этим достигалось, с одной стороны, резкое сокращение перевозок и быстрое укомплектование войск, с другой, многие части получали при мобилизации запасных, уже служивших в них.

Новое расписание охватывало территорию всей России, за исключением Приамурского военного округа. В нем учитывались все войска и учреждения, для которых требовались укомплектования при переводе на военное положение. Вводилась военно-повозочная повинность. Проводился в жизнь закон о разделении запаса на два разряда: первый предназначался для комплектования полевых войск и запасных батальонов, второй — для комплектования резервных частей и тыловых учреждений. Были предусмотрены специальные меры для проведения частных мобилизаций. В целом новое мобилизационное расписание значительно повышало боеготовность сухопутной армии. Сроки русской мобилизации приблизились к срокам мобилизации ее вероятных противников⁶⁵.

Но поскольку численность армий Германии и Австро-Венгрии постоянно росла, русский Генеральный штаб разработал в 1912 г. новый план стратегического развертывания. В нем учитывался также коалиционный характер войны и принятое Россией перед Францией обязательство выставить

превосходящие силы против Германии и уже на 16-й день не дожидаясь полного сосредоточения войск начать наступательные операции. В марте 1913 г. выработанный Генеральным штабом план развития армии был одобрен на Особом совещании под председательством Николая II. Утвержденный план Сухомлинов разделил на две части с тем, чтобы в первую очередь осуществить наиболее неотложные мероприятия по усилению артиллерии. «Малая программа усиления армии» была рассчитана на пять лет, а осенью 1913 г. Генеральный штаб окончательно разработал «Большую программу», выполнение которой намечалось на ноябрь 1917 г.

Одной из актуальнейших и вместе с тем сложнейших проблем реформирования армии была ее коренная техническая модернизация. Это хорошо понимали в Генеральном штабе. Генерал-квартирмейстер ГУГШ Ю.Н. Данилов отмечал после русско-японской войны: «Нужны были новые образцы артиллерии, особенно тяжелой, пулеметы, автомобили, воздухоплавательное имущество, полевые железные дороги, новые средства связи. Все это требовало денег и денег»⁶⁶. Однако с деньгами были большие сложности. В соответствии с планом технической модернизации в 1909-1910 гг. велось обсуждение общей программы развития армии и флота на ближайшее десятилетие. В феврале 1910 г. на заседании Особого совещания было принято постановление «О мерах к усовершенствованию государственной обороны и о порядке покрытия вызываемых сими мерами расходов».

На развитие армии и флота выделялись примерно равные средства: 698 млн. руб. — Морскому министерству и 715 млн. — Военному. Это была как раз та сумма, которую Военное министерство просило еще в 1909 г. Ее планировалось использовать следующим образом: на пополнение материальной части 147 млн. рублей, на тяжелую артиллерию — 81 млн., 373 млн. — на крепости и 114 млн. на строительство стратегических шоссе⁶⁷. Такой порядок финансирования вряд ли можно считать оптимальным. В самом деле флот не мог решить главных задач будущей войны, вся тяжесть ее ведения должна была лечь на сухопутную армию. Однако правящие круги страны и прежде всего Николай II проигнорировали это обстоятельство.

Но даже выделенная Военному министерству сумма в 715 млн. рублей была явно недостаточна. Так, по подсчетам артиллерийского ведомства, произведенным еще в 1905 г., только на развитие артиллерии требовалось 896 млн. рублей единовременно, а затем по 4 млн. ежегодно. Выделен же был в 1910 г. 81 млн. рублей, или менее 10 процентов от действительной потребности⁶⁸. В этом состояла одна из причин того, что русская армия к началу мировой войны оказалась в два раза хуже обеспеченной артиллерией, чем германская. Если в русском армейском корпусе было 108 орудий (96 легких орудий и 12 гаубиц), то в германской — 166 орудий (118 легких орудий, 36 гаубиц и 12 тяжелых орудий). Вместе с тем громадные суммы ассигновались на усовершенствование и строительство крепостей.

Получить средства на техническую модернизацию армии это было еще не все. «Много энергии и настойчивости приходилось затрачивать на размещение заказов и наблюдение за своевременностью их выполнения», — писал Ю.Н. Данилов⁶⁹. Действительно, количество и производительность русских военных заводов оставляли желать лучшего. Однако Военное министерство не пошло по пути развития собственной военной промышленности. Оно не предусмотрело капиталовложений в наращивание мощностей казенных военных заводов. Исправлять положение пришлось уже в ходе войны.

Несмотря на недостаточность финансирования и большие трудности в размещении военных заказов, перевооружение армии все же осуществлялось. В 1909-1910 гг. на вооружение были приняты новые образцы орудий для полевой гаубичной артиллерии — 48-линейная (122-мм) гаубица образца 1909 г., для полевой тяжелой артиллерии — 42-линейная (107-мм) пушка образца 1910 г. На вооружение горной артиллерии поступила трехдюймовая пушка образца 1910 г.⁷⁰ В каждом пехотном полку было начато формирование пулеметных команд. В войска в 1910 г. поступило 864 пулемета. К 1(14) января 1911 г. при каждом из 352 пехотных полков состояла пулеметная команда. 123 команды имели по 8 пулеметов, а остальные — по 4 пулемета. Было принято решение о начале формирования 26 конно-пулеметных команд

8-пулеметного состава для каждой кавалерийской и казачьей дивизии.

Сухомлинов еще в записке 1909 г. утверждал, что политические и экономические условия жизни соседей России не допускают возможности ведения длительной борьбы. Поэтому программа перевооружения русской армии строилась в расчете на краткосрочную войну, возможность создать в ее начале превосходство сил для решительного и быстрого наступления, и ведение боевых действий за счет заготовленных заранее запасов вооружения и боеприпасов. В этом отношении Военному министерству удалось добиться успехов и к 1914 г. русская армия имела мобилизационные запасы почти в полном соответствии с утвержденными нормами, хотя сами эти нормы и оказались заниженными.

Значительные успехи были достигнуты в новом для России авиационном деле. В 1910 г. разрабатывается проект авиационной службы в армии. Предполагалось иметь при каждой из формируемых 18 воздухоплавательных рот авиационный отряд в составе шести самолетов. Тогда же при офицерской воздухоплавательной школе был организован временный авиационный отдел для подготовки летчиков. Развитие авиации происходило очень быстро: уже к 1912 г. было подготовлено 126 офицеров-летчиков и сформировано 8 авиационных отрядов. Для управления новым родом войск в составе Главного Управления Генерального штаба была создана воздухоплавательная часть⁷¹.

В основе всей военной системы Российской империи лежал Устав о воинской повинности 1874 г. К началу военных реформ 1905-1912 гг. он явно устарел и уже не обеспечивал поступление соответствующих контингентов новобранцев в войска. Далеко не все мужское население страны проходило военную службу. От нее были освобождены народы ряда национальностей: мусульманские народы Кавказа, финны, народы крайнего Севера, все нерусское население Туркестана, Приморской и Амурской областей и некоторых отдаленных мест Сибири. Всего от воинской повинности было освобождено 10 процентов населения России. Крайне отрицательно сказывались на комплектовании армии широко развитая система льгот по отбыванию воинской повинности, доходив-

шая до 48 процентов от внесенных в призывные списки⁷². Это приводило к хроническому некомплекту новобранцев и снижению требований к их физической годности. Так, некомплект в сухопутной армии на 1 ноября 1910 г. составил 52980 нижних чинов⁷³. В то же время новые формирования требовали увеличения ежегодного призыва новобранцев, но из-за большого количества льготников и нехватки физически годных молодых людей под угрозой оказывалось дальнейшее развитие армии.

По инициативе Сухомлинова Военное министерство подготовило и в 1911 г. внесло в Государственную Думу проект Закона о воинской повинности, в котором изменялось количество льгот по призыву и сокращался перечень народов, освобождавшихся от воинской повинности. Призывной возраст был снижен с 21-го года до 20 лет, а запас разделили на два разряда (15 и 13 лет). Причем первый разряд предназначался для пополнения полевых войск, а второй — «преимущественно для укомплектования резервных войск и тыловых учреждений»⁷⁴. Срок пребывания в государственном ополчении был продлен до 43 лет. В то же время предусматривалось сокращение срока пребывания в запасе лиц, получивших образование. Это уменьшило число офицеров запаса, призываемых в военное время. Поскольку образованные люди принадлежали исключительно к зажиточным классам населения, для них тем самым вводилась новая привилегия. Вместе с тем новым законом не предусматривалось освобождение от призыва в вооруженные силы во время войны квалифицированных рабочих, необходимых для работы в промышленности.

Меры, предусмотренные Законом о воинской повинности 1912 г., вполне соответствовали потребности армии в мирное время. Но во время войны, например, не мог быть призван армию громадный запас ратников 2-го разряда, не предусматривались также досрочные призывы. Это оказалось довольно веским основанием для утверждения, что новый Устав «почти не оказал влияния на условия фактического комплектования армии и порядок приведения ее на военное положение»⁷⁵. Действительно, из 25 млн. призывного контингента Российской империи под ружье можно было поставить

лишь 8 млн. человек или 5 процентов всего населения, тогда как в Германии доля призываемых составляла 10-12 процентов населения страны.

Начиная с 1910 г. предпринимался ряд мер, направленных на улучшение подготовки офицерского состава. В этих целях были переработаны учебные программы военных училищ с резким увеличением времени на практические занятия по военным дисциплинам. Реорганизации подверглась вся система военно-учебных заведений. Юнкерские училища были преобразованы в военные с трехлетним сроком обучения. Общая потребность в количественном росте квалифицированных военных кадров привели к тому, что в военные училища стали приниматься кроме дворян лица из других сословий. Вследствие этого офицерский корпус переставал быть преимущественно дворянским по своему составу.

Оснащение армии новейшими артиллерийскими системами, управляемыми аэростатами, самолетами, автомобилями и другими техническими средствами потребовало подготовки соответствующих кадров. Для этого были открыты воздухоплавательная офицерская школа с временным авиационным отделом при ней, учебная автомобильная рота, расширена офицерская артиллерийская школа. В 1911 г. открывается Интендантская академия, а в 1912 г. — Сергиевское артиллерийское училище в Одессе, готовящее кадры для тяжелой и крепостной артиллерии.

Важной мерой для привлечения на службу и удержания на ней молодых офицеров являлось улучшение их материального положения. Был, в частности, реализован проект 1907 г. об увеличении денежного содержания офицеров. С 1(14) января 1909 г. улучшалось материальное положение строевых офицеров, были приняты новые правила прохождения службы, ускорявшие продвижение наиболее перспективных из них. Все это способствовало укреплению состава офицерского корпуса. В 1912 г. принят новый пенсионный устав, который, по словам военного министра Сухомлинова, «обеспечивая отставным безбедное существование... дает возможность начальникам руководствоваться при аттестовании подчиненных лишь заботой о пользе службы, отбрасывая всякие соображения благотворительного характера»⁷⁶.

Наряду с этим вводились новые правила аттестации офицерского состава, радикально изменялась система производства в штаб-офицерские чины, ускорявшая прохождение службы, уменьшался срок нахождения офицеров в кадрах. Все это позволило улучшить подбор офицерского состава и в значительной степени омолодить его. С целью обеспечения армии командным составом была введена новая категория сверхсрочнослужащих 2-го разряда из унтер-офицеров и ефрейторов в количества 24000 человек. Были подняты оклады сверхсрочнослужащим.

Большое значение для обучения войск имело введение новых уставов и наставлений, значительно улучшавших обучение войск в звене «рота — полк» и индивидуальную подготовку солдат и унтер-офицеров. Группой профессоров Академии Генерального штаба был разработан проект Полевого устава, доработанный затем комиссией генерала Н.В. Рузского и изданный под названием «Устав полевой службы 1912 года». Он был разработан с учетом опыта русско-японской войны и более удачно по сравнению с аналогичными уставами западноевропейских стран решал основные вопросы ведения боя⁷⁷. Новые уставы и наставления способствовали формированию в армии единых взглядов на характер наступательного и оборонительного боя.

Излишне говорить, что все эти реформы проводились по инициативе военного министра генерала Сухомлинова. По его собственным словам «исходным пунктом всех моих мероприятий была цель добиться создания русской армии, равносильной германской»⁷⁸. Надо прямо сказать, что это ему в известной мере удалось. В итоге энергичной работы Сухомлинова и его ближайших сотрудников в кратчайший срок была осуществлена реорганизация войск, коренным образом изменившая их организационно-штатную структуру, начат переход к территориальной системе комплектования, утверждена новая дислокация армии, начато ее техническое переоснащение. Таким образом, основные задачи военного реформирования решить удалось, и, вместе с тем, многое из задуманного воплотить в жизнь оказалось невозможным. Так, ограниченные экономические возможности страны не позволяли снабдить артиллерией армейский корпус в России

на уровне германского. Бюрократический государственный механизм значительно тормозил преобразования в армии. «Все законопроекты на отпуск кредитов приходилось проводить через ряд комиссий — правительственных и парламентских, на что тратилось много времени и энергии»⁷⁹. В результате темпы модернизации русской армии оказались низкими, что обуславливало ее явное запаздывание в подготовке к надвигавшейся мировой войне по сравнению с ее потенциальными противниками — Германией и Австро-Венгрией.

Начиная с 1911 г. правящие круги России уделяют все больше внимания координации деятельности военного, морского и дипломатического ведомств. Так, в июле 1911 г., когда в связи с Агадирским кризисом МИД запрашивал мнения Сухомлинова и Григоровича по вопросам о Черноморских проливах и железнодорожном строительстве в Турции, военный министр ответил подробной запиской. В конце того же года в связи с итало-турецкой войной на заседании правительства был рассмотрен обстоятельный доклад Сухомлинова с анализом внешнеполитического положения России на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке и планом превентивных военных и дипломатических мер. Министру иностранных дел было рекомендовано руководствоваться впредь результатами этого обсуждения*.

Что же касается Владимира Александровича Сухомлинова, то наверное прав такой строгий критик, как генерал А.А. Брусиллов, писавший, что если учесть то состояние, в котором находилась русская армия после войны с Японией, «и вспомнить, что Сухомлинов стал военным министром лишь весной 1909 года, справедливость требует признать, что за пять лет его управления до начала войны было сделано довольно много: мобилизация прошла успешно и достаточно быстро, принимая во внимание нашу плохо развитую сеть железных дорог и громадные расстояния, а о безобразном сумбуре, бывшем до него, не было и помину»⁸⁰.

* Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878-1917. Серия вторая. 1900-1913. Т. 18. Ч. 1. М., 1938. № 310. С. 314-316; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. С. 274-275, 298.

Таким образом, в рамках самодержавного строя было сделано много, но большего сделать не позволяла сама политическая система. Первая мировая война 1914-1918 гг. неопровержимо доказала это. Она явилась суровой проверкой на прочность вооруженных сил России. Военный министр не стал Главнокомандующим русскими армиями. Руководство ими осуществляли другие лица. После первых успехов лета-осени 1914 г. обнаружилось то, что было известно заранее — слабость экономики страны. Ее промышленность не смогла вовремя и в должной мере обеспечить действующую армию вооружением и боеприпасами. Уже в конце 1914 г. на фронте обнаружился «снарядный голод», не хватало даже винтовок.

С весны 1915 г. русская армия, засыпаемая градом германских и австрийских снарядов, не имея возможности в должной мере отвечать, неся огромные людские потери, вынуждена была отступать под натиском противника на всех фронтах... Для объяснения народу причин поражения нужно было что-то предпринять. Крайнего нашли. Им оказался не самодержавный строй, не Григорий Распутин и дворцовая камарилья, а военный министр генерал Сухомлинов. На него свалили все недостатки подготовки России к войне, объявив его ни много, ни мало как «германским шпионом». Таким способом решили спасти престиж монархии.

Между прочим, инициатором травли военного министра выступил Верховный Главнокомандующий в. кн. Николай Николаевич, один из виновников разгрома русских армий в Восточной Пруссии. Его усилия увенчались успехом: 13 июня 1915 г. Сухомлинов был уволен со своего поста. 29 апреля 1916 г. он был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, а затем началось следствие по его делу. Оно тянулось долго и только после Февральской революции, при Временном правительстве в сентябре 1917 г. старый генерал был приговорен к бессрочной каторге, замененной тюремным заключением.

После Октябрьской революции большевики перевели Сухомлинова в тюрьму «Кресты», откуда 1 мая 1918 г. он был освобожден по амнистии. Бывший военный министр России не остался на Родине и эмигрировал сначала в Финляндию,

а затем в Германию. Здесь в 1922 г. он опубликовал «Воспоминания», в которых рассказал о своей военной службе. В 1926 г. В.А. Сухомлинов скончался в Берлине.

- 1 ОР ГБЛ. Ф. 369. Д. 422. Л. 53.
- 2 ГАРФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 6. 1955.
- 3 *Бушин Д. Дж.* Д. Милютин и Балканская война: испытание военной реформы // Великие реформы в России 1856-1874. М., 1992. С. 256.
- 4 *Куропаткин А.Н.* Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909. С. 436.
- 5 *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Берлин, 1924. С. 21.
- 6 *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 152.
- 7 Там же.
- 8 Русь. 1905. 3 марта.
- 9 Новое время. 1906. 13(20) июня.
- 10 Там же. 27 июня (10 июля).
- 11 *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1990. С. 183.
- 12 *Шварц А.Б.* Воспоминания // Архивы русской эмиграции. Т. 3. С. 137.
- 13 О долге и чести воинской в Российской армии. М., 1991. С. 256-257.
- 14 *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 186. В него, в частности, входили полковники А.С. Лукомский, Ю.Н. Данилов и другие, впоследствии игравшие большую роль в первой мировой войне 1914-1915 гг.
- 15 *Сухомлинов В.А.* Восп. С. 235.
- 16 *Столыпин П.А.* Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном совете. 1906-1911. М., 1911. С. 61.
- 17 *Сухомлинов В.А.* Восп. С. 155-156.
- 18 *Великий князь Александр Михайлович.* Книга воспоминаний. М., 1991. С. 120.
- 19 ЦГВИА. Библиотека 42-Д-63. С. 21.
- 20 *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 40.
- 21 См.: *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905-1917 гг. М., 1990. С. 96-97.
- 22 *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. М., 1991. С. 91.
- 23 *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. С. 45.
- 24 Приказ по военному ведомству № 769 от 6 декабря 1905 г.
- 25 См.: *Кавтарадзе А.Г.* Из истории русского Генерального штаба // Военно-исторический журнал. 1971. № 12. С. 78.
- 26 Под Генеральным штабом русской армии понимали орган военного управления и командования, включавший в себя центральное управление и войсковое управление (от штабов военных округов до управлений отдельных бригад включительно).
- 27 *Геруа В.В.* Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. С. 71.
- 28 Приказ по военному ведомству № 424 от 21 июня 1905 г.
- 29 Там же.
- 30 *Данилов Ю.Н.* Указ. соч. С. 33.
- 31 ГАРФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 6. Л. 916-917.
- 32 *Сухомлинов В.А.* Восп. С. 155.
- 33 *Шаццлло К.Ф.* Россия перед первой мировой войной. М., 1974. С. 39.
- 34 Там же.

- 35 Организация родов войск в русской армии того времени была сложной и запутанной. Так, в пехоте были полки различного типа: пехотные, стрелковые, резервные, крепостные и отдельные, отличавшиеся друг от друга составом (2-, 3- или 4-батальонные) и неодинаковым числом рот.
- 36 *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. С. 43.
- 37 Подробнее об этом см.: *Шацлло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота. М., 1968. С. 44-63.
- 38 *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960. С. 54.
- 39 РГВИА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 7739. Л. 27.
- 40 Там же. Л. 1.
- 41 Там же. Л. 17.
- 42 Там же. Л. 18 об.
- 43 Там же.
- 44 Там же. Л. 29.
- 45 В работе над документом участвовал обер-квартирмейстер ГУГШ М.В.Алексеев.
- 46 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 154. Л. 18.
- 47 Там же. Л. 17.
- 48 Там же. Л. 57.
- 49 Там же. Л. 67.
- 50 *Сухомлинов В.А.* Восп. С. 158.
- 51 Там же. С. 162.
- 52 Там же. С. 170.
- 53 Редигер А.Ф. История моей жизни // Воен.-ист. журн. 1990. № 6. С. 83-84.
- 54 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6659. Л. 41.
- 55 Там же. Л. 41 об.
- 56 Там же. Л. 73.
- 57 Там же. Л. 72 об.
- 58 Там же. Д. 170. Л. 336.
- 59 Там же. Ф. 400. Оп. 2. Д. 7903. Л. 6.
- 60 Там же. Л. 6, 7 об.
- 61 Там же. Л. 58.
- 62 Там же. Л. 27 об.
- 63 Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6559. Л. 25 об.
- 64 *Сухомлинов В.А.* Восп. С. 173.
- 65 См.: *Зайончковский А.М.* Подготовка России к мировой войне (планы войны). М., 1926. С. 113-120.
- 66 *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне. 1914-1915 гг. Берлин, 1924. С. 46.
- 67 *Шацлло К.Ф.* Россия перед первой мировой войной. М., 1974. С. 51.
- 68 *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 10.
- 69 *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне. 1914-1915 гг. С. 48.
- 70 *Барсуков Е.* Русская артиллерия в мировую войну. Т. 1. М., 1938. С. 29.
- 71 РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 111. Л. 10.
- 72 *Головин Н.Н.* Военные усилия России в первой мировой войне. Париж, 1939. Т. 1. С. 12, 38.
- 73 РГВИА. Библиотека 42-Д-63. С. 1.
- 74 Устав о воинской повинности. СПб., 1912. С. 8.
- 75 *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне. 1914-1915 гг. С. 35.
- 76 РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 111. Л. 10.
- 77 См.: *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974. С. 156-159.
- 78 *Сухомлинов В.А.* Восп. С. 268.
- 79 *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне. 1914-1915 гг. С. 47.
- 80 *Брусилов А.* Мои воспоминания. М., 1983. С. 54.

«Мира не может быть, пока не разгромим немца»

А.А.БРУСИЛОВ
И ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСТУПЛЕНИЙ РУССКОЙ
АРМИИ В 1916 И 1917 ГОДАХ

«Несомненно, что война не выдвинула более популярного имени, чем имя нового верховного главнокомандующего. Его окружает ореол героя с первых же месяцев войны, после блестящих успехов брусилловской армии в Галиции».

«Русское слово», 1917, 23 мая.

На рассвете 22 мая (4 июня) 1916 г. мощная артиллерийская канонада возвестила начало наступления войск Юго-Западного фронта русской армии. Произошел, по словам германского генерала М.Гофмана, «совершенно недопустимый скандал»¹, стоивший Центральным державам потери Галиции и Буковины; 1,5 млн. человек убитыми, ранеными и пленными; 581-го орудия и 1795-ти пулеметов. Чтобы ликвидировать прорыв, с западного и итальянского фронтов были сняты 30,5 пехотных и 3,5 кавалерийских дивизий². Русские, которых при планировании кампании 1916 г., после понесенных ими год назад поражений, ни противники, ни союзники не рассматривали в качестве решающей силы, нанесли неожиданный, как первоначально предполагалось вспомогательный, удар и едва не вывели из войны Австро-Венгрию, спасли итальянцев в Трентино, существенно облегчили положение французов под Верденом, побудили Румынию отказаться от политики нейтралитета и присоединиться к державам Согласия. Инициатором и организатором операции был незадолго до этого назначенный главнокомандующим Юго-Западным фронтом 63-летний генерал от кавалерии генерал-адъютант А.А.Брусилов.

В годовщину начала наступления 1916 г., день в день, популярный генерал был назначен на высший военный пост —

Я сурядно урмал Намд
сдрал, но право не равно
— впродолжении. Нишу
на удару.

Силье сшого притивити
редттурати но вадсвемд.
а намдну не сшуртете.
в Намд не сдрал онда
но, нафранудемя, сдрал
сшт сдрал сшм урбто
фривемя сшм урбтуми а
тешине тидра но оседт.
Ср дандит, в. Мавине но
сфдичел на старанфре.

С. А. Брусилову
Мам адрел. Т. С. Моблики.
Александр Александровичу
Брусилову
Камандир 14-й армии в. Карича.

16 Сентября
1910 г.
Мадрид,

Александровская 15
Кадрова Владимирова!

На видни суррад нишу
Намд, но дурри ударили,
то сшм тибан до Намд
дидит и. но урбт раво-
тешине сшм урбт сдралити.

Урбту а тешит адмобанд
в. Т. Мадридт по рачина.
сшм сшм до рачина
Командир 14-й армии в. Карича.
Кадрова. Владимирова!

Из письма А.А.Брусилова Н.В.Желиховской
от 16 сентября 1910 г.

верховного главнокомандующего, чтобы повторить прошлогодний успех. В первом приказе, констатировав несогласие правительств Центральных держав мириться «без аннексий и контрибуций с правом самоопределения народов», Брусилов призвал всех русских воинов «сплотиться вокруг красного стяга с девизом “свобода, равенство и братство”... чтобы закрепить во что бы то ни стало наше достояние, а там, где это окажется нужным, по первому приказу броситься на врага и разбить его»³. 16(29) июня 1917 г. артиллерия Юго-Западного фронта открыла ураганный огонь по позициям австро-германских войск, после двухдневной артиллерийской подготовки началась атака пехоты. Наступление тщательно готовилось. На участках прорыва были сконцентрированы громадные силы и средства. Но первоначальный успех предпринятого Брусиловым летом 1917 г. наступления оказался эфемерным. Германское командование нанесло заранее спланированный контрудар, в результате которого менее чем за полмесяца русские войска оставили почти всю Галицию. Ответственность за поражение была возложена на верховного главнокомандующего Брусилова — он был освобожден от должности.

Автор ставит своей задачей сравнительное исследование действий генерала Брусилова в период летних наступлений русской армии в 1916 и 1917 гг. О каждом из них написано много⁴. Показательно однако, что все писавшие о Брусилове избегают сопоставлять его действия в этих операциях, осуществленных под руководством генерала на одном стратегическом театре боевых действий в условиях мировой войны, ведущейся блоками держав. Очевидно смущают результаты прямо противоположные в 1916 и 1917 гг. Сам Брусилов впоследствии склонен был объяснять их исключительно субъективным, морально-психологическим фактором: в 1916 г. русская армия «еще была крепка и, безусловно, боеспособна», тогда как в 1917 г. «не было безусловно никаких средств заставить войска воевать»⁵. Такой подход явно односторонен. Несомненно, что успех генерала Брусилова в 1916 г. и его поражение летом 1917 г. стали результатом сочетания целого ряда как субъективных, так и объективных

факторов. В ряду последних существенное значение имели международное положение России и ее военный потенциал в это время.

Алексей Алексеевич Брусилов родился 19(31) августа 1853 г. в Тифлисе. Его отец, генерал-лейтенант Алексей Николаевич Брусилов, состоял в это время председателем полевого аудиториата Кавказской армии. Крестным отцом Алексея был наместник фельдмаршал князь А.И.Барятинский. В июле 1857 г. записью о назначении пажем к Высочайшему двору открылся послужной список А.А.Брусилова⁶. Пажу не исполнилось тогда и четырех лет.

Двумя годами позже умер отец, а вскоре не стало матери. Алексея и его младших братьев — Бориса и Льва — взяла на воспитание бездетная тетка Генриэтта Антоновна Гагенмейстер. В ее семье в Кутаиси они получили домашнее воспитание и образование. Четырнадцати лет отроду Алексей Брусилов поступил по экзамену в четвертый класс Пажеского корпуса в Петербурге. По окончании корпуса он был выпущен офицером в 15-й драгунский Тверской полк, стоявший на Кавказе. В том же полку после окончания Ставропольского казачьего юнкерского училища служил и Борис (1855-1918). С 1889 г. по 1907 г. он находился на гражданской службе. После выхода в отставку в чине действительного статского советника жил в имении под Москвой. Младший из братьев Лев (1857-1909) стал военным моряком. В 1906-1908 гг. он — начальник Морского генерального штаба, в 1908 г. — младший флагман Балтийского флота, вице-адмирал. В 1884 г. Алексей женился на племяннице Генриэтты Антоновны — Анне. Брак был устроен в виду общих семейных интересов. В 1887 г. у супругов родился сын Алексей. Он погиб в 1919 г., участвуя в гражданской войне.

На Кавказе Брусилов получил боевое крещение, участвуя в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Его заслуги «в делах с турками», особенно при овладении штурмом крепостями Ардаган и Карс, были отмечены тремя орденами. После окончания войны вплоть до осени 1881 г. Брусилов продолжал службу на Кавказе. Затем карьера его делает крутой вираж: командировка в учебный эскадрон Офицерской кавалерийс-

кой школы в Петербурге, а по окончании ее перевод в постоянный состав. Вершины петербургского этапа его служебной карьеры должность начальника Офицерской кавалерийской школы и затем командование 2-ой гвардейской кавалерийской дивизией. В 1908 г. умерла жена. Брусилов тяжело пережил утрату. Исходатайствовав новое назначение, он покидает столицу и уезжает в Люблин командиром 14-го армейского корпуса.

В Люблине, по словам Брусилова, «все было ладно, кроме отсутствия хозяйки»⁷. Разумеется, видный генерал, занимавший в иерархии губернского города положение более высокое, чем губернатор, мог рассчитывать на самую блестящую партию. Но он делает выбор неожиданный для окружающих, для его избранницы и, как уверяет Брусилов в письмах и воспоминаниях, для него самого. 57-летний вдовец предлагает руку и имя 45-летней Н.В.Желиховской, в которую в молодости был тайно влюблен, но затем почти на двадцать лет потерял из вида. Как и Брусилов, семья Желиховских была связана с Кавказом. Отец Надежды Владимировны, директор Тифлисской классической гимназии, а позднее помощник попечителя Кавказского учебного округа, умер в 1880 г. Мать, урожденная Ган (по первому мужу Яхонтова) известная детская писательница 80-90-х годов. Со сводным братом своей избранницы Р.Н.Яхонтовым молодой Брусилов участвовал в кампании 1877-1878 гг. Давнее знакомство семьями, воспоминания о юной Надежде Желиховской и основанная на этом уверенность, что она отлично справится с ролью важной дамы, интересами которой будут служебные дела мужа, определили выбор.

Приняв решение, Брусилов действует энергично. Эта предпринятая им осенью 1910 г. стремительная наступательная операция на личном фронте как бы предвосхитила образ действий летом 1916-го. Та же ошеломляющая нетрадиционность замысла. Та же продуманная тщательность подготовки. Та же решительность в ходе осуществления операции. В этом смысле история женитьбы А.А.Брусилова на Н.В.Желиховской представляет определенный интерес для понима-

ния личности полководца. Сохранившиеся письма Брусилова к Желиховской позволяют проследить развитие событий⁸.

Первое письмо Брусилова датировано 16(29) сентября 1910 г.: «Многоуважаемая Надежда Владимировна! На всякий случай пишу Вам, не будучи уверен, что мое письмо до Вас дойдет и не зная, захотите ли Вы мне ответить. Живу я теперь одинокий в г. Люблине по занимаемой мною должности командира 14 армейского корпуса. Должность высокая, власть большая, подчиненных пропасть, но благодаря всему этому... тоскливо. Вот я и подумал со старыми знакомыми и друзьями начать переписку... Я случайно узнал Ваш адрес, но право не знаю, впрок ли он. Пишу на удачу. Мне много приходится разъезжать по войскам, а потому не сетуйте, если я Вам не сейчас отвечу, но пожалуйста отвечайте мне сейчас (подчеркнуто Брусиловым.— А.Г.), если только желаете мне ответить и пишете подробно о себе...»

Получив ответ, генерал спешит закрепить успех: «Милая, дорогая Надежда Владимировна! Только что вернулся из объезда войск и застал Ваше обширное письмо, которому очень (подчеркнуто Брусиловым.— А.Г.) обрадовался. Спасибо Вам за него... На Ваше подробное письмо о Вашем житье-бытье и я опишу Вам мою жизнь; таким образом, хоть издали, мы с Вами сблизимся по-старому...» Свой обстоятельный рассказ о буднях командующего корпусом, готовящего вверенные ему войска к «экзамену на будущих полях сражений», которые уже «не за горами», о собственном «блестящем одиночестве» в большом и очень благоустроенном «на заграничный манер» городе Люблине, о квартире, о жаловании и о родственниках Брусилов заключает просьбой не забывать «старого друга».

После такой «артподготовки» 3(16) октября последовало решительное письмо-предложение: «Многоуважаемая и дорогая Надежда Владимировна! Вы будете, вероятно, очень удивлены, читая это письмо, но прошу Вас дочитать его до конца, обдумать его содержание и ответить вполне искренно, в той же степени, в какой и я Вам теперь пишу. 2 1/2 года назад, как Вам известно, я, к моему большому горю, овдовел. Я крепко любил мою жену и ее потеря была для

меня тяжким ударом... Не взирая на видное положение и большой служебный успех, дающие мне полные основания полагать, что моя карьера не остановится должностью Корпусного командира, ничто меня не радует и отсутствие подруги жизни меня страшно угнетает... Единственная женщина в мире, с которой я мог бы связать опять свою судьбу, это Вы... Я хотел бы просить Вас принять мою руку и только чтобы узнать верность вашего адреса я и писал Вам... Очевидно, если бы Вы в принципе (подчеркнуто Брусилковым.— А.Г.) приняли мое предложение, то нам было бы необходимо, предварительно, о многом переговорить...». На этот случай Брусиллов сообщает последовательность и сроки предполагаемых им действий: «Я не хотел бы долго тянуть, повидать бы Вас и переговорить в последних числах этого месяца, когда у меня будет несколько свободных дней, а в 1/2 ноября мы бы повенчались, если наши переговоры увенчаются успехом...». Для ускорения дела генерал просит «по принятии решения» протелеграфировать ответ о согласии или отказе переговорить с ним. Письмо имело помету «В. секретно» и в заключении содержало просьбу «пока дело не решилось, держать его в строжайшем секрете» (подчеркнуто Брусилковым.— А.Г.), в случае же отказа вернуть письмо отправителю.

Желиховская колебалась. Но бомбардировка письмами продолжалась. Состоялось свидание. Согласие Желиховской перевело подготовку к бракосочетанию в практическую стадию.

Генерал разрабатывает план венчания. Учитывая, что штаб его корпуса располагался в Люблине, а Желиховская жила в Одессе, местом венчания он назначает Ковель, где сходились железнодорожные линии из этих городов и был дислоцирован подчиненный Брусиллову драгунский полк. Примерно семь часов — время между прибытием в Ковно поезда из Одессы и отправлением поезда на Люблин — отводилось, согласно плану, на церемонию венчания.

Кадровый военный, для которого соблюдение соответствующей случаю формы одежды было делом само собою разумеющимся, инструктирует будущую генеральшу: «Имей в виду, что венчаться женщина должна с покрытой головой,

таков церковный устав. Так как Ты венчаешься в дорожном, а не в свадебном платье, то нужно будет Тебе иметь (не знаю как это у вас называется) чепец или накладку или же не чрезмерно высокую и широкую шляпу на голове».

В последнем предсвадебном письме от 6(19) ноября Брусиллов оговаривает способ оповещения о выезде Желиховской из Одессы в Ковель: «Дорогая моя невесточка! 9-го ноября при отъезде из Одессы в 11 ч. 50 м. у[тра], пошли две телеграммы на мое имя. Одну срочную (подчеркнуто Брусилловым.— А.Г.) в Люблин (иначе я ее наверно не успею получить), а другую: Ковель, вокзал, до востребования, генералу Брусиллову. В обеих сообщай кратко о часе выезда. Таким образом не здесь, так там, я получу одно или оба извещения о Твоем выезде».

Утром 10(23) ноября генерал Брусиллов встречал свою невесту на вокзале в Ковеле. Венчание состоялось в церкви драгунского полка. Жених был в блестящем парадном мундире, невеста в сером суконном дорожном платье и белой шляпе. На венчании присутствовало только несколько свидетелей. Родственникам и знакомым, в соответствии со списком, составленным Брусилловым, были посланы извещения. Обряд состоялся в намеченный срок и прошел точно по плану. Так, менее чем через два месяца после начала, успешно завершилась матримониальная кампания генерала Брусилова.

В дореволюционной России родственные связи играли существенную роль. Поэтому семейные унии являлись объектом пристального внимания. Показательно, что отставной премьер С.Ю.Витте, мать которого была родной сестрой бабушки Н.В.Желиховской, счел необходимым сразу же отметить в воспоминаниях новость — замужество родственницы, крестницы его младшего брата Александра⁹.

Выиграв кампанию на личном фронте, Брусиллов деятельно готовится к боевым действиям на фронтах неумолимо приближавшейся, неизбежной, по его убеждению, войны. Он учит подчиненных и учится сам. Летом 1913 г. участвует в качестве главного посредника в маневрах войск Киевского военного округа. Приняв тогда же назначение командующим

12-м армейским корпусом этого округа, дислоцированным на границе с Австро-Венгрией, организует в течении зимы 1913/1914 годов и весны 1914 г. военные игры и полевые поездки для всех подчиненных ему начальствующих лиц. За три месяца до войны, в апреле 1914 г., принимает участие в военной игре старших войсковых начальников, предназначенных к занятию должностей командующих армиями, фронтами и соответствующих начальников штабов. С объявлением войны Брусиллов получает назначение командующим VIII армией Юго-Западного фронта. Пройдет полгода и боевой генерал, уже отмеченный за успешные действия руководимых им войск двумя орденами Святого великомученика и Победоносца Георгия и, по собственному признанию¹⁰, вполне почувствовавший, что такое ответственность, напишет: «мне, военному, всю мою жизнь усердно изучавшему военное искусство, хотелось принять участие в этой великой народной войне и этим завершить военное и земное поприще... Но из этого не следует, чтобы мне не было часто страшно тяжело»¹¹. Однако главные испытания и «звездный час» генерала были еще впереди.

В 1915 г. Брусиллову, начавшему войну наступательными операциями, пришлось пережить горечь отступления, в ходе которого было потеряно то, что столь недавно приобреталось трудом и кровью руководимых им войск. Генерал не питал иллюзий ни в отношении масштабов, ни в отношении продолжительности войны. «Это исключительная, мировая война, не ожидай ее скорого конца», разъяснял он жене. Но войну «выиграть необходимо во что бы то ни стало»¹² (подчеркнуто Брусилловым, — А.Г.). Что из того, что противники «считают себя по праву факта победителями. Предстоит им доказать, что они ошибаются, для этого их нужно разбить и выкинуть вон из нашей страны. Это несомненно будет, но не так-то скоро... как ни тяжело, но мира не может быть, пока не разгромим немца»¹³. В марте 1916 г. Брусиллов получает назначение главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Он фиксирует свое самоощущение: «Таким образом увенчивается моя военная карьера. На сердце у меня

смутно, радости нет, но есть тяжесть страшной ответственности»¹⁴.

Чувство личной ответственности перед Родиной побуждает Брусиллова предпринять шаги, необычные для высшего генералитета времен последнего российского самодержца. Он решительно оспаривает точку зрения своего предшественника и штаба верховного главнокомандующего, согласно которой войскам Юго-Западного фронта в кампании 1916 г. предназначалась сугубо пассивная, оборонительная роль. Через неделю после назначения генерал заявляет Николаю II, что если ему не будет предоставлена инициатива наступательных действий, он в таком случае, считая свое пребывание на посту главнокомандующего фронтом не только бесполезным, но и вредным, просит о смене. «Государя, — вспоминает Брусиллов, — несколько передернуло, вероятно, вследствие столь резкого и категорического моего заявления, тогда как по свойству его характера он был более склонен к положениям нерешительным и неопределенным ... Тем не менее, он никакого неудовольствия не высказал, а предложил лишь повторить мое заявление на военном совете, который должен был состояться 1 апреля, причем сказал, что он ничего не имеет ни за, ни против и чтобы я на совете сговорился с его начальником штаба и другими главнокомандующими»¹⁵. На этом совете предстояло выработать программу боевых действий на 1916 год.

М.К.Лемке, возглавлявший «Бюро печати» при Ставке, записал в дневнике: «1 апреля 1916 г. Брусиллов приехал сегодня утром. Он совсем не такой молодец, каким его изображают на более молодых фотографиях: слегка сгорблен, усы короткие, весь какой-то немного сдавленный, впечатления молодцеватости уже не производит. Совещание началось в 10 час. утра. Были: царь, Сергей Михайлович, Алексеев, Пустовойтенко, Шуваев, Иванов, Куропаткин, Эверт, Брусиллов, Сиверс, Квещинский, Клембовский, Русин; записывали Шепетов и Безобразов... Совещание происходило в большой комнате, где занимаются Александрович и другие. Обе комнаты по сторонам были заперты с удалением всех из журнальной...»¹⁶.

По плану, доложенному начальником штаба верховного главнокомандующего генералом от инфантерии М.В.Алексеевым, войскам Юго-Западного фронта отводилась оборонительная роль до тех пор, пока не обозначится успех его северных соседей — Западного и Северо-Западного фронтов, которым предстояло вести наступательные операции. Этим фронтам передавались тяжелая артиллерия и резервы, находившиеся в распоряжении Ставки. Брусилов, в свою очередь, сформулировал собственное понимание концепции ведения боевых действий и в соответствии с ним определил задачи войск Юго-Западного фронта. «Недостаток, которым мы страдали до сих пор, заключается в том, что мы не наваливаемся на противника всеми фронтами, дабы прекратить противнику возможность пользоваться выгодами действий по внутренним оперативным линиям, и потому, будучи значительно слабее нас количеством войск, он, пользуясь своей развитой сетью железных дорог, перебрасывает свои войска в то или иное место по желанию. В результате всегда оказывается, что на участке, который атакуется, он в назначенное время всегда сильнее нас и в техническом и в количественном отношениях. Поэтому, — резюмировал Брусилов, — я настоятельно прошу разрешения и моим фронтом наступательно действовать одновременно с моими соседями; если бы, паче чаяния, я даже и не имел никакого успеха, то по меньшей мере не только задержал бы войска противника, но и привлек бы часть его резервов на себя и этим существенным образом облегчил бы задачу Эверта и Куропаткина»¹⁷.

Характерна реакция участников совещания на это предложение. Алексеев не возражал, но предупредил, что ни дополнительной артиллерии, ни большего числа снарядов Брусилов для наступления не получит. Царь, председательствовавший на совете, промолчал в знак согласия со своим начальником штаба, санкционировав одновременно и предложение главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Коллеги последнего с неодобрительным удивлением наблюдали за тем, как только что назначенный на должность военачальник по собственной инициативе рискует карьерой и славой своего военного ореола. Брусилов, однако, думал по-

другому. Позже он напишет: «Ведь и я был обречен, ранее других, на полное бездействие и мертвую оборону, но не согласился и сам настоял, напросился на атаку. Я очень хорошо понимаю, что ставлю себя на карту, но о себе я не думал, а думал о благе России, и моя сила и заключается в том, что я чувствую, чем живет армия и что она думает и что можно делать, а чего нельзя. Знал и знаю, что нужно идти вперед (подчеркнуто Брусиловым.— А.Г.), иначе проиграем кампанию»¹⁸.

5(18) апреля Брусилов собрал командующих армиями Юго-Западного фронта, чтобы лично сообщить своим соратникам решение о наступлении и разъяснить избранный способ действий. Главнокомандующий фронтом предложил оригинальный план прорыва оборонительных рубежей противника. Суть плана была сформулирована им на следующий день в директиве командующим армиями: «1 Общие указания. а) Атака должна вестись по возможности на всем фронте армии, независимо от сил, располагаемых для сего. Только настойчивая атака всеми силами, на возможно более широком фронте, способна действительно сковать противника, не дать ему возможности перебрасывать свои резервы. б) Ведение атаки на всем фронте должно выразиться в том, чтобы в каждой армии, в каждом корпусе наметить, подготовить и организовать настойчивую атаку определенного участка неприятельской укрепленной позиции. в) Атака должна быть проведена по строго обдуманному и рассчитанному плану, причем намеченный план разрабатывать в деталях не в кабинете по карте, а на месте показом, совместно с исполнителями атаки от пехоты и артиллерии...»¹⁹.

Принципиальная новизна замысла полководца не была понята Ставкой. Алексеев сомневался. Он полагал, что при 600 тыс. штыков и 58 тыс. шашек у Брусилова против 420 тыс. штыков и 30 тыс. шашек у противника без особого риска «можно собрать в точке главного удара превосходство в сотню тысяч штыков» и тем самым «мы сделаем все для победы». За три дня до назначенного срока наступления войск Юго-Западного фронта он телеграфировал Брусилову: «Мое глубокое убеждение сводится к повелительной необходимос-

ти собрать на одном избранном участке подавляющую живую силу и наши скромные боевые средства, не разбрасывая последние по всему фронту. Демонстрации будут достаточны для удержания противника; устранить окончательно переброску его резервов второстепенными ударами, бедно снабженными артиллерийскими средствами, все равно трудно. Прорыв и разгром одной армии решит дело полнее, чем несколько небольших успехов». Алексеев выражал готовность, «если обстоятельства потребуют замедлить атаку дня на два», доложить об этом императору²⁰.

Брусиллов, сообщив, что на направлении главного удара на фронте атаки в 20 верст сосредоточены 148 батальонов против 53 неприятельских батальонов, категорически настаивал на осуществлении разработанного им плана прорыва. «Считаю существенно необходимым, — указывал он, — нанесение частных, хотя бы слабых ударов на фронтах всех армий, не ограничиваясь поисками, не могущими сковать резервы противника: противник теряется, не будучи в состоянии определить направление главной атаки. Достигается также моральный эффект, важный при действии против австрийцев... Ходатайствую усердно не отлагать атаки, все готово, каждый потерянный день ведет к усилению противника, нервирует войска»²¹.

Царь, которому были доложены позиции военачальников, предоставил «выбор дня для начала действий» усмотрению Брусиллова²². Тем самым как бы давалось молчаливое согласие и на реализацию предложенного им плана.

Решение царя во многом определялось военно-политическим положением России. Первая мировая война вызревала и развивалась как столкновение коалиций государств. Россия вступила в войну, связанная военно-политическим союзом с Францией, заключенным в 1891-1893 годах и дополненным военно-морской конвенцией 1912 г. Союзные отношения между Россией и Англией к моменту начала войны не были оформлены. Однако царское правительство было осведомлено о соглашении между Англией и союзной Францией. По этому соглашению в случае войны между Германией и Францией последняя получала поддержку Англии, ко-

торая обязывалась высадить экспедиционный корпус на континенте и приступить к активным действиям на море. В 1914 г. между Россией и Англией велись переговоры о заключении военно-морской конвенции. Союзные отношения между Россией, Англией и Францией были оформлены уже в ходе Первой мировой войны соглашением от 23 августа (5 сентября) 1914 г. о незаключении сепаратного мира. 17(30) ноября 1915 г. к этому соглашению присоединились Италия и Япония. Так формировался блок держав Согласия.

Союзу этих государств противостоял блок центрально-европейских держав: Германии и Австро-Венгрии. К моменту начала Первой мировой войны в этот блок формально входила также Италия, связанная с 1882 г. союзным соглашением с Германией и Австро-Венгрией (Тройственный союз). Однако когда в июле 1914 г. Австро-Венгрия предъявила ультиматум Сербии, Италия, сославшись на нарушение союзницей условий договора, которым предусматривались предварительные взаимные консультации по «политическим и экономическим вопросам общего характера», уклонилась от вступления в войну, объявив о нейтралитете. Весной 1915 г., получив предварительное согласие Англии, Франции и России принять во внимание ее территориальные и экономические интересы, Италия вступила в войну на стороне противников Германии и Австро-Венгрии. В ходе войны в блок Центральных держав вошли Турция (в 1914 г.) и Болгария (в 1915 г.). Блок получил название Четверного союза.

Долговременное ведение боевых действий коалициями государств требовало не только согласования общеполитических целей и планов, но и постоянной координации военных усилий союзников. Для держав Согласия таким в известной степени координирующим их действия органом стали межсоюзнические конференции. Первая из них была проведена 24 июня (7 июля) 1915 г. во французской главной квартире в Шантильи. В ходе конференции представители главных командований стран Согласия достигли договоренности оказывать помощь той союзной армии, которая будет атакована вооруженными силами Четверного союза. Но этот принцип не был тогда проведен в жизнь. Летом и осенью 1915 г., когда

русская армия один на один сражалась с австро-германскими войсками, союзники не оказали ей реальной помощи.

23-26 ноября (6-9 декабря) 1915 г. в Шантильи состоялась вторая межсоюзническая конференция. Она признала необходимым начать подготовку к согласованному наступлению всех союзных армий на трех главных театрах французском, русском и итальянском. Союзники договорились, что если один из них подвергнется нападению, то остальные окажут ему всестороннюю помощь. Но единого стратегического плана принять не удалось. Подтвердилась на практике мысль К.Клаузевица о том, что «мы никогда не встретимся с таким случаем, чтобы государство, выступающее в интересах другого, отнеслось к ним столь же серьезно, как к своим собственным... В европейской политике давно вошло в обычай, что, заключая оборонительные и наступательные союзы, государства взаимно обязываются оказывать друг другу поддержку; при этом, однако, вражда и интересы одного союзника не становятся обязательными для другого; поддержка состоит лишь в том, что государства, не обращая внимания ни на объект войны, ни на усилия противника, обещают друг другу в помощь определенную, обычно очень умеренную военную силу»²³.

Наличие серьезных расхождений между союзниками по коренным вопросам войны требовало организации новой встречи военных руководителей. Очередную конференцию намечено было провести в конце февраля (начале марта) 1916 г. Но прежде, чем она состоялась, жизнь преподала союзникам свой урок. Утром 8(21) февраля началось Верденское сражение. После мощной артиллерийской подготовки немцы перешли в наступление. Одновременно австро-венгерские войска приступили к проведению операции против итальянцев в Трентино. Союзники обратились за помощью к России. Предпринятая в марте наступательная операция на русском фронте вынудила немцев перебросить с западного фронта на восточный свыше четырех дивизий. Атаки на Верден были временно прекращены.

Совещание представителей военного командования союзных держав состоялось 28 февраля (12 марта) в Шантильи. В

его ходе был согласован срок общего наступления. Было условлено, что первой выступит русская армия, а спустя две недели ее поддержат армии союзников. Вскоре после совещания в Шантильи, 14-15 (27-28) марта, в Париже была проведена военно-политическая конференция держав Согласия. Открывая конференцию, ее председатель французский премьер-министр А.Бриан отметил, что она знаменует солидарность союзных стран, их твердое намерение вести общие, согласованные действия: «Одна общая задача, которой служит единая армия, на едином фронте, по общему побуждению и против общего врага»²⁴. Подтвердив решения совещания в Шантильи, участники конференции уделили большое внимание экономическим вопросам. В частности, был принят ряд решений о взаимной помощи вооружением и продовольствием. Общая декларация, утвержденная на последнем заседании конференции, гласила: «Представители союзных государств, собравшиеся в Париже 27 и 28 марта 1916 г., подтверждают полную общность взглядов и солидарность союзников. Они подтверждают все меры, принятые для осуществления единства действий на едином фронте. Они под этим подразумевают единство военных действий, обеспеченное соглашением между штабами; единство экономических действий, организация которых была решена настоящей конференцией, и единство действий дипломатических, которые служат порукою в неколебимом желании продолжать борьбу для достижения общей цели»²⁵. В эти дни генерал Брусиллов назначается главнокомандующим Юго-Западным фронтом русской армии.

Положение России в составе коалиции держав Согласия определялось ее военно-экономическим потенциалом. Ее людские ресурсы оценивались союзниками как неисчерпаемые. Россия имела самую большую армию мирного времени и смогла призвать под ружье за время войны наибольший людской контингент. Согласно данным, которые привел А.М.Зайончковский, к началу войны Россия имела кадровую армию численностью 1.284.155 человек, Франция — 884.000 человек (вместе с колониальными войсками), Англия — 411.400 человек (вместе с индийской армией), Германия —

768.000 человек, Австро-Венгрия — 478.000 человек. По окончании мобилизации численность армии России составила 5.460.955 человек, Франции — 3.781.000 человек, Англии — около 1.000.000 человек, Германии — 3.822.000 человек, Австро-Венгрии — 2.300.000 человек. За время войны были призваны под ружье: в России свыше 15 млн. человек, во Франции — более 8,3 млн. человек, в Англии — 7,4 млн. человек, в Германии — 11 млн. человек, в Австро-Венгрии — 9 млн. человек²⁶.

Война 1914-1918 гг. была не только первой мировой по своему масштабу, она стала столкновением держав, в котором, как никогда прежде, наряду с численностью и искусностью действий войск, решающее значение приобрели факторы экономические: финансовые, ресурсные, технические. В таблице²⁷ указаны важнейшие экономические показатели основных европейских государств на 1913 год.

Очевидно, что оценивая военно-экономический потенциал держав, не следует абсолютизировать значения количественных показателей, его составляющих. Так, Англия, будучи в наименьшей степени обеспечена продовольствием, располагая сильным флотом имела большие возможности восполнять недостаточность своих внутренних ресурсов, чем Германия и Австро-Венгрия. Владевшая огромными каменноугольными запасами, нефтяными богатствами и лесными массивами Россия в годы войны ввозила уголь морем из Англии, затрачивая на это свыше 1/3 тоннажа заграничных поставок²⁸. Это казалось более легким и доступным, чем доставка отечественного угля по железным дорогам.

Готовясь к войне, все державы строили расчеты на том, что она не будет длительной и для ведения ее окажется достаточно запасов вооружения и снаряжения, заготовленных в мирное время. Действительность показала несостоятельность этих расчетов. Уже осенью 1914 г. все воюющие державы стали испытывать кризис боевого снабжения. Наряду с активизацией деятельности военных заводов, попытками разместить заказы за границей, во всех воюющих государствах встал вопрос о необходимости привлечения гражданской промышленности к работе на войну. В России организация

Таблица

Важнейшие экономические показатели основных европейских государств на 1913 год

Гос-ва с колониями	Национальный доход (млрд. долл.)	Стоимость валовой продукции (млрд. долл.)	Добыча угля (вкл. бурый) (млн. т.)	Добыча нефти (млн. т.)	Добыча железной руды (млн. т.)	Выплата чугуна (млн. т.)	Выплата как стали (млн. т.)	Обеспеченность продовольствием (%)
Англия	10,9	9	344,1	1,1	18,2	10,9	7,7	ок. 50
Франция	7,3	6	41,0	-	23,5	4,9	4,3	ок. 80
Россия	7,5	4	29,1	9,2	9,2	3,7	3,9	св. 100
Всего								
Анганта	25,7	19	414,2	10,3	50,9	19,5	15,9	
Германия	10,5	10	277,0	0,1	28,6	15,4	17,1	ок. 80
Австро-Венгрия	4,5	2,5	4,05	1,1	5,1	1,9	2,6	ок. 90
Всего								
Центр. державы	15,0	12,5	331,0	1,2	33,7	17,3	19,7	

этого дела была возложена на созданное в августе 1915 г. Особое совещание по обороне государства. К 1916 г. его деятельность дала осязаемые результаты. Уже с конца 1915 г. русская промышленность начала обеспечивать изготовление необходимого количества артиллерийских снарядов (за исключением снарядов крупных калибров — их производство было организовано в России только в 1916 г.). Ежемесячное поступление в армию снарядов русского производства (в сравнении с 1914 годом) в 1915 г. увеличилось в 6 раз, в 1916 — в 12 раз. В 1916 г. был достигнут и максимум в производстве артиллерийских орудий (5127 шт.) — в 2,5 раза больше, чем в 1915 г. В целом отечественные артиллерийские заводы смогли покрыть потери в артиллерии и дали возможность удвоить артиллерийский парк армии²⁹. Все эти факторы благоприятно сказались при подготовке наступления генералом Брусиловым.

Отдавая должное материальному обеспечению боевых действий войск, Брусилов, как рачительный военачальник, требовал от подчиненных учитывать опыт предшествующих сражений, «дабы устранить возможность повторения ошибок, допущенных в организации операций и боев». В частности, он настаивал на том, что «перед операцией необходимо сделать точный расчет снарядов, памятуя необходимость целесообразного и экономного расходования их не только ввиду ограниченного отпуска, но также и вследствие неизбежного изнашивания орудий и трудности их замены... стрельба должна вестись пристреливаясь не батареями, а каждым орудием и корректируя каждый выстрел, даже при стрельбе на поражение; беглый огонь лишь в исключительных случаях, когда главное не терять времени... Чтобы видеть результаты артиллерийской подготовки необходимо привлечь к наблюдению и корректированию аэропланы...»³⁰ Брусиловым были сформулированы принципы и поставлены конкретные задачи ведения наступательных боевых действий с тем, чтобы добиться успеха, опираясь не столько на численный перевес атакующих, сколько на их умение³¹.

Начало наступления войск русского Юго-Западного фронта было ускорено событиями в Италии. 11(24) мая Брусилов полу-

чил телеграмму за подписью Алексева. На телеграмме стояла помета: «Спешно». Далее сообщалось: «Итальянцы потерпели в Трентино неудачу, которая может обратиться в катастрофу, если австрийцы будут продолжать операцию достаточными силами. Союзники, особенно итальянцы, настоятельно просят нашего содействия переходом в скорейшее наступление хотя бы только войсками Юго-Западного фронта, дабы принудить австрийцев оттянуть против нас часть сил, собранных ныне на итальянском фронте... Начать общую атаку в данное время мы не можем, но произвести удар вашим фронтом против ослабленных войск противника представляется выгодным в виде начала общей операции и крайне желательным для оказания действительной помощи итальянцам, положение которых, по видимому, продолжает ухудшаться. Прошу вас спешно уведомить, когда могут быть закончены фронтом подготовительные работы для производства атаки австрийцев по намеченному плану»³². В тот же день Брусилов ответил, что готов начать артиллерийскую атаку 19 мая (1 июня)³³.

Русская Ставка полагала, что итальянское командование, приняв необходимые меры, могло бы самостоятельно стабилизировать ситуацию. Но итальянская сторона продолжала бомбардировку просьбами, требованиями, призывами о помощи. Король Италии обратился с личной телеграммой к Николаю II, прося ускорить переход в наступление армий Юго-Западного фронта. Царь санкционировал начало операции 22 мая (4 июня) 1916 г.

На рассвете 22 мая (4 июня) на всем протяжении русского Юго-Западного фронта началась атака. Телеграфные агентства, газеты разнесли весть о ней по всему миру. Газета «Русское слово» под набранным крупным шрифтом заголовком «Бой на фронте генерала Брусилова» сообщала: «На нашем Юго-Западном фронте случилось, наконец, то, чего с таким нетерпением и так страстно ждала вся Россия более года: наши войска перешли в наступление по всему фронту от Припяти до Румынской границы, т.е. на пространстве примерно в 400 верст. Фронт этот находится под общим командованием генерала Брусилова. О размерах и успехе для нас начавшегося боя свидетельствует количество пленных —

13.000, т.е. около одной австрийской дивизии, взятых нами всего только в первый день наступления. Нами взято много орудий, пулеметов и других предметов военного снаряжения, количество которого не приведено пока в известность... Несомненно: бой на Юго-Западном фронте первое согласованное действие союзников. Несомненно и то, что наступление наше находится в связи с операциями на итальянском фронте и возможно, что в случае своего дальнейшего развития оно принесет в ближайшем будущем реальные плоды в виде оттяжки части австрийских войск с итальянского фронта и смягчит несколько затруднительное положение наших союзников в этом районе... Если наше наступление против австрийцев примет слишком угрожающий характер, то их союзникам германцам придется придти на помощь хотя бы из эгоистических соображений путем весьма затруднительной переброски войск с севера на юг...»³⁴.

В день, когда было опубликовано это сообщение, первый офицер штаба 8-ой немецкой армии, дислоцированной на Восточном фронте, М.Гофман записал в дневнике: «Вышло что-то скверное. Австрийцы у Ровно опять допустили, чтобы русские их поколотили... Самое возмутительное, что все русские резервы стоят около нас». Последующие дневниковые записи Гофмана содержат своеобразную хронику Брусиловского наступления – взгляд на него с другой стороны линии фронта³⁵.

Для всеобщего сведения хронику этого наступления сообщали русские газеты. 25 мая (7 июня): «Наступление генерала Брусилова разразилось как гром среди ясного, по крайней мере, в германском освещении, неба австро-германского наступления у Вердена и в Трентино. Тринадцатый штурм Вердена, едва ли не самый упорный из всех бывших доселе и продолжавшийся почти непрерывно две недели, сразу потух... Австрийское наступление в Трентино также замерло... Как видно из сегодняшнего донесения нашего штаба, за два дня, 22 и 23 мая, нами взято в плен почти 26.000 человек (в том числе 480 офицеров), 27 орудий и более 50 пулеметов... Со времени великой галицийской битвы 1914 г. еще ни разу за два дня подряд не было захвачено такого громадного ко-

личества пленных...»³⁶. 26 мая (8 июня): «Третий день нашего наступления на Юго-Западном фронте ознаменовался еще большими успехами, чем первые двое суток... До полдня 24-го мая армии генерала Брусилова взяли в плен 900 офицеров и более 40.000 нижних чинов и захватили 77 орудий и 134 пулемета...». Публиковалась телеграмма Николая II на имя генерала Брусилова: «Передайте моим горячо любимым войскам вверенного Вам фронта, что я слежу за их молодецкими действиями с чувством гордости и удовлетворения, ценю их порыв и выражаю им самую сердечную благодарность». Как подчеркивала газета «Русское слово», на генерала Брусилова «теперь с гордостью и надеждой взирает вся Россия»³⁷.

29 мая (11 июня) Гофман записывает: «Сегодня опять масса работы из-за почтенных союзников. Мы посылаем все, что только в силах». В этот день Брусилов получил новую телеграмму верховного главнокомандующего: «Приветствую Вас, Алексей Алексеевич, с поражением врага и благодарю Вас, командующих армиями и всех начальствующих лиц до младших офицеров включительно за умелое руководство Нашими доблестными войсками и за достижение весьма крупного успеха. Николай»³⁸. Одновременно Алексеев сообщил Брусилову содержание телеграммы главнокомандующего французскими армиями генерала Жофра: «Вся французская армия ликует по поводу победы доблестной русской армии победы, значение и результаты которой сказываются с каждым днем. Я счастлив случаю передать Вам выражение наших чувств и прошу Вас принять и передать генералу Брусилову наши поздравления с блестящей победой»³⁹. Тогда же в русских газетах была опубликована телеграмма президента Французской республики Николаю II. В ней, в частности, говорилось: «Блестящая победа, одержанная Россией, дает совместным операциям, намеченным союзными штабами, мощный толчок к общему успеху... Франция затрепетала от радости при этом счастливом известии, и я прошу Ваше Величество принять за Себя и за Вашу армию мои горячие поздравления»⁴⁰.

31 мая (13 июня) газета «Утро России», подводя итоги первой недели наступления, констатировала: «Наши армии Юго-Западного фронта в течение одной операционной недели достигли таких результатов, о которых, конечно, едва ли кто-нибудь мог мечтать при условиях современной обороны полевых позиций. Пространства, покрываемые нашими войсками, измеряются не метрами и аршинами, а десятками верст, причем наибольшие расстояния, пройденные армиями генерала Брусилова, лежат на важнейших операционных направлениях, где противник оказывает интенсивное сопротивление при напряжении своих сил...». В том же номере газеты под заголовком «Отголоски побед» было помещено сообщение Петроградского телеграфного агентства (ПТА): «Получены многочисленные телеграммы из разных городов империи о том, что сообщения о новых блестящих победах русского оружия повсеместно вызывают огромный энтузиазм среди местного населения. В церквях совершаются благодарственные молебствия. На улицах и в общественных местах царит ликование. Телеграммы расхватываются у газетчиков в несколько секунд и влекут новый подъем патриотических чувств»⁴¹. Подобными сообщениями на протяжении всего периода наступления были заполнены русские газеты.

9(22) июня Гофман записывает: «Мы продолжаем отдавать войска на юг». Тремя днями позднее Брусилов сообщил жене: «Получил от французского агента при Ставке известие, что французское правительство пожаловало мне Почетного легиона I класса и военную медаль. Вообще наше наступление произвело на весь мир такой шум, а Россию и ее союзников так обрадовало, что мне делается не по себе, и боюсь сглазят»⁴².

В письмах домой Брусилов ведет свою хронику наступления, фиксирует самоощущения в данную его минуту, дает откровенные оценки событиям и людям⁴³. 17(30) июня: «Бои чрезвычайно тяжелые и, пока, продвигаемся очень медленно. Ковель дается очень трудно. Сознание, что ныне разыгрываемое сражение решающее и что от него зависит участь кампании заставляет меня напрягать все силы ума и воли... Ни о чем, кроме боевых действий, думать не могу»⁴⁴. На

следующий день 18 июня (1 июля): «Дела идут недурно, считая, что могло бы быть гораздо хуже: как и нужно было ожидать против моего фронта неприятель направляет войска со всех сторон: от Эверта, Куропаткина, от итальянского, французского и балканского фронтов... Ты не можешь себе представить количества писем, телеграмм, стихов, образов и образков, которые я получаю и сколько людей молятся за нас! Как жаждала Россия победы хоть где-нибудь и как-нибудь»⁴⁵. Еще через день, 20 июня (3 июля): «На фронте моем чрезвычайно тяжело. Несу громадные потери и атакуют нас сильно... Держимся и удерживаем захваченное... но вперед двигаться не можем. Хочу, однако, попробовать и завтра перейду в общее наступление. Не рассчитываю на особую удачу, но кое-где, может быть, удастся и, во всяком случае, это лучше, чем стоять на месте и отбиваться. Надеюсь, что станет легче, так как итальянцы перешли в наступление, французы тоже, а сегодня и Эверт раскачался. Один Куропаткин все сомневается и не решается... Настолько решающее время: кто выиграет войну? Ни о чем другом думать не могу. Работаю и весь поглощен своим тяжким долгом»⁴⁶.

Хронику противостояния как бы продолжают дневниковые записи Гофмана: 21 июня (4 июля): «Мы теперь нацарапали со всех углов и концов войска, чтобы помочь на юге». 22 июня (5 июля): «Направо от нас приходится вести тяжелую борьбу. Мы посылаем все, что нам удастся нацарапать». 24 июня (7 июля): «У австрийцев то же свинство» — имеется в виду обозначившийся новый успех войск Юго-Западного фронта. 26 июня (9 июля) Брусилов пишет жене: «Наши дела идут, благодаря милости Божьей, хорошо и мои две армии вышли на Стоход. Теперь вопрос взять Ковель... Сделаю все, чтобы был успех, остальное в руке Божьей... Каждый день усердно молю Бога за ниспосланные моим войскам милости. Ведь подумай, своим наступлением я перечеркнул все карты австро-германцев, а ведь меня не хотели пускать»⁴⁷.

И снова записи Гофмана. 5(18) июля: «Противники наступают на нас первый раз объединенными силами и мешают нам перебрасывать резервы с Востока на Запад». 13(26) июля: «Положение австрийцев, как и раньше, невеселое». В

связи с явно обозначившимся успехом русских армий в Галиции английский король Георг V в письме Николаю II охарактеризовал войска державы-союзницы как доблестные, а взятые ими в ходе наступательных боев трофеи и количество пленных как превосходные⁴⁸. 20 июля (2 августа) Брусилов был пожалован «георгиевским оружием бриллиантами украшенным»⁴⁹.

1(14) августа Гофман в очередной раз записывает в дневнике: «Как и прежде у нас много неприятностей с австрийцами». Неделью спустя, 8(21) августа, он вновь вынужден обратиться к той же теме: «Австрийский фронт напоминает большую челюсть. При каждом дуновении ветра моментально начинается зубная боль... Мы только и делаем, что стараемся наскрести какие-нибудь полки, создавать новые резервы, так как совершенно нельзя знать, что понадобится в ближайший час». Одним из значимых результатов Брусиловского наступления в международном аспекте стало вступление в августе 1916 г. в войну Румынии на стороне держав Согласия.

Автор изданной в начале 1917 г. биографии генерала Брусилова констатировал: «Имя славного вождя русской армии уже принадлежит истории... Нет ни одного уголка в пределах обширной нашей родины, где не отозвались бы на победы Брусилова, откуда не летел бы к нему благодарственный привет... Все союзные монархи и правители обласкали словами приветия доблестного русского вождя... О Брусилове с восторгом отозвалась печать всех союзных стран. Имя его не сходило со столбцов газет и журналов. Им заинтересовался весь мир, как поистине выдающимся человеком... Ему доверяют, в него верят. На его талант возлагают свои надежды и русские люди и наши многочисленные союзники»⁵⁰. К 1917 г. слава генерала Брусилова достигла апогея.

Кампания 1917 г. планировалась Ставкой с учетом опыта и результатов Брусиловского наступления летом 1916 г. 2-3 (15-16) ноября 1916 г. по утвердившейся традиции в Шантильи собрались представители командования держав Согласия. Было решено, что к весне 1917 г. союзные армии подготовят совместные и согласованные операции, которые имели

бы целью придать кампании этого года решающий характер. По плану Ставки, утвержденному 24 января (6 февраля) 1917 г., главный удар должен был наноситься южнее Польсы Юго-Западным и Румынским фронтами. Северный и Западный фронты должны были произвести вспомогательные удары на участках по выбору главнокомандующих. На состоявшейся в Петрограде в январе-феврале 1917 г. очередной конференции представителей союзных армий были согласованы сроки начала общего наступления всеми участниками коалиции не позднее 18 апреля (1 мая). Через неделю после отъезда союзнических делегаций из России в Петрограде началась революция.

События Февральской революции 1917 г. Брусилов воспринял как «странный кризис во время столь ужасной войны». Кризис, который необходимо преодолеть «возможно скорей, дабы внешний враг не смог бы воспользоваться нашей разрухой... Нужно, — читаем в его письме жене, датированном 1(14) — марта, во что бы то ни стало выиграть эту войну, иначе Россия пропадет»⁵¹. Он решительно выступил против мнения Ставки, что «приводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции недопустимо»⁵². На запрос из Ставки о его мнении по данному вопросу Брусилов ответил: «На военном совете всех командиров фронта под моим председательством единогласно решено: 1) армии желают и могут наступать, 2) наступление вполне возможно. Это наша обязанность перед союзниками, перед Россией и перед всем миром»⁵³. Под влиянием соображений, высказанных большинством главнокомандующих фронтами, верховный главнокомандующий Алексеев 30 марта (12 апреля) утвердил директиву о подготовке наступления. В ней говорилось: «Учитывая настоящую обстановку и наши обязательства перед союзниками, принимая во внимание общее состояние армии и ее снабжений, я решил сохранить общую идею плана и при благоприятных условиях, по возможности, в первых числах мая провести ряд наступательных действий»⁵⁴. Позднее было принято решение, в связи с неготовностью армии, перенести начало наступления на июнь.

22 мая (4 июня) Брусилов сменил Алексева на посту верховного главнокомандующего. Еще в марте, когда после победы революции обсуждался вопрос о том, кто из военачальников достоин занять эту должность в новых условиях, председатель Временного комитета Государственной Думы М.В.Родзянко рекомендовал главе правительства Г.Е.Львову Брусилова — единственного из генералов, совмещающего в себе «как блестящие стратегические дарования, так и широкое понимание политических задач России»⁵⁵. ореол героя и решительная позиция в отношении продолжения русской армией активных боевых действий, совпадающая с линией Временного правительства на подготовку наступления, определили его назначение.

А.Ф.Керенский в воспоминаниях так описывает предысторию этого события. В середине мая в Каменец-Подольске проходил съезд делегатов Юго-Западного фронта. В работе съезда принимали участие главнокомандующий фронтом генерал Брусилов и недавно назначенный военным и морским министром Керенский. После завершения работы съезда Керенский в сопровождении Брусилова посетил части фронта. «Возвращаясь в закрытой машине из поездки по Юго-Западному фронту, — пишет Керенский, — мы с Брусиловым попали в небывало сильную грозу. Не знаю почему, но именно в тот момент, когда в окна машины барабанил дождь, а над головой сверкали молнии, мы ощутили какую-то взаимную близость. Разговор наш приобрел неофициальный и непринужденный характер, как водится у старых друзей. Мы обсудили дела, которые волновали всех гражданских и военных руководителей, осознававших свою ответственность за судьбу страны... По главным проблемам, стоявшим перед Россией, наши взгляды в основном совпадали и мы оба полностью отвергали господствовавшую в верхних эшелонах власти идею, что «русской армии больше не существует». Мы были убеждены в бессмысленности бесконечных разглагольствований и критиканства, в необходимости наконец проявить мужество и взять на себя риск. В ту поездку в Тарнополь мы успели обговорить много важных вопросов, связанных с предстоящим наступлением, и я тогда же ре-

шил, что к началу наступления всю полноту власти в армии следует передать от Алексева Брусилову»⁵⁶.

В день назначения на высший военный пост в государстве Брусилов писал брату: «Ответственности вообще не боюсь, да и личных целей не имею и славы не ишу, но от всей души желаю и имею лишь одну цель — спасти Россию от развала, неминуемого в случае проигрыша войны... У меня глубокая внутренняя убежденность, что мы победим и с честью выйдем из этой титанической войны... Старое правительство действовало безумно и довело нас до края гибели и это безумие простить ему нельзя. Затхлая и невыносимо гнусная атмосфера старого режима исчезла, нужно, чтобы путем революции народилась новая, свежая, свободная и разумная Россия с ее лучезарным будущим. Теперь же Россия больна, но этого пугаться не нужно, ибо ее здоровый организм вынесет эту болезнь, необходимую для ее развития»⁵⁷.

Убежденность в возможности организации успешного наступления русских войск пронизывает интервью, которое Брусилов дал в этот же день корреспонденту газеты «Русское слово»: «Я глубоко надеюсь, — сказал генерал, — что русская армия больна только снаружи. Ныне чувствуется, что она с каждым днем воскресает и крепнет. Я убежден, что русская армия, будучи кость от кости и плоть то плоти великого русского народа, благополучно перенесет выпавшие на ее долю великие потрясения и, выйдя обновленной и сильной из всех тяжелых испытаний, выполнит свой долг перед родиной, чтобы закрепить навеки завоеванную революцией свободу во имя счастья всех трудящихся масс. Я думаю, что для этого армия ничего не пожалеет и постарается поскорее заставить врага заключить мир на тех условиях, которые твердо определены нашим Временным правительством, то есть без аннексий и контрибуций, на основе широкого самоопределения освобожденных от империалистического гнета народов»⁵⁸.

На этой же полосе газеты помещен отчет о речи Брусилова на заключительном заседании Съезда делегатов Юго-Западного фронта. В своем выступлении генерал констати-

рвал: «У нас теперь все есть в достаточном количестве. Армия снаряжена и вооружена прекрасно, даже лучше, чем была. Наступил также моральный перелом в солдатской среде. Теперь уже почти все готовы идти вперед, когда это будет приказано». Там же публиковалась беседа специального корреспондента «Русского слова» с военным и морским министром, который, говоря о подъеме духа в войсках как о факте несомненном, утверждал, что «недолго уже осталось ждать событий на театре военных действий». 24 мая (6 июня) газета «Утро России» прокомментировала назначение популярного генерала на пост верховного главнокомандующего «как первый шаг к переходу в наступление».

Два дня спустя министр иностранных дел Временного правительства М.И.Терещенко в циркулярной телеграмме информировал дипломатических представителей России за границей: «Процесс постепенного оздоровления армии продолжается... Керенский вынес из своего путешествия на Юго-Западный фронт и юг России благоприятное впечатление»⁵⁹. Временное правительство и Брусилов, взяв курс на практическую подготовку наступления, исходили в своих расчетах из того, что активные действия русских войск будут поддержаны союзными армиями. 8(21) июня начальник штаба верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А.С.Лукомский обратился к английскому и французскому представителям при Ставке с письмом, содержащим настоятельную просьбу Брусилова предпринять непосредственно вслед за атаками русских армий наступательные операции на других фронтах. Аналогичная просьба была направлена правительствам союзных держав по дипломатическим каналам. Однако расчеты эти оказались неверными — союзники России, подталкивая ее к активизации боевых действий, не были уверены в успехе русского наступления и предпочли занять выжидательную позицию⁶⁰.

Позднее Брусилов будет утверждать, что, становясь во главе вооруженных сил воюющего государства, он «понимал, что в сущности война кончена для нас»⁶¹. Но тогда, летом 1917 г., он думал и писал другое: «Да будет Воля Божья над Россией. Победа над врагом ее бы спасла... Мне лично ниче-

го не нужно и никакой славы для себя я не ищу, но спасти Россию нужно. Без победы это почти невозможно и в случае поражения она может рассыпаться, ибо анархия в полном ходу»⁶².

11(24 июня) газета «Утро России» опубликовала отчет о беседе Брусилова с корреспондентом Т.Ардовым, который был принят верховным главнокомандующим в Ставке. «Почему-то я привык представлять себе Брусилова высоким человеком. А он ростом невелик. И это поразило меня. Впрочем и весь он порастил меня — вся его сухая и удивительно пропорциональная и оттого кажущаяся легкой и молодой фигурой и особенно его лицо, тоже сухое, нервное, худое, подтянутое, с впалыми щеками... Хотя лицо у А.А.Брусилова не длинное, с большим, четко очерченным лбом, захватывающим с боков часть черепа, на голове, выдаваясь мыском вперед ровной щеткой, густо торчат почти седые волосы. Но что особенно поразило меня, это взгляд его серых глаз... глаза Брусилова горят каким-то странным огнем, когда он улыбается... Смысл его слов... все «образуется», нужны только такт, умение и смелость... Как, неужели только он, вот этот маленький сухонький человек, этот скромный, обыкновенный генерал, не блестящий ни академической ученостью, ни величием государственной карьеры, один только знает, как спасти армию, один только нащупал правильный путь? Должен сказать, что во многих кругах эта смелость вызывает сомнение. Качают головами: «Дай Бог ему, но только...» и не договаривают... А я сидел и задавал себе вопрос: «Ведь если взялся, так, значит, знает? Ведь иначе-то не может быть». А он все повторял: «Я не пророк. Я только исполняю долг, а остальное не от нас. Но уповаю, что все будет успешно»... Я не знаю, что будет. Может быть — упования генерала не сбудутся. «Это не от нас». А.А.Брусилов взял управление армией в такую минуту, при таких условиях, что если даже успех и не увенчает его работу, вина не на нем. Все равно, даже тогда он принесет пользу России».

Брусилов деятельно готовил наступательную операцию. Эта подготовка не осталась незамеченной противником.

М.Гофман (с августа 1916 г. начальник штаба немецкого Восточного фронта) фиксирует в дневнике 25 мая (7 июня): «Алексеев обещал предпринять наступление, а пока что он смещен, и Брусилов занял его место. Нужно подождать, пока выяснится, удастся ли осуществить наступление Брусилову. Во всяком случае мы предпринимаем все нужные меры». 6(19) июня: «По-видимому, русские действительно намереваются наступать на нас в Галиции. Ну, что ж, пусть начнут». 12(25) июня: «Все мои приготовления закончены». 16(29) июня: «Я жду, начнет ли Брусилов свое наступление в Галиции или нет. Хочу надеяться, что он это сделает. И тогда я ему доставлю одну приятную “неожиданность”...»⁶³.

16(29) июня артиллерия Юго-Западного фронта открыла огонь по позициям австро-германских войск. Артподготовка велась днем и ночью. Никогда еще за три года войны русская армия не располагала таким количеством артиллерии. В полосе прорыва русские войска превосходили противника в орудиях (в том числе в тяжелых) более, чем в два раза. Эффективность артподготовки во многом определили результаты тщательно проведенной наземной разведки и аэрофотосъемки. Плотность наступающих войск удалось довести до 2-2,5 дивизий и 30-35 орудий на 1 километр фронта, а в полосе 7-ой армии, наносившей главный удар в направлении на Львов, — до 44 орудий на 1 километр фронта⁶⁴. 18 июня (1 июля) началась атака пехоты, имевшей на участке прорыва в целом трехкратное превосходство в людях над противником. Но тактический успех на направлении главного удара, обозначившийся уже в первые два дня, оказался эфемерным. Неожиданная удача выпала на долю 8-ой армии, наносившей вспомогательный удар: 23 июня (6 июля) ее войска прорвали оборону противника, через три дня заняли Галич, а на следующий день Калуш.

Своего рода хронику русского наступления летом 1917 г. находим в дневниковых записях Гофмана⁶⁵. 18 июня (1 июля): «Русские наступают в Галиции. Будем надеяться, что это продолжится 8-10 дней, и тогда мы дадим им хорошенько по голове». 23 июня (6 июля): «Пока моя “неожиданность” будет проведена в жизнь, нужно еще по-

ждать 10-14 дней. Будем надеяться, что русские будут энергично продолжать свое наступление». 24 июня (7 июля): «Русские наступают огромными массами. Все отбито. Мои приготовления к “неожиданности” планомерно продолжаются». 28 июня (8 июля): «Сражение в Галиции очень тяжелое, но нет никаких поводов для опасений».

Германское командование, сняв до пяти дивизий с других участков своего Восточного фронта и перебросив 11 дивизий с Западного, нанесло контрудар на правом фланге русского Юго-Западного фронта⁶⁶. 6(19) июля немцы прорвали фронт 11-ой армии у Злочева. Брусилов потребовал от командования Юго-Западного фронта «не только принять все меры к тому, чтобы остановить наступление противника, но энергично перейти в контратаку и восстановить положение»⁶⁷. Однако выполнить этот приказ не удалось ни командовавшему Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанту Гутору, ни сменившему его в этой должности генералу от инфантерии Корнилову. Гофман записывает 8(21) июля: «Дело развивается планомерно». 10(23) июля: «Дела идут лучше, чем мы даже ожидали. Вся русская армия до самых Карпат отступает...» 12(25 июля) был занят Тернополь.

Неудачное развитие событий на Юго-Западном фронте побудило Брусилова предпринять активные боевые действия на других участках. На направлении главного удара Западного фронта было создано трехкратное превосходство в артиллерии и трехкратное в людях. После трехдневной артиллерийской подготовки 9(22) июля в атаку пошла пехота. Но уже на следующий день Ставка приказала Западному фронту перейти к обороне. 7(20) июля началось наступление на Румынском фронте, однако через пять дней оно было остановлено. 10(23) июля перешла в наступление 5-я армия Северного фронта. Заняв первую линию окопов противника, солдаты вернулись на исходные позиции.

Верховный главнокомандующий пытался исправить положение, прибегнув к карательным мерам. 12(25) июля была восстановлена смертная казнь на фронте, отмененная после победы Февральской революции. В этот день Брусилов телеграфировал Керенскому: «Приложу все силы ума и воли,

чтобы спасти Россию и завоевания достигнутые революцией. Мною незамедлительно будут даны указания всем главнокомандующим о принятии мер по восстановлению боевой мощи на началах воссоздания железной дисциплины и власти начальников»⁶⁸.

18(31) июля Брусилов был освобожден от должности верховного главнокомандующего и получил предписание Временного правительства немедленно сдать дела и покинуть Ставку. На него была возложена ответственность за неудачу наступления. Окончился брусиловский период летней кампании 1917 г.

21 июля (3 августа) генерал приехал в Москву и поселился с женой в доме № 4 по Мансуровскому переулку на Остоженке. Во время революционных боев в Москве при обстреле артиллерией восставших здания штаба военного округа снаряд попал в квартиру Брусиловых, и Алексей Алексеевич был ранен его осколками в ногу. То, что он, боевой генерал, которого на фронте три года шадил вражеские гранаты, был ранен в Москве, дома — показалось Брусилову глубоко символичным. В воспоминаниях, рассказывая, как его раненого несли на носилках с Остоженки на Арбат, в лечебницу, Брусилов зафиксировал свое самоощущение: «Мне казалось, что я присутствую на собственных похоронах. Да может быть в переносном значении для России оно так и было: Москва хоронила своего прославленного победою генерала Брусилова, а остался жить искалеченный, измученный старик»⁶⁹. Ранение оказалось тяжелым и до июля 1918 г. генерал находился на излечении в клинике.

А осенью этого года он был арестован по подозрению в участии в заговоре против Советской власти, организованном английским дипломатом и разведчиком Б.Локкартом, и в течение двух месяцев содержался на гауптвахте в Кремле. Подозрение не подтвердилось — Брусилов стал жертвой славы своего имени, которое заговорщики упоминали в переписке при обсуждении кандидатуры на роль вождя белого движения, — и генерал был освобожден. Весной 1920 г., в связи с наступлением польских войск, Брусилов возглавил Особое совещание при главнокомандующем вооруженными

силами РСФСР. С октября этого года он член Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете. В ноябре 1921 г. Брусилов назначается председателем комиссии по организации кавалерийской допризывной подготовки, а в июле 1922 г. — главным военным инспектором коннозаводства и коневодства. С февраля 1923 г. Брусилов — инспектор кавалерии РККА, с марта 1924 г. состоит для особо важных поручений при Реввоенсовете. С 1925 г. в отставке.

17 марта 1926 г. Брусилов скончался от паралича сердца. Он был похоронен с воинскими почестями на территории Новодевичьего монастыря в Москве.

В чем же причина того, что талантливый военачальник, предложивший и осуществивший в 1916 г. оригинальную идею фронтовой операции, успех которой принес ему все-российскую славу, год спустя, обладая полномочиями и властью верховного главнокомандующего потерпел сокрушительное поражение? Думается, что в новых условиях Брусилов оказался несомасштабен задаче руководства всеми вооруженными силами государства. Эти новые, по сравнению с 1916 г., условия были созданы, прежде всего, победой в России Февральской революции.

Наступление русских армий летом 1917 г. было не скоординировано с операциями других держав Согласия. Вследствие падения международного авторитета России союзники даже не проинформировали Временное правительство и Брусилова о своем решении воздержаться от поддержки наступления на русском фронте одновременными с ним активными действиями на Западе.

Брусилов готовил операцию на основе плана, утвержденного еще царской Ставкой, полагая, что договоренности, достигнутые в Шантильи в ноябре 1916 г. и в Петрограде в феврале 1917 г., сохраняют силу. Этот его расчет не оправдался. Союзная Франция после провала своего неудачного наступления в апреле 1917 г., вызвавшего массовые волнения в армии, рост забастовочного и антивоенного движения, вынуждена была отказаться от новых наступательных операций до тех пор, пока не будет достигнуто превосходство над противником в снаряжении и численности войск. Английс-

кая и итальянская армии вели в мае-июне 1917 г. изолированные операции с ограниченными целями. В результате германское командование смогло заблаговременно подготовить и беспрепятственно осуществить переброску войск с Запада на Восток.

Специалисты в области военной истории констатируют, что «если подходить к оценке общего замысла Ставки с чисто военной точки зрения, то в нем вряд ли можно усмотреть какие-либо существенные погрешности... Подготовка наступления в оперативно-тактическом отношении ... была проведена достаточно полно. На направлении главного удара удалось обеспечить необходимое превосходство в силах и средствах»⁷⁰. Но в то же время ни идея, ни план, ни подготовка наступления 1917 г., в отличие от наступления 1916 г., не составляли секрета для противника — им был заранее спланирован и подготовлен контрудар. Верховный главнокомандующий Брусилов не имел преимущества Брусилова — главнокомандующего Юго-Западным фронтом — оригинальности замысла операции и ее внезапности.

В 1917 г. Брусилов вынужден был считаться с тем, что в ходе революции миллионные массы солдат на фронте активно включились в политическую жизнь страны и теперь от их позиции в вопросе о продолжении войны зависела возможность проведения русской армией боевых операций. В «Воспоминаниях» он признает, что к моменту вступления в должность верховного главнокомандующего «войска всех фронтов совершенно вышли из повиновения». Брусилов, однако, сумел использовать последнее, по его словам, средство, к которому тогда еще можно было прибегнуть в целях агитации за наступление — авторитету имени и ораторскому таланту Керенского: «солдатская масса встречала его восторженно, обещала все, что угодно»⁷¹.

Но Брусилов не был бы Брусилковым, если бы, принимая на себя подготовку наступательной операции, уповал только на Керенского, находившегося тогда в зените популярности. «Что касается меня, — вспоминал Брусилов, — то я хорошо сознавал, что после первого акта революции, бывшего в 1905-1906 годах, неминуемо должен быть и второй акт как

неизбежное последствие этой грозной и продолжительной войны. Мне, любящему Россию всеми силами своей души, хотелось лишь одного: дать возможность закончить эту войну победоносно для России... Какую бы физиономию революция ни приняла, я внутренне решил покориться воле народной, но желал, чтобы Россия сохранила свою мощь, а для этого необходимо было выиграть войну»⁷². Во имя победы Брусилов готов был не щадить ни себя, ни других, использовать любые средства. Он формирует ударные добровольческие части, которым предстояло первыми начать атаку. Но одновременно видит и другое их назначение — быть заградительными отрядами, когда «с последним выстрелом на фронте все, что теперь удастся удержать в окопах, ринется в тыл, и притом с оружием в руках»⁷³. В условиях начавшегося отступления именно Брусилов санкционировал применение карательных мер в целях укрепления дисциплины в революционной армии.

Несмотря на революционную риторику своих послефевральских приказов, Брусилов в 1917 г. оставался все тем же генералом царской армии. Ему не дано было понять, что людей, которые в ходе революции осознали свои жизненные интересы, уже нельзя заставить сражаться в войне, цели и смысла продолжения которой они не понимали.

25 октября (8 ноября) 1917 г. Декретом о мире, принятым II Всероссийским съездом Советов, новое правительство России предложило народам и правительствам всех воюющих государств начать немедленные переговоры о прекращении войны и заключении справедливого демократического мира. В марте 1918 г. Брест-Литовским мирным договором между Советской Россией, с одной стороны, и государствами Четверного союза, с другой, были зафиксированы условия выхода России из Первой мировой войны. 13 ноября 1918 г. Брест-Литовский мирный договор был аннулирован Советским правительством.

¹ Гофман М. Записки и дневники 1914-1918 гг. Л., 1929. С. 202.

² Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 325-326.

- 3 ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 62. Л. 1.
- 4 Прежде всего самим А.А.Брусилловым (*Брусиллов А.А. Мои воспоминания. М., 2001*). В статье даны ссылки на их издание. Опубликован сборник документов «Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г.» (М., 1940). Изданы книги о А.А.Брусиллове: *Ростунов И.И. Генерал Брусиллов. М., 1964; Семанов С.Н. Брусиллов. М., 1980; Он же. Генерал Брусиллов. Документальное повествование. М., 1986; Соколов Ю.В. Красная звезда или крест? (Жизнь и судьба генерала Брусиллова). М., 1994. В связи с темой следует назвать фундаментальные издания: *Зайончковский А.М. Мировая война 1914-1918 гг. Т. 1-3. М., 1938; История Первой мировой войны 1914-1918 гг. Т. 1-2. М., 1975; Хвостов В.М. История дипломатии. Т. II. Дипломатия в новое время. 1871-1914. М., 1963; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. Существенное значение для темы имеют работы: *Емеев В.А. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977; Люттов И.С., Носков А.М. Коалиционное взаимодействие союзников. По опыту первой и второй мировых войн. М., 1988; Кавтарадзе А.Г. Июньское наступление русской армии в 1917 г. // Военно-исторический журнал. 1967. № 5; Жилин А.П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М., 1983; Он же. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994. Генерал-адъютант генерал от кавалерии А.А.Брусиллов; *Нелипович С.Г. Наступление русского Юго-Западного фронта летом-осенью 1916 г.: война на самоистощение? // Отечественная история. 1998. № 3; Голиков А.Г. Генерал А.А.Брусиллов: страницы жизни и деятельности // Новая и новейшая история. 1998. № 4; и др.****
- 5 *Брусиллов А.А. Указ. соч. С. 187, 209.*
- 6 ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 127. Послужной список А.А.Брусиллова (январь 1895 г.).
- 7 *Брусиллов А.А. Указ. соч. С. 45.*
- 8 ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 68. Опубликованы А.Голиковым в журнале *Источник. Документы русской истории. М., 1994. № 5. С. 12-26.*
- 9 *Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 13.*
- 10 ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 70. Л. 20. Брусиллов – Брусилловой, 5(18) октября 1914 г.
- 11 Там же. Д. 69. Л. 366 об.-367. Брусиллов – Брусилловой, 25 января (7 февраля) 1915 г.
- 12 Там же. Л. 228. Брусиллов – Брусилловой, 3(16) февраля 1916 г.
- 13 Там же. Л. 353. Брусиллов – Брусилловой, 10(23) марта 1916 г.
- 14 Там же. Л. 268. Брусиллов – Брусилловой, 14(27) марта 1916 г.
- 15 *Брусиллов А.А. Указ. соч. С. 164.*
- 16 *Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. С. 698.*
- 17 *Брусиллов А.А. Указ. соч. С. 167.*
- 18 ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 69. Л. 6. Брусиллов – Брусилловой, 18 июня (1 июля) 1916 г.
- 19 Цит. по: *Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. М., 1940. С. 118.*
- 20 Там же. С. 190-191. Алексеев – Брусиллову, 19 мая (1 июня) 1916 г.
- 21 Там же. С. 192. Брусиллов – Алексееву, 20 мая (2 июня) 1916 г.
- 22 Там же. С. 193. Алексеев – Брусиллову, 21 мая (3 июня) 1916 г.
- 23 *Клаузевиц К. О войне. М., 1933. Т. 3. С. 94.*
- 24 Цит. по: *Валентинов Н. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914-1918 гг. Ч. 1. М., 1920. С. 126.*
- 25 Там же. С. 136.
- 26 *Зайончковский А.М. Мировая война 1914-1918. М., 1931. С. 21. Табл. Следует отметить, что соответствующие данные в других источниках могут не совпадать с приведенными А.М.Зайончковским, но в целом соотношение людских ресурсов держав они рисуют аналогичным образом.*
- 27 *Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967. С. 971.*
- 28 *Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 331.*
- 29 Там же. С. 118, 119, 123.
- 30 Цит. по: *Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. М., 1940. С. 115-117. Указание командующим армиями фронта от 5(18) апреля 1916 г.*
- 31 Там же. С. 118-122. Указание командующим армиями фронта от 6(19) апреля 1916 г.
- 32 Там же. С. 173-174.
- 33 Там же. С. 174.
- 34 *Русское слово. 1916. 24 мая (6 июня).*
- 35 *Гофман М. Указ. соч. С. 202-214.*
- 36 *Русское слово. 1916. 25 мая (7 июня).*
- 37 Там же. 26 мая (8 июня).
- 38 ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 98. Л. 12.
- 39 Там же. Л. 13.
- 40 *Утро России. 1916. 29 мая (11 июня).*
- 41 Там же. 31 мая (13 июня).
- 42 ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 69. Л. 12 об.-13. Брусиллов – Брусилловой, 12(25) июня 1916 г.
- 43 «Нужно же кому-нибудь высказаться», – замечает он в письме жене, датированном 10(23) октября 1916 г. И тут же: «Только сердечно прошу никому ни слова не говорить».
- 44 ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 69. Л. 328. Брусиллов – Брусилловой, 17(30) июня 1916 г.
- 45 Там же. Л. 5-6. Брусиллов – Брусилловой, 18 июня (1 июля) 1916 г.
- 46 Там же. Л. 6 об. Брусиллов – Брусилловой, 20 июня (3 июля) 1916 г.
- 47 Там же. Л. 8. Брусиллов – Брусилловой, 26 июня (9 июля) 1916 г.
- 48 *Источник. Документы русской истории. М., 1997. № 2. С. 39. Георг V – Николаю II, 13(26) июля 1916 г.*
- 49 ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 98. Л. 15. Генерал Михеев – Брусиллову, 27 июля (9 августа) 1916 г.
- 50 *Андреанов П.М. Генерал Брусиллов. Одесса, 1917. С. 4, 15, 17.*
- 51 ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 69. Л. 203.
- 52 *Разложение армии в 1917 г. 1917 год в документах и материалах. М.-Л., 1925. С. 11.*
- 53 Там же. С. 30.
- 54 Цит. по: *Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. М., 1923. Ч. 7. Кампания 1917 г. С. 58.*
- 55 *Генерал Алексеев и Временный комитет Государственной Думы // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 285.*
- 56 *Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 194-195.*
- 57 ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 69. Л. 122.
- 58 *Русское слово. 1917. 23 мая (5 июня). С. 2.*

- ⁵⁹ Цит. по: *Васюков В.С.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С. 169.
- ⁶⁰ См. подробнее: *Игнатьев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 232-301.
- ⁶¹ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 209.
- ⁶² ГАРФ. Оп. 3. Д. 69. Л. 185 об.-186 об. Брусилов – Брусиловой, 5(18) июня 1917 г.
- ⁶³ *Гофман М.* Указ. соч. С. 230-231.
- ⁶⁴ *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 358-359; *Жилин А.П.* Последнее наступление (июнь 1917 г.). С. 57.
- ⁶⁵ *Гофман М.* Указ. соч. С. 231-232.
- ⁶⁶ *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 359.
- ⁶⁷ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 7. С. 80. Брусилов – Гуртору, 7(20) июля 1917 г.
- ⁶⁸ Там же. С. 83. В воспоминаниях Брусилов утверждает, что подписал приказ и разослал его главнокомандующим фронтами «по настоянию Керенского» и что «этот приказ не был выполнен и остался на бумаге». Указ. соч. С. 214.
- ⁶⁹ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 263.
- ⁷⁰ *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 354, 362-363.
- ⁷¹ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 208.
- ⁷² Там же. С. 202.
- ⁷³ Цит. по: *Жилин А.П.* К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. С. 164.

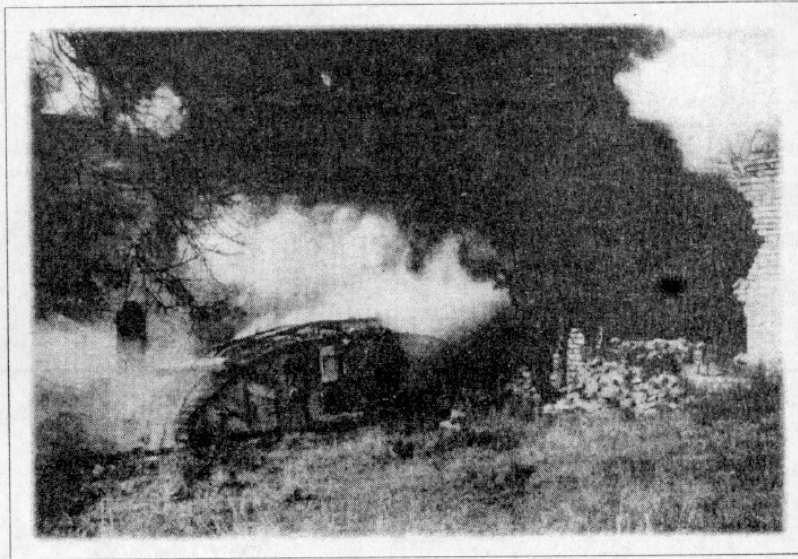

«Твердо настаивать на оказании союзниками помощи»

МИССИЯ ГЕНЕРАЛА Д.Г.ЩЕРБАЧЕВА И ПРОБЛЕМА СНАБЖЕНИЯ БЕЛЫХ АРМИЙ СОЮЗНИКАМИ

«Руководители белого движения рассуждали о починке общей крыши на рухнувшем здании».

Э.Г. фон Валь.

Горящий английский танк.

Вопрос о снабжении белых армий союзниками лишь на первый взгляд кажется частным и малозначительным. В свое время он стоял чрезвычайно остро и определял многое в судьбе белых армий и в отношениях белых к союзникам. Деятельность в Париже генерала Д.Г.Щербачева, официального военного представителя белых русских армий при правительствах союзных держав и союзном верховном командовании, является лишь одной из граней той разнообразной, но весьма разрозненной и в общем малорезультативной деятельности в пользу белых армий, которая была развита в эту пору. Не оправдавшая надежд, которые были на нее возложены, она тем не менее дает возможность раскрыть часть той картины общего сумбура в деле военной помощи белым армиям, результаты которой в конечном итоге свелись к нулю.

Впервые идея иметь специального военного представителя белых армий в Париже, ставшем политическим центром русской эмиграции, созрела на юге России к концу 1918 г. Положение там, в связи с окончанием мировой войны и уходом германских войск с Украины, складывалось сложное. Предполагалось, что интервенция союзных (в частности, французских) войск и подвоз военного материала даст возможность предотвратить большевизацию до недавнего времени оккупированных немцами областей и даже, при наличии достаточных сил, перейти в наступление и взять Москву. С целью ускорить помощь бывших союзников главнокомандующий вооруженными силами белых на юге России генерал А.И.Деникин уполномочил генерал-адъютанта Щерба-

чева, бывшего помощника главнокомандующего Румынским фронтом, поехать в Париж для личных переговоров с союзным Верховным командованием. Предполагалось уполномочить Щербачева быть военным представителем России на международной конференции, которая должна была собраться в Париже.

Как бывший начальник Академии генерального штаба, Щербачев казался лучшим кандидатом для такой миссии, поскольку совмещал профессиональную подготовку с личным знакомством и дружескими отношениями с маршалами Ф.Фошем, Ж.Жофвром и другими². В личной жизни скромный, мягкий и уступчивый человек, Щербачев в роли военачальника становился прямолинеен и тверд, обладая при этом исключительными дипломатическими способностями. Лицо с резкими чертами отличалось подвижностью, а взгляд придавал ему орлиное выражение. В высшей степени набожный, Щербачев, по словам сына, в порыве искренности начинал молиться вполголоса, и надо было слышать, с какой любовью и просьбой он произносил: «Боже, спаси Россию!»

Щербачев был также известным и популярным военачальником. Начав карьеру конным артиллеристом, он окончил Академию генерального штаба (в 1884 г.), после чего служил в штабе 2-й Гвардейской пехотной дивизии, став впоследствии начальником этого штаба (1898-1901 гг.). Командовал лейб-гвардии Павловским полком, 1-й Финляндской стрелковой бригадой (в 1907 г.). До 1912 г. он исполнял обязанности начальника Академии Генерального штаба. Война застала его командующим 9-м армейским корпусом в Галиции. Здесь он решительными действиями своего корпуса способствовал победе в сражении на Золотой Липе. «Из ряда выходящим, — по оценке биографа Щербачева Э.Г. фон Валя, — было его решение взять Львов вопреки плану и категорическому приказанию командующего 3-й армией генерала Рузского»¹. Потом последовала победа у Раввы Русской, за которую Щербачев был награжден Георгиевским крестом 4-й степени и золотым оружием. С апреля 1915 г. Щербачев продолжал успешно действовать во главе 11-й армии, а с октября этого года — 7-й, стоявшей на Ужгороде. Отступление всего русского фронта на Дунайце заставило отходить и 11-ю

армию. Но Щербачев и здесь выделился: он атаковал во фланг и в тыл германские войска, форсировавшие Днестр у Жижачева, в результате чего германский гвардейский полк попал в плен. За эту победу во время отступления Щербачев получил из рук императора Николая II Георгиевский крест 3-й степени. К этому же времени относится ставшая исторической фраза Щербачева: «Не могу дольше держаться, а потому перехожу в наступление». В апреле 1917 г. он назначен помощником главнокомандующего Румынским фронтом, каковым номинально считался король Румынии Карл, т.е. фактически главнокомандующим фронтом. На этом посту он оставался до выхода России из войны.

Попытка решить, находясь в Румынии, проблемы организации иностранной интервенции и материального снабжения белых армий не удалась. Щербачев с санкции Деникина в декабре 1918 г. отправился в Париж. В это время он еще не отдавал себе отчета в той политической подоплеке, которая определяла отношение бывших союзников к России. Как и большинство представителей белого движения, он считал, что вопрос о союзной помощи мог решаться в плоскости исключительно военной, исходя из понятий о союзном военном долге в борьбе против общего «германо-большевистского врага».

Положение в Париже, куда Щербачев с бывшим начальником своего штаба генералом Н.Н.Головиным прибыл 26 января 1919 г., было для его цели мало благоприятным. В то время Англия и Франция испытывали мощное социально-политическое давление изнутри, в особенности от левых и левоцентристских группировок и партий, выступавших с требованием прекратить интервенцию в России. Несмотря на то, что консерваторы и некоторые торгово-промышленные круги этих стран, имевшие финансовые интересы в России, оказывали влияние на правительства в пользу продолжения помощи белым, было очевидно, что размеры этой помощи требуют строгого контроля, а помощь живой силой, как наиболее одиозная форма интервенции, должна быть сокращена, если не прекращена вовсе.

В такой атмосфере открытый призыв Щербачева к формированию многотысячной армии для вторжения в Россию

был обречен на неуспех, что и обусловило стремление генерала направить свою деятельность на решение вопроса о снабжении антибольшевистских армий из-за границы. Под его председательством собиралась военно-морская комиссия для разработки стратегических вопросов, касающихся России, могущих возникнуть в ходе мирной конференции, которую предполагалось собрать на Принцевых островах².

К 1919 г. дело материального снабжения белых армий находилось в плачевном состоянии. Когда в ходе первой мировой войны выявилась острая нужда российской армии в заграничном снабжении военными материалами, заказы на них начали размещать бессистемно: через военных агентов, различных особоуполномоченных лиц и иностранных предпринимателей, оказавшихся в Петербурге³. Результатом этой неразберихи была неэффективность работы, что и привело в 1915 г. к решению создать ответственные органы для заграничных заказов. С целью упорядочить размещение заграничных заказов России в Великобритании, Америке и Франции в Лондоне был образован Русский правительственный комитет, помимо которого никакие заказы в Великобритании не могли даваться и председателю которого был подчинен образованный в Нью-Йорке Русский заготовительный комитет. Деятельность заготовительной организации в Париже, образованной при военном агенте во Франции, должна была вестись в контакте с председателем лондонского комитета. В Италии и в Японии были созданы небольшие комиссии по заказам при военных агентах. Правда, и это не привело к полной согласованности заграничных заказов, так как по положению. Русский правительственный комитет мог контролировать только те закупки в странах, кроме Великобритании, которые производились за счет кредитов, предоставляемых русскому правительству английским. Лондон установил собственный контроль за распределением русских заграничных заказов. По воспоминаниям главы Русского правительственного комитета в Лондоне генерал-лейтенанта Э.К.Гермониуса, заказы принимались к исполнению союзными державами только после подтверждения их английской военной миссией при Ставке верховного главнокомандую-

щего и после проверки в британских министерствах и комитетах их целесообразности⁴.

Выход России из войны привел к тому, что учреждения по заграничным заказам превратились в ликвидационные, и перед Щербачевым встал вопрос о налаживании их работы фактически заново. Как и раньше, оставались три главных источника снабжения — Великобритания, США и Франция. Английское правительство взяло все дело по ликвидации Русского правительственного комитета в свои руки, вплоть до того, что средства на его содержание были арестованы британскими властями, которые создали Английский ликвидационный комитет без участия в нем русских представителей⁵. В США с переходом к ликвидации имущества довольно значительное количество русских офицеров и других лиц, ранее состоявших при заготовительном комитете (приемщиками, браковщиками и пр.), было раскассировано и находилось без дела и содержания, хотя многие из них были специалистами высокой квалификации.

Во Франции положительное отношение правительства к существованию чисто русского ликвидационного комитета под руководством военного агента генерал-майора А.А.Игнатьева было полностью подорвано обостренными отношениями между Игнатьевым и Российским послом В.А.Маклаковым. В литературе о белом движении множество примеров того, как люди, личное честолюбие и амбиции которых не позволяли им подчиняться другим, ставили другим препоны. Как и в других странах, после выхода России из войны заготовительный комитет во Франции превратился в ликвидационный. Почти триста человек было уволено. Все же в отличие от Великобритании, Франция признала Игнатьева «единственным представителем русских государственных интересов во Франции»⁶.

Щербачеву пришлось столкнуться с самозванными представителями и сепаратными миссиями от различных белых правительств. Таких «представительств» было много. В Великобритании генерал Дессино, бывший русский представитель при британском верховном командовании, заручившись полномочиями от главнокомандующего белогвардейской Северо-Западной армией генерала Н.Н.Юденича, начал само-

стоятельную деятельность по снабжению этой армии. В марте 1919 г. Щербачев телеграфировал Юденичу просьбу снять с Дессино полномочия, так как деятельность последнего «по его прежним отношениям к английским военным и политическим кругам может дать отрицательные результаты»⁷. Юденич согласился сделать это⁸. Но как отмечал военный агент в Лондоне генерал Ермолов, еще в августе там находился «целый ряд лиц, именующих себя различными представителями армии генерала Юденича... Чем все эти лица занимаются, кому они подчинены, с кем они сносятся, от кого получают свое содержание и в каком именно размере — военной агентуре совершенно неизвестно. Можно сказать только одно — все эти лица вносят в общее дело немало путаницы, не приносят здесь решительно никакой пользы»⁹.

В США объявился генерал Добржанский, якобы уполномоченный самопровозглашенным «Верховным правителем российского государства» адмиралом А.В.Колчаком для переговоров с правительством США о военной помощи. Сам Колчак отрицал, что давал такое поручение¹⁰. Позже Добржанский «всплыл» в Европе как представитель Юденича¹¹. В июле 1919 г. Деникин информировал Щербачева об отправке им миссии генерала Базарова в Румынию¹². Внося дезорганизацию, эти эмиссары пытались привлечь к себе внимание бывших союзников России, но оставляли лишь отрицательное впечатление о белых. Из Парижа на все фронты белых армий часто приходили телеграммы с просьбой прекратить командировки различных лиц и миссий.

В этом контексте легче понять конфликт Игнатъева с Маклаковым и вновь прибывшим Щербачевым. 4 марта 1919 г. Маклаков информировал Игнатъева о постановлении генерала Щербачева, согласно которому с военного агента снимались все обязанности, кроме ликвидации дел военной миссии. В своем ответе послу Игнатъев подчеркнул, что он является единственным законным военным представителем единого Русского государства, поскольку «союзные отношения наши (т.е. Франции и России. — А.Ш.) основывались именно на военном, а не на дипломатическом соглашении, и военный агент являлся естественным блюстителем этого договора». Игнатъев отказался признать за Щербачевым пра-

во ограничивать его деятельность¹³. Последний писал Деникину, что Игнатъев не признает «ни Вас, ни меня»¹⁴, и жаловался, что, хотя представительство Колчака и сняло с него обязанности военного агента, за ним оставлено звание, и лучшим решением вопроса был бы отзыв Игнатъева в Омск или Таганрог¹⁵. Но сделать это было не так-то легко. Правительство Колчака оставалось официально непризнанным. Игнатъев же был назначен еще при царе и признан французским правительством уже много лет. Подчиняться никем официально непризнанному правительству Игнатъев не собирался. Щербачеву пришлось мириться с существующим положением.

В таких условиях несогласованности действий и интриг заграничных представителей белых армий дело снабжения, как и другие дела (о военнопленных, русских легионерах и военной агентуре) терпело ущерб. Немудрено, что сами бывшие союзники решили взять контроль в свои руки. Такое стремление обнаружилось еще во время первой мировой войны, причем, чем слабей становилось русское правительство, тем большего контроля требовали союзники не только над заказами, но и над ввозом и вывозом грузов из Архангельска и Владивостока¹⁶. В гражданскую же войну, в условиях малой дееспособности белогвардейских правительств, доходившей до анархии, бывшие союзники почувствовали себя в положении опекунов России, тем более, что некоторые представители белых, не стесняясь выносить сор из избы, сами призывали их к выполнению этой роли. Это проявлялось в самом начале гражданской войны — с занятием союзниками Владивостока и Архангельска, где находились огромные склады военного материала, скопившегося в этих портах. На Севере и Дальнем Востоке организовались антибольшевистские отряды Е.К.Миллера и Колчака, которые в процессе своего формирования получили поддержку союзников через их представителей на местах.

На юге и северо-западе страны положение обстояло несколько иначе. Там белые части организовались без участия бывших союзников, во всяком случае, без их прикрытия или поддержки. Щербачев, как представитель Деникина, был призван в первую очередь наладить снабжение его армии (и

немного позже — армии Юденича), ввиду того, что сами союзники не принимали такого участия в этих районах России, какое они принимали на севере и востоке. С одной стороны, это уменьшало количество работы Щербачева, но с другой — делало невозможным какое-либо стратегическое планирование и объединение заграничного снабжения.

Гермониус, вызванный из Лондона и прибывший в Париж в один день со Щербачевым, тут же подчинился ему и был поставлен во главе Управления по заграничному снабжению. Восстановить старую систему снабжения было невозможно — честолюбие и грызня между ее представителями создали дух непримиримости. Это, в свою очередь, отражалось на отношениях с бывшими союзниками, к которым апеллировала каждая из обиженных сторон в поисках справедливости. Щербачеву, в первую очередь, было необходимо укрепить свой авторитет как в глазах русских кругов за рубежом, так и в глазах бывших союзников. 3 февраля 1919 г. Маклаков отправил телеграмму Колчаку в Омск, извещая о прибытии Щербачева и Головина как полномочных представителей Деникина. «Полагаю важным, — заключал он, — в интересах общего дела возрождения России и подтверждения требования помощи и снабжения русских армий, а также на случай возможного военного представительства на Мирной Конференции подтвердить и с Вашей стороны полномочия этих генералов, направляя впредь все военные требования через них»¹⁷. На Колчака эта новость произвела хорошее впечатление, и он ответил, что «просит им передать полномочие представлять при Франц. и Английск. Верховном Командовании армии, действующие на Востоке России»¹⁸, при этом он просил Головина приехать в Омск. Вскоре последовали полномочия и от Юденича.

Но тут же произошла первая осечка. Гермониус, начав разработку вопроса о снабжении, не был в курсе соглашения Омска с Францией и Великобританией от начала января о том, что снабжение армии Колчака будет идти напрямую через генерала Нокса, представителя Великобритании в Сибири, и вплоть до середины марта занимался совершенно лишней работой, так как только к тому времени Омск удосужился его проинформировать о достигнутом соглашении.

Первый успех Гермониуса — посылка Деникину 100 аэропланов — также вышел комом. Узнав о совершенной сделке, а в частности о ее стоимости, министр финансов Омского правительства хотел вовсе отказаться от оплаты, но ограничился наставлением Щербачеву и Гермониусу впредь согласовывать все покупки с Омском¹⁹. Но именно согласования с Омском и хотели избежать Щербачев и Гермониус, так как на это уходило драгоценное время.

Щербачев приехал в Париж с достаточно широкой программой, которая включала вопросы заграничного снабжения всех антибольшевистских армий, использования русских военнопленных и остатков русских отрядов во Франции, а также организации интервенции других держав. В частности, Щербачев разрабатывал план организации славянского добровольческого корпуса для борьбы против большевиков. Однако вскоре выяснилось, что ни Деникин, ни Колчак не интересовались последней возможностью. Еще в начале февраля Деникин телеграфировал: «Неотложна лишь техническая и денежная помощь»²⁰. В Сибири к концу марта такое отношение к союзнической помощи тоже возобладало: налаживание снабжения через Нокса и Жанена отвечало желанию правительства Колчака получать от союзников главным образом материальную помощь вооружением, обмундированием и деньгами... В соответствии с этим правительство не считало целесообразным делать дальнейшие усилия для получения от союзников помощи войсками»²¹. Щербачев, однако, вплоть до апреля ставил первой своей задачей именно организацию полномасштабной интервенции, выполнение которой решило бы, по его мнению, и вопросы о снабжении.

Одновременно Щербачев, не согласовав вопрос с Омском, обратился к французскому правительству с просьбой выделить белым правительствам кредит в сумме 690 млн. франков на 10 месяцев — на отбор и отправку в белые армии военнопленных, на помощь Миллеру и Юденичу и на приобретение снаряжения и военных материалов и их доставку. Эти цифры вызвали недоумение, и ходатайство о кредите не получило никакого разрешения.

В связи с этими несогласованными действиями Омск решил поставить деятельность Щербачева в определенные

рамки. Щербачев прибыл в Париж, полагая, что он будет представителем всех белых армий. Исходя из этого, он писал Деникину: «В отношении снабжения существующих сейчас на Севере и Юге России и в Сибири русских вооруженных сил, борющихся против большевиков, мною при помощи бывшего председателя заготовительного комитета в Англии от Главного артиллерийского управления генерала Гермониуса, коему я через Политическое совещание предложил принять ведение вопросами снабжения указанных вооруженных сил, предпринят ряд шагов. Дело в том, что военный министр Англии лорд Черчилль неофициально предложил мне, через генерала Гермониуса, взять на себя снабжение борющихся против большевиков русских сил всем необходимым и просил дать ему сведения о всех наших требованиях». Щербачев, также через Гермониуса, ответил Черчилю, что для сбора этих сведений ему необходимо наладить надежную связь с Колчаком и Юденичем и объединить в своих руках все нити переговоров о распределении заказов²².

Приступая к работе, Гермониус прежде всего пытался воссоздать хотя бы частично систему заграничного снабжения, которая существовала во время первой мировой войны и до известной степени это ему удалось. Несмотря на противодействие военной агентуры и бывших работников заготовительных комитетов во Франции и США, большинство специалистов, оставшихся на месте, перешли в новую организацию. В Лондоне весь состав русского ликвидационного комитета перешел в подчинение Гермониусу в его Управление²³. Прежняя система предусматривала следующий порядок: если заказ шел непосредственно через иностранного представителя (как было принято в Сибири и на Севере), то необходимо попросить правительство, исполняющее заказ, информировать Управление заграничных снабжений для подтверждения и учета его²⁴. Но именно здесь и возникали проблемы, так как западные державы из-за боязни усилившейся оппозиции к прямому военному вмешательству в дела России стремились сохранить в тайне сотрудничество с белыми армиями, отказываясь иногда даже Управлению снабжений давать сведения о том, что и куда отправлено²⁵. Но и в том случае, когда заказы шли через Управление, воз-

никали технические трудности. В середине марта Щербачев писал: посылаемые почтой ведомости приходили с таким опозданием, что возбуждали сомнения в своевременности требований, тем более, что одновременно с почтовыми требованиями, поступающими в Управление, шли телеграфные требования через русских военных и морских агентов в Париже и Лондоне. В результате создавалась неразбериха как в учете стоимости снабжения, так и в рациональности распределения имеющихся за границей русских запасов²⁶.

Помимо этих двух затруднений — секретности и отсутствия прочной и быстрой связи с фронтами — делу препятствовали принятая союзниками система подтверждения любого заказа их представителями на местах и, главное, отсутствие средств и кредитов для возможности самостоятельного производства Управлением закупок и заказов.

Омск не соглашался с мнением военного представительства в Париже относительно его роли в снабжении. По мнению начальника ГАУ, благодаря установившимся непосредственным сношениям правительства Колчака с представителями английского и французского правительств, всякого рода снабжение и вооружение поступало широким потоком. Генерал считал, что в этих условиях «подтверждение всякого нашего заказа Управлением заграничных снабжений будет нерациональным, как в смысле большой затраты времени на сношения, чего не отрицает и сам наш посол (во Франции), так и по причине недостаточной осведомленности посла о наших нуждах». Предполагая и в будущем действовать «в том же порядке, как это было до сего времени», он не возражал против того, чтобы Управление заграничных снабжений «само договорилось с соответствующими правительствами о сообщении ему лишь для учета сведений о заказах, делаемых этими правительствами на основании требований представителей иностранных правительств здесь»²⁷.

Таким образом, первоначальное одобрение Колчаком еще в начале марта всего плана работ Щербачева уже через месяц превратилось в непонимание и несогласие, несмотря на то, что мысль Щербачева и Гермониуса об объединении всего дела в одних руках, предпочтительно в Париже, имела глубокий смысл: знание полной картины нужд армий облегчало

рациональное распределение уже имеющихся запасов, не говоря о необходимости учета и контроля за движением денежных средств и военных материалов. Снабжение Сибири скоро вышло из рамок, установленных в январе, и потребовало более обширной международной согласованности. Это вызвало командировку Гермониуса в США в сентябре для налаживания снабжения, одновременную с созданием Главзагран в Омске для координации заграничных закупок и заготовок.

Ассигнование Омским правительством кредитов на нужды военного представительства носило отпечаток разочарования в деятельности Щербачева, а точнее, отсутствия веры в осуществимость и пользу его грандиозных планов. Постановлением от 19 апреля 1919 г. ему было выделено 126 тыс. франков ежемесячно на всю организацию, включая комитеты по военному снабжению в Париже, Лондоне и Нью-Йорке, и военную агентуру Западной Европы; средства на военнопленных шли отдельно через МИД. Эти ассигнования продолжались примерно до декабря, но они оказались каплею в море, даже по отношению к программе-минимум Щербачева. Начиная с лета 1919 г., Щербачев стал регулярно отправлять телеграфом просьбы о денежной помощи в Омск. Так, 8 августа он писал: «Никакими кредитами не располагаю. Кроме кредитов для Сербских и Болгарских формирований (идея славянских добровольцев не покидала его — А.Ш.), необходимо 15 миллионов франков на эвакуацию пленных, отправку офицеров и их семейств, 5 миллионов непредвиденных расходов, включая содержание военных управлений». Из этих цифр видно, что даже на содержание военной агентуры и управлений не хватало ассигнованных средств²⁸.

Со своей стороны, власти в Омске, желая сосредоточить военное управление там, были готовы закрыть военное представительство в Париже, но не решались на этот шаг в виду того, что связь Омска с Европейской Россией; в частности, с фронтом Юденича, значение которого тогда сильно возросло, не была обеспечена. В результате военное представительство потеряло точку опоры: имея полномочия от Колчака, оно не получило достаточных средств для деятельности. Так, в стесненных финансовых условиях и под постоянным

нажимом со стороны политических деятелей в Париже и Омске, под угрозой закрытия за ненадобностью, проходила работа Управления заграничных снабжений. Хотя по мере возможности Управление вело учет снабжения Сибири и Севера, активная работа его была сосредоточена на помощи Югу и Северо-Западу²⁹. Это были самые неблагоприятные в смысле снабжения фронты. Главные склады и производственные базы достались большевикам, но даже те склады во Владивостоке и Архангельске, которые были у белых, несмотря на десятки тысяч тонн материалов, которые они содержали, не могли удовлетворить требования фронтов. Во-первых, много материала было в виде сырья: селитра, красная медь и бездымный порох сами по себе, при отсутствии средств и заводов для их переработки в военные материалы, снаряды и прочее, имели мало значения. Во-вторых, многие военные материалы на складах были в полуготовом состоянии.

Например, хотя во Владивостоке было огромное количество 3-дюймовых снарядов (свыше 4,5 миллионов шрапнельных и почти 1,5 миллиона гранат), на них не хватало взрывателей, так что в разгаре гражданской войны Омск направил посланнику в Стокгольме К.Н.Гулькевичу заказ на 202 тыс. взрывателей у завода «Сеператор», за что переводилось ему 110 тыс. фунтов ст. — на оплату страхования, хранение и перевозку груза вокруг света во Владивосток³⁰. Часть тех же шрапнелей (400 тыс.) была предположена к отправке на Юг из Владивостока, что было дополнительной затратой денег и времени, а главное драгоценного тоннажа³¹. В Архангельске, где на складах было материала значительно больше, чем могла использовать Северная армия, надеялись часть его передать Колчаку при смычке фронтов, но это не было осуществлено³². При уходе же англичан с Севера (сентябрь 1919 г.), последние топили в Северной Двине автомобили, оружие, снаряды, оставив лишь обмундирование и интендантское снаряжение³³. Таким образом, даже те запасы, которые остались после первой мировой войны, не всегда могли быть рационально и полностью использованы.

Что же касается Юга России, то там ни на что, кроме помощи со стороны союзников, нельзя было рассчитывать. Еще во время своего пребывания в Румынии Щербачев до-

говорился с представителем Франции генералом Бертело о снабжении Деникина русским имуществом, оставшимся на огромных складах Румынского фронта и Украины, но Бертело распорядился отдать склады на Украине Раде³⁴. Румыния же, решив использовать момент, заняла Бесарабию и отказалась выполнить договор о передаче военного имущества Деникину. Падение Украины позволило Франции умыть руки, так как по соглашению с Великобританией Юг России делился на две зоны — французскую и английскую, и Великобритания вскоре взяла на себя заботу о снабжении Добровольческой армии через свою военную миссию при штабе Деникина. Таким образом, и на юге снабжение начало идти, минуя организацию Щербачева. Попытка добиться от Румынии отпуска русского военного имущества Деникину также осталась безуспешной. Деятельность военного представительства в Париже для снабжения этого фронта с весны 1919 г. стала, таким образом, ненужной.

История снабжения Северо-Западного фронта отразила всю остроту и сложность политического и военного положения белого движения в 1919 году. Первые активные выступления генерала Юденича для привлечения союзной помощи к наступлению на Петроград относятся к декабрю 1918 г. Первые поставки военных материалов прибыли на фронт в середине августа 1919 г. Даже беглый взгляд на хронологию гражданской войны обнаруживает, что задержка привела к полной потере стратегической инициативы. Сибирский фронт сворачивался, англичане готовились к эвакуации Севера, и только на Юге и Северо-Западе оставалась надежда на наступление. Во второй половине января 1919 г. генерал Юденич обратился к маршалу Фошу и адмиралу Колчаку с просьбой содействовать формированию антибольшевистского фронта, причем в обращении к Фошу он подчеркивал, что «отказался от мысли просить поддержки союзных войск», но просит о присылке всякого рода снаряжения³⁵. Одновременно он сообщал, что потребуются также определенный политический нажим («воздействие союзников») на Финляндию, Эстонию и Латвию, чтобы те не препятствовали формированию армии³⁶. Узнав об этих телеграммах, шедших через Париж, Щербачев решил перехватить инициа-

тиву и сам обратился к маршалу Фошу, но последний заявил, что «этот район входит в сферу Англии, а Франции придется ограничиться моральным содействием»³⁷.

Таким образом, стало необходимо в первую очередь повлиять на Лондон в желательном смысле. Однако, по непонятным причинам, никаких определенных шагов в этом направлении не было предпринято, пока сами англичане (члены парламента) не обратились в конце февраля к заместителю Гермониуса в Лондоне проф. Д.Д.Гарднеру с просьбой о том, чтобы генерал Головин приехал и сделал доклад о белом движении. Учитывая политический характер такой миссии, Головин заручился официальным согласием на нее С.Д.Сазонова — министра иностранных дел Колчака. Это было тем более важно потому, что Головина предупредили: его будут расспрашивать о политической платформе Колчака и Деникина и от его ответов будет зависеть судьба дальнейшей военной помощи Великобритании белым.

До своего выступления Головин переговорил в Лондоне с представителем военного министерства полковником Стилем: «Принял нас этот полковник довольно сухо. На вопрос о помощи по формированию армии генерала Юденича ответил отрицательно», — лаконично повествует Головин. Более того, Стиль пытался отговорить Головина от выступления, но последний ответил, что если действительно его доклад только повредит делу, он откажется, но вынужден будет объяснить свой отказ главному инициатору приглашения — сэру Самуэлу Хору — как отказ, основанный на официальном мнении военного министерства о его вреде. Стиль уступил и пожелал Головину успеха.

В начале марта Головин выступил со своим докладом на закрытом заседании парламентских комиссий по иностранным и военным делам. Он исходил из того, что гражданская война, являющаяся продолжением борьбы с немцами, «началась на почве несогласия русских патриотических элементов идти на постыдный (Брест-Литовский. — А.Ш.) мир». По словам докладчика, в руках у большевиков находятся обильные источники всех видов снабжения, а в руках белых, действующих на периферии, никаких источников снабжения нет. В виду того, что белые продолжают вести общую войну,

ныне прекратившуюся на западном фронте, «правительства адмирала Колчака и генерала Деникина считают, что помощь в снабжении, которую они просили от союзников, есть долг последних перед Россией». По оценке Головина, общая стоимость этой акции должна составить около 100 миллионов фунтов стерлингов на нужды всех белых армий.

Речь Головина была встречена сочувственно, и на следующий день он узнал, что первоначально будет ассигновано 48 млн. фунтов ст. Одновременно был решен в положительном смысле и вопрос о помощи Юденичу³⁸. Таким образом проблема снабжения белых армий являлась в первую очередь не военно-технической, а политической и, следовательно, требовала политического решения. Представители белых армий учли необходимость разъяснительной работы в союзных правительственных и парламентских кругах, то есть пропаганды с определенным акцентом на понятиях о чести и долге. Обыкновенно критически относящийся к вялости русской политики, поверенный в делах в Лондоне К.Д.Набоков телеграфировал в Омск, что Головин весьма успешно выполнил задачу³⁹.

Щербачев, почувствовав почву под ногами, решил попытаться превратить свою организацию в «Центральный военный орган в Париже, представляющий интересы всех без исключения противобольшевистских формирований». Он просил присылать ему еженедельные сводки о положении на фронтах, информацию о планах армий и «обо всех заказах, делаемых непосредственно представителям союзников (в Сибири — Ноксу, на Юге России — Бригсу, на Севере России — в английское министерство»); только при таких условиях, телеграфировал он всем главнокомандующим, будет возможно «твердо настаивать на оказании союзниками того или другого вида помощи, а также следить за фактическим и своевременным выполнением обещаний»⁴⁰.

Колчак «счел неотложным приезд в Омск Головина или Щербачева для участия в руководстве операциями по снабжению». Сазонов, которому самостоятельная политическая деятельность военного представительства в Париже была не очень удобна, со своей стороны, убедительно просил обоих немедленно отправиться в Омск⁴¹. Вполне сознавая трудную

обстановку в Сибири, отсутствие там опытных генералов Генерального штаба, Щербачев решил, что Головин нужен в Сибири, но что самому ему необходимо остаться в Париже, чтобы продолжать оказывать содействие главнокомандующим белыми армиями. Головин в мае-июне 1919 г. находился в Лондоне, где вел переговоры о помощи белым прежде всего на Северо-Западном фронте.

Юденич, взволнованный отсутствием каких-либо положительных вестей из Лондона, направил туда своего представителя генерал-майора Б.В.Геруа с просьбой о снаряжении для армии в 50 тыс. человек. Именно тут вопрос о снабжении уперся в гораздо более широкий политический вопрос — о независимости Финляндии и Прибалтийских государств. Без положительного решения хотя бы вопроса о независимости Финляндии не было возможности строить какие-либо надежды на ее содействие формирующимся отрядам белых, что, в свою очередь, делало положение этих отрядов там неопределенным. Юденич, Щербачев, Головин и даже Миллер были готовы признать независимость Финляндии, но Сазонов, Колчак и Деникин решили, что можно обойтись без ее помощи и что только Учредительное Собрание полномочно решить вопрос о ее независимости.

Юденич считал, что державы Согласия должны заставить Финляндию и Прибалтийские государства содействовать ему. Он писал Щербачеву 22 марта: «Я не вижу препятствия державам Согласия нажать на эту, более чем ничтожную величину (Эстонию. — *А.Ш.*), стоящую поперек нашей дороги, если союзники искренне хотят помочь нам. Порты и пути сообщения Эстонии должны быть переданы в наше ведение на все время военных действий, а еще лучше — приняты в свое ведение союзниками. Это не оскорбит эстов и этим путем, полагаю, много трений будет устранено»⁴². Переоценкой желания союзников помочь России грешил не один Юденич, но, исходя из предположения, что они помогут политически, он просил (в феврале 1919 г.) соответствующее количество военной помощи на армию в 50 тыс. человек: 1000 пулеметов, 200 орудий, 400 тыс. снарядов, 60 гаубиц и 100 танков⁴³. Никакого ответа тогда не последовало. Положение Юденича становилось день ото дня все тяжелей; его

офицеры оставались бездеятельными свидетелями гражданской войны, наблюдая, как союзники снабжают боевыми припасами и продовольствием: англичане — эстов, французы — финнов, но не русских. Между тем в Финляндии имелись склады оставленного как русскими, так и немцами вооружения, а Северный корпус терпел нужду во всем⁴⁴.

Между тем Шербачев сообщал в Омск: «Генерал Гермоиус выяснил в Лондоне, что англичане, считая трудным формирование русских сил генерала Юденича в Финляндии и Эстонии, предполагают перебросить на английских судах все русские силы, находящиеся в Ф. и Э., в Мурманск и Сороки. По поводу этого вопроса сегодня (30 апреля. — А.Ш.) отправляется в Лондон генерал Головин для поддержки проекта снабжения генерала Юденича в Эстонии»⁴⁵. Головину было о чем говорить в Лондоне. Юденич к тому времени стал заложником политических обстоятельств, которые полностью лишили его возможности продолжать свою деятельность, и сам он начинал подумывать, что если не удастся договориться при помощи союзников с эстонцами, то его организацию действительно необходимо переправить на другой фронт, несмотря на явные стратегические преимущества Северо-Западного направления. Поэтому целью Головина было доказать, что начинания Юденича стоит поддерживать, а для этого союзники должны прежде всего повлиять на Эстонию в желаемом для Юденича смысле.

Сазонов подготовил для Головина инструкцию, которая предписывала добиваться:

«1. Признания необходимости создания в Эстляндии русской военной силы для борьбы против большевиков.

2. Согласия оказать для этого необходимую помощь снабжением всякого рода (вооружением, обмундированием, продовольствием и деньгами), а также, может быть, добровольцами.

3. Согласия поддержки сухопутных действий русской армии английским флотом в Балтийском море.

4. Согласия оказать давление на эстонские власти, чтобы они не чинили препятствий к формированию и передвижению русских войск на подчиненной им территории.

5. Посылки к русскому главнокомандующему на Эстляндском фронте генералу Юденичу английской военной миссии для оказания ему содействия и наблюдения за точным выполнением

данных обещаний в отношении снабжения, а также за исполнением эстонцами возложенных на них обязательств»⁴⁶.

Как и в первую свою поездку, Головин начал с переговоров с сэром С.Хором, через которого надеялся напрямую переговорить с военным министром Черчиллем без посредства полковника Стиля, ведавшего русскими делами в военном министерстве и, по мнению Головина, несочувственно относившегося к белому движению. Надо сказать, что Хор, помимо своего положения влиятельного консерватора (член палаты общин), слыл также и специалистом по русским делам: он одно время возглавил британскую разведывательную миссию в России. Хор полагал, что замысел Юденича — германофильская затея без шансов на успех⁴⁷.

При таких условиях Головину приходилось ломать все представления, сложившиеся в английских умах в связи с организацией Юденича. Быстрее всего он справился с рядом вопросов о поставке англичанами мощной радиостанции в Екатеринодар для связи с Омском и Парижем, об оставлении английских войск на Севере и о предоставлении бесплатного парохода для перевозки русских офицеров, находящихся в Европе (бывших военнопленных и русских отрядов во Франции) в Сибирь. К удивлению Хора и Головина, Черчилль сразу проникся идеей создания Северо-Западного антибольшевистского фронта. В переговорах с начальником оперативной части английского Генерального штаба генералом Рэдклифом Головин сумел достичь полного единомыслия по военным вопросам — снабжению, использованию и перевозке военнопленных в белых армиях. Однако когда вопрос коснулся независимости Эстонии, Головин сказал Рэдклифу, что об этом не может быть и речи. В беседе с Черчиллем, наоборот, этот деликатный вопрос вовсе не обсуждался, и, касаясь снабжения белых армий, Черчилль отметил, что оно будет продолжено. Он обещал испросить кредит в парламенте в 24 млн. фунтов ст. на нужды всех белых фронтов и предоставить Миллеру и Юденичу вооружение и снабжение, необходимое для 100 тысячной армии.

В своем докладе Сазонову от 6 мая Головин писал: «Общее впечатление, которое я вынес из этой беседы, превзошло все мои ожидания. В Черчилле мы имеем не только

симпатизирующего нам человека, но энергичного и активного друга... между прочим он сам выразился так: «Я сам исполняю распоряжения Колчака». В частном же письме Сазонову он подчеркнул весьма характерную и важную особенность английской помощи: Черчилль избегает какой-либо огласки своей деятельности в помощь белым, чтобы не создавать трений между ним и левыми общественными кругами, но он, как Хор и другие консервативные политики и военные, готов помогать и дальше — англичане «боятся слов, — но не боятся по секрету делать»⁴⁸. Казалось, успех Головина был полным. Находящиеся в Лондоне бывшие министры А.И.Коновалов и П.Л.Барк в телеграмме Политическому совещанию хвалили его и просили оставить в Великобритании в роли постоянного представителя Колчака для решения возможных вопросов, связанных с английской помощью⁴⁹. И тем не менее, ничего нового не было сделано и все решения по тем основным вопросам, которые Сазонов поручил Головину выяснить в Лондоне, отложились до прибытия в Прибалтику английской военной миссии.

Тем временем Юденич продолжал умолять о помощи. Северный корпус перешел в наступление 13 мая 1919 г., и несмотря на первоначальные успехи, отсутствие вооружения, сапог, обмундирования и продовольствия начали сводить результаты наступления на нет. Хотя Головин уехал в Омск 25 июня, он оставил своим заместителем Геруа, который, во главе неофициальной особой военной миссии, продолжал проводить запросы генерала Юденича. И снова обнаружилась тенденция различных представителей то вести самостоятельную деятельность, то требовать подчинения других себе. Так, военный агент в Великобритании генерал Ермолов, считая, что Геруа вмешивается в его деятельность, просил Омск либо подчинить его миссию себе, либо упразднить ее. Но подчинение неофициальной миссии Геруа Ермолову сделало бы ее официальной и могло вызвать протесты левых. Как заметил Геруа в письме к Щербачеву от 9 июля о поведении англичан: «Огласка, слишком официальные выступления, так же как излишнее «приставание» их раздражают. Они ведут игру против течения и неустанно просят помнить об этом и не затруднять положения»⁵⁰.

Добившись принципиального согласия на снабжение Юденича в связи с командировками Головина и установлением миссии Геруа, военное представительство могло считать свою задачу выполненной. Действительно, в начале июля из Великобритании отчалил пароход в Ревель с военным имуществом на 10 тыс. человек. Правда, он дал в пути течь и вернулся на ремонт и перегрузку, что задержало снабжение почти на месяц. В середине июля Гермониус подписал соглашение с главой американской продовольственной организации Г.Гувером о снабжении продовольствием освобожденного от большевиков Северо-Запада. Между тем, в связи с летним наступлением численность Северо-Западной армии возросла в несколько раз, и теперь требовалось значительно большее количество вооружения и снаряжения, чем было послано англичанами. Юденич посылал телеграммы и представителей, которые молили о помощи. 26 июля Гулькевич телеграфировал Сазонову: «По сведениям командированного Юденичем в Лондон генерала Владимирова, союзники не доставили еще Северному корпусу ни одного снаряда, несмотря на многократные обещания»⁵¹. А сам Юденич обрисовал положение еще откровенней: «Армия, насчитывающая 22000 бойцов, не имеет снарядов, патронов, раздета, босая, два месяца не получает жалованья. Если немедленно не получит снабжения, то погибнет»⁵².

Вдруг, как гром среди ясного неба, Гермониус из Лондона телеграфировал Щербачеву 30 июня: «В связи с ухудшившейся политической обстановкой военное министерство принуждено сильно сократить помощь русским армиям и указывает на необходимость получения снабжения из Америки. Английское правительство заявляет, что им приходится выбирать между помощью Деникину и Юденичу. Английское правительство предпочло бы помощь Деникину, предполагая у некоторых лиц, окружающих Юденича, особенно из гражданского управления, германскую ориентацию. В виду стратегического значения Петроградского фронта и необходимости сохранения инициативы в столь важном вопросе за нами прошу Вашего распоряжения»⁵³. Действительно, на Северо-Западе из-за отсутствия обещанной помощи англичанами и в связи с прибытием из Латвии частей дивизии кн.

Ливена, отлично снабженных, вооруженных и одетых немцами, началось недовольство союзниками. За английским отказом стояли серьезные причины, связанные с внутренним положением и, в частности, теми трудностями, с которыми сталкивался Черчилль, пытавшийся помочь белым. Для военного представительства этот шаг означал необходимость искать новые источники снабжения, и в первую очередь в Америке, куда в сентябре Шербачев командировал Гермониуса для переговоров.

Та благожелательная по отношению к Колчаку атмосфера, которая создалась в июне 1919 г. в правительственных кругах США после обмена нотами между ним и союзниками, уже реализовалась в упомянутом выше соглашении о снабжении продовольствием армии Юденича, но дело шло с большими затруднениями. 12 июля Головин, находясь проездом в Америке по дороге в Омск, телеграфировал Колчаку: «Сравнивая отношение к России Америки и Англии в вопросе снабжения, докладываю мое личное впечатление, что правительство последней по своему общему государственному устройству обладает несравненно большими возможностями в скрытых формах приходить нам на помощь». Головин также отмечал, что очень тяжело добиться отпуски военного имущества в кредит, так как правительство адмирала Колчака не признано, но что все же возможно изыскать пути снабжения с условием внесения 10% предоплаты, а остальные — обеспечить либо золотом, либо сырьем⁵⁴. Омск рассматривал США как базу для поставок прежде всего в Сибирь и ревниво относился к переговорам военного представительства о снабжении других фронтов белых. В частности, Гермониуса обвиняли в том, что он, по своей инициативе, стал участником переговоров между правительством США и российским правительством о приобретении ружей⁵⁵.

Однако, к началу августа, когда выявилась вся серьезность положения на Северо-Западе, из Омска указали на необходимость войти в соглашение с Америкой о снабжении армии генерала Юденича⁵⁶. Правительство Колчака смягчило свой взгляд на «вмешательство» военного представительства в Париже, допустив переговоры между Гермониусом и американскими представителями. Для этого была суще-

ственная причина: в связи с признанием Деникиным Колчака Верховным Правителем, рассеялось то недоверие, которое чувствовалось в отношениях между Омском и Екатеринодаром, а следовательно, Омском и военным представительством. Это выявилось в приказе адмирала Колчака от 16 июля 1919 г., согласно которому генерал Шербачев назначался «Военным Представителем Верховного Правителя за границей»⁵⁷.

В таких условиях Гермониус прибыл в Вашингтон для помощи в ведении переговоров о снабжении белых армий, а также для решения ряда других вопросов. В частности, американское правительство разрешило русским представителям сделать закупки на американских складах на 25 миллионов долларов, но только для гражданского населения. Русские представители использовали случай для покупки предметов, «которые годились бы одинаково и для армии, и для гражданского населения», как например белье и сукно хаки. Вокруг этого сукна разгорелась борьба: американский военный министр Бекер указывал, что ему необходимо получить личное приказание президента. Гермониус, видя, что в таком случае вопрос не скоро продвинется, затронул тему о возможности получить в таком случае в кредит американское оружие (винтовки). Бекер ответил, что прежде всего необходимо принятие закона о продаже оружия, но что он обратится по этому поводу к президенту В. Вильсону. По свидетельству Гермониуса, приведенному в его отчете о командировке, «через час или два товарищ министра иностранных дел Ланг при свидании с послом Бахметьевым сказал, что министр Бекер телефонирует ему, Лангу, что я, Гермониус, вовсе не настаиваю на отпуске одежды, о которой так много было говорено раньше и о чем было телеграфировано президенту, а спрашиваю оружия. После перекрестных личных и телефонных переговоров между послом, Лангом, Угетом и мной и после моей ссылки не только на Угета, говорившего от моего имени, но и на мою записку, поданную Бекеру, было установлено, что Бекер, по-видимому, ошибочно искал мою просьбу и таким образом запутал дело. Так понял это Ланг и обещал принять соответствующие меры. Этот инцидент я привожу, как пример тех затруднений, с которыми

приходится встречаться, когда иностранцы не расположены исполнить наших просьб»⁵⁸.

В конечном итоге сторонникам помощи белым армиям в России в правительстве США удалось оказать содействие миссии Гермониуса, но время было упущено. Так, например, пароход «Пауни», на борту которого находилось 300 тыс. трехдюймовых патронов, 6 тыс. винтовок и 8169 ящиков с грузами американского Красного Креста, вышел из Филадельфии к Юденичу 17 декабря, когда на Северо-Западе все уже было кончено⁵⁹.

Кроме переговоров о снабжении белых армий из США, Гермониус также возбудил вопрос о возможности получения Деникиным и Юденичем русского оружия, захваченного во время первой мировой войны Германией. Государственный департамент отнесся к этому запросу сочувственно и сообщил о согласии своим представителям в Париже⁶⁰. Англичане и французы относились крайне ревниво и подозрительно к контактам русских с немцами. Полковник А.Ф.Брандт, русский военный агент в Германии, 2 сентября 1919 г. сообщал, что получил разрешение на отправку Юденичу «8 орудий с 20/т. снарядов, 3 германских аэропланов с пулеметами, 1 миллиона патронов, 50 револьверов и 1000 комплектов германского обмундирования». При этом он отмечал, что «материал немцами отпущен в кредит по себестоимости, за поручительством нескольких эстляндских помещиков и следует в адрес Балтийского пехотного полка С.З.Армии». Балтийский полк, составленный из балтийских немцев, принимал участие в боевых операциях Северо-Западной армии, но был подчинен Юденичу лишь временно и номинально. Во избежание кривотолков со стороны союзников о целях деятельности русских представителей в Германии, заместитель Гермониуса (бывший юрисконсульт Русского правительственного комитета) д.с.с. П.С.Пороховщиков, писал Брандту, что приобретение военного снабжения в Германии «не должно быть принимаемо как признак изменения нашей общей политики по отношению к Германии. Наше правительство твердо и безусловно стоит на основном положении полного единства действия со своими союзниками, считая себя в войне с Германией, пока не заключен с нею фор-

мальный мир... Поэтому необходимо, чтобы заказы делались не иначе как по предварительному извещению о них уполномоченных держав Согласия в Берлине и по получении их согласия или заверения, что они не имеют возражений»⁶¹.

Только 12 октября Верховный совет союзников обсудил вопрос о передаче белым армиям оружия из Германии и поручил осуществление этого союзнической контрольной комиссии в Берлине⁶². Однако союзники не согласились причислить к контрольной комиссии русского представителя с решающим голосом; они были готовы признать лишь русских технических советников⁶³. Органы снабжения в Германии были налажены только к концу 1919 года. Не обошлось без интриганства, неподчинения и взаимообвинений в среде русских представителей, что тормозило дело, вносило путаницу и компрометировало представителей белых в глазах как бывших союзников, так и бывших врагов.

Наряду с этим продолжались попытки вновь привлечь англичан и французов к делу снабжения, в частности Северо-Западного фронта. Французы, занявшись снабжением стран Восточной Европы и Балканского полуострова (т.н. «санитарный кордон»), отнеслись к подобным обращениям холодно. Геруа докладывал генералу Головину 14 октября, что французское правительство ставит условием плату хлебом Юга России за отпускаемое вооружение⁶⁴.

Англичане же, а точнее говоря Черчилль, самый влиятельный друг и ярый сторонник белого движения, были вновь воодушевлены идеей помощи Юденичу прибывшим в Англию А.И.Гучковым. Последний в своем обращении к Черчиллю от 18 сентября писал: «Северо-Запад является самым уязвимым местом большевиков, и поэтому требует наибольшей поддержки. Успех на Северо-Западе выведет Север из сложного положения и обеспечит безопасность новых Балтийских государств, над созданием которых так много потрудились Англия»⁶⁵. Выслушав Гучкова, Черчилль немедленно начал отдавать распоряжения о помощи Юденичу — найти тоннаж, предоставить ему материал, направленный эстонцам, и т.д.⁶⁶ Но иллюзия успеха длилась недолго. Ответ британского военного министерства на запрос Геруа от 7 октября рассеял все надежды: Англия впредь будет снаб-

жать только Деникина⁶⁷. Правда, в декабре Черчилль предложил военному агенту в Лондоне генералу Ермолову три варианта, при которых снабжение армии Юденича могло быть продолжено:

1. Перевод в Великобританию 100 тыс. фунтов стерлингов, как видимость оплаты, за что Черчилль обещал отпустить запасов на большую сумму.

2. Получение концессии на Кавказе или в Восточной Сибири.

3. Заключение политического союза России (с непризнанным правительством!) и Великобритании. В частности, за английскую помощь против большевиков Россия обязуется помочь Англии против Афганистана, представляющего угрозу для Индии⁶⁸. Ответ на это предложение нам неизвестен, да, кажется, его и не было, ибо развязка уже наступала.

Необходимо сказать и о качестве военного имущества, поставляемого союзниками. Устранив все русские органы не только от ведения учета и административной работы по оформлению заказов, но и от приемки этого имущества, союзники как бы взяли всю полноту ответственности на себя. Однако низкое качество и некомплектность посылаемого материала и вооружений стали притчей во языцех, в особенности на Северо-Западе. Уже в конце петроградской операции Юденич жаловался в письме Геруа (3 ноября), что орудия и гаубицы прибыли без замков, из-за чего во время наступления 8 орудий и 4 гаубицы бездействовали на складах в Нарве; танки прибыли без металлических лент для пулеметных патронов (напомним, что в то время главным оружием танков были пулеметы, а не пушка); пулеметы прибыли вовсе без лент и патронов, а аэропланы были настолько изношены, что без предварительного ремонта на них невозможно было подняться в воздух⁶⁹.

Причин, тормозивших помощь союзников, было несколько. Главное место среди них занимают условия политические: колеблющаяся линия союзнических правительств и оппозиция левых партий и трудящихся внутри этих стран к помощи белому движению в России.

Во-вторых, из-за того, что правительство адмирала Колчака за все время своего существования оставалось официально не признанным, возникли проблемы финансирования.

Бывшие союзники не решались ни разморозить старых русских кредитов, ни открыть новых. Хотя в известной степени те расходы, которые державы Согласия брали на себя в снабжении белых, должны были быть возмещены в будущем. У белых был и другой вариант получить частные займы — под залог золота (из золотого запаса, находившегося у Колчака) или сырья. Между тем Управление заграничных снабжений никогда не имело в своем распоряжении кредитов для самостоятельных закупок и возможности вести учет стоимости снабжения (в отчетах, по крайней мере, отражается только количество посылаемого на фронты материала, да и то, как видно из вышеизложенного, неполно). Следовательно, приходилось и в этом вопросе надеяться лишь на добропорядочность бывших союзников. Уже в конце 1919 г., в связи с охлаждением их интереса к белому движению, начались разговоры о покупке оружия на коммерческих основах, но потеря золотого запаса сделала это невозможным.

Наконец, даже тогда, когда, несмотря на все политические, финансовые и прочие трудности удавалось испросить какое-то имущество, вставала проблема его транспортировки на фронт. Здесь, как и в остальном, белогвардейские армии находились в зависимости от бывших союзников. Русский торговый флот, с 1917 г. перешедший в руки немцев, а потом держав-победительниц как военный трофей, «растворился» среди этих новых владельцев. Меньше всех пострадали корабли Черного моря, но их было недостаточно. Если в декабре 1918 г. бывшие союзники уверяли, что они лишь временно берут русские суда на хранение и вернут их «признанному русскому правительству», то в сентябре 1919 г. британское адмиралтейство мотивировало свой продолжающийся контроль над русскими судами тем, что они использовались «для перевозки предметов, необходимых в России»⁷⁰. Летом 1919 г. в Лондоне прошла конференция, на которой были намечены основы управления торговым флотом России⁷¹, но сам он оставался в руках бывших ее союзников. В докладной записке по этому вопросу от 28 июня Погуляев отмечал, что тем временем русские пароходы «эксплуатируются англичанами для своих нужд», а пароходы, зафрахтованные французами, «стоят по-долгу по портам

и, конечно, управляемые чисто военным режимом, а не коммерческим, не делают и половины той работы, которую они, при правильной эксплуатации, могли бы выполнить». Кстати сказать, французы взяли лучшие пароходы Добровольного флота России⁷².

Таким образом поле деятельности Щербачева — военного представителя белых армий за границей и возглавляемой им организации волей-неволей сужалось за отсутствием, как выражался его заместитель генерал Ф.Ф.Палицын, «объекта управления». Тоннаж, деньги и само военное имущество находились в руках бывших союзников, и деятельность Щербачева и Гермониуса могла выражаться только в оказании морального воздействия на них путем личных переговоров и докладных записок.

Несмотря на то, что Щербачеву и его помощникам удалось решить ряд вопросов, связанных со снабжением белых армий, эти решения носили обычно общий характер. Реализация же их сталкивалась с рядом конкретных трудностей в отношении оплаты и транспортировки военного имущества. Колеблющееся отношение бывших союзников к белому движению только усугубляло проблему.

Трудности снабжения русских армий из-за границы обострились еще во время первой мировой войны. И в 1917, и в 1919 году эти трудности были вызваны прежде всего падением международного престижа России. Ни правительство Деникина, ни правительство Колчака не были официально признаны бывшими союзниками царя и Временного правительства. Поэтому в ходе гражданской войны, снабжая белые армии вооружением, они все больше брали на себя инициативу, оставляя представителям белых армий лишь совещательный голос, главным образом по общим вопросам организации поставок. В тех местах, где, как на Северо-Западе до лета и на Юге до весны 1919 г., еще не было иностранных миссий, голос Щербачева и Гермониуса имел больший вес, но к лету 1919 г. они столкнулись с тем, что все бразды правления снабжением уже фактически находились в руках бывших союзников. Без денег, тоннажа и конкретных полномочий Щербачеву оставалось только сворачивать свою деятельность. Характерна фаталистическая оценка генералом Палицыным своего положения в ка-

честве заместителя Щербачева во время командировки последнего на Юг России в июне 1919 г.: «Если Управление, за отсутствием объекта практически ничего осуществить не в силах, то и руководство должно находиться в таком же положении. И это чувство бессилия мною пережито в течение месяца в полной мере»⁷³.

Щербачев рассчитывал одержать победу над большевиками с помощью союзников, став связующим звеном между белыми армиями и верховным советом союзников в Париже. Расчет не оправдался. Практически отстраненный от дел, Щербачев поселился на Ривьере, где проживал как частное лицо, материально обеспеченный румынским правительством. Он скончался в Ницце 18 января 1932 г. Войска бывшей союзницы — Франции отдали последние воинские почести над его могилой.

- ¹ Валь Э.Г. фон. К истории белого движения. Деятельность генерал-адъютанта Щербачева. Таллин, 1935. С. 12-13.
- ² АВПРИ. Ф. 190. Д. 2541. Л. 1828.
- ³ Лукомский А.С. Снабжение русской армии и страны во время Европейской войны // Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. США: Финансовое Агентство в США, 1925. С. 21, 27.
- ⁴ Гермониус Э.К. Заграничное снабжение армии // Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. С. 171.
- ⁵ Hoover Inst. Russia. Posolstvo (U.S.). Box 210. File 210-7. P. 34-35.
- ⁶ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1959. Т. 2. С. 345.
- ⁷ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3540. Л. 47, 65 об.
- ⁸ Там же. Д. 3541. Л. 11 об.
- ⁹ Там же. Ф. 355. Д. 51. Л. 17.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 200. Д. 540. Л. 64-65.
- ¹¹ Hoover Inst. Girs M.N. Coll. Box 18. File 18-10.
- ¹² ГАРФ. Ф. 200. Д. 320. Л. 22.
- ¹³ Hoover Inst. Nikolaevsky coll. Box 18. File 18-10.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 5936. Д. 42. Л. 107.
- ¹⁵ Там же. Д. 43. Л. 13.
- ¹⁶ Игнатъев А.В. Внешняя политика Временного Правительства. М., 1974. С. 402-404.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 200. Д. 330. Л. 41.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 7.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 200. Д. 192. Л. 30-31.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1708.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 200. Д. 321. Л. 24-24 об.
- ²² Там же. Ф. 5936. Д. 43. Л. 26-26 об.
- ²³ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3540. Л. 58.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 200. Д. 115. Л. 30.
- ²⁵ Там же. Ф. 5936. Д. 32. Л. 39.
- ²⁶ Там же. Ф. 200. Д. 115. Л. 30.
- ²⁷ Там же. Д. 186. Л. 11.

- 28 ГАРФ. Ф. 200. Д. 268. Л. 9; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3545. Л. 188.
 29 Официальный очерк деятельности Военного представительства по сент. 1919 г. хранится в ГАРФ (Ф. 5936. Д. 32).
 30 ГАРФ. Ф. 200. Д. 186. Л. 38.
 31 Там же. Ф. 5936. Д. 32. Л. 69.
 32 *Миллер Е.К.* Борьба за Россию на Севере. 1918-1920 гг. // Белый Север. Архангельск, 1933. Вып. 1. С. 28.
 33 *Сokolov Б.Ф.* Падение Северной области // Белый Север. Архангельск, 1933. Вып. 2. С. 330.
 34 *Валь Э.Г. фон.* Указ. соч. С. 36-37, 51.
 35 Красный архив. 1929. № 6 (37). С. 74.
 36 Там же. № 2 (33). С. 90.
 37 *Валь Э.Г. фон.* Указ. соч. С. 88.
 38 Hoover Inst. Golovin Coll. Box 13. File: British Government. P. 1-10.
 39 ГАРФ. Ф. 200. Д. 288. Л. 35.
 40 Hoover Inst. Russia. Posolstvo (France). Box 301. Circulars 1919-20.
 41 АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1407, 1516.
 42 Hoover Inst. Heroys B.V. Coll. Box 1. File 1. P. 2.
 43 ГАРФ. Ф. 5936. Д. 393. Л. 17.
 44 АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 578.
 45 ГАРФ. Ф. 200. Д. 319. Л. 1.
 46 Hoover Inst. Heroys B.V. Coll. Box 1. File 1. P. 2.
 47 Ibidem. Golovin N.N. Coll. Box 13. File Brit. Gov. P. 34-40.
 48 Ibid. P. 28 об.
 49 АВПРИ. Ф. 190. Оп. 525. Д. 2541. Л. 1188.
 50 Hoover Inst. Heroys B.V. Coll. Box 1. File 2.
 51 Ibid. Russia. Missia (Norway). Box 10. File 10-11.
 52 АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3545. Л. 45 об.
 53 Ibid. Russia. Missia (Norway). Box 10. File 10-11.
 54 ГАРФ. Ф. 200. Д. 332. Л. 54-55. См. также: Исторический архив. 1960. № 6. С. 17-19 (телеграмма ошибочно приписана Угету).
 55 ГАРФ. Ф. 200. Д. 180. Л. 6.
 56 Исторический архив. 1961. № 6. С. 89.
 57 ГАРФ. Ф. 5936. Д. 11. Л. 14.
 58 Там же. Д. 156. Л. 4-6.
 59 Исторический архив. 1960. № 6. С. 27.
 60 Hoover Inst. Russia. Posolstvo (France). Box 1. File 1.15.
 61 Ibid. Box 11. File. 11.8.
 62 ГАРФ. Ф. 200. Д. 252. Л. 81.
 63 Hoover Inst. Russia. Posolstvo (France). Box 1. File 5.7.
 64 ГАРФ. Ф. 200. Д. 261. Л. 3.
 65 Hoover Inst. Heroys B.V. Box 2. File 6. P. 1.
 66 Ibid. Birs M.N. Box 43. File 43-8.
 67 Ibid. Heroys B.V. Box 2. File 7. P. 2.
 68 АВПРИ. Ф. 355. Д. 37. Л. 1-2.
 69 Hoover Inst. Heroys B.V. Box 2. File 7. P. 1.
 70 ГАРФ. Ф. 200. Д. 171. Л. 197.
 71 АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3545. Л. 30, 190 об.
 72 Hoover Inst. Russia. Posolstvo (France). Box 9. File 9.21.
 73 ГАРФ. Ф. 5936. Д. 107. Л. 3.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза А.А. 58, 60, 129
 Абаза А.М. 143
 Адлерберг А.В. 41, 43, 45
Авдеев В.А. 247
Айрапетов О.Р. 67, 117-120
 Александрович 295
 Александр II 7, 13, 19-20, 22, 24, 26, 29, 31, 35-41, 43, 45-47, 49-54, 57-60, 63, 65, 67, 72, 81, 83, 86, 92, 94, 118, 129
 Александр III 39, 41, 43, 47, 53, 58-63, 101, 104, 106-107, 109-112
 Александр Михайлович, в. кн. 135, 255, 283
 Алексеев М.В. 145, 295-298, 305, 307, 311-313, 316, 322-323, 262, 269, 284
Алексеев П.Д. 322
 Алексей Александрович, в. кн. 137, 143
Андреанов П.М. 323
Апальков Ю.В. 243-244
 Апухтин В.А. 252
 Арапетов И.П. 11, 19
 Ардов Т. 315
 Аставатацуров М.И. 242

 Базаров 332
Барбасов А.П. 79, 117-118
 Барк П.Л. 346
Барсуков Е.В. 284
Барсуков Н. 66
 Бартенов И. 20
 Барятинский А.И. 17-20, 22, 26, 34-35, 289
 Баттенбергский А., кн. 62, 104
 Бахметев Б.А. 349
 Безобразов 295
 Безобразов А.М. 143, 148, 167

 Бекер 349
 Беловенец П.И. 180
 Белосельская-Белозерская 128
Беляев Н.И. 118-120
Березовский Н.Ю. 243
 Бертело 340
Бескровный Л.Г. 118, 120
Бильдерлинг А.А. 117
 Бирилёв А.А. 176-177, 199-200
 Бисмарк О., кн. 37, 83, 97, 118, 120
 Бларамберг И.Ф. 16
 Богданович А.А. 118
 Боклевский К.П. 206
 Бонч-Бруевич М.Д. 247
 Бородкин М. 66
 Бострем И.Ф. 217
 Бриан А. 301
 Бригс 342
 Брандт А.Ф. 350
 Брусилов А.А. 4, 281, 284, 287-298, 301, 304-324
 Брусилов А.А. (сын) 289
 Брусилов А.Н. 289
 Брусилов Б.А. 289
 Брусилов Л.А. 289
 Брусилова-Желиховская Н.В. 290-294, 322-324
 Буадефр Р. 108-109, 112, 121, 273
 Бубнов И.Г. 220, 224
 Бубнов М.В. 225
 Бурим Л.Д. 243
Бушнелл Дж. 67-68, 249, 283

 Ваддингтон В. 97
 Валуев П.А. 30, 32, 34-35, 39, 41, 46, 52, 58, 67-68
Валентинов Н. 323

Валь Э.Г. фон 327-328, 355-356
Вальдерзее А. 112
Ванновский Б.П. 158
Ванновский П.С. 66, 72, 99, 125, 129, 134, 149
Васюков В.С. 324
Веселовский К.С. 11
Вешкурцев П.Ф. 207
Вильгельм I 37
Вильгельм II 106, 133, 220
Вильсон В. 349
Виноградов С.Е. 243-244
Вирениус А.А. 195
Витте А.Ю. 293
Витте С.Ю. 72, 117, 121-122, 127-129, 136-137, 139-146, 148, 159, 164-168, 173-175, 202, 225, 243, 293, 322
Владимир Александрович, в.кн. 47, 58, 165
Владимиров 347
Влангали А.Е. 62, 101, 104
Воеводский С.А. 183, 188, 202-203, 219, 221-225
Ворожейкин С.Н. 240
Воронов Е.П. 241
Врангель П.Н. 231
Вяземский П.А. 39

Гаврилов Б.И. 193
Гаврилов И.А. 210
Гагенмейстер А. Н. 289
Гагенмейстер Г.А. 289
Газенкамф М.А. 44, 67-68, 118-119, 260
Гейден Ф.Л. 86-87
Гейсман П.А. 71, 95, 118-120
Георг V 310, 323
Гермониус Э.К. 330, 334-338, 341, 344, 347-350, 354-355
Геруа Б.В. 343, 346-347, 351-352
Геруа В.В. 283
Гершельман Ф.К. 128, 165
Гизо Ф. 9
Гирс Н.К. 45, 61, 92, 108, 111-113, 119
Голиков А.Г. 287, 322
Головин А.В. 284, 329, 334, 341-348, 351
Головнин А.В. 17, 19, 30, 66
Горчаков А.М. 34, 38, 40-41, 43-44, 47, 49, 52, 54, 73, 80, 83, 85-86, 92, 101, 118
Гофман М. 287, 306-310, 316-317, 321-324
Грановский Т.Н. 12-13
Грейг С.А. 39
Григорович В.И. 193
Григорович И. К. 4, 193-196, 200, 202-206, 208, 212-214, 217, 220-222, 224-229, 231-244, 281
Гувер Г. 347
Гулькевич К.Н. 339, 347
Гурко В.И. 254
Гутор А.Е. 317, 324
Гучков А.И. 178, 241, 351

Даль В.И. 11
Данилов Ю.Н. 250, 258, 275-276, 283-284
Деникин А.И. 4, 247, 252, 256, 283, 327, 329, 332-336, 340-343, 347, 349-350, 352, 354
Дерби Э. 89
Десино 331-332
Джаншиев Гр. 7
Диков И.М. 177-179, 200, 202, 266
Дмитриев Н.И. 206
Добрев Х. 119
Добржанский 332
Долгоруков В.А. 13, 15
Домбровский А.В. 242
Домонтович 67
Дохтуров С.И. 46

Доценко В.Д. 243
Драгомиров М.И. 248
Дюшен С.П. 221, 225

Екатерина II 101
Елена Павловна, в.кн. 11
Емец В.А. 322
Ермолов Д.С. 332, 346, 352

Жанен 335
Желиховская В.П. 290
Жерве Ник. 66-67
Жилин А.П. 322, 324
Жомини А.Г. 61, 96
Жофр Ж. 307, 328

Заблоцкий-Десятовский А.П. 11
Зайончковский А.М. 109, 111, 120-121, 165, 284, 301, 322-323
Зайончковский П.А. 27, 31, 53, 66-68, 117-118, 120, 165
Залесский Н.А. 244
Захарова Л.Г. 7, 66-67
Зеленой А.П. 225
Зиссерман А.Л. 22
Золотарёв В.А. 119
Золотухин М.Ю. 120-121
Зырянов П.Н. 190

Иванов Н.И. 295
Игнатъев А.А. 331-333, 355
Игнатъев А.В. 166-167, 171, 324, 355
Игнатъев Н.П. 39, 41, 43-44, 47, 95, 116
Иессен К.П. 214
Извольский А.П. 173-175, 180, 190, 200-201, 266, 270
Инсарский В.А. 19

Кавелин К.Д. 11, 19
Кавтарадзе А.Г. 283, 322

Караиванов А. 119
Каракозов Д.В. 32, 59
Карамзин Н.М. 8
Карл (король Румынии) 329
Карцев А.Н. 46
Карцов Ю.С. 121
Кауфман К.П. 34, 37
Квещинский М.Ф. 295
Керенский А.Ф. 27, 66, 312, 314, 317, 320, 323-324
Керсновский А.А. 27, 66, 247
Кибер Э.Э. 239
Киняпина Н.С. 38, 67-68, 120
Киселёв П.Д. 8, 16, 91
Клаузевиц К. 300, 323
Клембовский В.Н. 295
Князев М.В. 225
Ковальский А.А. 215
Коковцов В.Н. 178-179, 185-188, 199, 233
Колпычев В.В. 206
Колчак А.В. 4, 180, 190, 197, 332-343, 346, 348-349, 352-354
Коновалов А.И. 346
Константин Константинович, в.кн. 128
Константин Николаевич, в.кн. 11, 15, 27, 39, 47, 58
Корнилов Л.Г. 317
Корнюшко В.А. 243
Корф М.А. 11
Костенко В.П. 236
Краевский А.А. 11
Кривошеин А.В. 270
Крыжановский П. 66
Крыжановский С.Е. 171
Крылов А.Н. 202, 209, 220, 228-229, 236, 242-244
Куломзин А.В. 67
Куниберги В. 197, 219
Куропаткин А.Н. 4, 116-117, 121, 125-132, 134-159, 161

Лабуле А. 108
Ламартин А. 9
Ламздорф В.Н. 113, 115, 117,
120-122, 139-141, 143-144,
146, 164, 166-168
Ланг 349
Ланге 211
Левицкий 119
Лемке М.К. 295, 322
Ливен А.А. 225, 227
Линевич П.Н. 165, 167
Лобанов-Ростовский А.Б. 61,
113
Лобко 47
Локкарт Б. 318
Лорис-Меликов М.Т. 57-60
Лукомский А.С. 247, 259,
283, 314, 355
Львов Г.Е. 312
Люттов И.С. 322

Маклаков В.А. 331-332, 334
Маниковский А.А. 67
Манфред А.З. 121
Маринович И. 46
Мария Александровна, им-
ператрица 39
Мартенс Ф.Ф. 92, 95
Меллер А.П. 211, 221
Мельников Р.М. 243
Меньшиков М. 252
Мещерский В.П. 39
Милютин А.М. 8
Милютин В.А. 8
Милютин Д.А. 7-41, 43-68,
71, 76-77, 79, 83-87, 92, 97,
100, 105, 116, 118-121, 149
Милютин Н.А. 8, 10-11, 19,
30, 35, 64
Милютина Е.Д. 8
Миллер Е.К. 333, 335, 343,
345, 356
Михаил Николаевич, в.кн.
165

Михайловский-Данилевс-
кий А.И. 12
Михеев 323
Муравьев М.Н. 137
Мышлаевский А.З. 185, 268,
270

Набоков К.Д. 342
Надеждин Н.И. 11
Налётов М.П. 226
Некрасов Н.А. 8
Нелидов А.И. 61, 92, 95, 115-
116

Нелипович С.Г. 322
Никитенко А.В. 17, 66
Николай Николаевич, в.кн.
(старший) 35, 44, 54, 248
Николай Николаевич, в.кн.
(младший) 178-179, 255,
257, 260, 267, 282

Николай I 12-13, 40, 63
Николай II 114-116, 125, 130,
133, 137-138, 143-144, 161,
163-165, 171, 176-178, 183-
184, 188-189, 196, 199-200,
202, 208, 213, 222-229, 233,
241, 258-260, 262, 268, 270,
275, 295-296, 298, 305, 307,
310, 323

Нобель Э.Л. 215
Новиков Е.П. 85
Новицкий В.Ф. 252-253
Нокс А. 334-335, 342
Носков А.М. 322

Обручев А.А. 71, 117, 121
Обручев А.Ф. 71
Обручев Н.Н. 4, 29, 37-38,
41-43, 47-48, 51, 53, 55, 62,
67, 71-87, 89-98, 100-122,
129, 131, 165, 257, 273

Павел I 12
Павичевич Б. 190

Палицин Ф.Ф. 257-259, 262-
269, 354
Панаев И.И. 11
Парский Д. 253-254
Пенков С. 119
Перетц Е.А. 68
Пётр I 9, 173, 182
Петров М.А. 120
Плеве В.К. 141, 143
Плотников М.С. 215
Победоносцев К.П. 59
Погодин М.П. 16, 66
Погуляев 353
Покровский М.Н. 127
Поливанов А.А. 117, 179,
261, 266
Поликарпов В.Д. 283
Половцов А.А. 67, 119, 121,
129
Понсе Н.М. 10
Поречкин Ф.Я. 207
Пороховщиков П.С. 350
Португальский Р.М. 322
Потапов А.Л. 39
Путилов А.И. 210
Пустовойтенко М.М. 295

Распутин Г.Е. 282
Ратник С.К. 199, 219
Редигер А.Ф. 125, 127, 178,
259-260, 262, 268, 284
Рейн И.П. 222
Рейтерн В.Г. 67
Рейтерн М.Х. 38, 41-43, 45-
49, 51-52, 54-55, 67-68, 85
Реутов Г.Н. 120
Рибер А. Дж. 67
Рид Э. 223
Ридигер Ф.В. 14
Римский-Корсаков М.Н. 180
Родзянко М.В. 172, 312
Романов Б.А. 166
Ростовцев Я.И. 10

Ростунов И.И. 120-121, 283-
284, 321-322, 324
Рузский Н.В. 280, 328
Румянцев П.А. 27
Рунов В.А. 322
Русин А.И. 197, 295
Рутыч Н.Н. 244
Рухлов С.В. 270
Рыбаченок И.С. 71, 119, 121-
122, 165-166
Рэдклиф 345

Сабуров П.А. 61, 93
Сазонов С.Д. 222, 341-347
Сахаров В.В. 131
Свечин А.А. 118
Семанов С.Н. 322
Сергей Михайлович, в.кн. 295
Сиверс Н.Н. 295
Сидоров А.Л. 190, 284, 322-
323
Сипягин Д.С. 139-140, 165-
166
Сказкин С.Д. 120
Скворцов Д.В. 206
Скобелев М.Д. 126, 128
Скуя 211
Смельский А.М. 92
Смирнов К.Н. 251
Соколов Б.Ф. 356
Соколов Ю.В. 322
Соколовский К.М. 211
Соловьёва А.М. 77, 118-119
Степанов В.Л. 121
Стессель А.М. 251-252
Стиль 341, 345
Столетов Н.Г. 94
Столыпин П.А. 4, 171-190,
201-202, 206, 222-223, 254,
260, 262, 266, 283
Стремоухов П.Н. 39
Строков А.А. 118, 284
Субботин Ю.Ф. 125
Суворин А.А. 251

Суворов А.В. 12
Сухозанет Н.О. 15, 22-23
Сухомлинов В.А. 4, 185, 188,
247-248, 250-251, 254, 259-
260, 267-270, 273, 275,
277-284

Татищев С.С. 39, 67
Терещенко М.И. 314
Тимашев А.Е. 34, 38, 47, 52
Тимашев С.И. 188
Тимашев С. М. 270
Титов Н.Е. 207
Торнау П.Е. 16
Того Х. 198
Толстой Д.А. 30, 35
Тыртов П.П. 142
Тьер А. 9
Тюрин Б.П. 243

Угет 349

Фадеев Р.А. 34
Феокистов Е.М. 31, 67
Фёдоров П.А. 195
Фок А.В. 251
Фош Ф. 328, 340-341

Харитонов П.А. 270
Хвостов В.М. 118, 120-122, 322
Холланд Д. 224
Хор С. 341, 345-346
Христианин Г.Г. 63
Хрулёв С.А. 16

Цветков И.Ф. 243
Цизе К. 214
Цион И. 96

Чарыков Н.В. 92
Черниговский П.Е. 206
Чернов С.Л. 120
Черчилль У. 336, 345-346,
348, 351-352
Чичерин Б.Н. 64

Шамиль 17-18
Шаццло К.Ф. 190, 234, 243-
244, 283-284
Шварц А.Б. 283
Шварц А.И. 253, 270
Шепетов 295
Шлифен А. 273
Шмелёв А.В. 190, 327
Шнеур Н.К. 253
Шпаро О.Б. 120
Шуваев Д.С. 295
Шувалов П.А. 32, 34-37, 67,
92
Шульгин В.В. 172, 190

Щеглов А.Н. 196, 200, 222
Щербачёв Д.Г. 4, 327-329,
331-340, 342-344, 346-349,
354-355

Эберггард А.А. 183, 203, 225
Эверт А.Е. 262, 295-296, 309
Эклоф Б. 67
Эссен Н.О. 196, 204

Юденич Н.Н. 331-332, 334-
336, 338, 340-348, 350-352

Яковлев И.И. 243
Яковлев Н.М. 225
Яхонтов Р.Н. 290

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>Захарова Л.Г.</i> Д.А.Милютин: военный министр и реформатор. «Все наше государственное устройство требует коренной реформы снизу доверху»	5
<i>Рыбаченок И.С.</i> Н.Н.Обручев о геополитических интересах России. «Первая наша забота – стоять твердо в Европе»	69
<i>Субботин Ю.Ф.</i> А.Н.Куропаткин и Дальневосточный конфликт. «Дела на Дальнем Востоке могут привести нас к конфликту с Японией»	123
<i>Игнатъев А.В.</i> П.А.Столыпин и воссоздание военно-морского флота после русско-японской войны. «Флот – атрибут великой державы»	169
<i>Гаврилов Б.И.</i> И.К.Григорович и Большая морская программа. «Лишь бы все для флота было хорошо и быстро сделано»	191
<i>Авдеев В.А.</i> В.А.Сухомлинов и военные реформы 1905-1912 годов. «Добиться создания русской армии, равносильной германской»	245
<i>Голиков А.Г.</i> А.А.Брусилов и военно-дипломатическое обеспечение наступлений русской армии в 1916 и 1917 годах. «Мира не может быть пока не разгромим немца»	285
<i>Шмелев А.В.</i> Миссия генерала Д.Г.Щербачева и проблема снабжения белых армий союзниками. «Твердо настаивать на оказании союзниками помощи»	325
Указатель имен	357

Компьютерный набор:

Т.Ю.Рогачевой

Компьютерная верстка:

Л.П.Андриановой

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 26.06.03. Формат 60x84/16. Заказ № 28
Тираж 300 экз. 22,75 п.л. 18,34 уч.-издл.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

